

**Виктор
Дрожин**

Дедов оберег

2017

Annotation

В этом тексте используются реальные события и все технические характеристики, лишь как основа. Достоверными данными о начале войны оперируют военно-исторические порталы. У Г.Г. карабин с шестью патронами выдумка автора, как напоминание что это фантастика, всё остальное оружие соответствует реальности.

Дрожин Виктор Иванович

Дедов оберег

Умирая, ошибаетесь, думая что это насовсем.

Станиславская область (стала называться Ивано-Франковская после 9 ноября 1962 года), 28 июня 1941 год. Санька Матвеев лёжа в яме, из под корней поваленной бурей ели, плакал от боли. В левой ноге горели огнём две сквозные дыры, напоминая о посещении хутора местных жителей.

— Напился называется водички... — ругал себя и свою детскую наивность молодой парень.

Первый день, начавшейся войны, провёл сидя в полуторке, развозящей муку по пограничным заставам. Спорить с распоряжением всеильного НКВД, по оказанию помощи в снабжении пограничных застав, не хотел ни кто. Да и с соседями надо поддерживать хорошие отношения, решило армейское командование.

Сидя рядом с Гришкой в кабине, держал карабин между ног и не мог поверить своим глазам. Самолеты, которые видел до этого момента лишь пару раз, длинными колоннами летели? с запада и своим звуком напоминали гудящих шмелей. Смотрел, по наивности не осознавая всю опасность, гуляющей над головой, с детским восхищением воскликнул. — Гриша, ты гляди, сколько самолётов!

А усталый водитель и не смотрел на небо, думая о том что обнаглевший начпродсклада послал его в ночь, с этим зелёным ещё бойцом, доставить к четырем часам муку на заставу. И все из-за того, что в пятницу двадцатого июня, припёрся от своей крали на службу поддатым и похмелялся с летёхой до обеда. А теперь приходится сидеть целые сутки за баранкой, развозя продукты по границе. Ещё слышал что недобитки буржуйской шляхты нападают на одиночные машины, потому и Матвеева с ним послали, а тот вместо того чтобы за дорогой следить, на небо пялиться с открытым ртом, самолётов что-ли не видел, дурак. А про то, что и пальнуть могут из кустов, вообще не думает. Ну ни чего, сейчас вернёмся в часть, доложусь что груз доставлен точно к трём утра, повар-старшина сияет счастливый, как новый пятак, может испечь хлеб к воскресному обеду. Хотя и его понять можно, два дня сухари пришлось грызть его бойцам, вместо мягкой, ароматной горбушки. Ну ничего, сейчас все довольны, кроме него, ну ничего, ещё не много и приедем домой, в родную часть. Только что-то гроыхает позади, из района заставы, у них чего, учения какие-то начались? Странно... — подумал водитель, обычно? о том Гриша узнавал заранее, — хотя кто его знает.

Полуторка пылила по пустынному просёлку, оставляя за собой километр за километром, удаляясь от границы. Выпавшая роса поблёскивала бриллиантами на траве, росшей вдоль дороги, сверкала под лучами восходящего солнца.

Объезжая колдобины водитель думал о происходящем, иногда бросая взгляд на своего спутника, — Жаркое лето будет судя по всему, небо без единого облачка. Вон этот салага высунул голову наружу, не привык к такому в своей Чите, там у них может и снег под кустами лежит. Хорошо что сейчас сидит тихо, устал бедняга видно от поездки, с

непривычки. А то все время тарыхтел балабол, о своем детдоме, о том что он первый из всех был принят в комсомол, о том что ещё не решил куда податься после армии. И пока мешки с мукой разгружали пограничники не замолкал, всем поведал какая хорошая и пригожая, ждёт его красивого из армии. Думаю что врал, молокосос этот Матвеев ещё. Хотя если честно, от его трёпа польза есть, не возможно заснуть за рулем. А глаза уже слипаются, не помогает крепкий чай выпрошенный на кухне. Час осталось трястись до части, машину загнать в гараж, накладные дежурному и в люлю, давить подушку не глядя на часы. Начальство в части по воскресеньям нет, высплусь до обеда, поем и до вечера в самоволку.

Размышления водителя, обшарпанного ГАЗ-АА, прервал снаряд, угодивший в радиатор грузовика.

Юнкеры 87 летели назад, домой, после успешной бомбёжки аэродрома советов, оставив за собой пылающие на земле остатки истребителей противника, стоявших ровными рядами, как на выставке. Ни малейшего намёка на существование ПВО аэродрома большевиков, ни маскировки, чёткие, контрастные и лёгкие цели. Воодушевления пилотов было полным, не боевой вылет, а как будто учения, бомбы ложились в цели, с снайперской точностью, а вот для истребителей прикрытия поживы не осталось.

Такой скучный и досадный вылет они уже давно не помнили, почти как в Франции. Боезапас почти не тронут, небо на удивление? чистое, русские словно парализованные внезапным ударом Вермахта. И тогда почему бы не развлечься немного, тем более что командование одобрительно смотрит на это, на бреющем, по проезжающим машинам, телегам, домам всего одна, две очереди, казалось бы ерунда, но для внесения общей неразберихи довольно и этого. Дополнительный хаос облегчит доблесным солдатам Вермахта разгром большевиков. Надо только получить разрешение у командира, хотя он свой парень, не откажет. Подопечные в полной безопасности, волноваться не надо, русские сейчас заняты подсчётом потерь.

Мессершмит 109 ведущего как на зло промазал, зато его ведомый Юрген не подвёл, положил снаряды точно в лоб того рындвана, неспешно ползущего по грунтовой дороге. Смотреть на результат некогда, надо догонять своих комарадов, ещё будет достаточно возможностей для такой охоты.

Из перевёрнутого на левый бок грузовика, с большим трудом выбрался, пришедший в себя спустя час, рядовой боец Красной Армии Матвеев Александр, а по батюшке Владимирович, так в детдоме решили, по Ленину, в духе того, что происходило в двадцатых годах. В подраной, окровавленный гимнастерке, галифе в моторном масле, пилотка хрен знает где.

— Мой карабин! Где мой карабин? Старшина сгноит меня в нарядах! -запаниковал парень. Заглянув сквозь разбитое лобовое стекло застыл, не веря своим глазам. Гриша, водила, уставился на него, неподвижный, побелевший как снег, с торчащим из его груди куском какого-то железа. Из последних сил попытался сказать что-то, но увы, вместо слов из рта потекла по щеке алая струйка крови. И в этот момент Санька понял, что он сам, сам, его друга больше нет, одиночество опять тут. как когда то в детстве, мамка в лесу умерла оставив его самого.

Успела убежать из села, когда внезапно налетела большая банда, состоящая из недобитков-белогвардейцев, кочующая по целом южном Уралу, обходя засады красноармейцев стороной. Не удалось гадам уйти на юг, через степи, в Китай, да ещё последние пять лет, после гражданской, сократилась банда, в постоянных стычках с

местными. И теперь добрались до его села, озверевшие, от попытки жителей оказать какое-то сопротивление, шашками рубили всех подряд, экономя патроны. А маманя успела его спасти, и когда уже скрылись в густых кустах, выпущенная в след пуля попала ей в спину. Из последних сил довела его до спасительного оврага, там бездыханная упала на грешную землю. А зарёванный, шестилетний парнишка, не понимая что происходит, теребил её рукав долго, долго- Мам вставай! Простудишься, ну Мама! Ты чего! Вставай!...

Алый цвет ручейка крови завораживал взгляд, стекаясь в маленькую лужицу, на осколках стекла, вылетевших из водительской двери. И вызывали неприятный поток воспоминаний, вот он тормозит ситцевый рукав мамы, дед Артем, местный пасечник, размашисто креститься рядом. Потом идет за телом мамы, лежащим в волокуше, мозолистые руки деда держат его собранные впопыхах вещи на пепелище дома, похороны жертв, в наполовину сгоревшей селе и разрывающие сердце причитания выживших. Год счастливый и мирный, проведённый в землянке, на пасеке, как минута, после горсть земли в руке, которая падает на гроб принявшего одинокого мальчишку деда, единственное что от него осталось бирюзовый камушек вплетённый в кожаный ремешок. И Пермь, сперва казавшиеся невероятно огромным городом, скитаний с безпризорниками, милиционер ведущий его в детдом, запах кислых щей и кусок? чёрного хлеба, ощущение сытости, впервые за последние полгода. ФЗУ, работа в железнодорожной мастерской и каморка на чердаке, единственное что с его зарплатой можно было позволить. Март сорок первого, покаяние кальсонов выданных старшиной, присяга. Калейдоскоп событий секундой пролетел перед ним, осталось только постоянное ощущение полного одиночества.

Придя в себя, с большим трудом вытащил карабин, сквозь разбитое лобовое стекло, стараясь не дотронуться мертвого Гриши, не в силах поверить в происходящее. — Да как же так, ведь совсем недавно он жаловался, на столько раз пробитое колесо, почти лысую резину, на хитрожопого старшину со склада ГСМ. Как же могло такое случится, пролетающие на низкой высоте, два самолёта открыли по ним огонь, и полетели спокойно дальше. Вон, позади грузовика, на обочине, небольшие воронки от разорвавшихся снарядов. Получается что стреляли оба, это уже не случайность, помутнение ума пилотов. Ничего не понятно, не возможно поверить, они все сошли с ума! — отчаянно пытался разобраться в происходящем растерянный парень. Саня ещё не понимал, что началась страшная война, что должен благодарить халтурщика чеха, по его вине взрыватель, того единственного снаряда, попавшего в грузовик, не сработал. Что было настоящим чудом, качество чешских снарядов было лучше чем немецких, старательно работали на новых хозяев, не забывая голову идеями о малейшем сопротивлении. Как настоящие роботы, радуя своей прилежностью немцев, снабжая убийственным металлом Германию.

Но этого было достаточно для мотора старенького Газона, стальная болванка разорвала его легко, осколки от чугунного блока веером прошли по водителю, а самый крупный зарылся точно по центру груди.

— Нельзя ничего трогать, скоро приедет милиция, они быстро разберутся во всём. Точно помню, когда год назад, в Перьми, пьяный машинист убил в драке своего соседа, милиция запретила что либо трогать, пока следственная группа не приедет. Да, точно, сейчас приедут, надо только обождать, какая же сегодня жарница, присяду вон там, под деревом, в тени. Что это так гроыхает, чистое небо, не облачка, ничего не понятно... — бормотал тихо, перескакивая с одного на другое, поглядывая на горизонт.

Сидя под деревом, смотрел на перевёрнутый грузовик, положив рядом с собой, в густую

траву, карабин, пытался опять объяснить себе происшедшее и не находил ответа, — Такого просто не может быть! — Терзаемый мыслями и усталостью, от бессонной ночи, сам не заметил как задремал. Пролетевший немецкий передовой дозор, из трех мотоциклов, своим звуком не успел? его разбудить, лишь когда, лязгая гусеницами, угловатый Т-2 остановился на минуту, возле лежащего на боку газона и когда её командир разглядывал мертвого Гришку, он открыл глаза и замер от испуга. Танк, выпустив серое облако дыма, двинулся дальше, а позади него три гробообразных полугусеничных бронетранспортера, с весёлыми, охмелевшими от безнаказанности солдатами. Такое хорошее начало войны, погранзастава взята походя, прошились просто, как на курорте, добывая штыками тех кому удалось выжить после удара стопяти миллиметровок. Небольшая казарма рассыпалась как картонный домик а конюшни с пристройкой запылали, после первого попадания снаряда. Похоже что там было что-то легко воспламеняемое, может бочка с керосином или бензином, кто может понять этих русских. Лишь в двух местах налетели на хорошо замаскированные пулемётные точки. Могли быть и жертвы среди солдат, ситуацию спасла неопытность красноармейцев, слишком рано открыли огонь. Прошедшие горнило Франции, опытные воины скрылись из-за брони, приданная для усиления двойка, своим автоматическим орудием разнесла новенькие максимы, превратив в трудно-узнаваемые кучи металла. Путь дальше, до ближайшего села был свободен. Ну а там уже легче, почти половина жителей, по данным разведки, лояльна Германии, достоверность гарантирована по линии католической церкви. А с другой половиной жителей Вермахт в состоянии и сам разобраться, кого сразу к стенке, кого и определить для выполнения работ по приведению этого чёртового просёлка в божеский вид, колдобина на колдобине, ужас, как тут они передвигаются? А в это же время пулемётчик второго бронетранспортера поучал молодое пополнение.

— Ханс ты давеча рассказывал о своей Баварии, как вы в состоянии выпить пива бочку и не быть пьяными?. Ну так знай, я тебе полностью верю, ещё надо добавить и наблюдательность у вас развита отличная. Но вот думаете вы там пузом, судя по тебе.

Сидящие рядом солдаты хорошо знали вьедливую натуру Гюнтера и в предвкушении замолчали, ожидая что последует дальше.

— Ханс, ты так здорово умеешь орать, словно вырос в горах, я чуть не оглохнул от твоего крика. Большевик! Большевик! Там под деревом большевик! Ну и чего так орать, спрашивается? Ты что, думаешь я его не увидел? Так спешу обрадовать тебя мой друг, я его снял ещё когда мы проезжали воон тот поворот. А ты в то время копался в носу, надеюсь нашел что-то стоящее? А теперь включи свои мозги, хотя бы на кратко. Грузовик видишь? — с озабоченным видом разглядывая салагу, спросил старый пройдоха.

Тот, ещё не понимая что попался и сейчас последует очередная порция философии, бодро рапортовал, — Да, Гюнтер он мог перевозить большую группу большевиков!

Снисходительно посмотрел на в салагу опытный, но ленивый солдат, начал делиться своей мудростью;- Ребята смотрите на это чудо, грузовик для перевозки людей во всех, я специально на то обращаю ваше внимание, во всех армиях оборудуются лавками! А что здесь? Развалюха для доставки груза, где единственное место для людей это кабина, там и для двоих маловато будет места. Думаем головой дальше, если конечно вам это удастся, водитель внутри мертвый, это первый номер а тот под деревом второй. Продолжим работу головой, что иногда очень полезно, тот под? деревом сидит всё время неподвижно, в окровавленном и порванном обмундировании, оружия у него нет, на шум издаваемый танком не реагирует. Из этого делаем салаги следующий вывод, второй номер здох,

отправился в свой коммунистический рай, а может и ад, мне абсолютно без разницы. Судя по всему, всё что видим работа передового дозора, что поделаться, нам будет скучно, пока развлекаются наши ребята. А стрелять по этому мертвецу, значит не нужный расход боеприпасов, внеочередная чистка ствола. — с важным видом закончил хитрый лис, найдя великолепное оправдание своей лени.

— Гюнтер да ты гений! Тебе в пору работать в криминалистике!

— Знаю, знаю. Учись Ханс, пока ты со мной, голова нужна не только для транспортировки каски, думать действительно иногда полезно, так сам себе не создаёшь проблем и лишней работы.

Смех в бронированной утробе не стихал ещё долго, долго, пока колонна не скрылась совсем из виду, двигаясь по дороге огибающей небольшую рощицу.

Матвеев парализованный увиденным бормотал себе под нос, — Гриши больше нет, нету? его, так и не запомнил, что я из Перьми, не из Читы. Так и умер, а я же Пермский.

Бормотал повторяя снова и снова о том откуда он, словно мантру, стараясь задавить в себе то ощущение животного страха, возникшего когда увидел направленное в него дуло немецкого пулемета. Липкое, отвратительное, гадкое до жути, захватывающие всё тело. В первые в жизни посетившие его, как будто упал в яму полную вонючего навоза, окунувшись с головой. Как же сейчас стыдно за это, за чувство грязи на душе, стыдно до горечи во рту. И ещё в добавок рой мух, зеленоватых, над кабиной опрокинутого грузовика.

— Там же Гриша, паскуды, слетелись к мёртвому телу, надо его похоронить, не гоже оставлять его там.

Пришло осознание того что это все не приграничный конфликт, слишком вольготно вели себя немцы, это война, и хоронить друга кроме него больше не кому, заставило подняться. Он тут сам, ждать и надеяться не на кого. Медленно подойдя к газону, постоянно озираясь по сторонам, занялся поиском лопаты. Помнил что где-то здесь была, привязанная из под кузова куском резины от старой камеры колеса. Предусмотрительность водителя с большим стажем работы. Резина, притягивая черенок лопаты не позволяла той выпасть, дребезжать в долгих поездках по просёлочным дорогам.

Спустя час, осторожно? опустил, ещё не до конца окоченевшее тело в вырытую наспех могилу, покрыл его куском брезента, найденного в кузове. И вот вырос холмик под кроной берёзы, две безжалостно выломанные доски из грузовика туго связанные толстой проводкой, надпись вырезанная ножом. — Григорий Ермолов, 1917–1941, и рядом пятиконечная звезда. Закинув на спину свой карабин, стоял возле креста у изголовья могилы, в мокрой от зноя гимнастёрке. Стоял прощаясь со своим товарищем, с мирной, обыденной жизнью.

Пол часа спустя шагал вдоль дороги, на восток, под жаркими, обжигающими лучами солнца.

Мучаясь от жажды Саня начал разговаривать сам с собой, стараясь забыть свой недавний страх — самое поганое так эта фляга стеклянная, треснула зараза, когда перевернулся грузовик. И какой дурак подписал приёмку этого в комплект бойца, интилихент или вредитель какой то, что если подумать почти одно и то же. А теперь от жажды дурею, в горле состояние словно песка насыпали. Тут вблизи, где то через километров пять, хутор возле дороги, вчера покойный Гришка там водой разжился. Радиатор пришлось пополнять, ещё говорил что от тряски где-то шланг помало пропускает. Да люди там приветливые, угостили пирожком с картошкой и молодым луком. Ну вот, нахрена вспомнил о еде, в животе кишки арию волками завывать начали. Даст бог, попробую

намекнуть хозяйке что поесть было бы неплохо. Как старшина на складе, мол дайте воды пожалуйста напиться а то такой голодный что и переночевать не где. Шутки шутками но с дороги надо убраться, по кромке леса безопаснее, если появятся немцы успею спрятаться. С моими двадцатью патронами не повоюю долго, минуты две и готов. Проблема, где бы разжиться сотней другой, сердце бы успокоилось.

Так в раздумьях о том, о сём пробирался через густые кусты, останавливаясь каждые пять минут, внимательно слушая, не едет кто. Желание нарваться на колонну наступающих немцев не было и в помине. И для тех пяти километров, раньше полтора часа неспешной хотьбы было достаточно, теперь же превратились в два с половиной часа. А ещё приблизившись к хутора остановился, осматривая хозяйство издалека, кто его знает что там творится. Добрых десять минут смотрел он сквозь густую листву, — чудно, кроме старой хозяйки ни кого там нет. Где же её взрослый сын с женой? Да и подводы, стоящей раньше возле сарая, не видать. Ой блин, как в животе бурчит, последний раз ел вчера, когда обедали на одной погранзаставе, пока бойцы выгружали газон, а тот стакан чая в пол третьего ночи, и то без сахара не считается. Ну была не была, харчами может и не разживусь, зато там воды можно вдоволь напиться. Да и кроме старухи и кабыздоха привязанного цепью к будке нет ни кого...

Поправив ремень карабина, натёрший плечо, вышел на дорогу, ведущую к воротам.

— Эй, бабушка! День добрый! — поздоровался с хозяйкой хутора.

— И тебе внучёк добрый, что опять как вчера, вода вытекла из тарахтайки твоей. А тебя, как молодого послали опять, а где же ведро?

— Да нет, сегодня я сам, а вот воды действительно мне надо. Плохие у меня вести, даже не знаю как тебе бабуля объяснить.

— Чего, соль небось опять подорожала? Или ещё что-то? — с озабоченным взглядом уставилась старуха на Саню.

— Не, хуже во сто крат, война началась, с немцем, уже и мой напарник Гриша, водитель который, погиб. Обстреляли нас самолёты, пока ехали домой, потом ещё и танки колонной мимо меня прошли. Ржут как кони, гады, все мордатые, сытые, наглые до жути. Прут как на параде.

— Ой беда, ой беда, а где же армия, пограничники наши то где. Застава же почти на самой границе стоит, у дороги. Как так, пропустили немчуру? — запричитала хозяйка, опустив голову вниз, что-бы скрыть от красноармейца злорадную ухмылку.

Но тот, занятый идеей как лучше намекнуть старухе о своем голоде, того и не заметил.

— Думаю что нет больше той заставы, мы пред самое утро возвращались, где-то после трёх часов, как отъехали километров на пятнадцать, слышали как сильно грохотало в той стороне. Сперва думали учения какие-то, а потом, когда самолёты стрельнули по нам, перевернулись и не до раздумий было. Я Гришу там вблизи, возле берёзки с левой стороны дороги и похоронил. А после уже пешком сюда пробирался.

Старуха на секунду задумалась и с озабоченным видом спросила Саню, — Слухай, внучёк ты голодный небось, ты водички попей пока, а я чего на скорую руку соберу.

Обрадованный, возможностью успокоить бурчащий желудок, не и обратил внимания на изменение в поведении старухи, от былой угодливости почти ничего не осталось;-вот спасибо хозяйюшка, со вчерашнего дня ничего не ел, а в горле больше пыли чем на сапогах.

— Ну так и заодно мне поможешь, воды надо для скотины, корове, кормилице моей налить, козам, свиням, жарко и ним. Мои то все в село к родне уехали, да и прикупить чего

хотели, а я старая на хозяйстве сама осталась. — жаловалась на жизнь хозяйка хутора, пока накрывала стол.

О том, что колонна немцев направилась как раз в том направлении, услышав последние слова старухи, Саня решил не говорить, авось принесёт, да и гражданских вроде как на войне не трогают. Чего сейчас портить эти минуты мира, когда ещё такое выпадет в дальнейшем.

Сперва напившись от души, на скорую руку сполоснул, в стоящем возле колодца корыте, пропитаную потом гимнастёрку и повесив на ограду сушиться, принялся носить воду в сарай. Когда уже тащил последнее ведро его окликнула хозяйка.

— Эй, внучёк, хватит скотине той воды и до завтра, садись, перекуси, молодая картошка, лучёк, вот и сала мало осталось, зимой пришлось свинью заколоть, зараза ногу поломала. Хлеба бери, свежий, вчера пекла, а вот и самогоночки, для нервов первое лехарство. И я рюмочку за компанию, любила я по молодости это дело.

После одной последовала другая, пережитое парнем за этот день начало понемногу отпускать. Старуха поткладывала ему в тарелку горячую картошку, одну за другой. И когда увидела что тот полностью расслабился заговорила, внимательно следя за ним.

— И хде ж ты после собираешься идти, вона товарища уж схоронил, немец солдат серьёзный, прогонит большевиков, как есть прогонит, до Урала. А может и дальше, сильный немец солдат, бесполезно бодаться с ним, так и ты бросай ружжо своё, переоденешся в гражданское и живи припеваючи. Рано тебе внучёк ещё умирать, молодой ты щё, зелёный, жизни и не видел;- и не увидев на лице Сани никакого возмущения спокойно продолжила, — А можно думаю хорошо устроиться под немчурой, если добровольно на службу явиться. Прошлую неделю была в костёле, так после службы наш ксендз рассказывал како было в Польше. Тот из молодых поляков, кто добровольно сложил оружие, позвали в полицию, за порядком следить. А это очень внучёк очень хлебная должность завсегда була, так и ты время зазря не теряй. Поешь, отоспись и дожидайся немца. Ещё слыхала хформу хорошую все полицаи поляки получили, наверняка и тут так будет. А тебе новаю хворму обязательно дадут, да ещё сапоги у жида какого-то отберёшь и готово, все девки твои. Чего тебе терять то, вчера говорил что детдомовский, терять тябе вообще нема шо, сам см на белом свету. Запануеш, будешь в округе царь и бог, тока немчура над тобой и усё. А как должности дограбишь ты уж, меня не забудь.

На минуту старуха взяла паузу что-бы опрокинуть в себя стопочку мутного самогона, занюхала горбушкой хлеба как опытный алкоголик. Восприняв Санино молчание как одобрение и согласие продолжила.

— Як щё трохи покумекаты у сягоднешнем тренутку, пока немчура порядок наводит будет, можемо добро зарадити. Тут километра осим у одну сторону хутор Кшиштовских, шляхта бисова, контробанхдисты. Потрясти чуткы, воны з жидамы шурувалы, запамьятай дитятко, де жид тамо и злато а оно завсегда на цене, разбогатеешь. А немцу кажи що на том хуторе комуняры ховалыся:- с добродушной улыбкой на лице закончила старуха, хотя ледяным, жестоким взглядом была в состоянии заморозить воду в самую жаркую погоду.

От всех кровожадных планов старухи у молодого, немного наивного парня появилось желание смыться как можно дальше и побыстрее. Оглянувшись и видя что мокрая гимнастёрка немного подсохла, обдуваемая жарким, сухим, летним ветерком, решил уходить. И что-бы не влезть в споры с пьяной хозяйкой, которая судя по всему выжила из ума, придумал как выкрутиться.

— Я со своими двадцатью патронами много не навоюю, там у тех Кшиштовских может

и оружие есть, не убегут со своего хутора, пока смогаюсь до казарм погранзаставы. Там наверняка разживусь всем что надо. А потом уже как вернусь хозяйка будем строить планы по поводу шляхты. — ответил он, довольный, как удачно придумал отговорку что-бы не влезать в конфликт с хозяйкой.

Поднявшись из-за стола и взяв в руку стоящий рядом карабин пошел собираться к ограде, там на земле, рядом с висящей гимнастёркой лежал ремень и сидор с его вещами. Одеваясь, повернулся спиной к подозрительно наблюдавший за ним старухе, и моментально поплатился за свою неосторожность.

Хотя и годы взяли своё, держать в своих руках вилы бабка была в состоянии. И теперь четыре острых, стальных жала летели в спину, но траектория движения была ошибочная, оступилась хозяйка, тому виной была неглубокая ямка недавно вырытая кабыздохом. Но всё-таки, даже оступившись, загнала два жала из четырех в бедро гостя. А тот ошалев от внезапной боли, стремился заблокировать следующий удар. Не глядя, ухватившись за ствол карабина ударил ним как дубиной, стремясь попасть по рукам старухи, несущим ему смерть. Но тут вмешалась боль в ноге, изменилось всё в мгновенье ока. Тяжёлый карабин вылетел из рук и углом, оббитым металлом, со всей силой ударил пьяную старуху в висок. А в Серёгиной голове и дальше отзванивали её последние слова.

— Сдохни кляти москаль! Сдохни!

— Приплыл, убил старую ведьму, только этого мне для полного счастья не хватало. Надо срочно сматываться отсюда, пока кто-то не появился. — хладнокровно размышлял парень, пораженный такой ненавистью и злобой.

Мёртвая старуха лежала на спине, высохшая, от жары, земля жадно впитывала кровь, стекающую из разбитого прикладом виска, захлёбываясь от лая пёс пытался порвать цепь. Карабин спасший своего хозяина, мирно лежал в траве а тот стоял, наклонившись на ограду, от шока не обращая внимания на росшее кровавое пятно на галифе. Спустя минуту боль в ноге напомнила о себе, прервав оцепенение. И опять вовремя, вдали послышался звук мотоциклов, хорошо понимая что кроме немцев тут никто не будет разьежаеть, бросился лихорадочно собирать со стола еду. Не забыв и бутылку с самогоном, карабин в руки и используя сарай как заклон, похромал к спасительному сумраку леса. Торопился, уходя как можно дальше, скорее убраться из того чёртова логова здуревшей карги, да вместо этой мужик какой, то за такие слова, Саня не раздумывая засветил тому бы в ухо.

— Это же надо, дуру старую освободили от гнёта польских панов, живи не хочу в своё удовольствием и всё мало, мало. Та шляхта же местных вообще за людей не считала, быдлом тупым называла. Слышал что и в город, не на всякую улицу пускали, штрафы, побои, унижение, ограничения всякие. Это видать было то что западенци любили. Так как в тех, что освободили от шляхты, из кустов в спины стрелять начали. Как подумаю, то выходит что с местными надо вести себя как пшеки, а то подлости и ненависти во всех западенцах на жителей десяти стран хватит, с ними по другому никак. Как только начали к ним, как к равным относится, попёрла вся гадость наружу, гонору больше чем у поляков. По всем получается что пшеки были правы. И я тоже хорош, сидел и жрал, голодный, всё подряд что на стол выставила, да в лёгкую траванула бы меня и готово. Ой блин, как нога болит, надо сделать привал, промыть раны самогоном, хрен его знает, что вилами теми копала. Как бы не загноилась нога, горит то как, спасу нет. О вон ель поваленная, удобное место, хрен кто меня тут найдёт. Еды, если растянуть, на пару дней довольно, а с водой опять в полете, вот невезуха.

Морщась от боли, принялся стаскивать сперва сапоги а затем и галифе с кальсонами вместе.

— Надеюсь что своим голым задом не распугаю птичек-сестричек. — взглянул вверх Матвеев.

Две сковзные дыры в ноге скрывала засохшая кровь, на первый взгляд они выглядели отвратительно. Покопавшись в котомке, вытащил наружу, чудом пережившую путь, бутылку мутного самогона. Обрадовался, вспомнив о чистых портянках, лежащих на дне Сидора;-похожу и в старых, воняют конечно, но хрен с этим. зато новые послужат вместо бинтов. — Оторвал от одной, которая выглядела почище, длинный кусок, намочил его в сомнительного качества алкоголем и принялся чистить раны, пока что воспаления не было. Видать очень плотная ткань галифе задержала всю грязь на себе, но на всякий случай Санька взяв толстую ветку в зубы, что-бы не заорать от боли, принялся стискивать бедро, стараясь вызвать обильное кровотечение. Он надеялся что вместе с кровью из дыр выйдет все что может воспалить раны. Слезы ручьем потекли по щекам от боли, а он всё сильнее стискивал.

— Слезы высохнут, эту боль надо перетерпеть, госпиталь мне не светит, надеюсь что хоть это поможет. — успокаивал сам себя.

Спустя несколько минут вытер насухо кожу от крови, залепил раны чистыми листьями подорожника. Глотнув для успокоения из бутылки, ведь не зря тот жмот, старшина, повторял всегда, что лекарство надо и снаружи применять и внутрь. Поверх, не очень плотной повязкой, легли лоскуты портянки, на всякий случай репетировал карабин и забился поглубже под корень ели, покрыв голый зад своим окровавленным галифе, погрузился в глубокий сон. Спал и не ведал, в тот момент, когда успел удалиться от хутора на пол километра, патрульная группа немцев на трёх мотоциклах остановилась возле ворот хутора. Разглядывая мёртвую старуху, не обнаружив огнестрельных ран, решили что произошел несчастный случай. И так как никакой опасности не обнаружили, занялись мародерством.

Хотя и погода в начале июня была очень жаркой, сон в лесу, на ворохе прошлогодней листвы не очень умная идея. Саня от свежести раннего утра свернулся во сне в клубок, пытаясь сохранить тепло. Так бы спал дальше, накопилось усталости за два последних дня, но упавшая точно на голову маленькая ветка разбудила его. А виновником? оказалась любопытная белка, привлечённая необычными запахами. Да и в корнях поваленной ели были спрятаны её такие вкусные орехи. Пробуя обойти необычную, сопящую и воняющую на пол леса преграду, лапкой обломил сухую, старую ветку. Вдобавок труха посыпалась на лицо спящего. Последовавший громкий чих напугал до жути, рыжую, с большим, пушистым хвостом, трудолюбивую кладовщицу. Недовольно пискнув, поспешила убраться подальше от непонятно откуда появившиеся вонючуки.

Зевая как лошадь, постоялец лесной гостиницы в яме, под корнями рухнувшего дерева, шлёпнул себя по уху. И так короткая жизнь наглого, голодного комара оборвалась.

— Холодно то как, а ещё и кальсоны не натянул придурок, так и околеть можно. Пить как хочется, надо будет поискать куда ведут тропинки животных. Должны же они что-то пить, как меня дед, пасечник учил, где самые нахоженные там и путь к водопою. Да и здешнии места холмистые, должно быть полно родников... — вертелись мысли в голове Матвеева.

Развязав повязку на бедре, осторожно приподнял лист подорожника, раны хотя и ныли, но прежняя боль ушла. Кожа вокруг выглядела обычной, без покраснения, запёкшая кровь закрыла раны и судя по всему угроза воспаления миновала;-заживает как на собаке. —

Вернув назад повязку, со свежими листьями спасителя подорожника, медленно, стараясь не тревожить слишком ногу, оделся. Расвешанные на сапогах портянки просушились за ночь и наматывая на ноги сам себя утешал.

— Хорошо то как, не воняют как вчера, теперь не учуять фрицам меня. Ещё бы палку найти, надо выбрать подходящую, вместо костыля, и вперёд с песней, на поиски воды. А как найду, напьюсь от души, тогда и жрать буду, а то после солёного сала сдурею от жажды. Да и на полный желудок воды много еды не надо, экономия на ровном месте. Какой же я вумный, сейчас лопну от гордости за себя. Сам себе и столовая и госпиталь в одном лице;- составлял планы на это утро, неспешно и осторожно одеваясь, от резких движений рана начинала ныть сильнее.

Выбравшись из ямы вспомнил вчерашний день и от приподнятого настроения не осталось и следа. Окинув взглядом окрестности, не обнаружив ничего подозрительного, похромал вокруг поваленной на землю, старой ели. Одна, средней толщины, сухая ветка легко поддавалась напору самодельного ножа. За него, в прошлом году, покойный Гришка дал кузнецу в селе пол канистры керосина, неказистый на вид, но зато из хорошей стали, держал заточку отлично. И теперь остался как воспоминание о мирной, беззаботной жизни, из мирного орудия, режущего в гараже закуску, пока не видит начальство, можно и немного принять на душу, он превратился в оружие. Оружием, наряду с карабином, к которому было всего-то двадцать патронов.

Спустя пол часа, побродив по едва приметным тропинкам, лесным дорогам созданными? лесными жителями, наткнулся на ручей, протекавший по дну небольшого оврага. Чистая, ледяная вода, аж зубы сводила, пил и пил, набирая в пилотку, сыпал себе на голову, наслаждаясь ощущением свежести и чистоты. А когда уже смыл в себе жажду последних дней, взялся за еду. От десятка мелких картофелин и головки лука за пять минут не осталось и следа. Ну а кусок сала и треть буханки хлеба, вернулись в котомку назад. Круто посоленая? вареная картошка и воды вдоволь, придали силы и уверенности в себе. Проверив карабин и дослав шестой патрон, кроме пяти в магазине, четырнадцать оставшихся засунул в карманы гимнастёрки. Рассудив что документы можно и в мешочек от боезапаса положить. И пока перебирал вещи в солдатском сидоре на ладонь выпал кожаный ремешок, с вплетённым, необычным камушком, ярко бирюзового цвета, наследством от деда Артёма. Задумавшись на минуту, Саня повесил его себе на шею, из под гимнастёрки, было жаль если потеряется в грядущем единственная память о добром человеке, приютившего одинокого мальчишку в самый трудный час и на целый год заменивший ему мать и отца.

Неспешно хромал, между высокими холмами, густо покрытыми лесом, составляя планы почти как Наполеон, — Вроде все, откладывать предстоящее больше нет смысла, надо мне пробираться к своим. А то ещё в дезертиры запишут, потом не отмоешь такое до конца жизни. Даст бог попробую повоевать и не згинуть за зря. Нога не болит так как вчера, ходить можно, если осторожно. Ну так и я как говорится, огородами, огородами.

Подшучивая над собой хромал медленно, опираясь одной рукой на палку, в другой карабин, озираясь, слушая что происходит вокруг. Готовый моментально? растворится в густой траве. Километр за километром, уходя на восток, к своим, пусть и пока не ясно где они точно. Это ещё предстоит сделать.

Ошибается старая ведьма, сколько бы сил у немцев не было, нас не сломать, мы на своей земле, мы вас козлов Всех здесь закопаем. У меня ещё и долги к немчуре, за Гришку, за мой страх, тогда у газона. И я ещё вам козлам, в мышинового цвета форме, проценты

накрючу по максимуму, калибра семь шестьдесят два. — вспомнив слова полоумной старухи разозлился.

Злость от всего происходящего помогала пробираться сквозь густой лес, торопился, пока не надо думать где восток, главное чтобы солнце светило в лицо. Пока ещё восход, ясно куда надо идти, попусту не тратя время на привал. Нога не сильно беспокоила и по прикидкам Сани, в час получалось пройти максимум километров три. Быстрее не получается никак, так что если до вечера не делать больших пауз, пятнадцать, а если повезёт то и двадцать одолеет. До его части от границы четыре десятка, так что, как пить дать, два дня серьёзного пешкодрала светит. — А там будет легче, есть командиры, вот и пускай у них о дальнейшем голова болит. Доложит о нападении, гибели водителя, составе немецкой колонны и всё, от него, рядового и этого достаточно. Грузовик спасти самому не реально, да и водить машину не научился, так что никаких огрехов и вины нет, совесть чиста.

Дальнейшие размышления о том что ожидает его в родной части прервал едва слышный крик. Сперва сомнения пали на птиц, ну или живулька лесная какая-то горло дерёт, опять повторилось. Саня прислушался, слишком много в том боли, страшной людской боли. Вспомнив вчерашний день, ополоумевшая старуха говорила что в той стороне хутор поляка Кшиштовского. Остановился, на душе беспокойно, ну не привык он быть равнодушным к чужой беде, пройти рядом, думая только о себе. Матерясь в пол голоса и повторяя что любопытство кошку сгубило, захромал навстречу крикам.

— Слава богу что лес кто-то проредил, нет буреломов, как у нас в Перьми, ноги сломаешь или комары загрызут. А вот кустов густых тут полно, рай для партизаны и диверсантов, да и мне легче непримеченным оставаться. Повезло что меня ещё дед Артем ходить по лесу научил, по нашему, так что здесь как в парке на прогулку вышел. — Ох и мучиться кто-то, так кричит что мурашки по спине, это что же там происходит?

Сняв с предохранителя карабин, осторожно, стволом отодвинул ветку большого орешника, используя его как заклон, что-бы оценить ситуацию на хуторе поляка Кшиштовского. Прежняя доверчивость и наивность полностью исчезла, после того как вилы продырявили ногу. И сейчас похвалил сам себя, от увиденного заледенела кровь, волосы из под пилотки поднялись дыбом. У стоявшего на небольшом возвышении, бревенчатого дома, был открыт филиал ада, с двух сторон, большого окна на стене висели тела двух маленьких девочек. Сквозь горло, с помощью металлических штырей прибиты к стене, словно сам дьявол решил в своей манере украсить дом. Тело женщины не было видно, но зато её отрубленная голова была набита на кол у ворот хутора. А на подворье, на большом, досчатом столе лежало тело мужчины средних лет, привязанное ремнями за руки и ноги. Возле стояли два весёлых, молодых парня в заляпаных чужой кровью вышиванках и спорили между собой.

— Да чёго ты Мыкола, яка секыра, глянь що лях мае, од москалив ствар, пила дружба. Ты з одного, а я з другого края, нашинкуемо одну шляхту на десять. Злато вже цьому бовдуру узялы, па зараз и не морамо никуд журыти. А гуцул у хати харчи збэре, горилку.

Через слово понимая западенский суржик, Саня пришел в холодную ярость; -Да это же те местные, я же их видел у сельсовета, позавчера, комсомольский актив западенцев. Вот суки двуличные, война второй день как, и уже показывают своё настоящее лицо. Похоже что пшеки правильно этих ублюдков в ежёвых рукавицах держали. А то, что свои винтовки на ограду наслонили, мне наруку, хутор далеко от главного пути, если грохну обоих немцы не услышат. Жаль что убить можно только один раз, за это что вытворяют, надо бы сто раз эту мерзость убивать. Не доработал наш НКВД, раз такое зверье на свободе, не доработал, ну

ничего сейчас я вас доработаю до конца. Как дед учил, два волка, два патрона, не думаю что вы быстрее серых, — оценил всё Матвеев.

Тихонько, как уж, проскользнул Санька вперед к корням растущего чуть по-отдаль клёна. Затаив дыхание, прицелился в того что был немного дальше от стола и плавно спустил курок, с сумасшедшей скоростью репетировал и следующий выстрел создал третий глаз у западенца. Первый же получив пулю в грудь, отлетел к сараю, лежа на земле, пускал из рта кровавые пузыри, и сипя как змея повторял- за що? за що?

Эти двум выстрелам позавидовали и матёрые снайперы, скорость репетирования невероятная, звук двух выстрелов почти слился в один. Спустя минуту последовал третий, пуля влетев ещё пока живому убийце семьи Кшиштовских в челюсть, вылетела наружу вместе с осколками черепа.

— Теперь на жопе своей только может оселедец выращивать, в аду, у чертей на сковородке. — коментировал свои поступки парень.

Стараясь не нагружать сильно повреждённую ногу, встал, опираясь на карабин, оглянувшись и не видя ни чего подозрительного, похромал вдоль ограды хутора. А в это время третий член новообразованной банды западенцев спрятался под стоящую возле печи кровать. Но любой, кто бы вошел в тот момент в дом легко бы его обнаружил, по запаху, витавший смрад дерьма выдавал за километр. Храбрый он был только против безоружных, ну в крайнем случае когда стрелял в спину солдат, отставшим в пути от основной массы. А теперь, своим гнилым нутром, почувствовал что время пришло платить за всё, костлявая с косой улыбалась ему из всех уголков комнаты. Обрез старенького, двухствольного ружья трясся лихорадочно в руках. Слушал необычный, шаркающий звук шагов своей смерти, ближе, ещё ближе, вот она, перед домом. В голову пришла мысль, три, три раза стрелял, в оружие пять. Не было слышно как пополняет магазин! Надо спровоцировать, два выстрела, два и я убью свою смерть!

Саня остановился, поляк привязанный за стол умирал. По колено отрубленные ноги, по локоть руки, раны перетянутые верёвками не давали ему истечь кровью и уйти в спасительный покой, в путь без возврата, которого так боялся третий член банды, в смерть. Полностью осознавая что его семьи больше нет, проклиная все золото, которое заработал торгуя с жидом, владельцем маленького пошивочного ателье.

Ведь то золото было зубами, коронками, зубными протезами, вряд ли хозяева того добровольно поделились с жидом. Сейчас поздно каяться, все уже мертвы, рода Кшиштовских больше нет, осталась только боль, страшная боль. Надо напрячься и собрать силы для просьбы, этот хромающий красноармеец наверное не откажется выполнить последнее желание умирающего.

Хрипенее поляка прекратилось, смотря затуманенным от муки единственным целым глазом, произнёс- пожалуйста убей, убей, пожалуйста.

— Кого? Я обоих уродов пристрелил.

— Три, их было, три.

Секунду спустя, не обращая внимания на ноющую рану в ноге, Саня переместился к стене дома и не глядя выстрелил в окно. И тот же час стёкла разлетелись вдребезги, картечь из двух стволов одновременно имела ужасную силу на близких дистанциях. Но чтобы перезарядить обрез требовалось время, пусть и не много. Третий, гуцул, выбрался из под кровати и стоя на коленях шарил в карманах, считая про себя- Один, у моей смерти один в магазине, я убью и буду жить!

И действительно, его пятая пуля миновала, успел упасть на пол. Упал, не поднимая головы, не понимая что сделал то чего хотелось его смерти. Упал что-то бы не встать, шестой патрон, по совету старых бойцов досланный в карабин разделился на две части. И остроконечный верх пули, снеся затылок на своём пути, застрял в позвоночнике.

Саня стоял у окна, с пустым карабином, ледяной пот на спине, его враг на полу, мёртвый, совсем, ему удалось. А ещё сам себя оценивал как пугливого, сопливого салагу. Видать что был прав старшина, хоть и жлоб редкий, пока костлявой в глаза не посмотришь не поймёшь кто ты.

Обрез, у этого придурка был обрез, не надо и целиться, только руку направить и нажать на курок. Пригодится, если боеприпасы к нему есть, но сперва да видим что у этой парочки. Таак, мосинки, убитые в хлам, ещё с первой мировой, да и с патронами не густо, на двоих тридцать два, зато фляга, австрийской работы, алюминий. Ой блин, это что налили внутрь, самогон на навозе? На хрена мне такая любовь, вылью и сполосну, будет теперь запас воды, ножи дрянь. Это что в тряпочке, золотые зубы и ещё какая-то золотая дрянь, ну его нафиг, лучше еды больше взять.

Так разбираясь с трофеями невольно подошел к столу с привязанным поляком, хоть и в скоротечном бою с западнцев бандой не испытывал страха, вид их жертвы пугал. С трудом совладав себя, наклонился что-бы услышать едва слышный голос.

Спасибо, спасибо что отомстил, не бросай золото, отдай своим, война это деньги. Немцы сильные, вашим надо золото, много золота, возьми, отнеси его своим. А в замен убей меня, пожалуйста, освободи, мне нет спаса. Тела жены, дочерей и моё занеси в дом. Сожги после пожалуйста хутор, не хочу что-бы рагули жирели на моей земле. Сожги, бочка с керосином в сарае, под соломой, в углу.

Час спустя Саня зашагал с полной котомкой, со свежей, чистой водой во фляге. Обрез и карабин за плечом, палка в руке, на которую опираясь, хромая, уходил по тропе о которой знал лишь поляк. Он на прощание объяснил где короткая и безопасная дорога на восток, к своим. А позади, за его спиной взмывало в небеса огромное? пламя, унося в небытие тела людей, жертв набирающего силу зла, зла живущие в душах живущих на той земле. И слёзы, одна за другой, по щекам Сани, словно он оплакивал нынешние и будущие жертвы той растущей мерзости.

Идти было легко, едва примерная тропинка огибала буреломы, глубокие овраги и холмы стороной, густые кусты скрывали от чужих глаз. Хотя и это лето выдалось очень тёплым, солнечные лучи едва пробивались сквозь плотную листву. Ближе к вечеру по пути попался большой ручей, умывшись, наполнил опустевшую флягу. А потом уже скинул сапоги и войдя в воду по щиколотку, стирал насквозь пропитанные зноем портянки. Вблизи росла высокая, широкая ель, немного приподнял нижние ветки, получился уютный, маленький шалаш. Набросал внутрь, на землю собранной, прошлогодней листвы, десять минут работы и неприметное место для ночлега готово. Достал из котомки немного еды и соорудив ужин в природе вспоминал сегодняшнее утро. Повезло невероятно, да если-бы не поляк получил бы картечи в спину, пропустил я третьего, пропустил. Торопился, плохо оценил обстановку, да и половину из того суржика на котором разговор эти дебилы вели не понял. Хотя старшину, хохла отлично понимаю, видать украинский язык с этим западенским мало общего имеет. Западенский диалект, намешано хрен знает чего, венгерский, польский, немецкая речь, венигрет какой-то. Щеголяют в вышивках, мол украинцы они, ну да, как же. Встречал

хохлов, добрые, наивные ну и хитрожопые как жиды, другие чем эти селюки, которые только и ждут момент что-бы тебе нагадить. Хрен с ними, товарищ Сталин как узнает с кем дело имеем разберётся. О том что прибарахлился на хуторе лучше молчать, ещё обвинят в части за мародёрство, а взял то часы на цепочке да флягу. Золото нквдешнику под расписку здам, пускай сам думает что с ним делать дальше. Поляк говорил что за день, два доберусь, если считать сегодня сколько протопал, послезавтра выйду к своим. Серьезный видать был контрбандист, путь как проложен, наоколо, только в двух местах пересёк лесную дорогу, да и по ней, судя по следам, слабо ездят. Здорово что повесил сапоги и портянки над головой, вон как комары разлетаются в стороны, бегут от запаха. А мне лучше, выплюсь как человек, уже темнеет, раньше лягу, раньше встану. Надо не забыть как встану карабин почистить, пока что нелюдимые места были, кто знает как обернётся завтра, я ему своё уважение а он своё, не подведёт в нужную минуту.

Проверив как заживает раны и оставшись довольным, воспаления не было, закопался в сухую листву и погрузился в сон. Спокойный, без каких-либо снов, не обращая внимания на злобного комара сумевшего пройти сквозь испарения исходящие от портянок. Слишком плотная ткань гимнастёрки, и это после того как едва не умер от необычных ароматов защищающих спящего. Сапоги и висевшие рядом портянки не фунт изюма, но голод сильнее. Человеческая кровь такая вкусная, с точки зрения голодного комара.

Проснулся с первыми лучами солнца, на четвереньках вылез из под ели, оглянувшись, проверяя лес, следил за поведением птиц, как себя ведут. Природные союзники, враз бы обнаружили любого и дали бы знать. Но нет, беззаботно перескакивая с ветки на ветку, занимались своими делами, опасности вблизи нет. Холодная вода ручья смыла сонливость, напившись вернулся в шалаш. Там первым делом привёл в порядок карабин, магазин проглотил свои пять патронов и опять шестой в патронник, предохранитель, готово. К обрезу только семь патронов, нет смысла драить, закончится боеприпас сразу выкину эти лишние килограммы. Четверть круга, домашней колбасы и кусок хлеба, глоток воды и стряхнув с ног хвою быстро обулся. Осталось пополнить флягу и готово? — хватит прохлаждатся, мои там воюют а я по лесам бегаю. Где мой любимый костыль, а вообще-то похоже что и без него обойдусь, нога теперь вместо того что-бы болеть чешется, быстро заживает, не ожидал.

И снова как вчера, двести, триста метров, остановка, оглядеться, слушать внимательно и дальше, вперёд. Пусть выходит медленно, но не надо сбрасывать со счетов поведение местных, или случайный немецких патруль. Осторожность не помешает, ведь Саня хорошо помнил как летёха повторял, что герой не тот кто храбро погибнет, герой тот что предоставит такой шанс врагу. Ещё политрук с ним по этому поводу спорил, обещал накатать в верх. Мол это не верно, не подобает так вести красноармейцам, слишком жестко по отношению к трудовому народу в буржуазных странах. А сейчас, после того как немцы походя, не много задумываясь расстреляли одинокий грузовик на дороге, ложил большой и толстый на мнение политрука. А что или кто был в грузовике, дети, взрослые, мешки или вообще пустой едет трудовой народ Германии вообще не думал и секунды. Даже ни на мгновенье, очередь из пушек и дальше, искать следующую жертву на своём пути.

Какое там к чёрту единение рабочих всех стран, он не видел дурак, ряхи сидящих в немецком бронетранспортере, за километр не объедеш, тружеников хреновых. Они не брататся сюда прут, убивать и без разницы кого, опять, снова и снова, как помнил из уроков истории в детдомовской школе. Всегда, как голодная саранча, столетиями, разница лишь в

именах, Наполеон, Вильгельм, да все они гады на одно лицо. И единственный правильный способ с этими? общаться, это тот очень короткий момент, когда засыпаешь землёй их мёртвые тела. Единственный и самый верный способ, и этого правила Саня решил твёрдо держаться. Чем больше в этот раз закопаем, тем меньше придется закапывать в следующий. А эта хренова, двуличная Европа ни когда не успокоится, будут лезть каждый удобный момент. Пока так по рогам не получают, что и пра-правнуки начнут обсцикаться от одной мысли о России.

Остановившаяся в очередной раз задумался, а чего же прут опять на нас, почему большевики вверх взяли, супротив буржуев, и вспомнил как мальцом ещё задал вопрос деду Артёму- деда а почему большевики легко победили?

— вот дурья башка, а ты что сам догадаться не можешь?

— Неа, мал ещё я деда!

— Да все Санька просто, красные с вечно голодными воевали зато и победили, сытых хрен одолеешь.

— ну какие сытые, какие голодные? Путаешь, красные с помощью народа против буржуев воевали.

— Эт точно, красные и народ сытые, потому и вверх взяли противу голодных буржуй.

— а вот теперь совсем меня запутал деда, где же буржуя голодного видел кто-то, теж жрали так что за ушами трещало?

— а ты запомни одну мудрость Санька, почему они жрали постоянно, когда простой? люд и краюхой хлеба сыт был. Запомни навсегда — Чужим куском хлеба Не наешься.

За весь день двигаясь по лесной тропе, не высываясь из под деревьев, не встретил ни кого. Лишь в одном месте пересекая грунтовку заметил свежий след, грузовик, и не наш, у наших другой рисунок, да этот пошире будет. Похоже что основные транспортные направления где-то дальше, в стороне, к северу отсюда. Да и понятно почему, слишком тут не удобно, холмистая местность, где пологие, где и очень крутые склоны.

Стали часто попадаться ручейки, их холодная вода позволяла не трогать резерв во фляге. А время стояло жаркое, не привык он такой погоде, в его родном крае прохладнее. По пути попадались кусты малины, с сожалением вздохнул, ещё зелёная. Полной неожиданностью было обилие грибов, выбрал пяток белых, покрупнее, вечером выкопает ямку для небольшого костра, пока вскипает вода для чая поджарит. Харчи ещё есть, с хутора, два с половиной круга домашней, твёрдой, как камень, колбасы. Кусок, с пол кило, сала, хлеб завернутый в чистое полотенце. И в добавок осталось, после перевязки ноги, пол бутылки самогона сомнительного качества. А самым большим богатством во всех трофеях был компас, откуда он взялся у западенца не понятно. Сейчас, в незнакомой местности очень помогал, хоть и в лесу Саня чувствовал себя как дома, с ним было легко контролировать общее представление, куда надо идти. Нога почти не болела, хоть и чесалась, приходилось сдерживать себя что-бы случайно не расцарапать корочку засохшей крови. В общем сегодняшней день можно считать увольнительной, ни одной живой души, командиров над головой нет, шагай себе в удовольствие, всех то делов, периодически останавливаясь, осматривать что впереди, слушать как поют птицы, не потревожил ли кто пернатых союзников. Ближе к вечеру, принялся искать укромное место для ночлега, в стороне от тропинки контрадикторных поляка. Густые заросли возле крутого склона холма, ручей, как по заказу. За пол часа вырос маленький шалаш, в центре колючих зарослей

малины, приготовил ужин на крохотном костре. Грибы на веточке с кусочками сала, чай в закопчённой кружке. Сегодня почти и не хромал, палка служившая костылём осталась позади, там на западе. Там откуда надвигается враг. А сейчас спать, спать и не терзать себя глупыми мыслями, завтра судя по всему должен выйти к своей части. Спать, набираясь сил, завтра в путь, в неизвестность, в войну.

Молодая, полная сил сорока расположилась на еловой ветке, вся из себя важная, врагов не видать, стрекотала на пол леса. Наглая и сильная, мелкие пичужки облетали её стороной, на всякий случай. Единственный враг, серая, толстая сова, с рассветом сбежала в густые, мрачные кроны деревьев. Теперь она, чёрно-белая королева, хозяйка окрестности и сейчас опять объявит это всему лесу, своим дивным голосом, надулась набирая побольше воздуха и открыла клюв. В эту же секунду большая, колючая шишка ударила сильно в бок, едва не сбив с ветки.

— Заткнись, зараза, разбудила в такую рань, больше нет места, кроме того что надо мной! Трещит не умолкая, совсем страх потеряла! Достала, сейчас и второй шишкой в лоб получишь, если не уберёшься на фиг, комок перьев!

Санька сердито смотрел на незванный будильник, сон как рукой сняло от возмущения. Единственное утешение было то, как точно попал в эту бестию.

Хочешь не хочешь, надо собираться, по дороге к его части был склад ГСМ, кладовщик прохиндей продаёт керосин и консервы на сторону. До того как вернуть в часть попробую поменять колбасу с хутора на тушонку, пока не испортилась по этой жаре. Да и расспросить надо, тот хмырь в курсе всего происходящего. А и те патроны сверх положенного спрячу, пусть будут в запасе, что вот с обрезом делать? Выкинуть, так жаба задавит, припрячу где-то поблизости гаражей, возле свалки. Ну и о Кшиштовском лучше не говорить ничего, свидетелей нет, что было, было.

Ел и размышлял, как объяснить где успел заработать дыры в ноге, рассказывать о полоумной старухе, о том как убил её случайно, на черта такое надо. Сперва засмеют, а потом посадят, за убийство мирного жителя. И вместо того что-бы воевать с врагом, поеду в Сибирь лес валить. Ладно, сейчас ничего в голову не лезет, придумаю что-нибудь по дороге. Пол дня впереди пешкодראה. — прекратил самоедство Саня.

Сегодня нога вообще не беспокоила, котомка, за плечом, свежая, родниковая вода во фляге. Настроение отличное, даже ту глупую сороку теперь вспоминал с улыбкой, вокруг война, а он как ребенок сердился на птицу. А пока шаг за шагом, смотреть под ноги, не стать на сухую ветку, густые кусты использовать как щит от чужого ока. Рядом крупная дорога, грунтовка, но широкая и удобная, без колдобин. Кто сейчас там ездит, свои, или немцы не понятно, зато и не надо высовываться на открытое пространство пока всё не прояснится.

Следующие несколько часов пробирался вдоль пустой дороги, было ему странно, нет ни одной души. Тут же рукой подать до временных, армейских складов, война это большой расход боеприпасов, горючего, да всего. Только успевай подвозить, вон когда маневры были, водилы из-за баранки не вылазили.

И вот до самого близкого, склада ГСМ осталось с километр, слышались звуки тяжело гружённых грузовиков, чью-то невнятную ругань, слов не разобрать, далеко ещё. Можно теперь и расслабиться, но попадать кому либо из командиров на глаза не охота. — размышлял Матвеев, — Выйду к ограде, позади, там в притык кухня, столовая и какие-то подсобки. Могу пройти не привлекая внимание, доски в ограде на одном месте держаться на честном слове. И так составляя план Санька налетел на здорового немца, вернее сперва

увидел задницу обтянутую серыми штанами. Немчура потерял всякий страх, согнувшись над старым пеньком увлечённо срезал букет рыжих лисичек, рядом стояло почти полное грибов лукошко. Завороженный лесным богатством не среагировал на звук щелчка фиксатора игольчатого штыка карабина. Выпрямился слишком поздно, с непониманием и удивлением в глазах тихо умер. Вбитые в подкорку головного мозга рефлексы ветераном финской компании, лейтенантом Михно, спасли сейчас Саню. Немец упал на спину, с забитым почти по самый ствол штыком, точно в сердце. Упал с тихим звуком, словно мешок, словно в какое-то мгновение из сильного, крепкого тела вынули что-то что придерживающее его, расслабившись полностью. Кровь выступила на губах, на штанах униформы росло пятно, острый запах дерьма и мочи, настоящий, без шелухи и геройства, запах войны. Крови и людского дерьма вперемешку, от которого хочет выскочить нутро, волосы встают дыбом. Запах Смерти.

— Урод, урод, ну чего тебе в своей Германии не сиделось, грибников сраный. — Проблевавшись бубнил себе под нос, пытаясь успокоиться, руки внезапно вспотевшие не удержали карабин, так и торчал, забитый в тело. А теперь и трясутся, неожиданность всего и страх, теперь кто спросит как все произошло не будет знать что и сказать. Как в едином порыве сорвал карабин с плеча, почему штыком ударил, да и когда успел его привести в боевое положение? Как в тумане, ну ничего не помнил, только когда тянул назад, как учили, вдруг сама по себе выскользнула мосинка из рук. И стоял, парализованный минуту на нелепую смерть этого безоружного немца. Раньше, на хуторе, не было такого, спокойно уничтожил исчадия ада, рука не дрогнула. А этот, с ножичком, грибы собирает, в чужой стране, война, все смешалось в голове. Отвратительное, гадкое ощущение, да это враг, топчется по нашей земле, его надо уничтожать. Но все равно противно на душе, тяжело нормальному человеку становится хладнокровным убийцом. Грёбаная война, что ты делаешь с людьми. Ладно, а что теперь, раз тут, возле нашего склада с горючкой, свободно шатается немец, да ещё и без оружия то наших нет, не на складе ГСМ, а и наверное и в моей части. Как же так, ведь прошло всего пять дней, где наши, танки, самолёты где нахрен все. Ведь же политрук роты говорил, что наша армия непобедимая?. Да отсюда и до границы добрых пятьдесят километров, где наши?? Это же не отступление, это бегство, так легко отдать столько территории. Или предательство? Вон сколько писалось о врагах народа, видать все точно, это предательство точно, самое логичное объяснение. Но я не они, я ещё этой немчуре покажу, а что теперь с этим грибником делать? Его искать будут скоро, вон полное лукошко собрал, значит минимум час тут потратил. Ну ещё добавить час, тогда его точно начнут искать. На этот час и надо ориентироваться, какой же ты тяжелый немчура, едва в ложбинку доволоч, а теперь листьями забросать. Сразу не найдут, лежи теперь тут непогребённый, не чего было к нам лезть. А я посмотрю на склад, чего там происходит, залезу на дуб и твои меня и не увидят. Есть вблизи ограды, густой, матёрый, а впереди ещё и кустарники. Рай для шпионов, тьфу на тебя, это вы шпионы, а я на своей земле, я теперь разведчик, диверсант который.

Скрыв все следы на скорую руку, Саня уже за десять минут был у примеченного когда то дуба, красивого, как с картины какой. Сноровки было не занимать, почти на самых верх залез, дальше побоялся, тонкие ветки начнут качаться, ветра нет, вмиг выдадут его.

С верхушки дерева хорошо просматривался четырех угольник склада, два больших резервуара, наполовину вкопанные в землю, три цистерны от зиса трёхтонки на деревянных подпорках, здоровенный ангар и рядом под навесом тарахтел генератор. Был расположен

торцом к дороге, настезь открытые ворота, и немного в стороне стоит мотоцикл с коляской, пулемётчик развалился и лениво ругается с рядом стоящим товарищем. В глубине всей территории кухня, маленькая казарма и хозяйственные постройки. Все окружает высокий, двух метровый, деревянный забор, с густой колючкой поверху, хрен перелезешь. Человек с двадцать рядовых и семь грузовиков, и три каких-то типа, в вышиванках, припёрлись наверное из соседнего села, помогают своим хозяевам, энтузиасты хреновые. Вон как лихо бочки по доскам закатывают в грузовик. Необычно, наши горючее в цистернах возят, а эти в бочках, да и выглядят как-то по-другому, меньше наших. Кто знает как лучше, у них своя логика, другие они и по другому думают. Время идет, какую бы пакость гадами устроить, расхозяйничались, и это пятый день войны, ведут как у себя дома. Тот прощелыга, что керосином на лево приторгововал, в пристройке, возле ограды имел свою конуру, близко от прохода в заборе. Наверняка там и заглашник его есть, открыть легко, ключ хранил под кирпичом возле двери. Там и немцы не ходят, рядом короб жестяной, все отходы из кухни туда вываливали, запашок ещё тот.

Десять минут спустя Саня был в тёмной камере, повезло что доски ограды зафиксированны на одном, верхнем гвозде, да и ключ был на месте. Оставив карабин, возле какого-то ящика лежащего возле внутренней стены, задвинул изнутри засов и принялся быстро копать по заглашнику. Десяток канистр, некоторые и полные, три больших коробки с консервами, без каких-либо наклеек, кто знает что внутри. Пять пар хромовых сапог, ношенные, но в хорошем состоянии, одни, что получше сразу обую, мои пушай немцы носят. Таак, что там в шкафчике, гражданская одежда, ну да, аферист не хотел попасться в униформе. На самом дне ящичек, сразу и не приметить, закидали тряпками. Вот это класс, гранаты, с запалами, это что, козлиная и оружием приторгововал? А после бандюки из него в нас стреляли. Вот скотина, ты смотри, наган и коробка с патронами. Как же все это богатство унести. А ещё, если придумаю какую пакость, надо будет тикать по быстрому. Ладно, компромисс, из обреза сделаю западню здесь, а и делов то, привязать верёвкой и закрепить. А наган тогда с собой. Ты смотри, везуха, стаканов несколько, отлично, сейчас устрою немчуре весёлые деньки. Главное после сбежать, и чем дальше тем лучше, должно бабахнуть сильно, — спрогнозировал Саня.

Пол часа спустя унтер-офицер Вермахта обследовал доставшиеся в качестве трофеев большевицкое хозяйство. Раньше было не до того, спешили обеспечить моторизированный батальон горючим, пока наполнили бочки, пока с руганью грузили, хорошо что местные, будущие полицейские, помогали. Да и сейчас вон как старательно работают, лояльность за пример. Хорошие надсмотрщики рабов из них выйдут, служить нам, это ещё надо заслужить. Понимают, все трое первыми, сами добровольно явились.

— Так а что тут у нас?

Позади ангара притулилась подсобка, полная стеклянных бутылей с растворителем, жестяные банки со смазкой и другой мелочевкой, настоящий рай для профессионального пиromана.

Унтер-офицер Генрих, весь важный из себя, хозяйским, жадным взглядом потомственного баварца смотрел на добротную дверь. — Раз такая хорошая, то и то что внутри, заслуживает моего пристального внимания. Только то что немного приоткрыта не нравится, вообще не нравится, похоже кто-то из моих солдат засунул сюда свой нос, и точно что-то украл, наверное что-то ценное. Ну сейчас войду и всё выяснится, меня, старого ветерана не обмануть, этих моих лодырей, надо держать в строгости.

Решительно открыл дверь, сделав шаг внутрь, подписал сам себе смертный приговор. На голову свалилось ведро полное керосина, но это было лишь началом, вместе с ним, на пол, упал стеклянный стакан, разбившись на куски, освободился спусковой механизм гранаты и с тихим звонком рычажок отлетел в сторону. Три последние секунды своей жизни Генрих материл своих солдат, ведь кто, если не они, мог сделать такую гадость. А шипение запала так и не заметил, ведь вся его служба в Вермахте прошла на обслуживание других, действительно воевавших, тем, то шипение говорило всегда одно и тоже-"Беги, спасайся, костлявая уже рядом и замахнулась своей косой. Может быть и не успеешь, но шанс упускать глупо."

Три секунды спустя, деревянная, добротно сделанная дверь вместе с дверным косяком вылетела наружу, стеклянные бутылки взрыв без жалости разломал на мелкие куски, тонкая перегородка, отделяющая подсобку от ангара, исчезла в будущем филиале ада на земле. Но это ещё было половина беды, вдоль внутренней стенки стояли пустые бочки советского образца, пустые от бензина, но не испарений остатков горючего. Рачительный баварец сам приказал сложить все там, что-бы не заржавели случайно. Растворитель, вперемешку с керосином и смазкой горели страшно, нагревая металл бочек, пока не начали вылетать пробки и испарения лизнул огонь. Родился маленький прообраз объёмно-детонирующей бомбы. Крышу ангара вспучило, стоящие в ряд, новенькие грузовики Опель-блитц, вспыхнули как спички. А тот, что стоял у ворот, на погрузке, уподобился батарее фейерверков, стреляя в небо бочками полными бензина. Две штуки, оставляя за собой дымный след, рухнули на крышу одного из резервуаров. Целый год существовал склад, и за всё это время безалаберные большевики не насыпали земляной вал, разделяющий запасы горючего, надеясь на свой авось и уделяя больше внимания на снабжение чем на безопасность объекта. По счастливой случайности пылающие бочки упали на тот, с соляркой, и он вспыхнул не сразу, дав время пулемётчику, сидевшему в люльке мотоцикла, выпрыгнуть и скрыться в овраге. Покрыв голову руками, лежал дрожа как осиновый лист, от страха не смея высунуться.

Весь склад ГСМ горел, что-то периодически взрывались, осколки летели на все стороны, а в небо поднимались грязно-серые, где и чёрные, полные копоты от солярки, клубы дыма. Огонь не обошел стороной и подсобные постройки, там тоже что-то взорвалось. Вверх полетели куски досок и всяческий мусор. Горело всё что могло, даже тела немцев и добровольных помощников. От всего личного состава из двадцати солдат, семи водителей и троих западнцев выжил один, единственный рядовой, чьи брюки срочно требовали основательной стирки.

— Ну чё козлы немецкие, как вам мой костёрчик? Годится для приготовления наших грибочков? Я ещё вам устрою, за мной не заржавеет. — Довольный как слон, Саня смотрел на то что недавно было резервным складом Красной Армии, ель под ним качалась и приходилось крепко держаться. Как результат весь был облеплен смолой и хвоей, успел даже нос замазать, забыв о всём, взирая восторженно на будущее море огня. Через пять минут ему уже надоело качаться на тонких ветках, спустившись попробовал оттереть ладони, матюкнувшись на свою невнимательность. Без воды и песка, а еще лучше немного бензина, смолу не было возможности удалить.

— Ну и чего меня понесло на эту ёлку, когда рядом и других деревьев хватает? Как пугало выгляжу, где теперь то бензинчиком разживусь? Ладно, хрен с той красотой, пора уносить ноги;-закончил разглядывание себя Саня.

Быстро, почти не смотря себе под ноги, закинув полную котомку и карабин за спину, с наганом в руке, шагал в направлении своей части. Всего двенадцать километров предстояло пройти, до захода солнца должен успеть. Хотя уже понял, там своих точно нет, слишком вольготно вели себя немцы на складе. — Да если бы вблизи были свои, эта серая шушера одним часовым не обошлась. Будь что будет, пока рано терять надежду, доберусь до казарм и все будет ясно. Жаль только обреза, сгорела моя ловушка задаром. В прочем лучше так, пользы от него мало а зато тяжесть, не удобно и носить. Разменял называется, бандитскую железку на восемь банок консервов, а вот с чем, это отдельный вопрос. И коробка с патронами к револьверу не стандартная, пятьдесят штук внутри, но жаловаться не буду, запас карман не тянет. А с сапогами ошибка вышла, великоваты, надо будет мха немного засунуть, как дед Артем делал. Он только возле берёз почему-то его собирал, помню говорил что тот лечебный, для ног первое дело. Зной впитывает и кожу сохраняет от мозолей и потёртости, от этого надо беречь ноги. — думал Матвеев, не забывая делать короткие остановки, контролируя взглядом окрестности;—Здесьние места выглядят лучше чем у нас на Урале, логично было бы что и люди тоже. А в действительности всё наоборот получается, злыдни а не люди тут живут, интересно, они хоть кого-то не ненавидят, кроме себя и папы римского? Да и за того папу не совсем уверен, христьяне вроде, но что странно, талдычат, молясь, только на польском языке—"матка боска, матка боска.". Мать божью вспоминают, а о Христе и десяти заповедей почти и речи нет. Чудно всё, очень чудно, чувствую что ещё наемся мы с ними. Выглядят местные как старая, больная, рухнувшая берёза, снаружи сияет а трухла внутри. Не дай бог эта зараза расширится, быть беде. Одна надежда на товарища Сталина. — мотались клубком мысли в голове, пока Саня разглядывал окрестные холмы, утопающие в густой растительности.

С последними лучами солнца вышел к тому месту, где раньше располагалась автобат и приписанная на неопределенное время его рота. Все деревянные строения, казарма, гаражи, хозяйственные постройки превратились в пепелище. Остались только каменные печи, закопченными трубами попирая небо. Воронки повсюду, большие, но не такие как Саня однажды видел, на полигоне, после взрывов артелериских снарядов. Там, где были гаражи, виднелись остовы грузовиков, от них сохранились лишь кабины, да и те перекошенные, кузова выгорели под чистую. Огонь давно угас, от момента пожара прошло уже два, может и три дня. Дым давно рассеялся, в воздухе больше не было того резкого запаха, знакомого и очень неприятного, после того, как белые, когда-то в детстве, сожгли половину его села, убили маму. В душу вернулось то горькое чувство полного одиночества и пустоты.

Ему было не вдомёк, что кроме уничтожения авиации Красной Армии на аэродромах, второй, по важности, задачей была максимальная парализация транспорта, блокировка возможности маневрирования и создания на направлении ударов хоть какой-то линии обороны. Так и с автобатом, стаи Ю-87, сравняли с землей на второй день войны Санькину часть, ослабив группировки войск большевиков, много не повоюешь без подвоза боеприпасов и горючего. А то количество, которое было на дохват руки, довольно на один, максимум два боя, к тому же малые резервы горючего. Как результат, колонны брошенной техники по обочинах дорог и радостные лица солдат Вермахта. Для них всё складывалось замечательно, столько трофеев, разобщенный противник, с прерванными линиям связи, с командным составом не осознающим всего что происходит. Да и с местными жителями нет проблем, от желающих служить во благо Великого Рейха отбоя нет. И это в первые дни, даже во время французской компании, жители Эльзаса и Лотаргинии, немцы, были много

холоднее в выражении своих чувств. Оправдываться предвидение нашего мудрого Фюрера, роль, судьба германской нации в владении остальными, эти местные сразу осознали своей звериной натурой, кто является настоящим хозяином и кому надо служить. Похвально, будет кому заниматься грязными делами, не марая честь мундира очисткой территории от чрезмерно расположившись особей. Останется только тот, кто заслужит право быть нашими рабами, ну а что делать с другими, решение очень простое. При правильном подходе, из всех них выйдет отличное удобрение, повышение общей урожайности, продуктовая безопасность, важно для будущих поколений Германии. А это возможно только при рациональном подходе к каждой мелочи. Так всё и будет, обязательно будет, но пока что надо выполнять приказ и во весь глас заявлять о том что цель похода на Восток освобождение пороблённых народов от ужасов коммунистического, большевистского гнёта. Все народы СССР, а их так много, а если и нет, то мы выдумаем за них, главное на данном этапе разделить, всех, народы, народности, манинины, города, области. Пусть почувствуют себя другими, от соседа, от тех с другой улицы, оптимально было бы и от своих родителей и друзей. Так нам будет значительно проще ликвидировать бесполезную массу, понапрасну вдыхающую это прекрасный воздух.

Все это, что являлось двигателем, идеей Всех новых хозяев Европы, было так далеко, от мотавшихся в голове своих собственных проблем. Шагая по пепелищу, обходя стороной воронки, видя и не веря своим глазам, повторяя про себя, снова и снова-заплатите, заплатите суки, за всё заплатите.

Дойдя до сгоревших гаражей внезапно улыбнулся;- одиннадцать, да, всего лишь одиннадцать остовов грузовиков, из тридцати. остальных нет. Выходит что большинство спаслись, эвакуировались, не всё потеряно! — Буквально бегом полетел Санька на другой край территории, туда, где дорога вела на Восток. И выйдя на путь, увидел холм братской могилы, до его отъезда из части этого ещё не было. Вместо привычных крестов на кладбищах, большая, толстая доска, с нарисованной пятиконечной звездой, немного внизу надпись, список погибших и дата гибели. Сняв пилотку и утерев зной с лица, читал, медленно, прощаясь со своими товарищами.

Так и стоял, со смятой пилоткой в одной и наганом в другой руке. Целых десятков минут, читая список, снова и снова, стараясь вспомнить каждого, каждую фамилию, мысленно обращаясь к каждому погребённому;-отомщу, отомщу за тебя братишка, спи спокойно. — Тяжело вздохнул и не смотря по сторонам, растворился в зеленой стене леса, идущей вдоль дороги. Солнце почти зашло а он шел, в полутёмках, не останавливаясь, злой на всю свою жизнь.

Постоянно? приходилось терять близких тебе людей, сперва мама, дед Артем, парнишка с которым дружили в детском доме, которого зарезала гопота из-за кисета табака, Гришаня водитель, погибший в первый день войны. А теперь столько хороших людей, знакомые и не очень, вместе служили, и за каждым сердце болит, они его сослуживцы, они его товарищи, они свои. Переставляя едва ноги, шагал не обращая внимания ни на что, двигался пока было сил в его теле, после обессиленный сел под каким-то? деревом, наклонившись спиной на ствол. Навалилась усталость, словно целый день разгружал вагоны, не в силах пошевелиться? лишь каким-то чудом не потеряв револьвер и пилотку. Так сидя и утонул в спасительный сон, наконец-то перестал вертеться перед глазами калейдоскоп лиц людей, которых больше ни когда не увидит в живых. И они все свои, не чужие, свои, хотя с некоторыми и не знаком, но всё равно они Свои.

Около семи ура Саня проснулся, от чего-то напоминающего жужжание шмеля, и то не одного, минимум небольшой рой где-то вблизи. — Какой к черту рой! Шмели поодиночке летают! — в недоумении открыв глаза смотрел в направлении шума. В звуке появились отчётливые оттенки лязга металлических предметов. На четвереньках, медленно, пополз в том направлении, стараясь быть скрытым густой травой и кустарниками. Через десять минут, лёжа испод нижних веток молоденькой сосны, наблюдал колонну больших грузовиков, тянущих за собой гаубицы, прицепы полные каких-то вещей. Кузова полные ящиков прикрытых брезентом, пушки, похожие на наши сорокопятки, с колёсами на спицах и как будто немного другим стволом, наш покрупнее будет. Грузовики держали между собой дистанцию в сотню метров, ползли со скоростью где-то двадцать, тридцать километров, оставляя за собой клубы пыли, вперемешку с вонючей гарью дизелей. Бесконечный поток, нет ни малейшего шанса перескочить дорогу не заметно. Оставалось только ждать, — железный порядок, дисциплина, нет как у нас кого-то спешащего и обгоняющего остальных, внося не нужную суету и создавая хаос. — Зрелище всего этого подавляло всякую мысль попытке оказать сопротивление такой силе, а повременно затесавшиеся, в бесконечной колонне, танки убеждали сомневающихся. Стальной каток Вермахта, во всей своей красе, неумолимо двигался, по дороге ведущей на восток.

Час плясая на бесконечные потоки колонн, слившихся в один и вдоволь наглотавшись пыли, ветер, как на зло, сносил всё в его сторону, уполз в густоту леса. А потом, осторожно двигался, вдоль дороги, стараясь не выдать себя, держась в тени и обходя стороной редкие поляны. Пока что вокруг лес, он в безопасности, а дальше, кто его знает, главное что-бы он вёл на восток, а там услышать шум сражения и тогда через линию фронта к своим.

— Прут и прут, вот же гады, какое количество, здуреть, и ещё дистанцию большую держат между собой, тут и засаду нормальную не сделаешь. Накроешь один, два грузовика а дальше из уцелевших солдаты как горох, это ещё если танки не брать во внимание. А сколько бронетранспортёров, там пулемётчик, причешет из-за брони, с ним без пушки бодаться глупо. вон у тех гробов с гусеницами она под углом, в рикошет пуля уйдет, даже если и та броня слабая. От это всего желудок бурчать начал, пора привал сделать, да и о воде подумать, осталось всего половина фляги, — думал Саня, глядя сковозь густые кусты на дорогу.

Но од позднего завтрака пришлось отказаться, впереди послышался громкий смех, вернее сказать ржание, даже перекрывшее звук доносившийся с дороги. Пройдя каких-то пятьдесят метров, едва не попал в беду. Лес заканчивался, у самой границе деревьев стояло два Т-26, и то последней модификации, с башней идущей под конус. Открытые люки, закопченные борта с видимыми, даже отсюда, небольшими дырами в бортах. Рядом с ними стоял немецкий, полугусеничный бронетранспортер, солдаты в мышинного цвета форме фотографировались на фоне подбитой техники красных. Один, с наглой рожей, взобрался на башню танка, надел штык на свой карабин и принялся изображать как храбро протыкает броню. Чем вызвал у своих откровенное ржание, вскоре к ним подъехали два мотоцикла и присоединились к общему веселью.

— Восемь из того гроба, плюс эти пятеро, на своих тархтелках подъехали, тут мне ловить нечего, а вон тот, что постарше выглядит, смотрит постоянно в мою сторону, меня то увидеть ему нету шанса. Но видать битый волк, нутром гад почувствовал взгляд, опытный вояка, точно самый опасный из этой группы. Отойду лучше немного назад, обожду пока они уедут, надо будет поглядеть что там в танках осталось, один горелый а вот другой вроде как

просто брошен, не и ему в борт вlepили, точно в моторный отсек. А и дальше большие луга и редколесье, тут только ночью пройти возможно, а сейчас лезть на открытое верная гибель: - подавив в себе желание пальнуть по немцам, Саня пополз назад.

Осторожно, ползком, стараясь не издавать шума, углубился в глубину леса на добрых пятьдесят метров, лишь там встал на четвереньки, наблюдая за поведением птиц. Пернатые друзья, не обращая внимания на него, занимались своими делами, давая ему понять, что ничего опасного поблизости нет. Чертыхнувшись, вынул из ствола карабина тонкую веточку, после перевесил его прикладом вверх. Пробравшись ещё немного наткнулся на густой, высокий малинник, почти с полтора метра в высоту, занимавший собой небольшую поляну. Большие, острые колючки, плотная зелёная стена на добрых восемь метров радиуса, переплетения веток создавали непреодолимое препятствие. Но Санька, воспитанный дедом Артёмом, который в лесу себя чувствовал как дома, знал использовать кустарники как отличное убежище, где даже волки не залазят а и люди, пока не созрела малина обходят стороной. Взяв в руки длинную ветку, что валялась поблизости, начал раздвигать переплетения стеблей, создавая небольшой проход, за каких-то пять минут он уже был в самом центре этих колючек. Там вырыл из земли часть растений и прислонив на остальные, стараясь не поднимать вырытые ввысь. Получилась маленькая полянка невидимая со стороны. а вернув на прежнее место стебли, закрыл за собой проход. Лишь тут позволил себе расслабиться, и тут же желудок напомнил о себе. Вынув из котомки наган, что лежал сверху, отряхнул от крошек хлеба. Пока были эти все маневры по лесу, краюха засохшего хлеба основательно была издроблена барабаном револьвера. — Теперь ко всем заботам ещё надо чистить железку. Да и дно фляги скоро будет видно. Но сперва утихомирить урчание пустого желудка, — последние, грамм с двести, триста, колечко колбасы с остатками хлеба исчезли в мгновенье. Позволив себе четыре глотка воды, занялся чисткой оружия.

— Всего три часа, если точно идёт это трофейное чудо. До вечера успею и поспать, дальше ведь предстоит ночные, быстрые переходы. Наверняка немцы не ездят в потёмках, так что идти можно вдоволь дороги, по обочине пути. Летние ночи короткие и следует торопиться, дойти до следующего леса. Ну а там будет видно куда дальше, компас со светящимся циферблатом и стрелкой поможет мне не запутаться в направлении. А ещё и надо успеть обследовать тот танк, который выглядит целым. Главное не налететь на припозднившихся немцев на своём пути, не надо сейчас мне стрельба, в потёмках, по непонятным целям, может быть и кто-то из наших, как я к своим пробирается;-составил себе план Матвеев;-Ладно, сыт вроде, почистил все, пора и на боковую, слава богу что не храплю, тут безопасно, хрен кто меня найдёт. Мысли и волнения в сторону и как деда учил ощутить течение времени, тогда и без будильника проснусь когда надо.-

Вспомнив тот год на пасеке с дедушкой Артёмом дотронулся до бирюзового камушками, вплетённого в кожаный ремешок, приятный холодок растекся по ладони. Теперь он носит его на шее, его черёд, напоминая о тех беззаботных днях, — Хороший и очень добрый к нему был деда, хотя и о нём старухи возле церкви всякие глупости говорили. Думали я не услышу, раскудахтаются на пол села, не обращая внимания на остальных. Мол вон, приёмьш того нехрестя, ведуна пердуна, опять кому-то мёд несёт, сами они пердуны старые. Когда бабы воду из колодца доставали почти всегда своими ароматами воздух пополняли, пердят постоянно, словно только горох едят. А и какой он нехресть, иконки в его избушке в углу висели, потемневшие от времени, на дощечках нарисованные. Ну конечно, если руку на сердце не очень то и молился, крестился дед. Больше по утрам выйдя на порог,

брал в ладонь этот камень и что-то бормотал себе под нос, глядя на восхождение солнца. Говорил, что тот камень давно у них в роду, мол его дедовом деду дед дал, давным-давно, доставшись в наследство. Ещё тогда он пожаловался Артёму, о том что судачат старухи в селе. Тот только рассмеялся, мол не обращай внимания на них, бабские языки длинные да ум короткий, пусть себе чешут, от нас не убудет. Один хрен, когда хворь какая-то приключится, завсегда прибегут помощь искать, от дохтура пользы мало, да добираться далеко, а я тут, рядом.

Так вспоминая о том годе Саня и заснул, впервые за все время с улыбкой на лице и каким-то теплом и спокойствием в душе. И проснулся когда начало заходить солнце, точно как и задумал. Повалявшись ещё с пяток минут собрался и покинул убежище в самом центре малиника. Уже знакомым путём, добрался на край леса, оба танка сиротливо стояли на старом месте, большой луг был пустынным. А на дороге больше не было никого, — видать колонны передвигаются только днём,-

Но не желая рисковать попусту, на четвереньках дополз до того, с виду целого Т-26, люк в днище был открыт и грех не воспользоваться возможностью незаметно попасть внутрь. Через минуту сидел на месте наводчика и пытался разобраться что и где находится. До сих пор в танках он не был, видел только снаружи, всё было в диковинку. Обследование не дало абсолютно ничего, снарядов не было, пулемёты ДТ отсутствовали? никаких припасов не было. Словно кто-то, с развитой хомячей натурой, до него побывал здесь. Из всего полезного нашлась лишь алюминиевая ложка и клубок чистой ветоши. Попробовал открыть затвор пушки и обнаружил что какие-то детали тут отсутствуют, видать экипаж постарался привести все в нерабочее состояние.

— Тут ловить нечего, — вздохнул разочаровано, пока нет никого решил заглянуть в тот, горелый, и там под сиденьем механика- водителя наткнулся на почти полный диск патронов к пулемёту.

— Годятся и для моего карабина, сорок штук, эх, ещё бы какую гранату найти для полного счастья. Хреновый из меня трофейщик, больше терять время попусту на эти мёртвые железяки не буду, один чёрт ничего не понятно. Даа, пяхота я неумытая, необразованная, кстати воды почти и нет. надо позаботиться.-

Через пять минут шагал вдоль дороги, лунного света ему было достаточно, что-бы не влететь в колдобины. — Если не останавливаясь идти, до к рассвету можно добраться до следующего леса, хотя там, надо будет вести себя поосторожнее, рядом, в трёх километрах село. А после здешних хуторов доверия к местным больше нет.

К половине второго ночи возникала большая проблема, дорога раздваивалась, куда дальше не ясно, по компасу надо в лево, но судя по отсутствию следов, в том направлении никто не ездит, в отличии от правой. Чесание затылка не сильно помогло, вокруг луга, засеяные пшеницей, рожью поля, абсолютно негде скрыться днём.

— А где наша не пропадала, чего думать, надо на восток и край, левая дорога не подведи.-

До четырех часов топал Санька сверяя направление с компасом, тут он никогда не был, абсолютно не знакомые места. Но видимо везение не оставило его, редкие деревья постепенно превратились в густой лес, небольшие поляны, с множеством свежих пеньков, говорили что эта дорога проложена лесорубами. Так что и с водой будет всё в порядке, лесов без родников не бывает, найти не большая проблема для него. Настроение пошло в гору, даже ремень карабин не так беспокоил плечо, до рассвета осталось где-то час с половиной.

Следовало поторопиться, пройти как можно дальше, и что-бы не потерять время он вышел с обочины на путь. Самоуверенность едва не стоила головы, в последний момент успел пригнуться.

Свет маленького костра освещал три немецких мотоцикла с колясками, стоящее из-за густых кустов. Рядом палатка, чуть дальше замаскированный пулемёт, часовой выдал себя огоньком сигареты. Его лишь это выдало.

— хорошо справляется со своими обязанностями, в стороне, пламя костра не слепит глаза, с умом выбрал место. Видать не первый раз в лесу, опытный вояка, но судя по огоньку сигареты стоит боком когда мне и зато и не заметил как прусь по центру дороги. Ох и мне повезло придурку, да обернулся на секунду и увидел бы мой силуэт. А что было бы дальше страшно и представить. Непонятно, три мотоцикла, это минимум шесть человек, а по уму и больше. Один на страже, один спит возле пулемёта, до сюда его храпенье слышно и как остальным не мешает. Неужели в ту маленькую палатку четверо залезли, по этой жаре. Эх жаль, гранаты нет, как бы сейчас пригодилась. Задолбал уже этот часовой, постоянно бросает взгляд в мою сторону. Ну чего тебе не спится, вон как всё мирно, даже сов не слышать, давай, вздремни малёху гад. А я за то время уберусь отсель, все останутся живы и здоровы, хотя на вас мне наплевать, главное я останусь жив и невредим.-

Уже добрых пол часа Санька стоял полусогнутый, не смея двинуться в сторону, выдать себя не осторожным движением. За год проведённый на пасеке, хорошо научился у деда Артёма как себя вести в лесу. Дёргнешся в сторону и любой тебя увидит, даже краем глаза, по горизонтали только живые существа перемещаются. Так что осталось только потихоньку опускаться вертикально, к земле матушке, ну а там ползком, по обочине, медленно свалить подальше отсюда.

Почти столько же понадобилось что-бы спуститься, все мышцы начали болеть от того. Наконец-то удалось, без каких-либо звуков, резких изменений своего положения, исчез с просматриваемого немцем пространства. Ещё десять минут ползком по обочине пути и можно перевести дыхание, теперь между ним и лагерем мотоциклистов сто метров.

— Пронесло, хорошо что не в штаны, расслабился через чур, хренов вояка. Ещё эти за каким-то спят в лесу, деревень им мало что-ли, нашли тоже мне место. А впрочем если подумать то что-то подозрительно все получается, умные они, тут точно не случайно. И как назло гранаты нет, сейчас бы повеселились, пока спят. Минимум тех, что в палатке к праотцам отправлю, кидать то я хорошо умею. Тетереву в голову камнем на раз попадал, а тут в полуоткрытую палатку всего лишь.

Пока стоял почувствовал как ремень карабина давит на плечо, да и котомка тоже.

— Пять минут ничего не решает, сниму и отдохну, глотну воду, в горле как в пустыне, перенервничал слишком.

Вода кроме освежения заставила проснуться Санькино врожденное любопытство, из-за которого ещё мальцом столько раз был выпорот, и всё даром. Хотя уже и сам себе постоянно повторял-"что любопытство кошку сгубило", безрезультатно. И вот опять нет мира от своей природы, гложет душу.

— От действительно, ну чего немчура торчит тут в лесу, у дороги, где кроме лесорубов почти и нет никого. Вон в колее и трава кое-где проросла. Как бы часового вырубить, тихо, у него наверняка моя заветная граната, может быть и не одна, не даром моя жаба жадюга разволновалась. Тогда тем в палатке кранты, как и пулемётчику, положу под бочок и проснуться не успеют. А у них добра всякого полезного, харчи, оружие, кто знает может

быть и ещё какая-то неучтёнка, и все мне надо, гол как сокол, исхудал совсем. Не так дело не пойдёт, думай башка, думай, а то совсем обленилась.

И тут на ум пришло воспоминание, о том как дед Артем острой рыбу бил по весне, и ещё заставил и его. Пока научился, столько подзатыльников получил ужас просто, как голова не отпала. У Артема рука крепкая, ещё и говорил что для пользы, дурь выбивает.

— Эх Гришаня водила, ножик твой придется разкурочить, короткое лезвие, рукоять для моего плана помеха.

Спустя пять минут длинный, острый кусок рессорной стали, бывший раньше ножом, превратился в наконечник небольшого копья. Револьвер переключал за пояс, карабин за спину, прикладом вверх, так чтобы при необходимости сразу ухватить его за ствол снизу рукой и в секунду быть готовым? открыть огонь. Засовывая котомку в кусты вспомнил о бутылке самогона, почти две трети осталось.

— Совсем забыл, так эта сивуха горит отлично, коктейль Молотова! Только стекло толстое, упадёт на мягкое и не сработает.

Пол часа прошло от того времени, и вот он стоит на расстоянии каких-то десяти метров, позади сидящего на канистре часового. Тот наклонился на ствол дерева? спиной, представляя из себя очень неудобную цель. И как на зло не дремал, поглядывая по сторонам во всю хрустел галетами.

— И когда уже нажрёшься, дундук хренов, ну встань пожалуйста, ноги разомни, расселся козлина.

Лишь через десять минут немец покончил с едой и согнувшись вперед, попытался взять флягу, лежавшую на земле. Такой удачный момент нельзя пропустить, самодельное копьё со всей силой брошенное умелой рукой, вошло точно под лопатку. Длинный наконечник достал своим кончиком сердце, прервав жизнь молодого парня из небольшого села вблизи Штутгарта. Тело без звука, как мешок свалилось, покрыв собой флягу.

— Готов! Готов! Получилось, спасибо деда за потзатыльники, за науку, и мёртвый мне помогаешь. Таак, не торопиться, проверить на всякий случай часового.

Внимательно смотря под ноги, обойдя густой, не высокий куст Саня проверил пульс на шее у своего врага, убедившись что добивать не требуется, занялся поиском заветной гранаты, той, о которой столько мечтал последних пару часов. Надежды на бутылку самогона это хорошо, но граната есть граната.

— Ну и где ты спряталась, моя дорогая, ну где же хорошая, эт чего за хрень господняя, нету. Винтовка одна, пистоль, с очень удобной рукояткой, как его там лейтенант наш называл, параблейм, параблин, не то, вообще не помню, и он один, штык нож тоже один, гранаты, моей гранаты нема! Ни одной штуки, вот гады! А это что ещё, колотушка чудная, ручка деревянная а верхняя часть металлическая? Это что, часовой поваром был? Обманули меня, чем теперь взрыв устраивать, козлы, гады, ну сейчас я вам устрою!

Сердитый на весь мир, из-за отсутствия вождельённого предмета, Саня взял в руки наган и подкрался по ближе к палатке. У самого входа стояли в один ряд четыре пары сапог.

— И как ним там не тесно, видать от наших комаров скрываются, вон полог из какой-то марли, воздух проходит а наши кровопийцы нет. Ладно, была не была, семь в барабане, шесть штук в карабине, всем хватит.

С трудом уняв дрожь в руках, он начал стрелять в спящих солдат, слева направо. Грохот выстрелов слился в один звук, наган щёлкнул в пустую и тут же упал на землю. Одним, резким движением, потянув за ствол карабин и ещё шесть выстрелов. Максимально быстро

репетируя, дымящейся гильзы вылетают в право с бешеной скоростью. Мгновение, и все шесть вестников смерти улетели. И тут же, над самой головой пролетел рой пуль, очередь, ещё одна и дальше тишина. И удар, копией колотушки часового, в грудь, только теперь она угрожающе шипит, не раздумывая поднял и запустил в направлении пулемётчика. Тут же упав на землю, срочно надо набивать патронами опустевший карабин, пролетело в голове. И в тоже мгновение взрыв, огненный куст во мраке ночи, на том месте где был пулемёт, и крик полный боли оттуда, животный, страшный. А потом какие-то булькающие звуки, всё тише, тише, секунд двадцать и оглушающая тишина на весь лес. Слышно только как Саня пытается затолкнуть лагунный цилиндр пвтрона в карабин, тот постоянно выпадает и опять лихорадочное заталкивание трясущимися руками.

— Галифе почему-то мокрые, стыдоба, мочевого пузырь предатель, усцался блин, только этого мне не хватало. Идиот, и о шестом немце вообще забыл, совсем. И не повар тот часовой, не колотушка для картохи, граната, та которую так искал?. Тишина, кажись готово, швабы закончились совсем, здесь и сейчас, с чем могу сам себя поздравить. А о том, что галифе обосцал, никто никогда не узнает, свидетели померли, и хрен с ними.

Скинув быстро сапоги, пока сухие, кривясь, стянул исподнее вместе с мокрыми галифе. После чего поднял с земли наган и улыбнулся, при виде веточки торчащей из ствола.

— Вот зараза, придется чистить, только это не хватало, а на после не оставишь. Сперва это, потом уже и трофеями займусь, хоть и звук от моих пострелушек вряд ли кто слышал, да и если ошибаюсь, никто в пол четвертого, по незнакомому лесу шастать не будет. Ну а до утра я успею уйти отсель.

Спустя десять минут, с револьвером заткнутым за пояс позади, вытаскивал трупы солдат из палатки. Без всяких чувств поснимал с них часы и спрятал в карман гимнастёрки. А потом, найдя кусок брезента, складывал всё найденное оружие с одной стороны а на другую вытряхивал содержимое ранцев. Не поленился, сверкая голым задом под лунным светом, заглянуть в каждую люльку мотоциклов. Хомячья натура не позволила пропустить ни единой мелочи, оба пулемёта легли рядом на землю, не поместились.

— Ну не хрена себе затарился, как это всё унесу? Добра то сколько, жуть, раньше гол как сокол а теперя богач первостатейный. Види, види, бельишко шелковое, чистое, ненадёванное, как раз мой размер. Ух ты, шеколад, сахара сколько, почти кило. Консервы, галеты, даже вино, вот куркули, не на войну а словно на пикник едут. Ладно с жратвой понятно, с голодухи не помру, чего с оружием. Имеем аж две винтовки, три пистолета, пистолет-пулемёт странный, мп-18 пишет вроде сверху, весь потёртый, старый и магазин кажись с левой стороны вставляется. Смешно выглядит, с барабаном на краю. Пулемёты два, вернее один целый а другой граната в металлолом превратила. Патронов навалом, да и гранат двенадцать штук, можно воевать серьёзно. Тащить только как, я ж не лошадь ломовая, а усё мне надо и то сразу. Ох жадность моя, как теперь быть, пожую чего бог послал а там, на полный желудок, разбираться буду.

— Види ты это, немчура до чего додумалась, в консервы колбасу запихали, вкус что резина. Не, я такое токо с пьяну съесть смогу, ну его. А чего в этой, таак, франсе пишет, эт чего французы харчами своих врагов обеспечивают. Класс, рыба, тает во рту, умеют готовить, даже с этими галетами солдатскими отлично идет. Вино, токайское, хунгари, эт ещё что за страна, в жизни не слышал. Мож где в южной Америке, Африке, хто его знает. Сладкое, густое, грехота оставить, одну флягу с ним унесу. Пожрал и будет, оружие собирать пора. Ну мп-18 тяжелый, да и всего два магазина к нему, зато патроны что к нему и

пистолетам одинаковые. Пулемёт один исправный и всеодно придется оставить эту дуру, а автоматическое оружие надо. Так что выходит у меня из оружия пистолет, мпэшка, карабин и наган. С боеприпасами и гранатами, харчами почти два пуда. Вот счастья привалило, не побегаешь. А и сапоги немецкие вроде как ни чего, покорооче наших, но зато добротно сделаны. Сейчас и примерю, удобно, почти мой размер, беру. Вроде все, собрался, остальное в овраг, вместе с с мотоциклами и телами. И ветками закидаю, были немцы да сплыли, место стоянки тоже замаскирую. Нехай начальство ихне думает что хочет, даст бог и обвинят местных, мелкая гадость а душу греет.

Провозившись до восхода солнца со всеми делами, усталый, но довольный, обвешанный оружием, с набитой до краев котомкой, двинулся в путь. Своим видом привёл бы своих командиров в шок. Верхняя половина тела выглядела нормально, строго по уставу Красной Армии, а вот от пояса, вниз тоже по уставу, но только Вермахта. Надевать свои галифе и исподнее, пропитанное потом и мочой побрезговал, хоть и помнил что своё не воняет.

— Даст бог, найду ручей, постирушки затею, а то как к своим выйду, воняю на километр. Дурдом полный, даже комары разлетаются от меня, бомба химическая самоходная, на двух ногах ходячая. От блин, спать охота, ладно три часа выдержать могу а там видно будет. Десяток километров пройду наверняка, там и начну искать место для ночлега. Торопиться с таким грузом не с руки, след глубокий за мной остаётся на мягкой земле.

Так и шагая три часа без остановки, выбирал постоянно, где смеет ступить, даже кое-где выломанной веткой, как метлой уничтожал свои следы. Что-бы поднять себе настроение и разогнать сонное состояние, бубнил под нос;-Где бронепоезд не пройдёт, не пролетит стальная птица, Саня на пузе проползёт и не хрена с ним не случится.

Дорога начала вилять и отклоняться потихоньку на север, Саня вздохнул, оглянувшись по сторонам, углубился в густой лес. Примечая маленькие тропинки, созданные животными, пришел к выводу что где-то поблизости водопой, слишком часто попадаются. В том, что это не людские, было ясно видно тому кто знает лес, над тропинкам, на высоте метр, полтора ветви все были целыми, без единого оторванного листа. Переплетаясь, выглядели как полумрачные туннели, тут человек мог пролезть лишь на четвереньках, приходилось обходить вокруг, что с таким количеством вещей и оружия было не легко. Но трудный путь оправдал себя, маленький ручеек с холодной, чистой водой, чего ещё желать усталому путнику. В одном месте вода разливалась, образуя небольшое озерцо.

— Отлично, лучше не найти, простираются, помоюсь, осталось найти в этом буреломе для себя хорошее убежище. Банно-прачечный день, по поведению птиц видно что тут нет живой души надалёко.

В каких то пятидесяти метрах, несколько старых стволов деревьев упали в одну кучу, давно, густые кусты проросли между ними. Надо только создать неприметный проход в самый центр, там расчистить от растений и упавших веток пятачок.

Через полчаса всё было готово, нормальный ночлег, для того кому важна безопасность. Котомка и всё оружие, кроме нагана, легли на сухую листву, две вбитые в землю ветки выступили в роли сушилки сапог. Вынув из карманов гимнастёрки документы, трофейные часы и зажигалку, положил под большим лопухом. Босиком, с влажным галифе, кальсонами, куском трофейного мыла и наганом в руке отправился к ручью. Дойдя, разделся до гола и уже хотел начать помывку, но стрекотание белки встревожило, не раздумывая много, забрался на высоченный дуб и скрытый в густой листве принялся осматривать окрестности.

Семья мохнатых свиней прошла невдалеке.

— Да чтоб те ни дна ни покрышки, свинюка дикая, окорок недорезанный, шастаешь со своими выводком, мира от тебя нет.

Убедившись что тревога была напрасной, вокруг никого, принялся старательно стирать свои вещи. После придирчиво обнюхал все и довольный результатом повесил на ветку.

— От теперя другое дело, ни одного постороннего запаха, кроме от мыла немецкого. Искупаюсь, поем и спать. Хорошо догадался вырезать из той палатки кусок, завернусь в него, пока бельишко сохнет, до вечера времени хватит, высохнет. Эх, жаль полотенца нет, ну и так сойдет.

Рядом на дереве сидела любопытная белка и рассматривала необычного посетителя, как тот, усевшись в маленькое озеро, поливал себя с помощью пустой консервной банки, смывая с тела пену. Никакой угрозы от него не исходило и она спустилась на нижнюю ветку, поудобнее уселась, такое зрелище грех пропускать. Но вскоре существо выбралось из воды и взяв что-то висящие на дереве, оставив под листвой жестянку, скрылось в гуще высоченных кустов.

— Хорошо то как, кожа аж скрипит, как поново на свет родился. Странная пока у меня война, как на курорте.

Макая сухие галеты в масло рыбной консервы, не? спеша ел, оставив за край саму рыбу. Сидя голым, на куске матерьяла вырезаного из палатки, вокруг стеной висело его белье. О том что кто-то может его увидеть он не беспокоился. Снаружи листва растений надёжно скрывала его, можно было расслабиться на короткое время.

Перекладывая перед сном свои пожитки вспомнил как в его распоряжении появился карабин. Ещё тогда, до войны, собираясь с Гришкой в поездку, пытался засунуть в кабину свою мосинку, матерясь себе под нос из-за ее длинны. Невдалеке стоял старшина, прижимистый хохол из Шепетовки, города на старой границе с Польшей, посмеявась в густые усы.

— Ни чего не выйдет боец, трёхлинейку не для того выдумали. Полежай со своей оглоблей в кузов. В кабине для этого нету? места.

Услышав совет старшины, водила Гришаня поднял скандал.

— На кой ляд он мне там нужен. Лучше вообще без него, местные как увидят одинокий грузовик, да ещё и водитель сам, нападут точно. Чего думаете, что вы одни такие вумные, одо я к дохтуру, скажу что живот болит страшно, и хрен вам от поездки.

Старшина аж крякнул от такого фортеля, приказ получен, муку по пограничным гарнизонам надо то развести. А водитель свободный один, другие в разъездах и не скоро вернуться. Хош не хош а надо выкручиваться?.

— Слушай сюда балбес, свою винтовку сдашь мне на хранение, взамен дам тебе салага свой карабин. Береги его, иначе из нарядов не вылезешь у меня. Обожди тут, сейчас я принесу.

Через пять минут Саня держал в руках карабин Мосина, образца 1938года. Но в отличии от остальных он был оборудован несъёмным штыком от винтовки.

— Ух ты, первый раз вижу такой. Эт что новая модель?

Хитрый старшина, ветеран финской компании, довольно усмехнулся и объяснил почему оружие так выглядит;-Не салага, обычный карабин, но когда с длинной, метр с половиной дурой по окопам поскачешь, поймёшь, что сейчас в руках держишь. Я за переделку карабина три литра самогона мастеру-оружейнику дал, йиндивидуально вещь под меня сделана,

главное начальство на него глаз свой не положило, отнимут. Не дай бог что сломаешь, я ты как бог черепаху, гони сюда свою оглоблю и геть с моих глаз пока я добрый.

Саня переложил необычный карабин на кривую, сухую ветку, подальше от сырой земли. Кто знает, где теперь страшна, жив ли, в это нелёгкое время.

— Эх старшина, спас ты меня, спас и то дважды, сам того не подозревая, если бы не тебя, уже давно кормил бы червей. Первый раз с одной бабой на хуторе, другой с грибником грёбаным. Выручает твоё оружие, даст бог выжить верну его в хозяйские руки. Мудрый хохол, иногда, когда ему скучно было, рассказывал о Украине, знал столько всего интересного, хитрожопый конечно, но справедливый. Вон как объяснил в чем разница между ними и этими, местными.

— Ты покумекай хоть немного своей макитрой Матвеев, талдычишь Украина а понятия не имеешь о чем говоришь. Украина, у краина, край, часть чего-то единого, дурья твоя башка. Один народ, одна судьба, просто название территории, большой. А не людей которые там живут, эт как твою Пермскую область назвать краем. Ну как Краснодарский край, за пример. Люди одни и теже, а разница в языке есть, так и между двумя сёлами словечки разные одно и тож означают. Вдолби в свои мозги, хоть и сомнения у меня большие, что они у тебя есть, украинци, белорусы, русы, одна и та же хрень, один народ, одна вера, одна душа. А вот с западенцами по другому, они своих? предков давным-давно предали, переметнулись под римских пап, зато и носят проклятельство предательства сквозь века, так и идет оно с поколения на поколение у них. Не даром пшеки них вообще за людей не держат.

Сделав глоток вина из непонятной страны, хунгари, Саня свернувшись в клубок заснул, снилось ему детство, беззаботное, обязанностей с гулькин нос, под коровой почистить, дров, воды мамане натаскать, курей выгнать из курятника, ну и собрать яйца и отнести на кухню. Дать пинка бодливой козе соседской, если она в огород наш забралась. Подёргать Олёнку за косички, девчушку живущую два двора дальше к церкви.

— Во как хнычет, хнычет и хнычет, не замолкая, сейчас побежит зараза жаловаться мамане, опять меня из-за енттой холеры выпорют. Вот ябеда, и дальше продолжает, да успокойся уже.

Открыв глаза и не понимая ещё что уже не спит хотел заорать на несносную паразитку, из-за которой столько раз пострадала задница. Мягкий свет заходящего солнца и притихший лес вокруг вернули в реальность. Стараясь не поднимать лишней шум, вынул из котомки револьвер, потом сел и внимательно, слушая что происходит вокруг понял что хныканье ему вообще не приснилось. Где-то невдалеке, кто-то тихо плакал, тихо тихо, как ябеда Олёнка из его села, без каких-либо понятий как следует вести себя в лесу.

— Вот дура, слышно же за километр, сама пропадёт и меня выдаст, а такое хорошее место для ночлега. Хочешь не хочешь, надо что-то делать с ней. Но поперву разнюхать, кто и чего там, мож засада хитрая или ещё какая-то пакость, — Натянул ещё немного влажные галифе и гимнастёрку, потянулся было за сапогами но передумал в последний момент. — Босиком надёжнее, — не лопнет предательски под ногами ветка, трава не зашуршит о кожу сапог. Ужом выскользнув из под бурелома, пригнувшись отправился на разведку.

Осторожно, метр по метру, от одного скопления густой растительности до другого, выбирая где поставить стопу, без единого звука. Там где сомневался, что можно выдать себя шорохом опавшей, прошлогодней листвы, возвращался немного назад и искал более безопасный путь. По широкой дуге, обходя то место откуда и дальше слышалось очень тихое хныканье. На то, что-бы пройти сто, сто пятьдесят метров по прямой, потратил почти пол

часа. Зато удалось подойти к цели на два метра, и из-за густой хвои молодой ёлки рассмотреть все.

Лет двадцать, на первый взгляд, имела русокосяя девчушка, одетая в повседневную форму санитарки. Сидела, наклонившись на ствол сосны, рядом с ней большая, брезентовая сумка с нанесённым красным крестом на белом фоне, небрежно брошенная на землю. Одной рукой периодически утирала слёзы, не замечая как прилипшая к ладони грязь таким образом полосами размазывается по щекам. Из копны волос торчали мелкие веточки, полную картину дополняла хвоя равномерно покрывающая все. Длинная юбка на нескольких местах имела солидные дыры, сквозь которые виднелась белизна ног, обутых в миниатюрные сапожки, вымазанные в болотной тине, по самые голенища. Санька, по своей натуре, не слишком уделявший внимание внешнему виду, при взгляде на это был шокирован. Приблизившись на каких-то пол метра с левой стороны, не выдержал. Едва слышный, ехидным голосом произнес фразу за которую сразу же поплатился. — Если бы я так же, как ты выглядел, то тож заревел.

Следующую секунду что-то промелькнуло перед глазами и его сознание решило взять короткую паузу. Когда оно соизволило опять заработать, он ещё не совсем придя в себя окончательно, громко чихнул от какого-то смрада. Не открывая, глаза он констатировал что почему то лежит, голова немного болит, ну и нет ощущения давления нагана на поясницу. И голос рядом

— Эй, ты как? Извини, я не хотела, я же не знала что ты свой, я вообще очень испугалась, извини. Вставай, вижу по ресницам что пришел в себя, да и чихать начал от нашатырного спирта,

Слова потоком полились на лежащего Саню, смешав все мысли в хаотичный клубок.

— Тихо, замолчи на секунду пожалуйста.

Опираясь на руки с трудом удалось сесть, потом взглянуть на стоящую на коленях рядом с ним девчушку. Выражение её лица вызвало смех, смесь испуга, вины, надежды в глазах, равномерно размазанная грязь, непослушные волосы копной на голове, с торчащими иголками хвои, листочков. Пару минут спустя наконец обратился к ней что-бы выяснить обстановку.

— Эт я чего, потерял сознание?

— Ага, упал как подкошенный.

— Даа, наверное от того что тебя увидел, ну ты и чучело, леший бы испугался, так и со мной, страх меня подкосил.

Девушка опустила взгляд и виноватым, жалобным голосом, объяснила что произошло на самом деле;-Нее, эт я тебя от страха сумкой по башке, извини, я не хотела так сильно, я ж не знала, сидела в одиночестве, вокруг никого и вдруг ты, как дух возник рядом. Ну я того, это, ну не хотела, извини.

— Ну да, не хотела, вырубил с одного удара, ощущение что меня кто-то дубиной приголубил. Ты что, в своей сумке кирпич носишь? И как ты тут в лесу появилась, искала укромное место, что-бы в волю наплакаться?

— Мне что, больше нечего делать, кирпичи таскать, ну ты даешь, там у меня бинты и медикаменты. И кстати, вот, держи, револьвер твой, выпал из-за пояса, когда я тебя случайно сумкой огрела.

— Спасибочки, эт наган заслуженный, терять его мне никак нельзя. Да и какие такие ты говоришь бинты, у меня шишка от них с яблоко. И вообще чего тут мы рассиживаем, хоть

и глухомань полная, но лучше на безопасное место уйти отсюда. Там и поговорим, собирайся чучело мяучело, убийца несостоявшийся, сейчас только дух переведу и топаем отсель.

— Сам ты чучело, на себя посмотри, босой по лесу шастаешь, людей пугаешь.

Саня насмешливо посмотрел на девушку и добавил; -Стоп, извиняюсь, до чучела тебе далеко, надо для того хотя бы немного себя в порядок привести, тогда точно будешь на чучело похожа. И вообще прекращай, потом можем ругаться вволю, но только тихо, и смотри под ноги, идёшь сейчас за мной, след в след. Давай сюда свои медикаменты, тебе сподручнее, хоть и мелкая а каблук твой на землю давит. Ого, ну и ни чего себе сумочка, там точно бинты? Ты ничего не попутала? Да и между прочим, тебя как звать то?

— Точно бинты, не сомневайся, специальные, с гипсом, для фиксации переломов, обмотаешь, водой из фляги польёшь и готово. Светка, ой, не, Светлана Игоревна Голубкова.

— Рановато ты Игоревной звать, Светка пипетка, я Матвеев Александр, Саней клич, так мне привычнее. А теперь тихо, мы нашими разговорами всех птиц в округе переполошили, смотри куда шагаешь.

Обратно, на путь к месту ночлега, потребовалось всего лишь пять минут, Голубкова с сердитый видом плелась позади, едва сдерживая себя что-бы не ответить на обидное с детства прозвище пипетка. Задевая юбкой, торчащие со всех сторон, острые ветки, этот Саня как назло пёрся самым неудобным маршрутом, выбирая густые заросли. Хотя рядом чисто, можно было пройти без каких-либо проблем. А вход в ночлег, накарачках, между стеблями, совсем не нормальный, ещё и разговаривать запрещает, и это сейчас, когда у неё столько вопросов крутится в голове, — Изверг неотёсанный!

Обождая пока пигалица пролезет в его убежище, проверил, оставила ли где видимый след, на пару мест пришлось отиски каблуков забросить листьями. А после возвращать на место стебельки, маскируя проход, пока ещё не зашло солнце, разобраться с сложившейся ситуацией. Наконец все меры предосторожности выполнены, можно и немного расслабиться, глотнуть воды. Эта Голубкова уселась зараза точно на центр куска вырезаного из палатки, мелкая а места заняла, жуть. Так, где там фляга? Не понял, где вода?

— Эй, ты чего, всю воду выдула пока я с приходом возился?

— Ой, извини, меня страшно мучила жажда, а тут в лесу и ручейка не найти.

— Ну да, сразу видно, городская фуфа, воду не нашла, зато болото без проблем, вон, даже на носу грязюка. Ты вообще за каким по лесу шляешься, в одиночку.

— Да я не специально, оно само так получилось. Сначала от немцев убегала а потом заблудилась, вчера, пыталась найти дорогу, спала под деревом, страшно то как. И ещё сова, большущая, рядом на ветку уселась, и смотрела на меня своими огромными глазами, ещё и угукала на меня. Я в неё шишкой а она сидит, пялиться только, огромная, серая, толстая.

— Ладно, о сове после, ты от каких там немцев удирала, где? на них наткнулась, и поподробнее, мне это важно. — остановил причитания девушки Саня.

— На дороге, я за ранеными из Ивано-Франковска, из госпиталя, мы на двух полуторках, раненых вывозить ехали, а тут танки нам навстречу, один на секунду остановился и бабах. Я позади в грузовике, а Сергеич в передней полуторке, они как взорвутся, Олег, ну водитель, орёт-"Тикай дуреха, сейчас нас накроет, не успеем развернуться!" — и по тормозам.

— Я сумку в руки, выскочила, и в кусты придорожные, не оглядываясь. Испугалась, бегу, слышно опять взрыв, за спиной, ещё один, поблизости, меня взрывной волной на

землю. Едва встала, в голове звенит, оглохла на некоторое время, смотрю листья на голову посыпались. Не поняла сразу, это по мне из пулемета стреляли, в сосну рядом попали, аж щепки веером. А я маленькая, да ещё в низинке, все пули надо мной, но всё равно, так перепугалась, так перепугалась, согнулась и не раздумывая дёру в лес. Сколько бежала, куда, сама и не знаю. Остановилась лишь когда влетела в какую-то яму, упала в болото там. Села и в плачь, мы же ехали по раненных, тут где-то в этом районе, рота пехоты и три танка наша, дорогу блокировать посланы. Там один из трех командирский, с радиостанцией, сообщение пришло, мол отбили две атаки, есть восемь тяжело раненных, ну и нас послали. В первый раз и вывезли, ещё легко раненные остались и гражданских вроде как с десятков, другой. Остальных раньше вывезли, там несколько грузовиков, автобат эвакуировали, ну те и в кузовам люде разместили.

Вроде как семьи военнослужащих с ними, ещё говорили что это всё, что осталось после бомбёжки. Мол, остальные сгорели под чистую, мало кто выжил. Ну так они все с нами, одной колонной до города, а там мы в госпиталь и назад. Тут-то? и на пол пути налетели на немецкие танки, как так получилось? Дорога то одна, холмы высоченные, поросшие лесом, вокруг. Есть ещё узкие просеки, но по ним только на подводе проедешь. Как же то немцы прорвались, там же три танка наша, пехота с пулеметами дорогу перекрыли.

И Светлана закончив свою историю внезапно осознала ответ на самой же поставленный вопрос. Замолчала, по щекам потекли слёзы, прокладывали себе путь сквозь засохшую грязь. Плакала тихо, тихо, периодически смешно шмыгая носом, уткнувшись взглядом на свои грязные ладони. Молчала, не смея произнести вслух страшную истину.

Саня не находил себе места, сбивчивый рассказ подтверждал увиденное ним по пути. Два уничтоженных танка и оба обычные, без поручневой антенны, командирский выходит остался цел и невредим. К тому же кто-то вынул из спонсонов ДТ, да и дисков с патронами не было. Немцам и своего оружия хватает, так что танк и пехота просто отступили, организовано, раз успели покопаться в подбитых Т-26. А весть о том, что его автобат, успел хотя бы частично эвакуироваться, подняла настроение, хоть и добавила головной боли, как теперь догнать своих. Да ещё с этой обузой, не бросать же эту Голубкову, пропадёт как пить дать.

— Матвеев, извини, у тебя есть ещё воды немного? Пить хочется.

— Тебе целой фляги не достаточно было? Выдула всю, а обо мне и не подумала.

— Ой, и вправду, извини, я с вчерашнего дня от жажды дурею, воды нигде в лесу нет ни капельки.

— Это для вас, мадамов, воды нет, мы перьямки и в пустыне если надо родник найти сумеем, кстати а ты откуда?

— Из Чернигова, после курсов медсестёр в госпиталь сразу, опыта мало, меня и в сопровождающие отправили. А я так хотела в авиацию, знаешь, а у нас в городе на истребителей учат, вся молодежь бредит о небе. Меня врачи не пропустили, говорят что с видом какие-то проблемы, врут гады, отлично всё вижу. Деваться некуда, ну и подалась в медицину. Хотя сначала крови очень пугалась, но ничего, привыкла. Да, а с водой точно не проблема? Совсем в горле пересохло.

— Не волнуйся, посиди пока тихо, я быстро смотаюсь, тут рядом. И давай решай чего дальше, со мной к нашим или у тебя есть какие-то другие планы.

Светлана ответила не раздумывая ни секунды, боясь упустить такой шанс. Уверенный в себе, судя по всему, хорошо ориентируется в лесу, оружия у него полно, да ещё и

симпатичный.

— Да куда я одна, в трёх соснах заблужусь, давай вместе к своим пробираться, легче вдвоем.

— Хорошо, раз так решила то будешь подчиняться моим командам, должно быть в нашем отряде единоначалие, если собираемся выжить.

Саня окинул критическим взглядом девушку, почесал затылок стараясь растянуть время и придумать, как бы ей покультурней сообщить, что своим запахом выдаст них на раз. Болотная тина, зной и ещё что-то создавали специфический аромат, хотя как кому, но собирать рой мух из всей округи пока в его планах не было.

— Так, задание первое, виш рядом с тобой немецкие штаны, прикинь, подойдут ли тебе, а то пока будем пробираться лесом ты свою юбку окончательно в тряпки превратишь. Попробуй примерить, я отвернусь.

— Да не буду я эти немецкие тряпки натягивать, сдурел совсем в лесу.

— Слышь Светик Семицветик я тебя не прошу, если собираешься идти со мной будешь выполнять простые правила. Если ты помнишь война сейчас, за любую ошибку платить придется кровью. По дурости пулю схлопотать не хочу, так что выбирай или или.

— Ладно, одену, но только до того момента, как выйдем к своим.

— Слав те Господи, сейчас примеришь и идём тебя приводить в порядок, бани не обещаю, но помоешься, вещи свои простирнёш. До утра высохнут, а пока в моей гимнастёрке походишь. Держи мыло, полотенца звиняйте нема, пока будешь купаться, стираться, старайся не шуметь. Не переживай, не буду подглядывать, поважнее дела есть, пока солнце не зашло разведу что в окружении нашем творится. Так что, как закончишь со всем, сядь между кустов и не отвечивай, тишину соблюдай. Там и воды напьёшься и флягу наполнишь, смотри не перепутай, сперва фляга а потом уже постирушки. Опосля, как со всеми делами разберёмся,? ужинать будем, так что поторопись.

Спустя пол часа Саня сидел вблизи ручья с наганом в руке и слушал как Голубкова что-то певушила, плескаясь в ручье. Привычный к тихому, неприметному поведению в лесу злился? на беззаботную дурёху.

— Вот же меня угораздило, хорошо хоть в округе нет ни души, совсем страх потеряла, забыла уже, как от немчуры драпала. Ну ничего, сейчас я те резиновую консервированную колбасу и сухие галеты подсуну. Пусть и она помучается, как я сейчас. Зараза мелкая, развела канитель, можно было три раза уже искупаться и всё постирать, беда вся от этих женщин. Надеюсь что хоть комары ей за меня отомстят.

Лишь через двадцать минут плескание прекратилось и вместо того что-бы дожидаться Саню в кустах Голубкова с ворохом мокрого белья зашагала к месту ночлега.

— Ты чего приказ нарушаешь, я же тебе сказал, что бы ждала меня у ручья.

— Да чего там, тихо, мирно вокруг я и сама могу дойти, не маленькая.

— Ты чего, с головой не дружишь, не я правила поведения придумал, за эту науку люди жизнями заплатили. А если бы тут немчура какая, волк иль ещё чего? Ты безоружная, прёшь как трактор, шумишь на всю округу, вона следы за тобой какие. Тебя слепой по ним найдёт. Не обижайся, но так вести себя нельзя, эт верная смерть. Тишина, прежде чем начинать со мной ругаться подумай, о том что тебе сказал. Не со зла, я же ты дурёху пытаюсь образумить, кто знает что там дальше будет. Давай, потихоньку двигайся в схорон, я за тобой пройду, от ручья до входа, затру след.

Проводил взглядом забавно выглядящую Светлану, натянутые почти до груди немецкие

галифе, на десяток размером больше её, гимнастёрка мешком, с закатанными рукавами. мокрые, но чистые сапоги с налипшими травинками. И убедившись что она, с трудом, но успела залезть в убежище, отправился к ручью. Собрал поломленные веточки, прошлогоднюю листву, затёр отпечатки босых ног на мокрой земле и внезапно наткнулся на своё мыло.

— Ну растяпа, мало того что наследила, ещё и единственный кусок мыла забыла, ох намучаюсь я с ней, к гадалке не ходи. Фифа городская, в голове ветер, так что вина хрен получит, и без него мозги набекрень.

Вернувшись в своё логово, без каких-либо объяснений, вытащил из-под девчухи свою котомку, порывшись выудил продолговатую консерву, zdrobленную Светланиной пятой точкой пачку галет.

— Ужин подан графиня!

— Ой, это всё мне, спасибо, я такая голодна, ты себе представить не можешь. А чего с банкой, мог бы и открыть.

— Сию минуту моя госпожа, хавайте и не обляпайтесь. И кстати, мыло от меня больше не получишь, тяперя пясочком умываться будете. На оно, что у ручья, оставила не рассчитывай.

— Больно надо, ну забыла, чего из этого сердиться? А я поняла, ты от воспаления жадности страдаешь, наверное за копейку удавиться готов.

— Голубкова, да здалось мне то мыло, ты лучше подумай хоть немного, лес, вокруг с виду нет ни души, и кусок мыла, влажного ещё, возле ручья. Как тебе теперь все выглядит, что жадность или глупость на повестке дня?

Понимаешь какой регион тут, я хоть и академии не заканчивал но в картах разбираться умею, два и два собираю без проблем. Вчера небольшой отряд немцев поделился со мной одной, подробной, с точным направлением ударов. Я как увидел обстановку, так за голову схватился. Тут ведь одно из самых неудобных направлений для маневра. Эти холмы, остатки Карпат, дороги хреновые и мало них, наши с этого направления наступления вообще не ожидали. А немчура как раз сюда и попёрла, через Румынию, своими группами, обученные к войне в гористой местности. А это не хухры мухры, солдаты должны быть опытными, волки настоящие. Так что они нашей любой ошибкой воспользуются по максимуму, а потом, я если честно, не очень хороший вояка. Но зато с мозгами дружу, собрав все части картинку понял, если нас с тобой обнаружат, то схавают нас на раз. Вон у них на карте стрелочки, виш направления, удар с юга, подрежут Ивано-Франковск с востока, здоровенный котёл, возьмут в окружение. С северо-запада, от Польши попрут главными силами на наших, а тут в тылу полный дурдом. Эти с юга, выйдя из лабиринта гор и холмов на оперативный простор устроят его без проблем. А то что не заплутают уверен, местные кадры помогут правильную дорогу найти.

Так что Свет, нельзя нам себя никак выдать, сейчас что местные, что немцы, один хрен, все против нас. Сегодня выспимся, отдохнём и завтра точно на восток пойдём, еды мало, рассчитывал то я на себя одного, но зато с водой проблемы в пути не будет. Дальше мелких ручейков, потоков должно быть полно. Главное чтобы ту лесную дорогу перескочить не заметно. По идее, она сейчас главный путь, для снабжения немцев в этой области.

Светлана слушая планы на завтрашний день молча поела одну колбаску за другой, упаковка с кусочками поломленных галет тоже стремительно пустела. Так что мелкая пакость не удалась и Саня даже сочувственно подумал, — Ну это же надо так оголодать,

жрёт ту дрянь и хоть бы хны, только крошки от галет летят. Видать перенервничала сурьёзно. Ладно, поделюсь с ней вином, глоток, два будет достаточно чтобы нервы привести в порядок.

С сожалением обнаружила, что вся еда, предназначенная для ужина, закончилась, отложила в сторону пустую консервную банку. Послушно сделала только один глоток из? фляги, с большим трудом преодолела себя, что-бы не сделать ещё один, вернула её своему спасителю.

— Ох и сладкое, первый раз в жизни попробовала такое. Ну чего, накормил, напоил бедную девушку а сейчас и спать можно. Я в этой половине, а ты, как настоящий мужчина, ложись к своим железякам. Там и листьев полно, мягко, как на перине. А я так и быть, на куске брезента помучаюсь.

— Даа, ты смотрю от скромности не умрёшь, в тебе нахальства больше чем ты вешишь. Ладно, я не барин, и на листьях выплусь, зато и вина хрен больше получишь, хунгарского, сладкого. Вся фляга идет мне, как компенсация за душевные страдания от общения с тобой.

— Вот тетеря, ты чего, какое хунгарское, совсем ничего не знаешь, хунгари по нашему это Венгрия, двоешник. И чему тебя в школе учили, диву даюсь, небось с уроков бежал.

От возмущения Саня аж поперхнулся, не зная что ответить.

— Ой беднинький, чего, хотел соврать да остатки совести не дали. Обойдусь и без твоего вина, не велика потеря.

— Свет, может хватит, спи давай, а то будешь плестись и жаловаться на всё на свете. А завтра по плану надо пройти километров пятнадцать минимум.

— Ну ты даешь, да это расстояние за три, четыре часа припеваючи пройду.

— Но ты у себя в Чернигове только сможете дорогуша, тут холмы, горы, прямого пути нету, так что смело, те пятнадцать по прямой, помнож на три. По немецкой карте они уже в Волыне, эт тут городок поблизости небольшой к северу. Мы же двигаем строго на восток, там, где дороги нормальной нет, лес густой, речушек полно, но зато людей почти и нет. Если будем выдерживать темп, то дня за три выйдем к своим. А теперь спокойной ночи, за три предстоящих дня можем поругаться вдоволь.

Все планы по выходу за такой короткий срок рассыпались как карточный домик по реальным положением. Первые дни, недели Вермахт используя внезапность при нападении, отличную координацию и почти полное превосходство в воздухе, проходили от тридцати до пятидесяти километров в день. Не останавливаясь, на полное подавление опорных узлов обороны Красной Армии, прорывались в тылы, пересекая линии снабжения, связи. Вызывая хаос, разбивая крупные соединения на отдельные части. Используя все удачные наработки французской компании, не повторяя тех ошибок с использованием артиллерии на конном ходу. Теперь во всех боевых порядках присутствовал авианаводчик. Если не удавалось сходу проломить оборону большевиков, сразу же вызывали авиацию. Благодаря оперативно поставленной связи, время между вызовом и падением первой волны бомб равнялось всего лишь одному часу. В данных условиях, Юнкерсы 87 показали себя как невероятно эффективная ударная сила, которая успешно заменяла гаубицы всех калибров. Перепахивая окопы, позиции артиллерии, блокируя любую коммуникацию, нападавая проходящие колонны на марше. После успешного нападения на аэродромы, русских в воздухе было не много, и в связи с этим истребители помимо обязанностей по прикрытию занимались охотой за красноармейскими танками. Пушка, калибра двадцать миллиметров, обладала довольно эффективным воздействием на верхнюю часть почти всего несущего броню. Короткая очередь

и очередной пылающий костёр, после первых страшных потерь экипажи моментально покидали танки, лишь только увидев пролетающие самолёты. Но и тут не было много шансов выжить, оставшиеся без людей, грозные, стальные создания стояли в одиночестве вдоль дорог. Полностью исправные, с запасом топлива и неиспользованным боекомплектом?. Просто не было вдовольном количестве, тех кто способен на них воевать, воевать по настоящему, с умом. Не летя безрассудно вперёд, под огонь противника. Хотя главный враг брони, старые тридцати семи миллиметровые орудия считались слабыми, даже сами немцы называли их дверными колотушками, снаряд с двухсот метров в борт выводил из строя почти любой русский танк. И пехота оставалась без прикрытия, вступая в бой с хорошо подготовленным, опытным врагом, который прошел победоносным маршем по Европе.

В умах командного состава зарождались панические настроения, безнадежность. Ситуацию подчас спасали те, кто на кого в последствии выльют огромное количество грязи. Наивные, подчас глупые политруки гнали на убой солдат, на пулемёты, в безрассудных атаках гибли молодые и старые, солдаты и командиры. Сотни, тысячи ушедших из жизни, по прихоти политрабработников. Но пройдет не один десяток лет, прежде чем в малом количестве умов появиться понимание, ведь именно благодаря тем атакам политруки дали время остальным прийти в себя, вспомнить о долге перед Отчизной, начать в конце концов воевать умом, не взирая ни на что. А что-бы скрыть свою растерянность, панику, паралич командования, во всех грехах оказались виноваты политруки. Так было удобнее, всю вину за свои ошибки свалить на других. На того идиота, балаболка, что кроме политинформации ничего не умеет подготовить и к тому же провести с сомнительным успехом. Да и на того Ваню, пехотуру, что бежит без оглядки при виде немцев. Зато и после скрыли, сколько погибло тех, со своими солдатами поднимаясь в атаку, настоящих, верящих в Идею, Идею что можно жить не повинаясь золотому тельцу. И те потери были пострашнее общего количества погибших. Ведь на место тех, бесстрашно идущих пулям на встречу, пришло поколение лукавых приспособленцев, скрывающихся под маской Идеи. Поколение стремительно размножившееся, с гнилой, эгоистичной сущностью, двуличные в каждой своей клетке организма. Но их время ещё не пришло, война только начиналась.

Он и она спали безмятежно, скрытые от чужих глаз, спали не ведая что предстоит пережить на своём пути, туда на восток, к Нашим.

Ранним утром чуткий сон Сани был прерван необычным звуком, обычное чихание, но всё же какое-то не такое. Приоткрыв чуть чуть глаза и стараясь? не двигаться увидел забавную картину. Большая сумка Голубковой казалась ещё больше, чем обычно. Виновник того был виден лишь частично, вернее только его филейная часть. Здоровенная задница барсука подрагивала вместе с сумкой, в которой располагалась остальная часть любопытного проказника.

— Интересно, чего там этот мохнатый ищет? Еду вряд ли найдет среди тех бинтов и гипса. Бинты, от паразит. — думал Саня над наглым поведением барсука и сообразил что тот может наделать решил прогнать животное.

— Эй, толстый, вали отсюда!

Барсук неспешно, задом наперед выбрался из сумки, с вымазаной в гипсе мордочкой, посмотрел на Саню с таким видом что и без всяких слов тот услышал; — Ну и жлоб же ты.

Почесался, фыркнул и для того что-бы не обходить вокруг препятствие на своём пути, решил его перелезть. По чему-то мягкому, завернутому в кусок брезента. Кое-где лапы

находили опору, кое-где нет, но отступать от намеченного пути наглый барсук не собирался, наконец препятствие позади и можно спокойно топтать навстречу новым приключениям.

Один край брезента откинулся в сторону и миру явилась копна русых волос, торчащих во все стороны. Владелец такой экзотичной причёски не хуже любой змеи, не разбираясь что же случилось зашипела на Саньку.

— Ты что себе позволяешь придурок!

Спустя пару секунд, соизволила заметить, что расстояние между ними довольно большое, удивлённо уставилась на Матвеева. Тот, с ухмылкой, показал взглядом на виновника раней побудем, толстая, мохнатая харя не далеко успела пролезть, одолела лишь два метра среди переплетения корней.

— Ой какой хорошенький! Миленький, пушистик! Саня, это он сейчас по мне топтался?

— Да, а кто ещё, ты в сумку свою загляни, потом восхищайся сколько хочешь. Только когда начнёшь ругаться, делай это тихо, пожалуйста.

Скорость с которой высунулась рука из под брезента, ухватила ремень сумки и утащила назад за собой, заставила бы любого хищника заплакать от зависти. Пару минут спустя, на небольшом пятачке свободного пространства, среди кучи рухнувших деревьев, открылся филиал лингвистический курса для молодых строителей. Хитросплетение выражений, неповторимая экспрессия, вычурность слога, молодой надежды черниговских курсов по подготовке систёр милосердия. Всё произнесённое, тихим, милым, девичьим голоском привело её спутника в восторг.

— Охренеть, чего с людьми? образование делает, это надо записать, пригодится для общения с грузчиками. Какой талант пропадает, кто-бы мог подумать. Видать было чего-то заныкано, полезное и возможно вкусное, точно, раз так взбесилась. От меня спрятала, а я широкая душа, все от себя, всё для неё, даже вина дал глоток. Шоколад хрен получит, сам сожру, и тушонку, и рыбу, раз такая, пушай колбасой консервированной давится.

И что-бы не выдать себя, спросил с оттенком безразличия.

— Ну, барсук чего-то стырил?

— Да если бы, это блохастый мешок всё перевернул вверх дном. Скотина, я два леденца берегла на всякий случай, даже бумажки в которой они были нет. Всё на зуб попробовал, кроме бинтов и бутылочки с йодом. гад, что-бы он подавился конфетами.

— А те что, они дороги как память о детских годах?

— Смешно очень, я них хранила как НЗ, это же чистая энергия, сахар. Да вообще чего я тут распинаюсь, с необразованным.

— Свет тебе что сахара для полного счастья не хватает? Так и скажи, мы люди не жадные, так и быть выделим от доброты душевной пол кило, кусковой возьмёте сударыня?

— Издеваешься! Мы у чёрта на куличках, в глухомани, еды с гулькин нос, а ты шутики шутишь.

— Не шучу, если для того, что-бы тебя с места сдвинуть, надо сахар то его получишь. Нам нужно двигаться а не причитать о леденцах. Давай потихоньку одевайся, воду по пути найду, завтрак, обед отменяются, вечером пожрём. Вещички твои сухие, вываливай из сумки всё кроме бинтов и медикаментов, я вместо глупостей тя консервами натоварю. Так у меня руки посвободные будут, на случай всякий. Ты стрелять хоть умеешь?

— То же мне наука, чуть-чуть не хватило до Ворошиловского стрелка!

— Эт же Светлана просто замечательная новость, получишь пистолет и боеприпасов чуток. После покажу что и куда нажимать, обойму засовывать ну и остальные мелочи.

Ладно, хватит нам болтать, сейчас обернись а ты одевайся, пырынца.

Повернувшись к ней спиной, занялся сортировкой консерв и патронов, пользуясь таким хорошим предлогом, решил то что повкуснее отложить на дно своей котомки.

Слушая как возиться девчушка, подводил итог;-Пистолет, обойма, двадцать патронов, четыре колотушки, три банки с колбасой, вроде усё. Не буду грузить мелкую больше, гонору много а силёнок не очень. А еще свои пожитки ей нести, с десятков кило наберётся всего груза, не мало. Пигалица сама дай бог пятьдесят весит, не легко будет в пути. Хош не хош а придется почаще привалы делать.

— Я готова, оборачивайся, сумку тоже переложил, давай то что мне выделил. Ого, так это все не влезет.

Саня критично оценил раздутую поклажу и взвесив в руках, не удержался чтобы не спросить- ты чего? Гипс собираешься волочить с собой? Я же тебе сказал, одни только бинты, медикаменты, свою драную юбку и ничего больше. И не спорь, давай помогу собрать торбу. Воо, видишь сколько места, все что для тебя выделил влезет.

— Действительно, здорово, э умник, где мои пол кило сахара? Думаешь что я забыла что ты обещал?

— Ну ты Голубкова и меркантильная натура, прям куркуль а не сознательный комсомолец.

— Ты мне зубы не заговаривай, обещал сам, я тебя за язык не тянула. Гони сюда сахар!

Попытка зажать обещанное пропала, содержимое холщового мешочка пришлось поделить на две равные части, а случайно выпавший кусочек был мгновенно поднят с земли, обдут и съеден Светланой.

— Ты чего, ты же вроде как городская барышня, на конфетка, лиденцах воспитанная а сахар трескаешь за милую душу, да ещё и с песком.

— Не было песка, не успел налипнуть, а тебе что, жалко маленького кусочка?

— Не, не жаль, токо какой инхвекции нахватаеш, потом лечи тя. Ладно хорошего понемногу. Поделились, собрались, пора и двигать. Спасибо этому месту за ночлег, топаем к следующему.

Из переплетения корней вылез первым Саня с наганом в руке, оглянулся, посмотрел на то как мирно ведут себя лесные птицы, ничего не вызывало тревоги. Следом за ним появилась Светлана, обвешанная оружием и замерла у входа.

— Молодец, сработаемся, давай сюда карабин и енту балалайку мпешку. Пистолет пускай будет в сумке за резерв, держи вот револьвер, я ему специально за рукоять верёвку петлёй привязал. Повесь на плечо, вот так, под рукой если что, смотри с дуру не пали. Так, теперь порядок движения, я впереди? на тридцать метров, ты позади, шагаешь точно тем путем которым пройду. Следи по сторонам, наблюдай что творится, понимаю что с непривычки не легко будет, но ты умная девочка, справишься. Увидишь что я замер, согнись не раздумывая, если всё в порядке услышишь мой сигнал, пощёлкаю пальцами. Ну а не дай бог беда, согнувшись, уходи в любую сторону, медленно, стараясь не выдать себя, звуком, движением веток. С метров пятьдесят, там измени маршрут на девяносто градусов, пригнувшись всё м путём. За меня тогда не беспокойся, выкручусь, лес для меня дом а дома и стены помогают. И главное не дрейфь, помни что ты самая, самая. Не бойсь Светулик, дойдём, обязательно, двинули.

Первые пару часов?пока не начало припекать солнце, удалось пройти с хорошим темпом, утренняя свежесть бодрила. Остановились лишь один раз, пополнили свежей водой

флягу из родника, да напились вдоволь. Шагалося легко, не смотря на холмистую местность, тяжесть поклажи ещё не давила на плечи. Но не смотря на это Саня не терял осторожности, периодически останавливаясь, если вблизи попадалось подходящее дерево взбирался на него, проверяя окрестности. Пока что было мирно и тихо, но расслабиться не позволяло то что где-то поблизости дорога, где по словам Светланы на наши грузовики напали немецкие танки. Там возможно не все немцами уничтожено, стоит взглянуть, хотя бы издалека;— появилась мысль и была тут же отброшена, как через чур рисковая. Сам он, возможно бы попробовал, но не сейчас, рядом девчушка у которой там погибли друзья, женское сердце не камень, не стоит мучать его. И потому дальнейший маршрут был проложен в обход, все равно где пересекать грунтовку. — Главное, никому не попасть на глаза, повоевать и потом успеем а вот какую-то гадость сделать, эт мы завсегда готовы:— Дальнейшие размышления прервал доносившийся из далека звук выстрелов, несколько залпов;—не похоже на перестрелку вообще, чудно.

Махнув рукой, подозвал Светлану, пару елей и густые кусты там где он стоял выглядели неплохо для привала.

— Слышала, стрелял кто-то? Почти в том направлении куда планировал идти, так что без разведки соваться не стоит. Так как ходить правильно по лесу ещё не умеешь, будешь ждать тут, сторожить котомку и моё оружие. Гони револьвер, с ним сподручнее, разнюхаю что там. Сиди тихо, тихо, как мышь под веником, лучше вообще заберись под нижние лапы ели. А я твои следы хвоей присыплю, хрен кто тебя там найдёт. Что-бы не произошло сиди на месте, ни на какие звуки не реагируй, сам вернусь, без каких-либо сигналов. И не трусь мелкая, я не пропаду, лес не выдаст своего.

Две трети пути, до того места, где кто-то стрелял, удалось пройти легко, молодой ельник и заросли крапивы отлично скрывали от чужих глаз. А вот дальше пришлось огибать не высокий холм, поросший буком. Ползком, где на животе, где и на боку, огибая вымахавшую, почти на метр в высоту, траву. Очень медленно, так что-бы не выдать себя движением растительности, помня о том что говорил старшина. После прохождения курса молодого бойца.

— Ну чего тебе сказать Матвеев, ползать умеешь, эт хорошо, жопа над головой не торчит как у других. А вот дальше трагедия сплошная, лезешь аки бронепоезд по рельсам, прямо, как по линейке. Дундук ты Матвеев, от тя трава колышется только так. Вражина откроет на раз где находишься, эт подумай, ветра нет а она колышется, глупость, сравнимая бегающему пеньку, не заметно вообще, слепому, ну и таком дурошлёпу как ты.

Ох и злился на вьедливого старшину, ветерана финской компании, прицепился как репей, заставляя снова и снова ползать по весеннему лесу, сколько же раз потом пришлось стирать перед сном форму, драить сапоги. Утром натягивать, ещё влажную гимнастёрку, проклиная все на свете. Но теперь, когда враг не выдумка, и ошибки не прощаются, пригодилось умение ползать.

Выбрал для наблюдения место рядом с каким-то кустарником, из-под нескольких упавших с бука веток, на середине пологого склона холма. Почти голого, без особой растительности. И не пожалел, отсюда всё было отлично видно, большой луг с тремя коровами, пару домов с подворьем и по соседству дорога, по которой иногда проезжали грузовики. Казалось что война где там, вдалеке от этого мирного уголка. Казалось, если бы не двадцать молодых парней, весёлых, одетых в новую, отличную форму, чёрного цвета, с белыми повязками на рукавах. С винтовками за плечами, фотографирующихся на фоне

сложенных в одну кучу голых мертвецов. Фотограф, в серо-маслянистого цвета форме, работает в поте лица, выбирая лучший угол для съёмки. То залезет на стул, то в кузов одного из четырех, больших грузовиков. Вот, с дороги в его направлении запылила легковушка в сопровождении мотоцикла с коляской, из которой торчит знакомый пламягаситель пулемёта MG-34. Водитель услужливо открывает дверь, выходит немецкий офицер, молодые парни к тому моменту уже построились в одну ширенгу. Вот один из них отдаёт честь немцу, что-то говорит с подобострастным выражением на лице. Водитель переводит, судя по всему парни не солдаты, слишком расслабленно стоят, нет в них должной выучки. — Эх жаль, не возможно узнать о чём разговор;— думает Саня и продолжает наблюдать. Тем временем немец судя по всему доволен происходящим, что-то опять говорит, только в этот раз фотографу. Тот быстро собирает свои вещи и исчезает в салоне автомобиля. За ним следует офицер, минута и не большая колонна, проходящая по дороге, пополняется попутчиками. А в это время ширенга разделилась на группы, одна из них выкатывает из-за дома телегу. Другие начинают грузить в неё мёртвецов, когда работа окончена, привязывают дышло за один из грузовиков. Необычная поворка едет к кромке леса, там, судя по всему, глубокий овраг. Грузовик здаёт назад и телега исчезает из виду. Виднеется лишь край дышла телеги, но не долго, спутник водителя выходит и штык-ножом перерезает верёвки и через секунду слышится грохочущий звук?. Сразу исчезнувший на фоне ревушего мотора, грузовик не дожидаясь, пока вернётся сопровождающий, едет к остальным. А позади бежит молодой парень в чёрной униформе, его крик слышен даже Санька.

— Прыбью падла!

А в это же время в салоне отъехавшей довольно далеко легковушки офицер беседует с фотографом.

— Вили, как было, снял всё?

— Да Эрих, полностью, от начала до конца. Ты не поверишь насколько тупы эти животные. С какой радостью позировали, абсолютные идиоты, неужели не понимают что фотографии? зверской казни документ.

— А что, ты от них ожидал чего-то другого. Главное теперь все повязаны кровью, после решится кто останется в полиции а кого забросим в тыл к большевикам. Как бы там ни было, отвертеться не удастся никому.

— Действительно, ты прав, грязную работу должны делать унтерменши а не мы. А это неполноценное быдло для этих целей подходит отлично. Но следует строго контролировать процесс. Вон в Генерал Губернаторстве поляки оценивают здешних как подлый, трусливый, сброд требующий хорошего хозяйского кнута.

— Не охота признавать, но это действительно так, тупость местного быдла ничто по сравнению с звериной жестокостью в них. Доказательства того отношения с поляками, те, пока владели этой местностью, такозванных украинцев даже не пускали на городские улицы. Разрешено было только в определенном порядке, в базарные дни и строго установленным маршрутом. Поляки вообще это держали под особым вниманием и как я слышал, что и нам, немцам, рекомендуется вести с ними как с дикими животными.

— Эрих, на национальных противоречиях думаю Абвер может не плохо поиграть, эта идея, повязать всех кровью, просто гениальна. Фюрер получит верных, бешеных собак, готовых на всё, за право лизать с восхищением и любовью германские, солдатские подошвы.

Лёжа под ветками, в густой траве Саня смотрел на луг и не понимал сути происходящего, сейчас его больше всего беспокоили те двадцать парней, стоящее возле

грузовиков;- Кто они, каким образом связаны с тем офицером, да вообще, чего забыли тут. На этом лугу, среди домов переросшего себя хутора, выселки какие-то странные. Да и где местные, попрятались что ли? Похоже на то, слишком нагло ведёт себя группа парней, да к тому же все вооружены:- Слишком много вопросов и ни одного разумного ответа, осталось только ждать, время не поджидает, место для наблюдения выбрано с учётом возможного быстрого и что самое главное неприметного отступления;- Только бы Голубкова не выкинула какой фортель от досады, молодая ещё, не опытная. Как бы не потянуло на подвиги.

Последовавшие события, в маленьком поселке, Саня помнил до конца своей жизни. Группа парней, о чем-то? оживленно спорящая, один из них даже получил в ухо, от судьи по всему главному, разошлась по домам. Десяток минут спустя, выносили все что могли держать в руках и забрасывали в кузова грузовиков. Вот, из дверей одного дома, вылетела наружу женщина средних лет, тут же подскочил один из парней и ударами ствола своей винтовки погнался к стоящему на отшибе сараю. Там, несчастная упала на колени перед ним и о чем-то видимо начала молить. Тут же подбежал ещё один в чёрной униформе, последовал удар прикладом в голову и оба смеясь забрасывают потерявшую сознание, а может и уже мёртвую женщину внутрь. Створки ворот сарая закрыли, подперев двумя толстыми оглоблями и отправились к своему старшему. Что-то объясняют, слышится громкий смех, из кабины вылезает водитель и после разговора со всеми, вынимает из под кузова канистру. Судя по всему пока что полную, ещё пять минут и деревянные стены сарая обильно политы содержимым, кто-то из парней поджигает охапку соломы и бросает на стену сарая, в небо взмывают огромные, алые языки пламени. Слышится дикий крик, горящие двери сарая кто-то изнутри пытается открыть. Стоящие поблизости парни стреляют из своих винтовок, больше никто не дёргает изнутри двери. Пламя полностью обхватывает деревянное строение, парни отходят немного назад и постояв пять минут возвращаются к главному. Тот вмахивает рукой и все залезают в кузова машин. Проследив, что-бы ни кто не остался и сам залезает в кабину. Через минуту колонна из четырех больших грузовиков исчезает из виду, оставляя за собой клубы пыли на дороге. Над горящим сараем в верх поднимается серый столб густого дыма.

— Вот звери, мало того что ограбили, ещё и сожгли похоже хозяев. Хорошо что только револьвер с собой, не удержался бы точно. Этих ублюдков надо как собак бешеных отстреливать, везде и всегда. Пока нет никого вблизи смотаюсь до оврага, надо выяснить кого эти скоты убили. Надобности скрывать след за собой нет, эти олухи слишком уверенные в себе, под ноги не смотрят. — думал Саня, пытаясь успокоиться.

Пригибаясь, держась в тени на всякий случай, быстро добрался до кромки леса, тем более, что неровности склона холма это позволяли. Но уже вблизи оврага было слишком открытое пространство, пришлось на четвереньках преодолеть последний участок. Наконец съехав по траве, в его глубину выпрямился, впервые за последние два часа, сразу заныла спина. Медленно, стараясь шагать по выступающим корням, поросшего бурьяном, склона, осторожно пробирался, вдоль длинного оврага, к тому месту, где была свалена телега с телами. Наконец подошел к нему на три метра и внимательно слушая, что происходит вокруг, занялся осмотром. Семь тел, из них четыре в красноармейской форме, остальные гражданские, судя по одежде. Два взрослых мужика и молодой парень, лет с двадцать, двадцать пять. Белобрысые, все трое похожее один на другого, видать близкие родственники. У всех видны следы жестоких побоев, досталось же перед смертью, синяк на синяка. У

самого старшего на руках переломанные все пальцы, а молодому парню колени раздробили, сквозь домотканную ткань штанов торчат окровавленные кости. — Ужас, каким же надо быть зверем, что-бы так измываться над людьми. А тому, второму взрослому, вообще досталось по полной, только одни штаны на нём, все кожа на груди изрезана на лоскуты, на лбу пятиконечная звезда выжжена чем-то. Вместо глаз кровавые ямы, руки связаны за спиной а по плечам словно кто-то бил обухом топора, кожа, кости, мясо вперемешку, помучился бедняга страшно. Всех семерых убили стреляя в голову, видать эти с белыми повязками на рукавах тренировались в меткости.

Четверо военных, похоже служили вместе, чёрные петлицы артелеристов, трое рядовых и один с старшинской пиллой, четыре трёхугольника едва виднелись из под засохшей крови. Повезло и не повезло одновременно, ребят просто пустили в расход, не мучая как гражданских. Хотя один из бойцов имел ранение в руку, кто-то профессионально ему наложил повязку, аккуратно, ни где, ничего не торчит.

Осмотр не много разъяснил ситуацию, похоже местные скрывали наших, тут появляется эти уроды в чёрной униформе и начинается ад. Кто те двадцать ублюдков пока не ясно, но впредь Саня решил при столкновение с ними быть максимально жестоким.

— Жаль только, что похоронить по людски не получится, по человечески, нельзя рисковать, время поджидает, по дороге, что поблизости идут вражеские колонны, любая может свернуть сюда на отдых. Но и оставлять так не гоже. Все семь тел при спуске вылетели на землю, думаю что не будут они на меня в обиде, если сложу всех вместе. И переверну на них телегу, получится как в одном гробу. А сверху забросаю ветками, что-бы скрыть од чужих глаз место погребения. Только тяжело будет телегу переворачивать, но можно дышло использовать как рычаг. За пол часа надо успеть, на большее время нельзя рассчитывать, надеюсь успеть. Простите ребята если что? не так. — едва слышно прошептал Матвеев.

Не обращая внимания на окровавленные руки, перетаскивал тела, одно к другому, осталось только двое рядовых. Подхватил под мышки, тянул ещё не окоченевшее тело. Четыре вниз, три лягут поперек, телега как крышка гроба, сверху. После, как закончит, вернётся к Светлане, там фляга с водой, отмоеся всю кровь. Ну а если повезёт, попадётся ручей, то отстирает рукава гимнастёрки.

— Ну вот, остался последний, молодой парень, жить да жить, грёбаная война. Бедняга, в голову, кожа отслоилась, виднеется череп и всё вокруг в запёкшейся крови. И тебя, аккуратно под руки, к остальным потихоньку. Блин, да он дышит, точно, живой! — От неожиданного открытия Саня едва не выпустил того из объятий.

— Так, паря, ты не умирай, нельзя тебе, после всего, потерпи, сейчас я отволоку отсюда подальше. Подальше, там у меня и дохтурка имеется в наличии. Мигом ты вылечит, молодая, хорошенькая, как прийдёшь приятель в себя сам убедишься.

Суется, тянул выжевшего вдоль оврага, подальше отсюда? в глубину спасительного леса, оставляя за собой две неглубокие борозды в покрытой хвоей земле. Быстро двигался, озираясь по сторонам:- где-то должно быть хорошее место для укрытия, должно, обязательно. Надо только быть очень внимательным, вот то скопление елей и высоченный малинник, отлично. Как по заказу, полежи чуток, я быстро, ой как колется, матёрые, старые стебли. Готово, и проход и место для всех нас, лучше не придумаешь. Сейчас братишка я тебя внутрь, дождись меня, не умирай пожалуйста, я мигом.

Не обращая внимания ни на что, летел как сумасшедший к Голубковой. Видимо везение

выжившего парня уберегло и Матвеева, тот, не раздумывая, пробежал большой луг, вблизи дороги, наискосок, в тот момент когда там никого не было. Единственные свидетели, три, теперь безхозные, коровы пощипывали сочную траву и пробежавший рядом красноармеец вообще них не интересовал.

Сидящая в укрытии Светлана изнывала от досады, этого остолопа не было уже добрых три часа, в голову начали забредать нехорошие мысли и сомнения. И тут вдобавок ко всему послышался звук шагов, треснула ветка под чьей то ногой. В девичьей душе появилось ощущение страха, руки сами по себе ухватили карабин, дрожащий ствол в направлении шума, едва сдержала себя что-бы не выстрелить. Напряжение нарастало, звук всё ближе и ближе, густые, еловые лапы хорошо скрывали её от чужих глаз, но и она тоже ничего не видела. Паника смешалась со страхом, парализуя всё тело и тут спасительный звук знакомого голоса.

— Свет, эт я, всё в порядке, ни кого нету.

И следом за словами показался Санька, головой вперед, опираясь на землю окровавленными ладонями, рукава гимнастёрки по локоть в крови, даже на лице багровые точки. Весь в грязи и налипшей хвое, словно явился из преисподнии, горящие от возбуждения и какой-то плохо скрываемой надеждой глаза. С трудом восстановил дыхание, словно конь, взмыленный после долгого бега.

— Тихо, не заори случайно, быстро собираем манатки и ходу, времени нет, объясню всё потом.

— Тебя ранили? Ты где до сих пор? Ты не нормальный! Да я чуть в тебя идиота не пальнула, оставил меня, я тут вся испереживалась от неизвестности.

Слушая в пол уха возмущённую девчущку, пытался разжать её побелевшие, от напряжения, пальцы сжимавшие карабин. Наконец ему это удалось, вздохнул облегчённо и неловко поцеловал в щёку не замолкающую Голубкову.

Звонкий звук оплеухи всполошил мирно дремавшую на ветке растущего рядом с большой ёлкой буке сову.

— Придурок, ненормальный, осёл, да я тебя сейчас! — слышалось из под ели- я тут вся переволновалась, а ты весь в крови, идиот, а ещё и целоваться лезешь.

— Свет, обещаю, как дойдём до места мож меня бить сколько хочешь, поторопись, там человек умирает пока мы тут соримся.

— Точно идиот, чего сразу не сказал.

Сидящая, на буке, сова расширила от удивления свои и так большие глаза, между густых еловых лап, на примерно полтора метра от земли, высунулась голова парня, осмотрела все вокруг и опять исчезла. Потом, из под нижних веток, показали подошвы сапог, ноги, и задница, на секунду движение замерло и вот показалось всё тело молодого парня. Задом наперед, волоча в руках ремни котомки и каких-то железки. Вот он вылез, встал, оглянулся и что-то тихо произнес в сторону дерева. Минуту спустя на свет, из-под зелёной хвои, показалась молодая девчущка, одетая в огромные, серые галифе, подвязанные верёвкой. За собой она тащила по земле довольно большую, полотняную сумку, цвета хаки. Необычная парочка о чём-то тихо спорила, наконец парень показал в одном направлении рукой и постоянно озираясь, двинулся вперед, за ним последовала, держась на расстоянии метров двадцать, его спутница. Проводив, подслеповатыми от дневной светлости, глазами нарушителей спокойствия, обождала ещё пару минут, для того что-бы убедиться что они не возвращаются, вздохнула и попробовала задремать. До ночи ещё далеко, надо отдохнуть и

набраться сил, охота на лесных мышей не лёгкое дело, но зато такое вкусное.

Пол часа Саня пробирался к месту, где оставил раненого бойца, хоть и надо было спешить, о безопасности не стоило забывать. Наконец уже и тот старый малинник, вымахавший в высоту, между деревьев. Подозвал Голубкову и зашептал ей на ухо, показывая едва видный проход в глубину зарослей.

— Ты давай вперёд, потихоньку двигайся вглубь, я скоро, только следы за нами замету. Стой, как мы с водой?? Тут ручей поблизости, давай сюда флягу, наберу свежей, да и умоюсь заодно.

Управился за двадцать минут и посвежевший, с чистыми руками и лицом, на скорую руку простираными рукавами гимнастёрки. Проход закрыл переплетением стеблей малины и посыпал всё сверху старой хвоей, подул сдувая слишком большие кучки. Теперь если не шуметь, никто не догадается, что в этом скоплении природной колючей проволоки кто-то есть. Обернулся и посмотрел чем занята Светлана, та, не спрашивая разрешения вынула из его котомки бутылку с остатками мутного самогона. Смачивая тампон, сделанный из бинта, протирала голову находящегося без сознания бойца. За всё время, пока Саня тащил его сюда, вообще не смотрел на залитое кровью лицо, слипшиеся чёрные густые волосы. Ему было достаточно того, что парень живой, дышит, одет в нашу, разношеную форму рядового, и не было чувства никакого подвоха. Не шпион точно, свой и этого достаточно. А теперь увидел что тот парень, больше похож на его знакомого, по детдому, татарина, учителя математики. Такие же раскосые глаза, та же смугловатая кожа, чёрные, вороньего крыла цвет волос. Дальнейшие размышления и разглядывания остановил требовательный, строгий голос Светланы;-воду принёс? Чего вылупился, живой твой товарищ, живой, ох и повезло ему с родителями. Даже завидую.

— А причем тут его родителей? — В недоумении спросил, всю серьезную из себя девушку.

'Так его маменька и папенька таким твёрдоглавым сделали, что и пуля не пробилась голову, ушла в рикошет, только вот кожу изорвала, жуть как. Дай сюда флягу, сперва рану от грязи промою, а потом уже и дезинфецирую. Не, ты глянь, какая борозда у него на черепе, не могу поверить своим глазам. Ну ничего, главное не пробилась, а крови что только натекло, так это ещё и к лучшему, вся зараза изнутри вымылась. Сейчас опять потечь должна, когда лоскуты кожи складывать буду на место. Посыплю стрептоцидом и перевязку сделаю. Раз такой везучий с пулями, то и с бинтами не должно быть проблем.

Саня сидел вблизи и смотрел как ловко ложились марлевые, белые слои. И думал как объяснить, что теперь парень будет виден издали, надо что-то придумать для маскировки. Потом его взгляд остановился на бурых рукавах своей гимнастёрки. В голову пришла мысль;-хрен отстирается кровь, а может и к лучшему.

Через минуту отпарывал их аккуратно ножом, точно по шву, чем вызвал ехидный комментарий от Голубковой.

— Чего, жара замучила?

— Свет, брось издеваться, ты лучше распусти рукава на полосы и поверх бинтов пройдишь, с этим белым чепчиком сияем как бордель в день полочки.

Услышав последние слова девушка удевлённо взглянула на Саньку, и не сдержавшись, начала тихо смеяться? пытаюсь закрыть себе рот тыльной стороной ладони. Минуты две понадобилось ей что-бы успокоится и спросить;- Ты чего сказал? Ты хоть знаешь че ляпнул то, олух царя небесного? — Чем вызвала смущение у парня. — ты откуда такое выражение

взял то?

— Как не знать, знаю я! — стараясь придать себе убедительный вид, — эт в Амстердаме, ну который вроде как в Голландии, когда в порту получка, свет зажигают.

Следующие пять минут Голубкова, согнулась пополам, стоя на коленях возле раненого, издавала звуки подобные хрюканью, нормально в этот момент смеяться просто не могла. Слёзы градом катились из глаз, хрюканье постепенно перешло в истерические всхлипы. И наконец собравшись с силами, сумела выдавить из себя:- точно олух, первосортный, ты хоть читать умеешь?

— Ну разумеется, я семь классов закончил!

— А тогда выходит что и книги, газеты читал? — милым, нежным голосом, с оттенком ехидства, продолжала его выпытывать.

— Чё пристала как банный лист, не вру я, эт у нас сапожник, который возле вокзала мастерскую имеет, рассказывал. А тот, раньше был матросом на Балтике, пол Европы обошел, когда ругаться начинал мы пацанва за ним записывали, любо дорого слушать.

— Ну да, рассказывал вам, по ушам ездил вам тот матрос бывший. Будет возможность, прочитай дурень выступления Клары Цеткин, о тяжелом положении женщин в буржуазном обществе. О том,? что продавали себя, за гроши, безработица, денег нет а детишек кормить надо. Вот и шли в бордели, из нужды. Ни хрена ты дундук о нелёгкой женской доли не знаешь. — уже серьезный тоном закончила своё объяснение.

— Чего, так и продавали, чего там в том борделе делали то? — начал выпивать, любопытный по своей природе, Саня, что-бы раз и навсегда открыть смысл того выражения, что-бы в будущем, не попасть опять в неловкую ситуацию;-чего там делали бабы, стирали, гладили, готовили пожрать за деньги одиноким мужикам?

— Вот дурень, да они там, они там, ну это, того, как тебе сказать... — и Светлана остановилась, покраснев и спустив к земле взгляд, не зная как выпутаться из самой же поставленной западни. Положение спас едва слышный голос раненого.

— Мож хватит спорить без толку, голова от вас раскалывается. где я? — произнёс тот, пытаясь безуспешно открыть глаза, засохшая кровь крепко слепила ресницы.

— Ой, он пришел в себя! Не бойся, всё в порядке, мы свои. Подожди миленький, я сейчас, промою глаза, ты главное не волнуйся. — Смущённая девчушка воспользовалась этим и развила бурную деятельность. Аккуратно полила водой ресницы, куском бинта начала смывать бурые потёки и тут как на зло вода в единственной фляге закончилась. Не обращая внимания на Саню, вынула из его котомки бутылку с остатками самогона и обратилась к раненому, наклонив ему горлышко на губы;-пей, пей это тебе сейчас поможет, гадость конечно, но ничего против боли у нас нет пока.

Тот сперва закашлялся, из-за первого глотка, мутного, домашнего лекарства за всё и всех. Потом распробовал и присосался, словно младенец к мамкиной груди, вызвав тем самым комментарии Матвеева:- эй братишка, полегче, удавишься, оставь и на потом немного. Это всё что у нас есть?..-что было сказано в пустую, раненый потерял сознание и мог легко случайно захлебнуться, если бы не заботливая женская рука склонившая бутылку.

— Чего расселся, как на именинах? Быстро давай за водой, он как прийдёт в себя, пить обязательно попросит, организм очень много жидкости потерял, а у нас нет ни капельки. Жаль только, одна у нас фляга на всех, это ты виноват, незапасливый, хозяйской жилки в тебе нет вообще;-посыпалась на Санину голову критика. И видя, что это не прекращается, решил выкрутиться обычным, проверенным тысячелетиями, мужским способом. Который

был оптимальным решением в борьбе с противоположным полом, когда начинается распилка нервов, надо бежать подальше, под любым предлогом, пока не пройдет опасность, и чем быстрее тем лучше, особенно когда она забыла о второй фляге, с сладким, густым вином; — Ну ты даешь Голубкова, откуда же я знал, что вас встречу. Ладно, выкручиваться надо, иначе ты не успокоишься. Тут рядом разграбленный хутор переросток находится, если там нет никого, попробую найти чего полезного. А ты тут сторожи этого раненого пьяницу.

Не дав времени Светлане отреагировать, начать разбирать по косточкам его план, вылез из малинника и облегченно вздохнув, отправился к ближайшему ручью. Быстро наполнив флягу и умывшись вернулся к убежищу где вручил её в руки девушке со словами; —эт пока за первый случай, не волнуйся, быстро я. — и опять дал дёру.

По пути к посёлку вспомнил, что возможно остались его следы, пока торопился уволочь раненого парня о том серьёзно и не думал. Вспомнив как точно двигался, медленно прошёл прежним маршрутом, скрывая малейшие признаки своей активности. Таким образом опять оказался в овраге, где добавил ещё немного старых веток на телегу скрывшую мёртвые тела. Общую маскировку очень нарушали большие колеса, помучившись с стопорными клиньями, с трудом снял все четыре и спрятал в небольшом углублении склона холма. Критически осмотрел дело своих рук и добавил сверху ворох прошлогодней листвы. Одобрительно хмыкнул сам себе, теперь это место выглядело как густые, старые заросли и не привлекали собой внимание. Можно было двигаться дальше, на поиски необходимой ёмкости для воды, пока в посёлок ещё кто-то не заявился, слишком близко к дороге он был расположен. Пробираясь к домам, постоянно озирался по сторонам, составляя возможные направления отхода, запоминая, где находятся неровности, где гуще растёт трава. Наконец добрался до ограды одного подворья, кроме переживших налёт нескольких куриц, беззаботно выискивающих что-то интересное для себя в траве, ни кого не было. Но всё равно не терял осторожности, на карачках, не видный со стороны, пролетел к двери ближайшего дома. Открытые настежь двери, лужа крови на пороге, внутри всё разбросано. Тут позволил себе встать, в большой комнате был полный хаос, вещи жителей, выброшенные из старинного шкафа, веером по полу. Осколки разбитой посуды, с засохшими остатками еды. Пока ничего полезного в комнате не удалось найти, зато в чулане ждал сюрприз, на стене висели две круглые, вместительные фляги. Алюминиевые, с выдавленным каким-то вензелем на боковой поверхности, кожаные ремешки облегчали переноску. На полке нашелся мешочек с солью, рядом ещё один, с гречкой. И всю картину дополнял запах большого, килограммов с три, куса копчённого сала с множеством прожилок мяса. Большая удача что это чулан пережил грабёж.

Спустя пол часа Саня уходил к окраинам леса, подальше от посёлка, над которым витал дух смерти, тяжело нагруженный, но зато? довольный, в добавок ко всему сытый. Здраво рассудив, что не поместится в мешке за плечами, может быть размещено и в его животе. Угрызения совести, по поводу мародёрки, отсутствовали, такое хорошее место осталось без хозяев, но не верится что надолго. Вражеской войска не оставят его без своего внимания надолго, жаль что осталось и так очень много полезного. Не надо врагу это всё оставлять, но рука просто не поднималась поджечь посёлок. К тому же приходилось бороться со своим рассерженным хомяком в душе, когда собирал необходимое. Повторяя про себя; —маловато, ох маловато, но больше не утащу, хребет в подштаники осыпаться.

По дороге, к убежищу, наполнил обе найденные фляги водой, каждая по полтора литра минимум. И повесив по одной на каждое плечо, с трудом поднял мешок, пришлось выломать

ветку, используя её как посох, медленно зашагал к заветному малиннику. Там, у входа остановился, переводя дыхание, раздумывая как всё занести внутрь, да притом не поломать чего, не смять растительность, скрывающую его логово. На всю операцию, по перетаскиванию, ушло десять минут, ещё пять он занимался тем, что выкладывал всё на кусок брезента, под удивлённым взглядом девушки. Гора домашней еды росла и росла, чтобы была сверху покрыта половиной буханки хлеба. Потом на свет, из большого мешка, был вытащен котелок с чем то внутри.

— Во, смотри чего я для тебя нашел, штаны, тёмно-коричневого цвета, как раз твой размер. Не надо больше в немецком галифе разгуливать, владей, пока добрый, как стемнеет свожу к ручью. Искупаешься и наденеш чистое;- с важным видом объяснял дальнейшее Голубковой; — и эт, чего с этим, приходил в себя?

— Да, пол часа после того как ты ушел, открыл глаза и спрашивает, где он находится, ну я и рассказала все о наших приключениях, о тебе, о том, что едва его не похоронил со всеми. А он замолчал, лежит не двигается, только слёзы из глаз, а потом начал шепотом повторять, мол берегитесь местных украинцев, мол, не верьте никому и опять потерял сознание. С его раной это и к лучшему, сотрясение мозга у него серьезное. В этом случае сон и такая отключка хорошее лекарство, только с самогоном ошибка вышла, ему сейчас спиртного ни как нельзя. А я то дура, сразу не вспомнила; — с виноватым видом поведала Светлана, — и ещё его лучше хотя бы один день не трогать, быстрее потом пойдёт на поправку. Молодец что еды ты притащил довольно, ему надо сейчас усиленно питаться, рана зарастает лучше.

За всеми разговорами они не заметили что раненый пришел в себя, и с наслаждением нюхает воздух, полный ароматов простой, сельской еды. А потом тихий голосом спросил; - извините меня, у вас пожрать чего не найдётся случайно. Хотя и сам не знаю чего хочу сперва, воды или есть.

— Ой мамочки, опять сознание вернулось?ты лежи, не двигайся, сейчас я тебя напою, Матвеев дай сюда флягу, чего суетишься, вон возле твоих железак она! Спасибочки, — развила бурную деятельность Светлана. После воды, последовал кусок хлеба, с половиной круга домашней колбасы, найденной на полу второго обследованого в посёлке дома. О чем, из всех присутствующих, знал только один и предусмотрительно не сообщил этот факт остальным.

Выждав пока всё было съедено Саня наконец решился спросить;-Ты этого, паря можешь объяснить что с тобой произошло, имя там, откуда чего? А то о нас всё знаешь, а вот мы ни хрена.

— Карим, Карим Юсупов, из Казани я. Боец N-ской стрелковой дивизии, артелерист, сорокопятка 53К, заряжающий. И те трое тоже из моего подразделения, что со мной, эта погань западенская растреляла. Уходили от немцев, потерялись, пока на тот маленький посёлок, вблизи дороги, не наткнулись. Будь не ладен тот день когда на него наткнулись, сами пострадали, и из-за того столько хороших людей погибло. Говорил же я старшине, как жопой чувствовал, надо уходить оттуда побыстрее, а тот после стопки самогона решил отблагодарить людей за гостеприимство, помочь хозяевам заколоть свинью. Закололи на свою голову, боком вышла доброта, забыл от того пошла что война сейчас. Да хрен с нами, мы солдаты, нам и умирать не в тягость. А вот тех русинов жаль, того племени и так на белом свете с гулькин нос, а мы идиоты людей под монастырь подвели. Видать старшина после боя немного того, с мозгами, видать от близкого взрыва контузило, взялся помогать с той свиньёй, словно бежал от действительности. Ты, как я понял, из автобата, знаешь ту

дорогу Верховина-Косив-Снятин?

Хотя Саня достаточно поколесил по краю, о той дороге лишь слышал, не довелось там побывать. Но всё равно утвердительно кивнул головой.

Вспоминая прошедшие дни, Карим тяжело вздохнул и продолжил;- Так мы у Косива, её блокировать, с ротой пехоты, должны были. Две наши пушки, по одному орудию с каждой стороны дороги, ну и пехота с максимами, полная рота, силища. И позицию грамотно выбрали, холмы вокруг? лес высоченный, кустов полно. Хрен скovyрнёшь с налёта. Точно так и было, нас не видно, вообще, маскировка отличная. Сперва передовой дозор, два экипажа на мотоциклах пропустили, там них тыловой отряд встретит, дождались колонны, вот тут веселье и началось;- на минуту остановился в своем рассказе Карим, облизнул сухие губы взглянул молча на Саньку, тот не дожидаясь протянул парню флягу. Хотя ещё и очень слабый, сумел сам напиться и вернув её назад, поблагодарил едва приметным кивком. А потом продолжил свою историю;- ну так мы этих смертничков двухколёсных пропустили, сидим все как на иголках, ждём. А позиция на загляденье, перед поворотом закопались, перед нами ровный участок дороги, видно за версту. У меня аж от азарта мурашки по коже, дождались таки козлов, прут гады, ровно, как на параде. Наши командиры орудий договорились нестандартно действовать, вместе по головной, а потом по замыкающей машине бить, ну если ту, заднюю, выйдет достать конечно. Ну короче немцы потихоньку вылезают, впереди две лтешки тридцать пятые, за ними гроб полугусеничный с пулемётом, потом уже штук пять грузовиков с пехотой, и на самом краю ещё три чехословацкие лтешки, тридцать пятые, с немецкими крестами. За последними танками ещё кто был, но из-за пыли хрен поймёшь. Короче прут, километров с двадцать пять в час скорость, первый танк повернул башню немного влево а тот позади вправо, осторожные и опытные видать. Но мало помогло, мы них подпустили на пятьсот метров и обе сорокопятки дуплетом по первому. У меня от волнения аж руки вспотели тогда, но ничего, как услышал что вылетела гильза, я в казёник другой снаряд, наводчик орёт-"Огонь!" — я на рычаг нажму и не глядя назад от подносчика, снаряд в руки? и в казёник опять. Работали как сумасшедшие все, глядеть по сторонам не когда было. Этим командир у нас занимается, да наводчику даёт целеуказания. Наше пригнувшись за щитом, поближе к земле матушке, снаряды один за другим в пушку, минимум двадцать штук в минуту в том первом бою уходило. И так мунут с пять, и потом тишина, тишина такая, что слышно как сердце в груди колотиться, ни чего не понимаю, как так, ведь почти оглохнул от грохота тогда, а вот сердце своё как стучит слышал. Поднимаю голову над щитом? и глазам не могу поверить, оба танка стоят неподвижно, первый горит, так бодренько а у второго ни дымка, но и ни каких признаков жизни. Ничего не понятно, тот гроб, позади что был, съехал на обочину, из моторного отсека огонь и пулемёт сквозь пламя видно, смотрит стволом в небо. Те грузовики, что позади ехали, раньше имели тентованные кузова, стоят на дороге. Брезент тентов ошмётками висит, любо дорого смотреть, и с нашей стороны редкие очереди из максимки тишину нарушают. А через десять минут все стихло, даже птиц не слышно, жуткая какая-то тишина наступила. Командир меня и подносчика зовёт, зовёт, а я оглох, не слышу ни хрена. Так он меня по спине веткой перетянул, лишь тогда я оглянулся. Едва слышал, что он мне говорит, короче приказал, спустя двадцать минут, если конечно будет мирно, сползать до второй лтешки, поглядеть что чего, говорит нам что та поймала пару снарядов а вот пробития на броне не видно, непонятка полная;- остановил свой рассказ на секунду Карим и Санька не выдержал что-бы не спросить.

— слышь, а чего это, лтешка?

— Да танк такой, Чехословакия штамповала, так себе, ну получше вообще-то нашего Т-26, но супротив БТ-7 не играет, слабоват. Хотя читал где-то что у него цементированная броня, пулемёт в башне может работать не зависимо от направления ствола пушки. Да и та его пушка всего лишь тридцать семь миллиметров калибра, заточена в основном под борьбу против танков, а вот фугасный снаряд откровенное дерьмо, получше вообще то чем на немецком Т-2, тот только двадцать миллиметров имеет, зато немец с автоматической пушкой а чеха то ручками, как нашу сорокопятку, кормить надо. Да и осколков от его снаряда маловато, только по воробьям палить. Ладно, о том после, ждали мы там у дороги ещё почти пол часа, немец почему-то не показывается, хош или не, а приказ надо выполнять. Ещё пехота попросила пулемёт снять, со второго танка, если сможем, эти дурни в технике не знают ни чего. Так что пополз я с заряжающим, по обочине, скрываясь в густой траве. Добрались до второго танка быстро, я сразу под днище, там люк аварийный должен быть, надеялся на то что можно пролезть не заметно. Хренушки, заперт, пришлось открывать механика-водителя люк. И хорошо что тот в днище не открылся, там, внутри танка, вместо людей фарш вперемешку с кусками железа. Ужас, такого в жизни не видел, воняет страшно а ещё и на солнце броня нагрелась и всё запахи усилила. Не доведи вам такое увидеть. Аж проблевался внутрь, как то увидел, ничего там от пулемётов ловить нечего. Вернулись мы назад, доложил я командиру, тот затылок почешет и говорит, мол чехи конечно хорошую броню делают. Мол, двадцать пять миллиметров не смогли сорокопяткой с семьсот метров пробить, хоть и чудо это, зато лтэшка клёпаная, не как наши или немецкие танки, они сварные. Вот и при ударе болванкой заклёпки то и вылетели, веером осколков прошлись по экипажу. Дерьмовый танк короче, говорит думал что тот крепче нашего Т-26, фигушки, выходит наши получше, да пушка помощнее наша. А то я не знал, наших сорок пять миллиметров сто осколков даёт, но промолчал, неча пред командиром слишком умную рожу делать и знаниями сиять как новый пятак. Чем глупее выглядишь, тем меньше он обязанностей тебе на шею натоварит. Так и дали по зубам немчуре, потери три человека, все довольные сидят по окопам, отдыхают а на нас командир орёт, торопит, перекатываем орудия на запасные позиции. Хорошо что там заранее всё приготовили, но всё равно, сорокопятка за пол тонны, да по буеракам. И ещё ящики с снарядами, мелочевку всякую, по жарюща, пот ручьем. Только перетащить успели и хотели сесть, как он назад гонит. На старом месте из брёвен копию пушки сколотили, вместо щита кусок брезента на ветках забитых в землю?. Рядом разбросали пустые гильзы и все небрежно листвою замаскировали, хрен поймёшь что то обманка а не настоящие орудия. Ну как закончили, сели перекусить, тут-то и началось.

Попёрли фашисты опять в наступление, перебежками пехота впереди в этот раз, танки ползут позади, километра полтора до них, от нашей позиции, потому и огонь не открываем, ждём, пока подойдут поближе. Но эти тоже не глупые, дымовых гранат набросали, сиди гадай где танки то. Ну а после вообще такое началось, настоящие предательство, нам в тыл из леса местный козлинка румынский R-1 вывел, мимо тылового отряда. Эт такая штука, ну как танкетка на дрожжах, экипаж из двух человек, почти танк, башня с одним тяжёлым пулемётом, и обычным у водителя в боковом спонсоне. Узкая, меньше двух метров, лёгкая, по лесу свободно между деревьями пролазит. Короче, появилась эта гадость у нас в тылу и давай садить по нам, пехота наша попробовала что-то сделать, но травы там почти и нет, хрен к нему подобраться можно. А мне повезло, нашему наводчика в спину, насквозь, калибр оного, семь и девять десятых, из груди фонтаны кровавые. И ещё у нас в первый момент

троих, а расчет второй пушки почти весь полёг. Сзади то нас хорошо видно, маскировка спереди, ну так вот стоит эта тарахтелка бронированная, метров триста от нас в тылу и голову поднять не дает.

Но это было лишь пол беды, не даром немцы раком всю Европу построили, умные и хитрые, пока всё это произошло, подтянули свои три полевых орудия. Семьдесят пять миллиметров, мелкая зараза, образца 1918года, эт они на основе искусства первой мировой создали. Всего четыреста килограмм, ствол короткий, скорость снаряда ерунда, танк не пробьет, зато ствол поднять можно, как у гаубицы или миномёта. Двенадцать снарядов в минуту скорострельность у пушки, сама низкая, спрячешь за любым бугорком. И началось, три спереди, через свои боевые порядки садят а в спину румын из двух пулемётов. Голову не возможно поднять, что-бы наводчика немецкого снять. Наш командир матерится в полный рост, обернулся и кого-то выцеливает в тылу у нас из карабина. Потом радостно заорёт, мол тому местному, что румына нам в спину вывел, башку прострелил. Орал не долго, рядом снаряд взорвался и ему в грудь осколками. Жаль, хороший человек был, хоть и ганял нас как сидоровых коз. Взаимозаменяемость;-едва выговорил Карим, перевёл дух и продолжил;- требовал, ну эт хотел, что-бы могли подменить мы один другого, я вот запросто заместо наводчика работать могу, не тока снаряды в казёник закидывать. Ну о том, что произошло, после этого ещё один снаряд, почти рядом, нашу пушечку родимую аж на бок перевернуло, а я в сторону, на три метра минимум отлетел. И вслед ещё один снаряд, даром говорят что два в одно место не попадают, тут как раз попали. Короче накрылся медным тазом наш весь расчет, осталась пехота наша без противотанковых средств.

Тут-то и дали жару те ЛТ-35, засадили нашим по полной, две штуки выползают вперёд, стали оба, на расстоянии метров двести от окопов и стреляют как в тире. Один из наших попробовал подползти, куда там, место открытое, ровное как стол, да и пехота немецкая подтянулась, под прикрытием брони. Разгром полный, и всё из-за того ублюдка предателя местного. столько ребят полегло. Начали отходить, кто как, под огнем со всех сторон. Я и ещё двое ребят, под командованием старшины в глубину леса, на четверых один карабин и пяток патронов, без ничего, ни воды ни жратвы. местность не знакомая. Куда двигаться не понятно, заблудились совсем, так и сутки прошли, потом уже вышли к этому посёлку, услышав мычание коров. Хозяева там русины, гостеприимные, накормили, еды в дорогу дали, даже к карабину четырнадцать патронов нашлось у них. Всё было отлично, пока эти твари украинские не налетели. Пешком сперва окружили дома а потом уже и грузовики подъехали. Старшина наш растерялся, поднощик снаряд наш схватился за карабин и тут же упал, ему точно в голову попали. А о том, как после мучили жителей не хочу и вспоминать, звери эти западные украинцы, звери. Если выживу хрен когда, кого в плен возьму, пуля самое легкое, что могут получить от меня. Так что советую, не надейтесь на них, никому не верьте, никому. — закончил свою историю Карим, уставившись в голубое, чистое небо.

— Слышь, а ты татарин? — Прервал наступившую тишину Санька

— Не, я чернозадый негрила с Марса, а что не видно? Так это я хорошо замаскированный под татарина. — с язвительным тоном ответил Юсупов.

— Да ты не злился, я слышал что они спиртного не употребляют, а у меня в записке вина с пол фляги, хотел и твоих и моих и Светкиных помянуть, так подумал, если ты не потребляешь, что надо его поделить всего на две части, ну эт если ты не против.

— Не понял, ты чего Матвеев только мне и Голубковой решил налить, себя обделив? Какой благородный, щедрый человек. Не знал даже, что на такую выдающуюся личность в

своей жизни наткнулся. — стараясь сохранить серьёзное выражение лица, сказал Карим. А зато девчушка не выдержала и начала тихо хихикать, закрывая ладошкой себе рот.

— Ну и заявочки, вот хитрая морда, да ты не татарин а лис. Думаю что когда ты родился, все евреи на Земле жалостно заплакали. Свет, давай что ли поедим, ну а потом уже и вино. Ток этого не надо больше кормить, видишь какой? он наглый и это пока слабый, что будет когда поправиться страшно представить. — пошутил Саня, стараясь отвлечь внимание всех от тяжелых воспоминаний.

— Дождался, лежу себе, бедный, болезненный, ни кого ни трогаю а на меня поклёп возводят, обвиняют такого хорошего, доброго человека во всех грехах. Куда катится этот мир, нападают на беззащитного и то кто, свои, грозятся казнить невинную душу муками голода и кто знает, возможно и жажды. Кстати, Сань помощи пожалуйста решить возникшую проблему, слишком много жидкости во мне скопилось. А я сам то не очень и подвижный, выручай, не дай осрамиться пред столь милым созданием, только галифе немецкое не много вид портит, но в целом она самое очаровательное создание в данном районе, разумеется после меня. — с хитрым выражением на лице попросил Карим.

— Хрен с тобой золотая рыбка, отнесу тебя в ближайшее кусты и там оставлю. Чтоб не осквернять твою красоту, нашим присутствием, — ответил Матвеев и начал сдвигать в стороны стебли малины, открывая проход наружу.

— Не бросайте меня, я хороший, я ещё вам пригодиться могу в жизни. Свет ну чего молчишь, защити меня от этого тирана, а я тебе всякие глупости потом рассказывать буду, весёлые и вообще со мной не скучно как с этим типом..

— Ладно ребята, совсем впали в детство, давайте? быстро решайте мужские проблемы а я на стол соберу. Олухи, обое, флягу понесите, чего вылупились обое, руки перед едой мыть надо. Ох и намучаюсь я с остолопами, не даром бабоньки в госпитале говорили, что все мужики большие дети, разница только в размере того чем вы так дорожите. Чего рты так пораскрывали и покраснели, что, всю правду впервые услышали о себе? — ехидно добавила Светлана, выпроваживая парней из убежища.

Пока Саня тащил на своих плечах Карима тот философировал вслух;- и лучшая из них змея? сказал великий Мухаммад выходя утром из своего гарема. — после чего оба едва слышно? засмеялись, как настоящие заговорщики.

Через полтора часа, когда все наелись, напились и по понятным причинам не лезли наружу, Саня помог раненому разместиться? на куске брезента, положив тому под голову мешок набитый сухими листьями, вместо подушки. А для девушки соорудил рядом ложе из елового лапника, покрытого сверху немецким галифе. А потом уже спросил Светлану; — как скоро, по твоему мнению он сможет двигаться, пусть медленно, без груза, главное меня интересует его возможность держать хоть какой-либо темп. Тут нам расслаживаться очень опасно. Карим помолчи пожалуйста, не геройствуй, мне не надо что-бы ты свалился по дороге. И ты и Света городские, не до конца понимаете, что такое лес, ходить правильно, тоже не умеете. Не спорьте, знаю о чём говорю. Судя по тому что, сообщил Карим, городок Косив, который они защищали, занят немцами, следующий крупный транспортный узел на севере Верховина а на юге Снятин. Возможно что там ещё наши, но и в этом вообще-то не уверен, враг опытный, хорошо подготовлен и имеет преимущество в воздухе и на земле в броне. Бьёт сжатым кулаком, в слабые места нашей обороны, такие возможности имеет благодаря помощи со стороны местного населения. Которое в основном могу оценить как очень тупое, идиоты думают что с приходом немцев они станут хозяевами положения.

Гитлер такой наивный, сразу это местным позволит, только шнурки погладит и ещё раз позволит поставив раком. То что происходит вокруг, то что я видел в посёлке, доказывает мне что западенци будут теми, кто вместо немцев будет делать? всю грязную работу. Ликвидация недовольных, подозрительных, карательные рейды, короче откровенный бандитизм под? контролем Рейха. И сквозь такую территорию нам предстоит идти. Так что Свет не торопись с ответом, подумай не много, от твоего ответа зависит многое. — остановился Саня и взглянул на раненого.

— Ну ты даешь Матвеев, не голова а дом советов — с трудом скрывая своё удивление и уважение за шуткой, произнёс Карим.

— Так это не сложно, меня дед на пасеке воспитывал год, кропивой, старой по заднице. Хорошее средство, для очистки мозгов от глупости, только потом сидеть большая проблема. — невольно поморщился вспоминая то Саня.

— Знакомое дело, и меня папаня драл ремнём, как сидорову козу. — признался Карим и тут оба синхронно почесали пострадавшие, когда то, филейные части. Это заметила Светлана и едва сдержалась, что-бы не засмеяться.

— Ладно, сейчас другая тема, ты всё хвалился что в железяках всяких разбираешься, так меня интересует, умеешь ли ты управляться с чем-то имеющим баранку, грузовик, мотоцикл. Может по пути получится? разжиться, был у меня такой вариант а и заметил что по ночам дороги чистые, никто не ездит, возможно тут наш шанс. Хреноватый, рисковый, но зато позволяет быстро уйти из этого дурдома с местными. С харчами положение средней паршивости, но лес не даст с голодухи помереть. По поводу оружия не надо беспокоиться, Карим тебе идет эта чудесная машинка с двумя магазинами, попалась по дороге, жаль бросать, красивая зараза а таскать надоело. Свет ты и дальше с тем же, пистолет и наган, вроде всё, ну что там с этим симулянтм казанским. Когда ожидать от него чего-то хорошего?

— Я сначала думала что у него тяжелое? сотрясение мозга, но глядя на симптомы, сомневаюсь что в той башке что-то кроме кости есть. Жрёт за троих, после той самогонки не блевал, разговаривать может нормально, на головные боли не жалуется. Только рана его вызывает у меня беспокойство, давай один день переждём тут, на всякий случай. После следующей перевязки будет всё ясно, но и в теперешнем состоянии? ноги должны нормально работать. Без груза, два посоха и с песней вперед потихонечку, если начнёт симулировать бей по спине и жопе, — подвела итог своей оценки.

— И это сестра милосердия, меня, раненого, болезненного, исхудавшего человека попрекает куском хлеба. Да у нас в Казани нищим на паперти больше дают, чем она мне на ужин выделела, да ещё наговаривает тебя на физическое насилие, обрати внимание, над больным человеком. Не знаешь ты Саня, добрейшей души человек, с кем связался, жадная и завистливая натура скрывается под этим милым личиком, — начал паясничать Карим, — а по поводу всяких там машин, то не волнуйся, опыта у меня почти нет, зато в состоянии разобраться с всем что ездит, кроме лошадей. С ними у меня не сложилось, так и норвят укусить, ладно бы одна а тут как-будто заговор лошадиный, проклятельство какое-то. И что самое гадное, каждый раз за мою многострадальную задницу укусить норвят, потому и дружу с механикой всякой. Тут единственное что может случиться, это прищиплённый палец, да и то из-за невнимательности.

— Ладно страдалец, буду на тебя надеяться, что если что с колёсами и без лошадей попадётся. А с телегой и сам управлюсь, только мне не понятно, татарин а коней не

любит. — подытожил Саня.

— Да поклёп это всё, какой татарин не любит лошадок, люблю я них, просто обожаю, особенно как колбасу. Папаша мой, на базаре, после получки, покупал у одного знакомого, объединение, во рту тает.

— Хорош о еде, солнце почти что зашло, пора спать, давайте вас двое на боковую, я буду дежурить до часов пяти, потом вас подниму а сам завалюсь спать. Всё равно завтра сидим тут, дадим возможность этому охламону прийти в себя. Вы устраивайтесь поудобнее а я сейчас, пока есть возможность, к ручью смотаюсь, пополню наши резервы. Ты Свет поутру проверь все запасы харчей и выдели, что идет в первую очередь. А ты Карим, если будешь способен, почисть всё оружие и распредели патроны и эти гранаты немецкие. Послезавтра утром выходим, будем двигаться к тому месту у дороги, где полегла рота наших. Там я вас оставлю, где-то в лесу а сам попробую найти чего полезного. А то любая церковная мышь супротив нас богачём выглядит.

Спустя полтора дня трое невольных товарищей уходили всё дальше от гостеприимного, старого малинника. Впереди осторожно двигался парень с карабином в руках, постоянно озираясь по сторонам. Иногда он останавливался, и в ту же минуту идущие позади, на расстоянии метров тридцати, две фигуры, увешанные пучками травы приседали. Убедившись что дальнейший путь безопасен, он едва слышными щелчками пальцев, давал команду продолжать движение. Холмистая, поросшая лесом местность служила отличной защитой от чужих глаз. Да и некому было смотреть, лес словно вымер в это время, очень жаркое лето заставляло животных искать укрытие в тени, слишком тепло было в этом году. Положение спасало множество ручейков с холодной, почти ледяной водой. Поблизости тех, что протекали возле густых зарослей, трое людей задерживались на пять, десять минут. Идущий первым, парень с карабином, опускал в чистую воду свои ладони, по самые запястье. И по долгу держал них в потоке, один раз, тот из троих что двигался с помощью двух посохов, его о том спросил. Узнав, что тот, таким образом охлаждает всё тело и сам начал его повторять, а на следующей остановке все трое сидели на коленях перед ручьем и держали ладони в воде. Другие, современные люди, удивились бы тому, но не все, тот кто знаком с анатомией, сразу бы понял, ведь на запястье ближе всего вены к поверхности кожи и легко охлаждалась кровь. Общая, внутренняя температура тела опускалась в нормальные границы, снималась нагрузка на сердце.

На одном из частых привалов, самый низкий из всех троих, одетый в зелёную гимнастёрку и тёмно-коричневые брюки заправленные в сапоги, уселся поблизости с тем, что использовал посохи, как опоры для облегчения при ходьбе. Низкий начал снимать с его головы какие-то зеленые полосы, спустя несколько минут они повисли на ветке кустарника. Сидевший на дереве маленький воробышек, не чувствовал от этой троицы никакой угрозы и позволил себе удовлетворить любопытство. Под зелеными полосками, с вденутыми пучками травы, оказались белые. Самый низкий, из всех людей, ловко смотал них в клубок, оторвав лишь несколько участков с каким-то бурым пятном. Потом пару минут разглядывал, тому с посохами, голову и что-то довольным тоном произнес. Посыпал одну сторону каким-то белым порошком и начал равномерно наматывать назад белые полоски. Соорудив подобие белой шапочки и подвязав один слой под подбородком, продолжил с зелеными полосками, заменяя подвявшую траву на свежую.

Но суета около того, с посохами не закончилась, самый высокий человек отложил в сторону свою необычную, короткую палку с чем-то чёрным прилепленным вдоль. И

принялся срезать слоями кору со ствола молодого бука. А потом усевшись рядом с тем, что с посохами, принялся что-то делать с ногами. Сперва отмотал широкие куски сероватого, плотного материала, если бы воробей жил где-то поблизости людей то мог бы это определить как остатки мешка. Под несколькими слоями показалась на свет потемневшая кора дерева, и опять слой мешковины. Наконец все было готово, снято и самый высокий начал мыть ноги своему товарищу. Потом обтёр обе ноги белой полоской, что отложил самый низкий в сторону. И опять слой мешковины, сперва тем краем, что выглядит сухим, свежая кора бука, сложенная в три ряда, и опять мешковина, в два слоя. Ловко обмотав всё это на одной ноге принялся за другую. Через пять минут эти три необычных человека медленно уходили, провожаемые воробьиным взглядом, по покрытому лесом склону холма, прямо на восток. Потом ему надоело сидеть и маленькая птичка полетела ним вслед, слушая по пути о чём они говорят.

— Судя по местности, поведению диких птиц, человек сюда давно не хаживал, так что идём пока вместе. А через пару километров я опять выдвинусь вперёд, — скомандовал Саня, — Пока все идет по плану, только одна вещь меня беспокоит. Это ты Карим, позор своего народа, я то думал что все татары сообразительные, в природе как у себя дома. И тут полное разочарование с тобой, ни хрена не умеешь, а может ты и не татарин вообще, с боку к ним примазался. — подначивал своего товарища Саня, стараясь свернуть мысли того с очень тяжелого участка пути.

— Да татарин я, татарин, просто все мои жили и кормились от железной дороги. Дед первый, ещё пацаном начал работать в мастерских, паравозы ремонтировал, потом уже и батя, а и я с малых ног в том выросал, гайки, винтики и прочая дребедень были моими игрушками. Семейная традиция получилась. Любой наш паравоз излазил пацаном, вдоль и поперек, знаю каждый, как свой карман. А вот с природой не срослось, эт для меня загадка, да и что хочешь, запах смазки и угля для меня привычнее от ромашек. И диву даюсь, когда за тобой наблюдаю, ты же вроде как городской, как я и Света, а ощущение такое словно в лесу родился, на болоте откормлен, в берлоге воспитан а читать, писать и по людски говорить случайно, в армии научился. Свет чего хихикаешь за спиной, думаешь что я вру, так зря, чистую правду говорю. Вона пичужку справа на ветке видишь, так она за Матвеевым, от ручья последнего плетётся. Видать своего увидела, не боится нас ни разу, эт я те точно говорю, меня птица всякая за километр облетает. Наверное из-за того, что был мастер по рогаткам, а тут рядом порхает, её счас плевком достать могу, и всё равно зараза пернатая не улетает. Понравился видать наш леший, точно леший, ты на его волосы только посмотри. Где ты ещё видела, что-бы каждый волосок торчал как сумасшедший, в свою сторону. Охалку сена а не волосы, а двигается как, это отдельная песня, боец настоящий должен чеканить шаг, а ентот охламон не идет а словно по земле стелиться. У нас в железнодорожных мастерских была кошка, Мурка, точь в точь он так ходит, как та мышья ловушка на четырех лапах. Ох Светулик, сомнения? меня гложет человек ли он вообще, его вон и комары почти не жрут. Чего ржете обое как кони. А,я догадываюсь, ты с ним заоодно, ой мамочки, в какую меня же компанию занесло!

Саня внезапно остановился и не оборачиваясь попросил Карима замолчать.

— Тихо, быстро пригнувшись в те кусты, сидите как мышь под веником, дышите через раз. — скомандовал товарищам, скинул туго набитую припасами котомку, засунул под молоденькую ёлку и шепотом сообщил причину своего беспокойства, — горелым пахнет, резиной и ещё чем-то не знакомым. Я иду вперед, пока не разведу что к чему, вы остаётесь

тут, оружие с предохранителя и на землю перед собой, так случайно меня не пристрелите с дуру. Без паники, суеты тут, понятно всё? — Обое молча кивнули головами.

Через минуту его полусогнутая фигура неслась с виду. Впереди был очередной холм, наполовину покрытый лесом, все оставшиеся пространство заросло низкими кустами и Матвеев легко определил для себя безопасный маршрут. Где на четвереньках, где согнувшись, двигался по склону, забирая в сторону от того направления, откуда слабый ветер доносил едва ощутимый, абсолютно чужой для леса запах. Спустя пол часа он взбирался на следующий холм, почти совсем лысый, только густая, высокая трава. Отличное место для выпаса скота и очень не удобное для желающих остаться непримеченным. Для кого другого это представляло большую проблему, но не для воспитаника деда Артёма, который используя каждый бугорок, неровности, небольшие ямки взобрался на сам верх, туда где никто при здравой памяти не полез. Слишком приметное и открытое любому взгляду место, легко открыть любого наблюдателя, любого, но не этого. Слившись с землей, распластавшись в выемке, смотрел сквозь промежутки между стебельками травы, вниз, на большой, без единого деревца луг, окруженный со всех сторон заросшими лесом холмами. Длинной с почти километр, овал, в самом широком месте метров двести, ровный как стол участок. Невероятно красивое творение природы было обезображено чудной полоской, грубо распаханной земли. Которая начиналась где-то на середине и тянулась вдоль изумрудного рая, заканчиваясь между высокими стволами букового леса. Что точно было виновником этого кощунство с вершины холма Саня не мог увидеть. Мешали плотные заросли орешника, зелёной стеной отгородившие все самое интересное. Любопытство не давало покоя, если бы не война то он бы за пятнадцать минут добежал бы до того места и получил ответ на кучу вопросов родившиеся в голове. А так, пришлось возвращаться назад по склону и идти вокруг, по кромке леса, озираясь, слушая, нюхая воздух. Одёргивая себя поминутно, напоминая что надо быть очень сдержанным и держать свои эмоции в кулаке.

И вот уже он совсем близко, осторожно выглянул из-за ствола дерева, стоя на четвереньках в густой траве. Отсюда открывался вид на произошедшую катастрофу. Два тела, в форме командирского состава РККА, изломанными куклами валялись между стволами молодого орешника. Чуть дальше лежало здоровенное, оливкового цвета, крыло с вмонтированым мотором а напротив, на расстоянии метров тридцатьи, согнутый полумесяцем, вокруг ствола старого дуба близнец. Взглянув немного вперед увидел хвост незнакомого типа самолета, да и не очень то разбирался Саня в этом, застрявший между двумя ёлками. Дальше всего в глубину леса ушел коробчатый, с гофрированной обшивкой, фюзеляж самолёта. Ожидание на одном месте не дало абсолютно ничего, никакой активности, тишина нарушаемая только скандалисткой сорокой.

— видать пилит своего мужа, — подумал Саня, — точно, с другими птицами к этому времени уже белобокая подралась или улетела куда подальше отсюда. Ничего не понятно, незнакомый, без опознавательных знаков, с двумя двигателями, не вона у него в носу ещё один, самолёт, спланировал на луг, судя по тому, что смятая трава выровнялась, вчера, где-то ночью или под самое утро. Роса тут рано выпадает, трава мокрая, скользкая, грохнулся, поломал стойки шасси и по росе, как по льду, хренась об стволы бука и только запчасти во все стороны. Летел он с запада, хотя кто его знает, мог он и кружиться перед посадкой, направление полета тогда не ясно. Двое в командирской форме, видать выпали наружу в тот момент, когда хвост начал отваливаться и героически тормозили о кочки всеми частями тела. Чего-то пробило меня на иронию, люди тут погинули ужасной смертью а у меня в

душе ничего ни шевелится. Ладно, идём искать дальше, опознавательных знаков нема, вааще, наши самолеты так не летают. Где красные звезды? Ничего не понятно, бум смотреть, чего в фюзеляже?ух ты, а по нему кто-то стрелял. Вона от середины и до кабины дыры, ровной линией, как машинка швейная прошлась. И то несколько рядов, эт чего же ждать внутри, тама же филиал мясорубки небось. Слава богу что дверь отлетела, — обрадовался Саня заглянув внутрь? остатков самолета. Рядом с входом, вдоль фюзеляжа, сеткой составленной из широких ремней, были зафиксированы к стенкам и полу какие-то продолговатые баулы тёмно-зелёного цвета. Дверь, ведущая в кабину, была заблокирована тремя телами, лежащими одной окровавленной кучей. Так что определить отсюда состояние пилотов было не возможно. Пришлось обходить? по кругу самолёт и взбираться на растущую рядом ольху.

— да-а, отлетелся экипаж, у того, с левой стороны нет головы, хотя кто его знает, мож таким родился. А тот с правой стороны голову имеет, но почему то забил её в приборную панель, почти на половину. Неа, эт точно не наши, вспомнил чей это самолёт, Юнкерс, пятьдесят второй, где-то в газете "Правда" его видел. Так что не наш, с гарантией. Копаться в нём самому не с руки, надо притащить сюда срочно хитрована Карима. Вместе быстро правильный ответ получим, да и поживиться тут можно. Светку, что-бы не заблевала тут всё ценное, поставим на стражу, справиться мелкая без каких-либо проблем. Только этих двоих, в нашей форме, надо под крылом спрятать, — и составив план он ухватился за ноги мертвого, одетого в русскую форму, потянул его за собой, остановился, взглянул на подошвы с ехидным ухмылкой и быстро стянул оба сапога. — точно немчура, знакомые подковки на пятке, спалились гаврики. У нас таких отродясь не было, точь в точь, как у тех мотоциклистов сраных что недавно порешил. Не ча вас под крыло запикивать, потеть зазря, под оной ёлкой лежать вам, шпиуны хреновы.

Через час с горящими от возбуждения глазами рассказывал своим спутникам о находке — там полно всего, видите какими сапогами разжился, хватит Кариму в обмотках ходить. Как раз твой любимый размер, гляди какие, кожа первый сорт, таким сносу нет. Давай обувай и айда к самолету, глядишь и Светлане чего полезного найдём. Повезло нам по крупному, что он не загорелся и ещё там все не выжил никто, — темпераментно описывал возможную добычу Матвеев,

— За сапоги конечно спасибо, но ты сделал глупость большую. Думаю что тот Юнкерс, там несколько дней лежит. Вполне возможно он шпионов важных вёз, к нашим в тыл стопудово, когда мы у дороги с танками схлестнулись, пару часов до того над головой самолёт немецкий кружил, словно вынюхивал что-то, наверняка его искал. Возможно перед своим падением дал знать о себе. — натягивая сапоги произнёс Карим. — и если его найдут, то труп без сапог вызовет ненужное внимание к тому кто это сделал. Я иду на поправку, думаю что могу двигаться и без этих костылей, но в случаи, если нас начнут друзья босого мертвеца искать, не смогу выдерживать хороший темп. Так что в следующий раз думай сперва о возможных последствиях.

— Да ладно тебе, песемизм тут разводишь, даже и если дал знать, то это немцам много не поможет. Его остатки сверху не видно, а и не планирую там задерживаться, хапнем что сможем и тикать подалее. Всё равно много добра на плечах нам троим не унести. Но на всякий случай выдвинусь, на метров пятьдесят вперед вас, обещаю, буду в двойне внимательным и осторожным. Успеем обойти стороной то место, если там кто-то и будет.

Полный оптимизма и подгоняемый хомячьей натурой, Саня быстро шагал знакомым путём и вместо пятидесяти, опережение получилось? почти сто метров. И это здорово

выручили впоследствии.

Забравшись на вершину холма, вблизи заветной цели, полной всяких полезных вещей, посмотрел вниз сквозь редкие ветви кустарника. И внутри всё заледенело от плохого предчувствия, там, на краю полосы перепаханой самолётом земли, стояла группа, двадцать немцев и пятеро парней в знакомой, чёрной форме. Ещё несколько возились возле фюзеляжа, но самым неприятным было то, что двое вытаскивали? из кустов босой труп. О чем там говорили не было слышно, из-за большого расстояния, но по жестам возглавлявшего всех немецкого офицера всё было ясно. Саня возвращаясь к своим товарищам, окрылённый находкой допустил ошибку, остался след, пусть и едва видимый, но всё таки след. А часть немцев была не обычные солдаты, это были опытные ищейки абвера, такой след для них не был большой проблемой. Хорошо что в земле остались только его отпечатки подошвы, да и то ведущие самым трудным путём. И поблагодарил в мыслях своего деда Артёма, вбившего ремнём золотое правило, не ходить по лесу дважды одним путем. К всему тому ещё вспомнились слова Карима о трудностях с темпом.

Разделяющие, его и друзей, сто метров, пролетел словно его гонят все гончие Пекла. И не давая никому произнести слово начал инструктаж; — тихо, там у самолета немцы и их помощники, очень опасные, часть из них вообще как настоящие волки, двинулись к месту нашей остановки, потом пойдут за нами. Быстро намотайте на сапоги обмотки и траву засуньте между слоями. Быстро, быстро, очень мало времени. Так, Карим, ты теперь главный, не спорь, несёшь мою котомку, двигаетесь строго на восток, ты впереди. Светулик, ты идешь позади и ровняешь его следы, где надо прикроешь хвоей, листвой, он и так ходок ещё тот, так что время для этого у тебя будет. Пройдя километр отсюда, на каком-то отдельно стоящем дереве поломаешь ветку, на высоте метр од земли, так что-бы показывала направление вашей хотьбы. И не останавливаясь, не дожидаясь меня, топаете сколько выдержите, за меня не беспокойтесь, догоню. А сейчас двинули, я с этими хочу немного в прятки поиграть, стой, забыл в котомке свои патроны.

— Теперь другое дело, ну не поминайте лихом. — Не глядя, на уходящих в глубину леса, принялся уничтожать все следы, особенно те что оставил за собой неловкий Карим. Проверая, сдвигал на путь которым прошли друзья ветки, быстро двигался к месту последней остановки. Спешил, понимая что время поджидает, уж слишком опасными выглядели немцы, не простые солдаты, подготовка на высоком уровне. Но до лесовиков охотников из его края не дотягивали, это был его шанс.

— Ну вот, пол дела сделано, ребят теперь найти почти не возможно, сейчас увидим кого лес больше любит. — едва слышно прошептал Саня и добродушно улыбнулся, хотя в его глазах? веселья не было, на свет глядели два голубых кусочка льда.

Через двадцать минут быстрого шага, сквозь редколесье, теперь он специально оставлял за собой следы, раздвигая кое-где стебельки слегка пожелтевшей травы.

Вершина любой возвышенности всегда осматривается в первую очередь, а потом уже идет остальное и редко кто, опять возвращает на неё свой взгляд. Это он хорошо запомнил из рассказов знакомого старшины, ветерана финский сражений. И решил воспользоваться этой закономерностью.

Внизу, на лугу, часть немцев обследовала место падения своего самолета, их охраняли трое парней в чёрной форме, распределившись треугольником. Остальные, с десятков и двое помощников отсутствовали.

— эт хорошо, пошли по моему следу, смотреть, кто же с вашего сапоги увёл. А

офицеришка остался, иш ты, как на своих исследователей руками машет, волнуется небось, совсем себя не бережёт, от нервов все болячки. Ох не следит за своим здоровьем, ну ничего, я человек добрый, душевный, выручу господина. — и прервал свои размышления Саня всадив офицеру пулю в спину. — а ты куда болезненный побежал? — рухнул на землю, как подкошенный ещё один немец.

Третий? умерший, молодой парень, один из помощников, тот что был на середине луга, и сразу понял откуда ведётся по ним огонь. Даже успел залечь и пару раз выстрелить, чем только раззадорил Саню.

— мучается бедняга. Подожди, сейчас помогу, не будет тебе эта жарница неудобства создавать, небось весь вспотел, в той своей форме на солнце, сейчас быстро остынешь. Получи!

После третьего выстрела, все присутствующие возле останков Юнкерса, попрятались кто-куда, как тараканы. Так что с четвёртым, добрейшей души стрелку, пришлось немного помучиться. Холм, с которого вёлся огонь, располагался с боков продолговатого открытого пространства. И один из помощников немцев находился довольно близко. Немного больше ста метров, потому, когда началась стрельба успел залечь и точно определить место Матвеева. Даже один раз успел, впопыхах, но довольно удачно выстрелить один раз, промахнулся всего немного, его пуля пролетела пол метра над целью. И из-за густой травы был плохо виден, но его подвели хорошо начищенные утром сапоги, сияли на солнце как зеркальные. В них и Саня послал четвёртый гостинец.

Его враг, совсем недавно наводивший одним своим видом ужас и страх. Нёсший безнаказано боль и страдания другим, сейчас сам ощутил это на себе и от адского огня в голени приподнявшись, смотрел на разорванное голенище, начинающую расти маленькую лужицу крови на земле. Досмотреть не удалось, в затылок прилетел ещё один гостиниц, оборвалась? ещё одна жизнь предателя славянского рода.

— Пора делать ноги, пока не набежали те что пошли по моему следу, — сам себе скомандовал Саня и пополз задом назад, пока вершина холма, как щит, не отгородила его от немцев. Ещё немного и смог полностью выпрямиться? быстро, но осторожно спустился вниз, двигаясь задом наперед, по пути старательно вдавливая пятки своих сапог в землю. Остановился у подножия бука, закинув карабин за спину, ловко взобрался на дерево. Где-то на середине ствола уселся на толстую ветку и смешно балансируя, скинул своё оружие.

— ну сейчас увидим, купятся ли эти самоуверенные индюки на мою хитрость. Да где же они, совсем нюх растеряли, аа, вот вы где! Бегите, бегите, праздник начинается, столы накрыты и оркестр ждёт только вас!

По пустынному склону, стоящего напротив Сани холма, быстро бежали, выстроившись в цепочку, двенадцать человек. Впереди неслись десяток немцев, а позади два типа в чёрной форме. Почти все были вооружены карабинами Маузера, кроме четвёртого в колонне, у него в руках был МП-40.

Так-что Матвеев легко определил кто будет его первой жертвой, разместив поудобнее мосинку на ветках, закрытый наполовину стволом дерева, ждал удобный момент. До врагов оставалось меньше шести сотен метров, можно позволить себе выбрать оптимальный вариант ведения огня, охотники, в его крае, на таком расстоянии лосю точно в голову без проблем попадали. А его дед часто заставлял из-за мяса помогать охотникам, там он и научился стрелять. На середине пути немцев, склон холма имел участок с очень благим нагибом, тут их силуэты? накладывались в Санином прицеле один на другой. Так что первый

выстрел оказался очень удачный, тому, с пистолетом-пулемётом пуля пробила горло и продолжила дальше. Что-бы зарыться следующему в живот, что самое страшное, она после пробития горла не потеряла свою скорость. Лишь начала беспорядочно вращаться, так-что влетев второму в тело, повела себя как подобие адской мясорубки. Над холмами разлёгся страшный крик, полный боли и сознания что выжить после такого ранения почти не реально. Но не даром немцев называли лучшими солдатами Европы, лишь мельком, взглянув на выбывших из строя товарищей, рассыпались по склону, быстро передвигаясь зигзагом. Оставив позади своих двоих помощников, стреляя на ходу в Санину сторону. И тот видя как решительно действуют немцы, решился только на один выстрел, попав в грудь ещё одного врага. И тут же слетел с дерева, стараясь не ступать на открытые участки земли, согнувшись почти пополам, побежал в сторону, вдоль холма поросшего редким лесом. Пробежал двести метров и спустившись на четвереньки, принялся улепётывать подальше с линии пути, по которому шла разозлённая группа прикрытия абвера.

Семеро солдат, в короткий момент потерявшие трое своих, включая командира, бежали вперёд, уверенные в себе, опытные, легко определили что по ним огонь вёл одинокий стрелок. А теперешние потери всего лишь случайность, сейчас они его без труда уничтожат, может и позволят своим помощникам с ним немного развлечься. И вот и то дерево окружено, возле корней блестит в траве латунные бока двух гильз. Отпечатки сапог, хорошо видны, их враг спешно уносил ноги увидев доблестных солдат Вермахта. Но ему от них не уйти, все они прошли дополнительное обучение, по ведению боя в лесистой местности. Теперь они подобны настоящим волкам, лес стал союзником, враг может бежать сколько хочет, но от них спасения нет.

Смятая трава, следы каблуков точно показывают куда этот недоносок двинулся, точно через верх холма, идиоту один раз повезло а сейчас приходит время расплаты. Солнце светит солдатам в спину, даже если он остановился, в них ему будет очень тяжело целиться, а зато они в самом выгодном положении. Огонь семи Маузера 98К не шутка, да ещё когда они находятся в опытных руках солдат.

Гюнтер был очень прилежным служащим в своём отделе, все его коллеги признавали то, но кроме службы у него была своя жизнь, он просто обожал огнестрельное оружие, коллекционировал образцы и книги на ту тему, из всех стран, где пришлось ему побывать, в составе победоносно шагающей армии он привозил или слал домой разные занятные вещицы. Это последнее задание обещало быть очень перспективным в этом плане, есть отличная возможность разжиться русским ТТ даром, пистолет вобравший в себя лучшие черты системы Браунинга. Каким-то невероятным образом самолет, перевозивший группу диверсантов в тыл большевиков, был уничтожен, не понятно откуда появившемся русским истребителем И-16. Жаль конечно погибших, но что поделаешь, идёт война, а на войне жертвы неизбежны. Слава богу, что перед падением, успели сообщить причину и примерный район, так что больших проблем с обнаружением не было. К тому же хорошо показали эти местные проводники, довольно быстро вывели к останкам Юнкерса. Сразу же Гюнтер установил что почти все шифровальные блокноты на место, всё оборудование и снаряжение находится в транспортных тюках и страховочные пломбы не повреждены. Тот, недостающий блокнот был быстро найден, в специальном кармашке радиста, его тело было найдено в кустах, на траве остались следы того кто его туда отволок. Как насмешка над ними, была белизна ступней трупа, с него были сняты сапоги. Возможно что это сделал какой-то жадный местный житель а возможно и нет, слишком много случайностей, вопросов

возникало в связи с этим. Его новый, молодой командир, белоручка и слюняй из Дордмунда, видно потрясённый видом мёртвых, послал по следам всю группу прикрытия. Идиот, оставил нас охранять эти биологические отбросы людской цивилизации. Да они ещё не достигли интеллектуального развития что-бы безопасно для себя пользоваться вилок. А тут ним, этим дикарям, доверили настоящее оружие и поставили очень простую задачу. Всего лишь держать окрестности под контролем некоторое время. И что они с успехом провалили, допустили шанс врагу непримеченно подобраться? очень близко. Как результат глупости самовлюблённого командира, четверо мертвецов, погиб и этот слюняй в том числе. Группа осталась без командования и на пару минут впала в ступор.

Гюнтер всегда мечтал показать себя настоящим воином, храбрым, сообразительным, безжалостным. Таким, как описывает история великих предков германской нации, как объясняет в своих выступлениях профессора Геббельс.

И тут удачный случай, он может проявить свой дух, быстро взяв управление на себя, выжившие, по его команде, заняли молниеносно выгодные позиции, для стрельбы по склону проклятого холма. А он занял место у бортового пулемёта самолета, мощного МГ- 15.

За холмом слышалась стрельба, среди звуков он хорошо различил творение гениального? Маузера. Видать ушедшая группа прикрытия погнала на них этих ужасных большевиков." Какой прекрасный момент, сейчас они, убегая от доблестных солдат Вермахта, вылетят точно под пули Его отряда"- рассуждал абсолютно логично, исполнительный служака Гюнтер и злорадно ухмыльнулся.

Вот на вершине того холма показались семь силуэтов, подсвечиваемых со спины лучами солнца. И новоявленный командир торжествующе заревел и его рёв продолжил бортовой пулемёт Юнкерса. Одной длинной очередью он скошил сразу двоих, ещё двое упали под градом пуль Его людей. Воодушевленно поливал верхушку холма, одна, другая, ещё одна очередь и вот все семьдесят пять патронов в магазине закончились. Суматошно отстёгивая магазин, с двумя барабанами по краям, он услышал с вершины холма крики боли, вперемешку с немецкими? проклятиями.

А за всей картиной, необычного сражения, наблюдал со стороны, довольный как слон после водопоя, Саня. В общей неразберихе ему удалось израсходовать непримеченно два патрона, дописав ещё двоих на свой список. После чего радостно прошептал себе под нос, — купились придурки! Маленькая гадость а душу греет, хотя ошибочка, это крупная гадость! — и немного остыв от возбуждения, начал считать общие потери врагов, постоянно сбиваясь со счета;- три, не четверых в начале, точно, четверо, ну и минимум двое сейчас, таак, эт шестеро, да ещё трое, что со спины мне заходили. Ух тыж, кому сказать сколько накрошил, не поверит, пол часа и девять душ богу на исповедь. А ещё если не ошибаюсь, эти у самолета, своих то где-то двоих расстреляли из пулемета. Выходит что от двадцати пяти человек, десять, а может и одиннадцать гавриков тю-тю!

Но общий счет? был немного больше чем ожидалось. Семеро, самоуверенных в себе, немецких солдат, выбежавших цепью на вершину, попали под плотный огонь своих. Из них трое, находящихся по краям, отделались лишь ранениями разной степени тяжести. И первая мысль, объяснение всего была мысль о предательстве, предательстве от своих новоявленных помощников, с такой легкостью изменивших сторону в самом начале войны. Поэтому не сговариваясь, молниеносно обернулись и уничтожили двоих плетущихся за спиной, а потом уже открыли огонь по скрывающихся в траве парней одетых в чёрную форму. Таким образом из пяти добровольцев, местного разлива, не выжил никто. И в общем итоге осталось в живых

только немцы, семеро следователей и три солдата группы прикрытия с опростоволосившимся Гюнтером во главе. Такого развития событий не ожидал ни кто, так что решение немцев уйти в глухую оборону выглядело абсолютно логично. Только вот Саня о том не имел понятия, продолжая думать, как свести возможную угрозу к минимуму.

Лёжа в ложбинке, одного из холмов, он копался в нагрудных карманах гимнастёрки. Он точно помнил, что носил с собой два прихватизированных, ещё до войны патрона, с чёрно-красным верхом пули, специальные, бронебойно-зажигательные. На них у него были очень большие надежды.

А в этот момент возле Юнкерса разгорелся жесткий спор, где под напором одного из троих солдат был составлен план обороны. В предполагаемый район падения самолёта, они были доставлены тремя грузовиками тыловых служб, размещённых временно в посёлке со странным названием Верховина. Тут, им было отведено двадцать четыре часа для проверки данных, после чего следовало доложить командованию о результатах расследования. Радиостанция и радист не пострадали, с этим не было проблем. А вот как лучше составить донесение, о катастрофе постигшую группу, так, что-бы всю вину свалить на погибшего шефа и вызвать дополнительные подразделения. Над этим и трудился в поте лица Гюнтер, пока часть людей занималась перевязыванием ран, часть сооружала две огневые точки, оборудованные снятыми с Юнкерсы бортовыми пулемётами.

Видя что немцы пока окапываются и не спешат забрать тела своих погибших товарищей, в душе Сани хомяк поднял вой и скандал. Указывая на то что, у командира группы прикрытия очень замечательный бинокль, он бы очень неплохо смотрится на шее. И аргументировал необходимость срочно отнять его у поверженного врага, тем более, что тому, он уже тому немцу не нужен совершенно. На том свете хороший бинокль бесполезная вещь. Ещё в голову пришла мысль, как же мучается? Голубкова, неся на плече тяжеленную сумку, неравномерно нагружая позвоночник, только с одной стороны, постоянно балансируя.

Вот если бы с другой стороны на плечо повесить немецкий МП-40, да с магазинами. сразу Светлане легче стало бы, когда груз равномерно распределён, это же совсем другое дело. Заманчивое предложение хомяка вступило в жестокую борьбу с воспитанием и поговорками деда Артёма, враг это волк, волков подранков добивай всегда.

Успею и туды и сюды, — успокаивал сам себя почти бегом летя сквозь лес. Потратив пол часа, для ликвидации острого приступа жадности, вернулся на прежнее место, теперь можно было смотреть на мир сквозь стёкла цейсовского, армейского бинокля. К тому времени немцы уже подготовили обе огневые точки, где за пулемётами встали опытные солдаты, а не следователи абвера. И небольшой блеск, в траве одного из склонов, бокового холма, привлёк их внимание, и рой пуль немедленно устремился туда.

Хрен вам! Не попали! Не попали! — вжавшись в землю шептал Саня, потихоньку полз задом назад, отчетливо слыша свист пуль над самой головой. И так почти пять метров, пока не появилась возможность встать на четвереньки а ещё дальше выпрямиться, закинув за плечи трофейный автомат пробирался вдоль холмов. Проклиная все на свете за свою сиюминутную слабость, из-за жадности пропустив хороший шанс поквитаться с врагом.

Удалившись на добрых пол километра, внезапно остановился и хлопнул ладонью себя по лбу, — а кто будет у мертвецов медальёны, оружие, хренотень всякую собирать? Не уж-то врагу отдавать, позор какой для немцев, — и с ехидной ухмылкой начал оглядываться по сторонам; — чего там старшина о финской рассказывал, мол самое поганое на войне, под

огонь кукушки, вроде так он них называл, попаст. Мол замаскируется гадёныш на дереве и с большой дистанции, так что-бы между ним и целью ещё пару деревьев было, стреляет по нашим. Так и звук по сторонам расходится, не знаешь откуда палит сволочь.

Закончив читать сам себе лекцию, оценивающим взглядом окинул стоящую перед ним огромную, старую ель. После чего спрятав трофеи под ней, кряхтя как старый дед, полез вверх по стволу. Целых два часа просидел на ветках, наконец в ложбинке, между холмов, среди низенького кустарника показалась голова, кто-то из немцев, осмелев, решил осмотреть местность. Сквозь бинокль, внимательно следя за положением солнца, так что отблеска вообще не было. Даже ни одна ветка не качнулась, опыт и серьезно поставленная подготовка сказывалась. Но Саня привык ещё мальцом наблюдать за поведением птиц, на сердце всегда становилось теплее, когда беззаботные маленькие пичужки крутились вокруг. Они очевидно чувствовали его любовь к ним и отвечали взаимностью. И сейчас, один такой союзник, недовольно крутился над немцем, видно рядом было гнездо с птенцами и он приняв его за врага, старался отвлечь от своих птенцов.

Опа! Клевать начало! — обрадовался Саня и плотнее прижался к стволу, не обращая внимания на потёки смолы.

Следующие десять минут ничего не происходило, пока опять не появился немец, только в этот раз, вместо бинокля, он осматривал лежащую перед ним местность, сквозь прицел пулемёта. Не очень хорошее решение, кольцевая рамка прицела на самом краю ствола, почти что на пламягасителе, может и хорошая идея для турели самолета, но не для сухопутных войск. Закачались сразу низенькие кусты и травинки, выдавая стрелка внимательному наблюдателю. Поводив стволом в лево, в право, немец расчистил себе сектор обстрела и на этом успокоился. Если бы не тот авиационный прицел, пулемётчик имел большой шанс остаться незамеченным, ведь его серая, матовая каска терялась из виду очень легко. Зато второй повёл себя очень не осмотрительно, согнувшись, держа в одной руке пистолет быстро побежал к трупам своих сослуживцев.

— Они с помощью этого идиота решили меня выманить, открыть свою позицию, долго ждать придётся умники. Да и этот пулемётчик, слишком всё шаблонно, воняет на хорошо продуманную ловушку;— глядя на происходящее размышлял Саня. И ещё плотнее прижался к стволу ели, внимательно осматривая другую сторону холма. Его предосторожность была не лишней, на самом нелогичном месте, среди невысокий и редкой травы покрывающей склон виднелся маленький бугорок, совершенно обычный. Но после уроков покойного деда Артёма появилось какое-то предчувствие, звериное чутьё. И потому он не решился передвинуть лежащий на разлапистой ветви карабин. Аккуратно опустил вдоль тела руку и приподнял трофейный бинокль, стараясь держать его в тени. Вдобавок прикрывал линзы с одной половины ладонью, очень медленно приподнял к глазам и посмотрел на бугорок вызвавший у него тревожное чувство. Качественная, цейсовская оптика, скачком приблизила реальность, точно на него сквозь траву смотрело дуло немецкого карабина.

Вольфганг был очень опытный и лукавый охотник, родом из Эльзаса. Доказал в Арденских лесах своё умение, редко возвращался домой с пустыми? руками. И благодаря тому, после возвращения области в состав Германии, его один товарищ, убеждённый нацист, предложил явиться добровольцем в Вермахт. Там, он абсолютно случайно попал на глаза инструктору по подготовке боевых групп абвера и пройдя все проверки, быстро оказался в одной из них. Это было его первое, настоящее задание, прошедшие горнило Франции опытные воины взяли над ним шефство. И он старался не подвести никого, гордый оказанной

честью, хорошие были ребята. Жаль только что почти все погибли, виной тому аристократские замашки командира следователей, идиот, глупая несогласованность действий, а потом ещё один, возомнивший себя великим генералом. После всего этого в живых осталось только трое, из десяти, простая операция по проверке места падения самолёта с диверсионным отрядом, превратилась в трагедию, из-за какого-то большевика. И сейчас настал момент расплаты, хорошо продуманный план, ловля на живца, того кретина следователя, после всего, вообще следовало живьём? закопать. Но и так не плохо, пускай же в роли его палача выступит русский, легче будет объясняться перед командованием. А как только, большевистское отродье, выдаст свою позицию, Вольфганг отомстит за своих друзей. Его план имеет великолепные шансы, распотрошенное снаряжение диверсионного отряда подходит для этого отлично. Маскировочная накидка и оптический прицел на карабине, о таком даже не смел мечтать. Так что осталось только ждать, а этому искусству на охоте быстро учатся. Тем более что сейчас он работает в паре с хорошим пулемётчиком, вместе они представляют грозную силу.

Саня находясь в тени густой хвои, наполовину закрытый от чужих глаз стволом, разглядывал бугорок с торчащим дулом; — види ты то, так это накидка, ну да, точно. Побрызгал водой, посыпал песком и пылью, травинок не много сверху насыпал гад, хороший фокус, надо запомнить. А край накидки, над дулом, ветками приподнят над землёй, кажись и оптика на ружбайке. Серьезный тип, с таким надо разобраться в первую очередь, так что тот с пулеметом второй, ну а с тем что бегаёт опосля...

Составив себе план, передвинул ремень бинокля на сторону, поудобнее уселся и затаив дыхание, выбрал свободный ход спускового крючка. Первый выстрел, быстро перезарядить и опять в точку, десять сантиметров над дулом и пять в право. То, что в начале принял за бугорок, приподнялось не много вверх и опало к земле. И тут на голову посыпалась хвоя, мелкие веточки, это тот, второй враг, поливал из пулемета, как из шланга, скопление деревьев, фокус, с рассеиванием звука, удался лишь частично. Газы выбрасывающие смерть из дула MG-15 подняли облако пыли, мешая тем самым стрелку. Чем Саня, ведущий огонь с высоты, не приминул воспользоваться, но для того что-бы немец наконец замолк, потребовалось три выстрела. И на этом удача его покинула и пинками погнала глупого следователя, третьего немца, на другую сторону холма, подальше от трассы полёта трёхлинейной пули подлого большевика, оставив того наблюдать героический забег на короткие дистанции.

— Ни чего себе! Да у него подошвы загорятся! А как стартовал, с пробуксовкой! Ладно, хрен с вами, пора своих догонять. Достаточно я ним времени дал, а и после моих шуточек немчура не скоро нос высунет. — подвёл итоги, собирая трофеи под деревом, Матвеев. Поправив намотанные на подошвы сапог тряпки, не торопливо зашагал к тому месту где расстался с друзьями. Оттуда, его путь вёл на восток, теперь главное не пропустить обломленных, Каримом или Светкой, веток. Через час поиска, первая отметка была найдена, сразу стало понятно, куда дальше они двигались. Осталось только ускорить свой темп и кое-где припорошить землёй следы. В одном месте они видимо остановились передохнуть, характерный отпечаток маленького каблука Светланы легко читался на мокрой хвое.

— небось умывалась, жарница ещё та сегодня, в добавок и нервничала, ветку она сама для отметки ломала, снизу ножом подрезала, умница, как я и учил, неровно, в глаза не бросается, — посыпая пылью то место, — вот, теперь другое дело, не будет вообще привлекать к себе не нужное нам внимание.

До вечера осталось пару часов и Саня, ускорил шаг, стараясь выиграть побольше времени, ведь на бой с немцами ушло почти пять часов и его товарищи имели хорошую возможность далеко уйти, минимум десяток километров разница между ними. По его расчетам, только завтра, он сможет их догнать, если конечно не вляпаются в какие-то гадости. До самого захода солнца он шагал, не делая остановок, не обращая внимания на жажду, на тяжесть карабина, закинутого за спину, автомат висел спереди, натирая своим ремнём шею. Это была вынужденная мера, густая растительность вокруг него подразумевала бой на коротких дистанциях и тут автоматическое оружие давало большое преимущество.

В почти полной темноте пришлось искать ручей, — на ужин сегодня в нашей столовой вода, только вода, зато неограниченное количество, но только холодная-шутил над собой Саня выбирая место для ночлега. Через пять минут закопался в сухую, прошлогоднюю листву думал о своей, самой роковой ошибке, — эт я совсем подзабыл, дал маху по полной, — вздыхал он, вспоминая большую плитку шоколада, оставленную среди консерв тушонки, — сожрут, точно сожрут, хрен что мне оставят. А какой хороший был, тама ещё по французски чего-то было написано на этикетке. — ещё раз горестно вздохнул, слушая серенады, которые выводил его пустой желудок. С тем настроением он и заснул, подложив под голову подсумок с магазинами к немецкому автомату. Спал без всяких снов, не обращая внимания на гудящие от беготни ноги, голод, полную неизвестность того, что ждет его впереди. Спал, заведя внутренний будильник, на целых четыре часа, точно как учил его дед Артём, человек заменивший собой и отца и мать, школы и университеты, любивший его родительской любовью, учивший его лучше всех профессоров и академиков Земли. Сумевшего за один единственный год воспитать в душе Саньки человека. И пускай деда в селе не любили, терпели из нужды, пусть про него всякие глупости говорили, мол волхв, да что с того, он был порядочнее, честитие и мудрее всех жителей села, вместе взятых. Жаль только, что от него как воспоминание, остался маленький, бирюзовый камешек, вплетённый в кожаный ремешок.

В половине пятого утра глупо закончилась жизнь одного дивного создания природы. С точки зрения маленькой, но симпатичной жабы, сидящей в засаде, поблизости спящего человека. Тот грубиян вместо, того что-бы отогнать в её сторону это милое создание, сделал ужасное, убил его. А потом поднёс к глазам свою огромную ладонь и с удовольствием разглядывал бранные остатки.

— думал что пройдет тебе зараза это так, думал что я ещё сплю! Хрен тебе, кровосос чёртов, — пробурчал проснувшись Саня, охота на комара прошла успешно. Но ни один он бурчал с утра пораньше, напарником? ему в этом деле был пустой желудок. Хороший стимул для быстрого, передвижения ногами, в направлении заветной котомки с харчами. — а теперь приступим к водным процедурам. Жрать всё равно нема.

Через несколько минут, Матвеев с раздувшимся от воды животом, обвешанный оружием как новогодняя ёлка, топал на восток. По пути разглядывая одиноко стоящие деревья, в поисках отметки своих друзей. И удача была на его стороне, свеже обломленная ветка осины висела на остатках коры. Обрадовав своим видом одинокого путника.

А в это время на стол, одного из офицеров абвера, легла расшифровка радиogramмы полевого отряда, по расследованию причин падения транспортного Юнкерса. В версию о нападении какого-то сумасшедшего русского истребителя ему верилось с трудом. А если добавить ко всему внезапно разболевшийся вечером зуб, бессонную ночь, то известие о страшных потерях не только испортит настроение, оно взбесит?. Счастье того белоручки из

старого, немецкого, аристократского рода, счастье его что выскочка убит русской пулей. Иначе так легко он не отделался, но зато сейчас можно повесить на него всю вину. Но как бы там ни было, за такое развитие событий, в тылу ударной группировки, по голове не поглядят. И прежде чем посыпятся громы и молнии от вышестоящих, надо что-то делать.

Офицер на секунду задумался и после того кровожадно улыбнулся. В его распоряжении было пятьдесят местных добровольцев, желающих служить доблестному Вермахту, отъявленных националистов. Результат работы диверсионной конторы, ушедшей в историю Австрийско-Венгерской империи. Никто и не думал, что не много денег и одобрительное похлопывание по плечам тупого, необразованного быдла приведет к таким результатам. Хороший и грамотный расчет, за все беды и лишения свалить вину на русских. Прошло столько лет от Великой войны, позорного Версальского договора а проэкт работает и продолжает приносить свои плоды. И кто знает когда он остановится, но это всё пустяки, теперь он под надёжным контролем Германии. Так что сомнения прочь, это глупое, но послушное, пушечное мясо и один десяток из группы поддержки отличное решение для его мести русским вырождакам, посмевающим оказать сопротивление Великому Рейху.

Грузовики не будут попусту сжигать ценное горючее, туда доставят карательный отряд а назад вывезут выживших, снаряжение и как не прискорбно осознавать, тела погибших. А после наступит час расплаты, он лично позаботится о тех большевиках, вспомнит те весёлые деньки, когда Мудрый Фюрер взял власть в свои руки.

Не зная о нависшей угрозе, Саня быстро двигался, стараясь как можно быстрее догнать своих друзей. И давно уже снял с сапог тряпки, оставляя за собой кое-где следы подошв. Тут, в глухомани, по его мнению вряд ли кто-то есть, лишь через двадцать километров следует обратить внимание на маскировку. А тут, если и найдётся случайно какой хутор, то его можно обойти без каких-либо проблем. Сейчас война, местные жители во всей этой неразберихи не должны соваться в лес, без большой надобности. Так что настроение было приподнятое, он обнаружил свежие отпечатки каблуков Карима, на молодой траве, возле одного ручья. Смятые, полные жизни эластичные стебельки лишь прогнулись под тяжестью, но ещё не успели выпрямиться?. Значит что его разделяет от товарищей всего один, может полтора часа хотьбы. Взглянув на трофейные часы, нахмурился, он вышел в путь с первыми лучами солнца, сейчас девять, и уже почти догнал ребят. Очень поздно они двинулись, что-то не так, или Карим со своей раной задерживает или они почувствовали себя в безопасности и слишком расслабились, — догону, устрою маленький привал и большую головомойку. Вместо того, что-бы уносить ноги, как можно быстрее, они плетутся как на прогулке в парке.

Саня действительно оказался прав, те двое поддались очарованию утренней свежести леса, его девственной красоте. Забыли на некоторое о осторожности, совершив тем самым большую ошибку. Как умудрились, обоим, не заметить на склоне соседнего холма, отару овец, осталось не ясно. Зато пастух, молодой парень, хорошо рассмотрел две фигуры людей, одетых в красноармейскую форму, вооруженных, обвешанных снаряжением. О чем вечером рассказывал своим, о том, как орды злых москалей прошли рядом, с горящими от злобы глазами, вооруженными до зубов. И только благодаря его храбрости и лукавству, в отаре все овцы целы, а потом уже и отец парня, хозяин хутора, на следующей день, на поминках выпив не много, хвастался перед родней в селе, какой у него храбрый и умный сын. А к вечеру все в селе знали, о большой группе красных уходящих лесами к своим. Кто-то обрадовался? кто-то и не очень, не потому что жалели русских, совсем по другой причине. Наступило время

неизвестности, конечно хорошо что большевиков больше нет, тут все были едины во мнении, а вот как себя покажут немцы пока не ясно. Но так думали только старики, помнящие и другую жизнь, ещё до той большой войны, как австрияки через католиков пооткрывали в сёлах церковно-приходские школы, задарма детей учили писать и считать." Вроде как хорошее дело, но как выросли детишки, так и началось, словно не родные, как будто какой бес в них вселился. Родителей ни в грош не ставили, слушая только что поп униатский талдычит, не дети а злыдни последние. Вон немец русских погнал, а эти дурни сразу побежали новому господарю жопу лизать. Тьфу на них, злыдни выросли, а теперь и сами детишек настрогали себе под стать..."- тихо, так что-бы ни кто не услышал переговаривались старые. проклиная себя за наивность и глупость. Проклиная тот день, когда пустили на порог слаткоречивых монахов, предлагающих свою помощь, кому с жидами помогли с долгом? кому телёнка задёшево, и под это и школы втюхали. Обдурили селян необразованных легко, кто же от дармовщины в селе откажется, да ни в жизнь. Забыл то народ на старое правило, что только камень на голову задарма падает, да и то только дурням.

Где-то в половине двенадцатого Саня услышал впереди себя тихий голос Светланы. Внимательно вслушиваясь в слова он успел разобрать о чём идёт речь. Она похоже обвиняла своего напарника за все беды и грехи человечества, особенно за шаловливые руки, которые не знают как себя вести по ночам. И что в следующий раз, он одним синяком под глазом не отделается. Мол оторвёт и засунет ему в задницу обе руки. Короче милая девушка занималась обычной женской работой, пилила Карима с нескрываемым энтузиазмом и удовольствием. А тот, лишь чего-то жалобным голосом отвечал, ссылаясь на то, что его бес попутал и вообще, к нему надо относиться снисходительно, мол раненый он.

Саня решил воспользоваться тем, что они очень медленно плетутся и прибавил шаг. Решив обогнать них и устроить маленький сюрприз, что было легко, парочка занятая выяснением отношений не услышала звук его шагов. Ну а увидеть, в густой растительности, у них вообще не было шансов, не даром он лес называл своим домом. Обгнав друзей, на добрых пол километра, он остановился в зарослях, на краю большой поляны. Тут, почти по середине, росло несколько деревьев, отличное место для того что-бы поломав ветку, оставить для него знак. Теперь осталось только дожждаться, когда же появится неугомонная парочка. Спустя десяток минут, на другом краю поляны, кто-то палкой раздвинул стебли матёрой крапивы, после послышалось ойканье и между листьями показалась голова Карима. Он сосредоточено разглядывал место. Минута и он исчез, слышно было как звякнул металл, — вот паразит неуклюжий, ни капельки уважения к консервам, — подумал Матвеев, — чего с него взять, городской.

После непродолжительной возни, на поляну, согнувшись, с пистолетом в одной руке и компасом в другой, выбежал Карим. Его голову украшала повязка из лоскутов рукава Саниной гимнастёрки, с торчащими пучками травы из под слоёв матерьяла. Под правым глазом синел роскошный синяк, синева от тёмной морской волны до нежной голубизны небосвода. Добравшись до группы, деревьев сверился с компасом и протянул руку к одной ветке.

— хватит измываться над бедной природой, диверсант недоделанный, лучше топай когда мне. И не пальни с дуру. — произнес довольный? Саня, глядя как при звуке первых слов Карим неуклюже спрятался в траву. — здорово она тебя осветительным прибором наградила.

Санька, чертяка, жив! Жив! Свет Санька тута, живой совсем! — быстро сообразил кто с ним разговаривал Юсупов и молнией преодолев разделяющие их расстояние, полез обниматься на радостях, потом смутившись от своего вида, едва слышно прошептал; — и сказал Великий пророк Мухаммад, выходя утром из своего гарема- "и лучшая из них змея."

— эт точно, только смотри что-бы Светка не услышала, враз симетрию наведёт, не смотря на то что мелкая. Ну хорош, айда к ней, а то от сильного волнения не решается показаться на глаза. И да, совсем забыл, подарок у меня для тебя. Эт не лапай своими руками загребущими, бинокль мой пройдоха, вона подарок на траве под кустом, — посмеиваясь указал своему товарищу на немецкий автомат и подсумок с полными патронами магазинами.

Уговаривать Карима, любившего с малых ног всякие железяки, не пришлось. Засунув пистолет сзади за пояс, сграбастал новую игрушку моментально. От радости не находя себе места, — я так и знал, тебя Саня Аллах наградил даром предугадывать события, вон, мне подарок сделал, знал ты в душе, что у меня день рождения скоро. — не замолкал, лелея в руках МР-40 как младенца, пока шли по краю леса, обходя поляну на около.

— не сознательный ты тип, я бы сказал больше, не вежественный, слабо образованный, — подсмеваясь над другом Саня, глядя как тот занят немецким автоматом так, что и не замечает ничего вокруг, — бога нету, да и кстати, именинник, когда тот день рождения у тебя?

— да скоро он, через пять месяцев. — невозмутимо ответил Карим.

Через пять минут едва не был сбит с ног ураганом под именем Светлана. Повиснув на шее, целовала его радостно повторяя, — жив, жив, жив, — сияя от счастья и в то же время заливаясь слезами.

Карим на минуту оторвал взгляд от автомата и с самым серьезным видом добавил, — так что же вы сразу не сказали. Ну ладно тебе Свет, удавишь его потом.

Когда поутихли не много все эмоции, Саня вкратце описал свои приключения и огорошил неприятными выводами.

— после всего, что случилось немцы будут сидеть на месте, сами нас по незнакомой местности преследовать не станут. Очень уж необычный состав той группы, у них десяток настоящих волков сопровождения, да местные проводники с ними были. Столько из них покрошить случайно получилось, я просто воспользовался самоувереностью немцев. Да ещё купились на хитрость детскую. Короче выручила меня обыкновенная глупость и огромное везение. Но больше на это надеяться не стоит, вызовут подкрепление и устроят на нас настоящую облаву. Так что надо побыстрее уносить ноги из этого района, и чем быстрее тем лучше. Я тут прикинул, где мы сейчас находимся и хреновый расклад получается, справа, впереди городок Косив, а с левой стороны Куты. Между ними редколесье, обжитые места, людей хватает, там будет не просто пройти, не замеченным, очень рискованный маршрут. Но на него то немец в последнюю очередь своё внимание обратит. У нас есть сутки преимущества, прежде чем начнут охоту и это время надо максимально использовать. И что с раной нашего балабола, сможет ли выдержать темп?

— утром я меняла ему повязку, и могу сказать что заживает отлично, как на собаке, через неделю можно скинуть бинты. На головные боли не жаловался, координация полностью вернулась в норму. Даже через чур, доказательства на лицо, вернее на лице, под глазом. Надо бы ещё один с другой стороны добавить, природная маскировка.

— хорош над больным человеком издеваться, с собакой сравнивать какой-то, да и вообще меня не надо бить, особенно по лицу. Ты должна, как медицинский работник,

заботиться о здоровье боевых товарищей а не кулаками махать, надо милосердие проявлять.

Пока его друзья выяснили кто и чего, за что получил и почему гуманизм не всегда нужен, особенно при выбивании дурных мыслей из пустой головы, Саня проглотил пачку сухих и твёрдых как камень галет. Желудок, своим урчанием, дал понять что есть в сухомятку нельзя. Дальнейшие его возмущения прервала вода, много воды, почти половина фляги. Решив таким образом проблему голода, вытряхнул содержимое котомки на траву. На них троих осталось семь банок тушонки, четыре немецкие консервы и две пачки галет, что оказалось самым неожиданным, так это нетронутые шоколад и фляга с остатками вина. И это всё, на что можно было рассчитывать а по самым оптимистичным прогнозам, до своих, осталось пять дней пути. Хорошо что самый трудный участок остался позади, не надо больше взбираться или обходить высоченные холмы, теряя на то драгоценное время. Единственным положительным моментом было то, что все трое наконец то были вооружены. Пистолет и наган Саня воспринимал как вспомогательный инструмент для очень коротких дистанций, которые на войне крайне редко случаются.

Наконец-то его друзья, в случае необходимости, смогут за себя постоять. Сложив все вещи и продукты назад в котомку, закинул за плечи и дал понять что отдых закончился.

— порядок движения прежний, только ты Свет дай Кариму свою сумку, он жилистый конь и не почувствует нагрузки. Ты сзади, контролируешь его следы и дальше, слишком неуклюже ходит.

До самого вечера он не позволил ни одного привала, лишь два раза, на несколько минут у ручьёв, наполнить водой, быстро пустеющие на такой жаре, фляги. Восемь часов на ногах, по самым непролазным дебрям, дались не легко всем, да ещё и эта не нормальная жара. Особенно трудно было Кариму, бинты пропитались зноем и для того что-бы не воспалилась рана пришлось снять повязку. Так что он был вынужден смотреть не только под ноги и когда его друг наконец выбрал место для ночлега рухнул на землю, наклонился на кочку спиной и следующие пару минут не двигался. Появилось ощущение что его ноги превратились в тяжёленные, чугунные столбы, гудящие от внутреннего напряжения. С трудом удалось повернуть голову и взглянуть на Голубкову и сочувственно улыбнуться ей. И она сидела, наклонившись на ствол бука, положив рядом старый, потёртый МП-18, не всилах пошевелиться?. Лишь Матвеев был полон сил и энергии, збегал к маленькому ручейку, наполнил водой фляги и трофейный котелок. После? непонятно почему, начал срезать пласт дёрна с одного места. Когда это ему удалось, засунул под него несколько сухих веток и приподняв отнёс к ручью и там обильно полил. Карим только с удивлением смотрел на то, что делает его друг. А тот ножом основательно разрыхлил землю в образовавшейся проплешине и принялся копать зачем-то ямку. Что ещё необычно, землю складывал на кусок брезента. Работал без остановки, иногда поглядывая на своих товарищей задумчиво. Вот в яме запылал бездымный костёр, горели мелкие кусочки самых сухих веток, которые удалось найти. Вода в котелке быстро закипела, пол горсти чая, полная горсть сахара и ухватившись за дужку отнёс чай охлаждаться, в холодной, как лёд, воде ручейка. А когда вернулся не успокоился, вынул из котомки маленькую баночку рыбных консервов, пачку галет, вытащил три шпуки а остальное вернул назад. Открыл ножом консерву и соорудил три бутерброда. При виде этого у Светланы загорелись глаза, но сил для какого-либо движения просто не было. Саня опять начал копать по котомке и успокоился лишь найдя какой-то мешочек. Развязав его тесёмки, вынул крупный кусочек окаменелой соли. Раздробив в ладони, щедро посолил еду. И лишь после этого соизволил проговорить.

— навалился народ, сейчас быстро оживёте, этому меня деда мой научил. После сегодняшнего дня, у вас с потом вся соль из тела ушла, оно теперь пресное, нету за что душе ухватиться. Чего кривите рожи, жуйте быстро, кому говорю. А опосля чаю сладенького, эх жаль что мёда нет, но и сахар тоже сгодится.

И не дожидаясь реакции на свои слова, быстро проглотил свою порцию и отправился за котелком. К его возвращению парочка всё ещё хрустела круто посоленными галетами, и с завистью начали следить, как он неспешно начал пить холодный чай. И лишь после того как последняя крошка была съедена он подвинул к ним котелок. И обессиленная парочка поочередно начала прикладываться к нему.

Кариму было мучительно тяжело глотать ужасно солёную галету, даже вкус великолепной рыбы из консервы не слишком помог. Хорошо что его мучитель догадался принести чай, обалденно ароматный, судя по всему, он в заварку добавил каких-то трав, лист малины и чёрной смородины точно. Вот только переборщил с сахаром, хорошо что холодный.

И когда опустошили котелок, до последнего глотка, внезапно поняли что опять вернулись силы, бывшая тяжесть, сковывающая тело исчезла бесследно. И у молчащего, последние пару часов, балагура Карима их хватило что-бы задать вопрос по поводу сегодняшнего дня,

— слышь, Саня, чего с тобой произошло, решил нам устроить экзамен на выносливость?

— вы уже извините меня, но так было надо. Я абсолютно уверен, что немец так нас не оставит. Облаву устроит, гарантирую и используя местных охотников, быстро встанет на наш след. Разделяться они на группы и прочешут округу, хорошего охотника почти не возможно обмануть. Так что хвост нам обеспечен. Зато и сегодня, пока есть возможность, прошли где-то с двадцать километров. Теперь у нас хорошее преимущество, а его я планирую ещё увеличить.

Тут уже оживилась и Светлана, — какие-такие двадцать километров, да мы почти что бежали! Тут с тридцать выйдет.

— так я имел ввиду по прямой, того хождения вверх, вниз по холмам не считаю. Вижу что почти вернулись в норму, раз головой думать начали. Ну так вот, какие планы на будущее. Сейчас забираемся под воон ту огромную ель и баиньки до трех часов. Пока вы тут филиал паралитиков строили из себя я осмотрелся вокруг. Тот ручей, что поблизости, ведёт к просёлочной дороге, она вроде как направление на северо-восток держит. Как раз туда нам и надо. Ночью пойдём, по обочине, так до восхода солнца преодолеем с десятков километров. Если получится, то после этого, нас найти, никакие следопыты не помогут немцу. Там дальше, если хорошо помню нет таких густых лесов, только на север от села Черганивки. Вот в тот район я и хочу добраться за это ночь. По ночам дороги пустые, все сидят по домам, так, у нас есть хороший шанс? исчезнуть с поля зрения всех.

Карим осторожно почесал затылок и после недолгих раздумий, согласился с идеей. — удивляешь ты меня Саня постоянно, тебе в пору дивизии водить а не нас.

Саня на то лишь равнодушно хмыкнул и отправился за новой порцией воды. Перед этим бережно вытряхнул всю заварку на лист лопуха. Пока не прогорел костёр решил приготовить ещё чая, так что-бы к моменту подъёма не надо было беспокоиться о том.

И вот спустя пол часа котелок снова был полон чая а костёр был погашен водой из фляги. Земля, лежащая на брезенте заполнила яму а потом и кусок дёрна вернулся на своё место. Саня разровнял стебельки травы, опять всё полил водой. Едва заметный бугорок

выдавал то, что здесь совсем недавно было кострище, влажная земля к утру сляжется и просохнет, не останется даже намёка на костёр. Удовлетворённый результатом загнал друзей под лапы высокой ели, осмотрел место где они сидя отдыхали и кое-где разбросал мелкие веточки и хвою. Теперь, даже он прошел бы тут, не заподозрив ни чего и потому с довольным видом исчез под деревом.

Хотя и было очень жарким лето, ночи были прохладными. Друзья спали на роскошной перине хвои, прижавшись друг к другу, стараясь сохранить тепло. Спали целых пять часов, ровно до того момента, как у Сани внутренний будильник не поднял давление в нижней части организма. Расстолкав друзей скомандовал подъем. — девочки направо а мальчики? на лево.

Светлана потянулись в темноте как кошка и не упустила шанс для тренировки женской логики;- от малых ног только на лево и глядите, кобеля неисправимые.

На все сборы ушло мало времени, котелок с чаем, накрытый? брезентом быстро опустел, был сполоснут в ручье и спрятан в котомку. И точно в три часа ночи, маленький отряд спускался вниз, вдоль русла, ещё немного и вдоль обочины дороги двинулся быстрым шагом. До рассвета? осталось только два с половиной часа, надо успеть пройти запланированных десятков километров. Обойдя стороной мирно спящее село, село где и последняя собака слышала о большой группе большевиков. Группе военных, идущей в самом логичном направлении, на юго-восток, в направлении реки с красивым названием Черемош. В ту сторону, о которой Санька даже и не думал ни секунды. Он вообще то хорошо запомнил уроки своего деда, о мудрости обычных зайцев, дурных, которые напрямую ломились, лисицы поели.

Как и рассчитывал, дорога была пустынна, ни одной живой души. Ночная свежесть придавала сил, к тому же не надо было беспокоиться о вездесущих кочках, сухих ветках под ногами. И через полтора часа вышли на окраину села, дорога вела точно в его центр. Так что пришлось обходить его наоколо, полями, но на это грех было жаловаться. Удалось разжиться большим качаном капусты который без каких-либо проблем поместился в котомке. Очень повезло что ветер дул в их сторону, ни один сельский кабыздох не залаял. За пол часа они опять вышли на дорогу, оставив за собой посёлок. Небо над горизонтом начало терять? свою мрачность, ещё немного и рассвет а до спасительной кромки леса два километра. Тут уже можно было нарваться на кого-то из местных жителей а открытая местность, без какой-либо растительности, не давала и малейшей возможности остаться непримеченными.

— времени в обрез, придется бежать. — скомандовал Матвеев.

И все трое понеслись по дороге, не обращая ни на что внимания, бежали так, как никогда в жизни. И когда уже не осталось никаких сил, влетели в густые кусты и попадали на землю, судорожно дыша. Вовремя, в это время на дорогу из села вышло стадо коров, подгоняемое пастухом и двумя беспородистыми собаками.

Отдышавшись, трое друзей построились в колонну и быстро растворились в глубине леса. Хотя и Саня не имел ни какой карты, да и местность знал слабо, был тут пару раз проездом, выбрал северное направление. Ещё до войны, он сидя на мешках в кузове грузовика, любовался на вид пологих холмов, покрытых огромным, зеленым морем смешанного леса. И теперь имел возможность воочию убедиться в его красоте. Шагалось легко, мягкий ковер травы пружинил под ногами. Лесные жители, не чувствуя зла в душах этих людей, без страха занимались своими делами. Дошло до того что большая гадюка некоторое время спокойно ползла параллельно небольшой колонне. Лишь Матвеев приметил

её, но ничего не сказал друзьям, здраво рассуждая что это у городских жителей вызовет ненужный страх. А так она не мешает, у нее своя дорога а у них другая и одни другим не мешают. Медленно двигаясь, наслаждаясь ощущением безопасности, поглядывал по сторонам. Его неопытные спутники потратили? всю воду, но в этом краю с этим нет проблем, ручьи встречаются часто. Через пол часа попался один довольно крупный и поблизости его Саня решил сделать привал. Да и украденый, возле села, качан молодой капусты, начал натирать спину, лучше половину разместить по желудкам товарищей. И вскоре все трое хрустели с азартом капустными листьями, словно банда зайцев.

— да, мне кто месяц назад сказал, что буду есть сырую капусту, без ничего, я бы только посмеялся. — прервал тишину Карим, с грустным взглядом глядя на жующих друзей, свою долю он закончил первый и надеялся что кто-то оставит недоеденый кусочек. Но надежда на то была ничтожной? после пройденного пути у всех разыгрался аппетит. Да и молодые, полные энергии организмы буквально сжигали еду.

— хорошо было, но мало. Не чеши рану, дундук, своими грязными грабулями, олух. Саня стукни его пожалуйста, ты ближе а то мне лень вставать. И по ногам, по голове нет смысла, одна кость.

— Светулик для тебя что угодно, тем более бить Карима.

— вы чего, спелись, меня бедного обижать нельзя, я хороший, от меня и польза. Забыли оглоеды кто в поле капусту приметил! Неблагодарные и жестокие вы люди! Только и думаете, как мне какую-то пакость сделать!

Сразу видно что из диких краёв, ни грамма милосердия в вас. Тёмные, отсталые, далёкие от культуры, вот когда закончится война приезжайте ко мне в Казань, увидите как нормальные, воспитанные люди живут.

— Ладно, хорошего понемножку, по моим расчетам пятнадцать километров за нами. Если ещё десяток выдержите до вечера, получаете по кусочку шоколада. А ужин хороший обещаю, тушеная капуста с мясом, даже для этого ложки выстругаю всем. — обрадовал обоих Саня видя как устали они.

Но от планированных десяти, удалось пройти только семь, дальше путь перерезала дорога Косив-Заболотив. По ней непрерывным потоком двигались на восток немецкие войска, а на запад, по обочине прошли две колонны пленных красноармейцев. Лёжа в кустах, ребята провожали их взглядами, смотря как веселятся наступающие части Вермахта, при виде понурых, безвольных лиц большевиков. Немецкое командование специально приказало конкурировать русских паралельно с идущими в наступление солдатами, для поднятия общего боевого духа.

Саня и Карим от злости не находили себе места, в один момент опустили головы, чтобы не видеть тот ужас. Один большой грузовик, проезжающий рядом с колонной пленных, внезапно вильнул в сторону. Ломая людей своим массивным бампером, давя ребристой поверхностью колёс. Смяв строй, снова вернулся на дорогу и продолжил свой путь. Конвоиры пленников лишь помахали кулаками водителю, ведь в созданной неразберихе один русский попытался сбежать, но попытка была неудачной. Несколько выстрелов ему в спину и больше бежать желающих не появилось. А через пять минут немцы погнали пленных дальше на запад. Светлана беззвучно плакала, глядя на растерзанные тела красноармейцев, лежащие вдоль дороги. До самого вечера пришлось ждать, пока движение прекратиться. В сумерках перебежали грунтовку и попытались похоронить шестеро погибших, но без лопаты это было не возможно. Стащив тела в один, неглубокий овраг,

забросали них ветками и продолжили свой путь. Уже в наступившей темноте перебрались через неглубокую речку, холодный поток смысл горечь увиденной трагедии, оставив только ненависть к немцам. И когда удалось добраться до следующего лесного массива и найти хорошее место для ночлега Карим пробурчал себе под нос

— ни кого вообще.

Саня удевлённо посмотрел на него и спросил, — кого никого?

— я о немчуре, этих в плен брать ни одного не буду, эти тварей не должны существовать на земле. Ни них самих, ни ту шваль что ним служит. И пускай меня Аллах потом покарает за чрезмерную жестокость, жалеть всё равно не буду. И у меня просьба, у тебя есть десять гранат, не будь жмотом, подари одну. Не хочу в случае чего в плен попасть.

— дай и мне одну, пожалуйста, — попросила Света- насмотрелась сегодня, Карим полностью прав, не люди это. Может и были когда-то, но после того как эта зараза нацистская в них вселилась перестали быть людьми.

Стараясь хоть немного отвлечь друзей от тяжести мыслей? и понимая, что другого такого момента может и не быть, занялся обещанным ужином. Пока в котелке мясо и капуста и вода занимались созданием комбинации лучших своих особенностей, он выстругал довольно корявое подобие ложек. Рассудив, что для одного раза довольно, не до выпенжрёжа.

После плотного, сытного ужина, молодая капуста, мясо, не много упавшей хвои с комарами, разделил шоколад на три части и пустил по кругу флягу с остатками венгерского вина.

До линии фронта, пускай и очень неустойчивого, осталось только тридцать километров, два небольших перехода. Всего лишь два, но самых опасных и трудных. Там, на некоторое время, у моста через реку Прут, возле городка Заболотив, развернулись ожесточенные бои. Немцам не удалось сходу взять контроль над переправой, которую отступающие части почему-то не взорвали.

Маневренная группа налетела на русских и понеся не большие потери, откатилась назад в ожидании подкрепления. Использовать авиацию в этом случае было не рационально, бомбы могли повредить мост. Командование решило поступить по стандартной схеме, отработанной ещё во Франции. Часть сил отвлекает внимание противника на себя, пока сапёры не разыщут подходящий брод через реку. Следует стремительный удар с флангов и открывается возможность выхода в тыл. Успешное наступление в этом направлении, позволило бы пересечь линии эвакуации, выйти на оперативный простор. Там, за Прутом, нет больше таких крупных лесных массивов, хотя и холмистая местность, местами заболоченная, но танкам это не помеха. Открывается отличные возможности для охвата всего пространства восточнее Ивано-Франковска и выход на Ровно. А там уже раздолье для моторезированных клиньев Вермахта. Быстрое продвижение в бреши созданные в обороне и вперёд, только вперёд, по плану главного штаба. Надо торопиться, до осени времени мало, а идти победным маршем по улицам Москвы под дождем не очень приятно. И как на зло сапёры отстали, ждать очень унылое занятие, повезло лишь гаубичным батареям, своими сто пяти миллиметровыми снарядами засыпают позиции русских. Несколько залпов сделано и по городку с смешным названием Заболотив. По его небольшой железнодорожной станции и теперь над тем районом висит густой облак дыма.

Саня заставил своих друзей лечь спать, завтра предстоит трудный день, не очень то разбираясь в военном деле он понимал важность для немцев моста через реку. Там точно

есть большое скопление войск. Соваться туда верная гибель а вот если взять вверх по течению то можно и незаметно пробраться. А там уже свои, не надо больше ломать голову над массой вопросов, где взять боеприпасы, еду, не надо думать о глупостях. Воевать легче, когда знаешь что ты не один, когда рядом есть кто-то способный поддержать тебя огнём. А сейчас он может рассчитывать только на свои силы, как бы не хорохорился Карим, но ранение даёт о себе знать. А Светлана? конечно хорошая медсестра, но не боец, добрая очень, нет? ещё необходимой в борьбе уверенности в себе. Сам бы он, без каких-либо проблем пробрался сквозь немецкие линии, но только сам. Но о таком варианте не чего и думать, товарищей он не бросит. Так что пусть сейчас хоть немного отдохнут, не скоро будет ещё такая возможность. — наконец и его совладал сон.

Точно в пять утра открыв глаза лежал неподвижно, наслаждаясь последними минутами мира, слушая пение беззаботного жаворонка.

— подъем, хватит валяться, проспите завтрак самый лучший завтрак!

Карим приоткрыл один глаз, потом другой, зевнул так что любой конь удавился от зависти, — ну и чего нам наш шеф-повар приготовил? Молчи, дай угадаю. Таак, кофе по венски, круасаны с молочным кремом, ну и нежные ломтики балыка, с глазуньей из перепеличьих яиц, ну и гренки с растопленным провансальским сыром сверху. Ну как, я угадал? — и повернул голову к проснувшийся и внимательно слушающей его Светлане подмигнул. И она, улыбнувшись, решила дополнить список необходимого для полноценного завтрака, — и пожалуйста небольшой кусочек шоколадного торта с ромом и засахареными вишенками по Пражски, и не забудьте апельсиновый сок с кубиками льда.

— Ну вы даете! Совсем зажрались! Эт что, у вас в Казани и Чернигове такие завтраки? Да я половину того, что вы тут перечисляли в жизни не видел и даже и не слышал о таком. Так что получите по одной галете с солью, а уместо кофею и сока вода в ручье, холодная, не надо лёд в неё кидать. И как господа соизволят закончить, предлагаю заняться увлекательным делом. Будете своё оружие чистить, лентяи. А потом вас ожидает небольшая прогулка, всего лишь пятнадцать, двадцать километров по пересеченной местности. И для лучшего понимания ситуации хочу вам сообщить что все наши передвижения будет стараться открыть большое количество недоброжелателей. И даже попытаются в нас стрелять. А теперь марш умываться лежебоки!

В шесть утра трое друзей двинулись в северо-восточном направлении, сплошной лес закончился, вокруг низкие холмы покрытые зелёным ковром травы и редкие буковые рощи. Саня приходилось постоянно осматривать местность, что-бы не налететь на ненужных свидетелей, один раз он был вынужден дать команду на отход, два близко стоящих хутора преградили путь. К тому же местные жители выгнали стадо коров на склон рядом расположенного холма. И пришлось обходить стороной, стараясь не попадаться ни кому на глаза. Большую часть времени шагали согнувшись, кое-где даже и ползли. Солнце словно сошло с ума, зной лился рекой и фляги вскоре опустели. Лишь к трём часам дня удалось разжиться водой, Саня случайно наткнулся на крохотный ручеёк. Потом опять очередная преграда, дорога идущая параллельно течению маленькой, не глубокой речушки. Но не это главное, наблюдая за обстановкой, сквозь редкий кустарник росший на краю рощи, увидел что с другой стороны дороги растёт густой лес. Рукой кажется достать можно, всего лишь от дороги до кромки леса пройти поперёк длинного, широкого луга один, единственный километр. Было бы просто, если бы не скопление немецких грузовиков. Расположившись вольготно, вдоль грунтовок они почти все отдышали, оставив только четверых часовых по

углам периметра. Раздевшись до трусов, загорали на солнце, периодически перебежали дорогу и окунались в речке.

Саня наблюдал за происходящим с помощью бинокля и тихо матерился. До этой роши и так с трудом удалось добраться, вокруг пологие, лысые холмы. Обойти нет шансов, выбор отвратительный, или назад двигаться, опять пробираться под носом хуторян или ждать темноты и двигаясь вдоль дороги обойти этих курортников. Из-за спины, согнувшись подобрался непоседа Карим и попросил одолжить бинокль. Разглядывая немецкий отряд он комментировал увиденное, — ты смотри, расслабились гады, как у себя дома. А там в тенёчке офицер дремает, скотина. Обнаглели полностью, всего четыре часовых, да и те больше на своих глазают, наверное завидуют тем что купаются. Интересно, а что под брезентом, в кузовах грузовиков спрятано. Жаль что с этого места не разобрать.

— Саня, мы всё равно до вечера тут застряли, айда не много в сторону, хоть разглядим чего там немчура натоварила. До наших не далеко, так что будем считать себя разведгруппой. Будем собирать о вражеских силах усю информацию! Да и нагадить не помешает, айда, и так ничего не делаем. — предложил Карим.

— Тебе что жить надоело, если разворошим этот муравейник нам конец. Дурья башка, мы находимся в прифронтной полосе, тут немец на немце сидит и немцем погоняет. Засветимся только на секунду и кранты, так что ты утихомирь свою кровожадную натуру, авантюрист хренов. Будем только смотреть и запоминать, чего и как, потом нашим расскажем, авось и пригодится, для составления общей картины. Так что поднимай задницу и на четвереньках за мной, вдоль кромки леса, кустами. И смотри не потревож ветки, выдашь нас олух неповоротливый. Вот уж позор всего татарского рода, я был уверен что все они ловкие, гибкие, как змея всюду пролезут так что и травинка не заколышется. И тут тебя встретил, какое разочарование, ужас. — и не дав тому шансов для ответа, забрал свой бинокль и посеменял на четвереньках вдоль зарослей. Карим не осталось ни чего другого как последовать за другом, возмущаться было поздно.

Через двадцать минут них двое нашли подходящее место, небольшой бугорок, весь заросший бурьяном. Отсюда открывался прекрасный вид на непонятное подразделение, так вольготно чувствующее себя на чужой земле. Саня не мог себе объяснить, что делает тут столько огромных грузовиков с непонятным грузом, покрытым брезентом. Да ещё в компании нескольких гусеничных тягачей и бронетранспортёров. Так как в технике не очень то и разбирался то вручил бинокль Кариму.

— ну давай разбирайся чего там, пора оправдывать потраченные на тебя харчи. А то только ещ, спишь и играешься с той цацкой.

— эт в тебе Саня твоя жадность и необразованность говорит. Ладно, о твоих недостатках опосля поговорим, а тяперя не отвлекай. Ну ка, чего там у вас? Ага! Ясно, воон те два крайних, с левой стороны грузовика вишь, там ещё несколько типов в комбинезонах? возютсю. Накрылся у одного карданный привод, эт так просто не починиш на коленке. Без нового не сдвинется сам с места. Но можно его и на буксире тянуть. Не думаю что из-за этого встали, та-ак а чего с другим, не, не то, там механик карбюратор настраивает, плёвое дело, час работы максимум. Сань ты глянь на те тягачи здоровенные, да у них в опорных катках подшипники гавкнулись, и то с внутренней стороны. Вот же, идиоты кто енто придумал, шахматное расположение катков, сейчас пол борта скидывать надо. Зато и под брюхо брёвена зусунули как опору. Проваландаются до вечера, гарантирую, подшипники сменить при условии что есть хороший инструмент пол часа всего времени. А вот с катками

намучаются, так как без тягачей пользительность всей той гопкампании ноль. Саня это на грузовиках понтоны, вона и лодки, как матрёшки одна в другой, на третьем грузовике. Точно понтонная переправа средних размеров, тот тягачи сурьёзные у них. Для того что-бы таскать сегменты до воды и назад. Сапёры енто, не обычные солдаты, пионеры.

— Ты Карим на солнце перегрелся? Какие ещё пионеры, где ты галстуки красные увидел?

— вот ещё одно доказательство что ты тёмный, необразованный тип, к твоему сведению Саня у немчуры сапёров, что идут в первых рядах пионерами кличут, читал я в одной книжке. Жаль только, что ты этого сделать не в состоянии.

— это ещё почему?

— так в твою глухомань книжки не возят, кому там читать то, медведьям что-ли? Эт не Казань, даже и не Чернигов. Но ты не расстраивайся, как коммунизм построим и до твоего края культура дойдет, точно-точно. И ботинки в продаже появятся у вас там.

— Ты чего на ботинки тему переводишь, стрелочник казанский!

— да не обижайся Саня, в твоём краю усе в сапогах рассекают, потому что на них шнурков нету, а для того что-бы завязывать них мозги требуются. Погодь меня бить, мысля хорошая появилась. Да прекрати ты ирод, моду себе завели. То ты то Светка, только и знаете кулаками махать. Да угомонись, мыслью выбьешь!

— ладно, потом прибыю, выкладывай чего надумал.

— бери Саня биноклю и смотри под морду грузовикика, того что поближе, туда где колёса. Видишь рычагов всяких сколько?

— так то для того что-бы поворачивать можно было, на полуторке почти так же!

— а сейчас себе Саня представь, что за те рычаги верёвку привязать одним краем, а другой за гранату немецкую. Ту же из под мотора внизу, где-то? зафиксировать. У немцев семь секунд задержка, бабахнет не сразу, хрен разберутся что происходит, то ли стреляет кто по ним, то ли само по себе. Паника в начале начнётся, любой водила в такой ситуации на газ давить будет. Старается побыстрее из под огня уйти. А если таким макаром несколько заминировать? Вот жизнь прекрасная? настанет, да в общем хаосе один на другого налетит, радости и веселья полные штаны. Сколько там у тебя гранат?

Десяток всего, — кровожадно улыбнулся Саня, поняв суть пакостной идеи Карима, — но ты только не расчитывай на себя. С твоей косолапостью враз спалишься, тут дело тонкое, это тебе не паравозы бездушные, с людьми дело тута. Ползи к Светке и готовь гранаты, до темноты ещё пару часов есть. А я понаблюдаю как себя кто ведет, где часовые бродют, прикину как лучше подступить.

Спустя час, в ложбинке, поросшей наоколо высокой крапивой, трое друзей договаривались о дальнейших действиях. Так как верёвок не было Светлана предложила использовать шелковую нательную рубаху, её Саня затрофеил от немецких мотоциклистов и прятал на дне котомки. Все возражения по поводу уничтожения хорошей вещи и белого цвета пропали. Карим нарвал молодой листвы, травы, полный котелок, сверху добавил сырой земли и тщательно перемешал. Взяв гранату, принялся металлическим верхом мять содержимое, через десять минут засунул в ту смесь палец и с ехидным выражением на лице вытер его о рукав новёхонькой, белоснежной рубахи. Остался грязно-зелёный след и глядя на это, Санькин внутренний хомяк схватился за своё сердце и потерял сознание, от вида такого варварства по отношению к отличной рубахе.

Как и прогнозировал Юсупов, к вечеру немцам удалось привести всю свою технику в

отличное состояние. Так как по указанию командования передвижения ночью допускались? лишь в чрезвычайных ситуациях группа осталась ночевать на лугу. Тем более, что всё необходимое для того имелось в распоряжении, просторные и удобные палатки, полевая кухня. Да и в сущности командир подразделения знал какое задание ожидает его. Наводить переправу через реку Прут, возможно и под огнем противника, это значит, что кого-то из своих подчиненных придется хоронить. А это он, старый служака, очень не любил и после такого всегда в одиночку напивался вдрызг. Когда то давно он был хорошим инженером строителем, пока не был призван в армию. Теперь его смысл жизни сводился лишь к уничтожению построенного. И потому он и не торопился, пускай его верные солдаты проживут хотя бы ещё одни сутки, завтра, возможно кто-то нестанет из списка личного состава. И всё из-за желания бесноватого ефрейтора, захватившего власть на его любимой Германией, а теперь решившего что Европы ему мало. Подавай ещё и эту варварскую, дикую, отсталую Россию, тут даже дороги ещё не научились строить. Даже надёжный гусеничный тягач не выдержал этого издевательства над собой. А война только началась, кто знает что ждет впереди. Но как бы там ни было отступить поздно, надо надеяться что старое правило опять выручит его страну-"порядок есть порядок", — произнёс вместо тоста поднимая рюмку третьесортного коньяка, с наклейками сообщающими что это Наполеон двенадцати лет выдержки. Проклятые поляки, в Генерал-Губернаторстве подсунули ему фальшивку. Его адъютант посмотрел на своего скривившего лицо командира.

— Генрих послушай что я думаю о поляках, это фальшивая нация, с фальшивой историей, фальшивой верой и фальшивым народом, ничего настоящего, даже гонор поверхностный, без основы. Так что можешь свободно назвать меня ослом, после покупки за рейсмарки этой фальшивой бурды. Отнеси бутылку повару, пускай эта дрянь хоть немного улучшит вкус солдатского эрзац-кофе...

И когда верный адъютант убежал к повару, с хорошей новостью, бывший хороший инженер погрузился в размышления, — "сегодняшний? день оказался в сущности не плох, а те досадные поломки лишь тому способствовали. Он не спешит, как остальные, куда торопиться, русские будут повержены к осени, сомнений нет никаких. Ничто не в состоянии остановить стальной каток нашего Вермахта. Пусть и под знаменем наци, разницы никакой, главное Германия увеличит свои территории?. Мы не французы, под руководством сумасшедшего Наполеона, не повторим его судьбу. Мы не мягкотелые пожиратели лягушек, мы просто очистим это пространство от диких зверей, посмевших уравнивать себя с людьми. Ведь только немцы настоящие люди, все остальные второстепенные существа. Сейчас мы строим новую Германию, новый дом, а для того что-бы он стоял вечно, нужен хороший фундамент. А для того необходимо убрать лишнюю землю, только тогда фундамент получится надёжный. Лишняя земля это русские, они исчезнут и дом будет стоять вечно", — и с довольным видом бывший инженер погрузился в сон.

В полночь трое друзей завершили свой скудный ужин и ещё раз проверив снаряжение двинулись вдоль реки используя дорогу с другой стороны как заклон. Убедившись что между ними и немецким лагерем приличное расстояние начали раздеваться. Светлана была отправлена в кусты и оба парня скинувшись до гола, завернули в свою одежду всё снаряжение и оружие. Сперва Саня отправился на разведку, перейдя на другой берег, максимальная глубина была не большая, едва полтора метра. Не очень быстрое течение облегчало переправу. Так что вскоре они перенесли на противоположную сторону пожитки и удалились от реки, стали дожидаться когда Голубкова присоединиться к ним, а её всё не

было. Наконец через двадцать минут послышался звук шагов а затем и голос.

— мальчики вы где?

— тута мы, где ты пропала? Мы уже собирались искать тебя, — возмутился Карим, скрывая во мраке ехидную ухмылку.

— да я только волосы помыть решила.

— Карим завязывай, потом с ней будете выяснять что, чего и как мыл. Вас двое руки в ноги и через луг в лес. В глубину от кромки на километр, ищите овраг или ещё что-то подобное. Поблизости метку оставьте и затаитесь. Понятно? Ну раз молчите, то вопросов нет. Я беру наган, а всё остальное вы тащите. Подъем, не чего расслаживаться, только задерживаете меня. — скомандовал Саня, скрывая своё волнение перед предстоящим, за серьёзностью голоса, — и мои шмотки, достаточно для меня галифе.

Проводив взглядом своих друзей, облегчённо вздохнул, хотя бы они будут в относительной безопасности. Обернулся и отправился назад к реке, там на секунду задумался и после окунувшись в воду, скинул галифе и начал валяться по берегу. После набрав грязь и липкую тину, расстирал по всему телу, но и на этом не успокоился, себе по голове насыпал кучу мусора собранного на берегу. Таким образом стал похож на сказочного лешего.

Завязал вокруг пояса влажное галифе, наподобии набедренной повязки обычного дикаря, повесив на шею необычное ожирелье, состоящее из десятка немецких гранат. Так и не дав ни одной штуки своим товарищам. Для задуманного и этого количества было маловато. Разместил револьвер за спину, за пояс и пользуясь мраком, зашагал вдоль дороги к немецкому лагерю. Не доходя пятьсот метров, спустившись лёг на землю и неторопливо пополз, высматривая, где сейчас находятся часовые и как лучше проскользнуть в охраняемый периметр.

Немцы по причине врождённого педантизма расположили грузовики в два ряда, соблюдая одинаковую дистанцию. А большие, многместные гусеничные тягачи, предназначенные для буксировки довольно крупных, двухосных прицепов стояли в стороне. У Саньки от увиденного разыгрался азарт, столько заманчивых целей. И это всё хозяйство охраняет всего четверо часовых. Да и те видимо после дневного купания в реке совсем потеряли ощущение что идет война. Видимо ещё не воспринимали русских как серьёзного противника, больше заботы и проблем создавало ужасное состояние дорог. Да и кофе с коньяком не способствуют повышению бдительности, так что увидеть что-то, абсолютно неясных очертаний, среди травы было не возможно. Саня видел как расслабились немцы, но всё равно не хотел рисковать. И эти пол километра, отделяющие его от первого в ряду грузовика преодолело со скоростью черепахи, да ещё используя каждый бугорок, каждую выемку в земле. Пока часовой с его стороны остановился что-бы прикурить сигарету за его спиной промелькнула тень, босые ноги Матвеева буквально стелились по траве, не издавая ни звука. Прижав к груди связку гранат, сперва опустил на колени, а потом и вовсе лёг на землю, после чего перекатился под грузовик. Тут он был вне поля зрения охраны и имел возможность рассмотреть и оценить цели. Следующие несколько машин были нагружены болшими, продолговатыми тюками, Карим предположил что это надувные лодки, основа, на которой держаться понтоны. Если них уничтожить, то остальное оборудование будет почти бесполезно. Кроме штурмовых ботов, сложенных отдельно, на платформах двухосных прицепов. И на всё это лишь десяток маломощных, осколочных гранат, которые его друг после осмотра оценил одним словом, — "барахло. Благодаря длинной ручке кидать можно

них далеко, но крайний эффект из-за малого количества взрывчатки был слаб"-Но как сказал Юсупов и этого было достаточно для любого мотора.

После не долгих раздумий из под мотора, к его основе была крепко привязана первая граната, одним куском грязно-зелёного цвета верёвки. Теперь осталось разобраться? где тут кардан и завязать один край ещё одного длинного куска за него, а другой за шарик находящийся из под колпачка на ручке гранаты. Карим обратил внимание на допотопный тёрочный взрыватель, без хорошего рывка тот может и не сработать. Для того её пришлось привязывать так, что-бы кардан успел набрать обороты, наматывая на себя тот резерв верёвки, пока с достаточной резкостью не активирует гранату. Только у Сани возникли сомнения, как-бы не вылетела от такого рывка, и на всякий случай ещё раз проверил как ведёт себя она. Вроде как не должно быть проблем, да и времени мало, пока до смены караула далеко и надо успеть как можно быстрее заминировать все выбранные цели. Особенно те с надувными лодками, а если удастся, хотя бы один гусеничный тягач. Под той здоровой душой настоящие раздолье для установки гранаты.

Через два часа ползания, под покровом ночи, по немецкому лагерю, он совсем обнаглел. Забрался в кузов одного грузовика? в надежде украсть немного еды, уж слишком привлекательные ящики там находились. Вот только возникла проблема.

— Что в них находится непонятно? "антунг ехесролосив!" — прочитал во мраке Саня, собрав весь небогатый резерв знания латинской азбуки, — да чего там думать, точно харчи в ящике, — и вынув продолговатый, гладкий брусок почесал затылок, — наелся, эт динамит а не еда, вот только взрыватели где? — а для того, что-бы их достать, надо было заглянуть в плоский, маленький ящик, на котором он сейчас стоял. — ладно, кашу маслом не испортишь, — и два бруска динамита составили компанию предпоследней гранате под мотором этого грузовика. Верёвку удалось сэкономить, тут нашелся? небольшой моток стальной проволоки. Ещё парочку брусков взрывчатки добавил при минировании тягача последней колотушкой. Дело было сделано и пора убираться, с трудом удалось задавить в себе желание спереть чего-то из еды, он пополз в сторону дороги, туда, куда часовые меньше всего смотрели?. Слишком много открытого пространства, но Саня для отхода выбрал это направление, как раз беря это в расчет, да и несколько довольно глубоких колдобин сыграли свою роль. Этот маршрут он заранее разработал, разглядывая дорогу вечером через бинокль и не ошибся, лунного света было не довольно что-бы часовые открыли его. С другой стороны дороги к берегу тянулась полоса низкого кустарника, всего пол метра в высоту. Но и этого хватило Сане, для возможности безопасно уйти, а когда лёжа заполз в воду, от радости едва не окунул револьвер. В последний момент спохватился и подняв его над головой, согнувшись, медленно побрёл вниз по течению, к тому месту, где он с друзьями переправлялся. Лишь тут, позволил себе расслабиться, выйти на берег и перевести дыхание. Наган положил на сухие корни старой вербы и развязав обмотанные около пояса галифе вернулся в реку. Набрав в руки со дна песка, начал смывать с себя всю налипшую грязь, стараясь плеском воды не выдать себя. Периодически окунаясь в прохладную реку с головой, так что-бы течение унесло с собой комки ила, мелкие листочки из волос. Пол часа ушло на приведение себя в нормальный вид и всё это время течение реки стирало его галифе. Две толстые, крепкие ветки забитые в дно, без проблем держали них расширенными? так вода несметано омывала плотный материал. И когда на теле не осталось и следа от бывлой маскировки, закинул на плечи мокрое галифе, поднял с земли револьвер, гольшом отправился на поиски своих друзей. Пригнувшись, на всякий случай, быстро преодолел

открытое пространство, отделяющие лес от реки.

— По поводу просьбы оставить метку я действительно погорячился, хрен чего увидишь в этой темноте, — оценивал ситуацию пока натягивал влажное галифе, в потёмках забредя гольшом в низкую, молодую крапиву. Да и голодные комары пару раз выбрали для своего нападения причинное место, заставив того ойкнуть от боли. Но и этого ним было мало, одному из них понравился кончик носа, последствия были ужасные и для комара и для парня. Тот не рассчитал. и хлопнул себя ладонью довольно сильно, раздавив насекомое и выбил из глаз потоки слёз. И от души, в пол голоса, начал матерится.

Внезапно из ближайших кустов раздался тихий девичий смех.

— Светка?

— и не только, — послышался радостный голос Карима, — считай тебе повезло нас найти. Побоялись мы в ночном лесу заблудиться, так и сидим тут всё время, ждём пока рассветёт. Это тебе легко, ты что та кошка в темноте видишь, мы тут в пять минут ноги переломаем на корнях и кочках.

— ох и повезло мне, давай сюда мои вещи, совсем комарьё озверело, — и через пару минут натягивал свои сапоги, босыми ногами ночью по шишкам ходить не очень приятно, — гони сюда часы, не надейся хапуга, что я забыл о них. Таак, половина пятого ребята уже.

— ничего страшного, поспим три, четыре часа и как вчера продолжим дальше, — прервала наступившую тишину Голубкова.

— даже и не мечтай, нам сейчас надо будет тикать отсель как можно быстрее и дальше. Я там у немчуры такой сюрприз оставил что ответка будет по полной. Тем более что до фронта рукой подать, после того веселья нас начнут серьёзно искать. Так что поднимаем задницы и шаг в шаг за мной, до рассвета надо кровь из носу минимум три километра сделать. А там видно будет, вдоль Прута, с этой стороны сёл и хуторов начичкано, не знаешь где одно заканчивается, а другое начинается. Будет большая проблема незаметно пробраться, если хотите выжить мои команды выполняйте без раздумий. Сказал упали, падай как подкошенный, бегом, так хоть здохни а беги. здохни а беги, иначе и сам пропадёшь и остальных за собой потащишь.

Командир немецкого инженерного подразделения, по хранению и эксплуатации переправочных средств, точно в шесть был разбужен своим адъютантом. В его палатке, из двух ящичков, было сооружено подобие стола, и там, на подносе дымилась чашечка кофе, настоящего. Его солдаты ценили заботу и старались ответить взаимностью, потому из кухни одного прифронтового ресторана в канун войны исчез небольшой мешочек с зеленым кофе. И теперь повар подразделения каждое утро готовил ароматный напиток своему шефу, между собой подчинённые своего командира, бывшего строительного инженера, за глаза, называли только шефом. Ведь он, в отличии от остальных офицеров всегда относился к солдатам с большим вниманием, никогда не гаял без надобности, да и смотрел сквозь пальцы на мелкие огрехи. Потому, все его приказы выполнялись безприкословно, в максимально короткий срок. Так и вчера, когда он распорядился провести техобслуживание всего парка, пока ведутся ремонтные работы. И после разместить всю технику, так что-бы утром не тратить время на не лишние перестроения. А в замен вышло дополнительных пол часа для самого сладкого сна, утреннего. Так что любовь солдат, к своему командиру была полностью оправдана. К тому же не следует забывать разрешение на купание перед ужином, ведь так приятно окунуться в воду после напряженной работы. И смыть с себя всю налипшую грязь и пот, усталость тогда исчезает полностью. С таким начальством? служба не в тягость, даже во

время войны.

Сегодня все полны сил и готовы помочь своим побыстрее сокрушить армию дикарей, как по другому назвать этих существ. Но ничего, доблестный Вермахт непобедим, что уже не раз доказал при освоении Европы, русские будут быстро уничтожены. — думал о предстоящем офицер, допивая свой утренний кофе. К тому моменту все уже были на ногах, позавтракали и собрали все имущество назад на свое место. Осталось только собрать командирскую палатку и подразделение готово к маршу, к маршу по новым землям Великой Германии. Где каждому желающему немцу будет обеспечен участок для создания своего нового дома, строительство которого не проблема. Наконец осуществится тысячелетняя, потаённая мечта всех европейских, ариевских народов. Выстроить на этих просторах свои огромные имения, без извечной нехватки земли. Ну а вопрос с здешними дикарями не так и сложен, в живых останутся только послушные рабы. Так запланировано мудрым Фюрером и тут нет места для дискуссии, слабость по отношению к славянам недопустима.

Снаряжение наконец было собрано, его любимая игрушка из всех автомобилей в подразделении, командирский "Штёвер R180", подъехал и водитель бодро отрапортовал о готовности. Офицер усевшись сам на заднее сиденье дал команду на выдвижение. Было ещё только семь утра и он хотел воспользоваться тем, что на дороге пока нет никого. Глотать пыль за какой-нибудь колонной ему не хотелось. Полный привод автомобиля, видевого и лучшие времена, позволял не торопится. По укоренившейся привычке он всегда не трогался с места, пока последняя машина его части не окажется в общей колонне. Таким образом визуально контролировал состояние доверенной техники. Лишь убедившись, что всё в порядке легонько хлопал водителя по плечу и тот пользуясь мощным, сорока двух сильным мотором, легко обгонял всех и в мгновение ока оказывался во главе колонны.

Старший группы водителей стоя перед стоящими в ряд машинами дал отмашку флажком, мощные моторы взревели, испугав воробьиную стайку идущую еду в траве поблизости походной кухни. Вот первый грузовик, обычный Опель блиц, стронулся с места и через пару минут выехал на дорогу, за ним последовал следующий. Правильно держать дистанцию между собой у немецких водителей было на уровне рефлексов, массивной технике необходимо место в случаи экстренного торможения. Вот и второй, с группой сапёров занял своё место на грунтовке. Третий, четвертый, один за другим набирая скорость быстро двигались к дороге. Внезапно, у пятого капот разлетелся на части, передние колеса отлетели в стороны и он пропахал почти двадцать метров земли, пока наконец не остановился. Закреплённая позади кабины канистра бензина лопнула и содержимое выплеснулось на остатки капота, вспыхнуло пламя, обхватив водительское место. Дикий крик, полный боли, раздавшейся оттуда был прерван звуком взрыва, испод следующей машины. К несчастью немцев, вся энергия ушла по направлению кабины, убив мгновенно водителя, неуправляемый грузовик продолжил движение и забился в заднюю часть полыхающего впереди собрата. Двигающиеся за ним машины начали объезжать место трагедии стороной и вдруг у огромного грузовика, перевозившего снаряжение сапёрной группы, передняя часть исчезла в огненной вспышке. Те два больших бруска динамита, привязанные к гранате сыграли свою роль. Следующий водитель видно родился в рубашке, крепление гранаты лопнуло и она упала на землю, взорвавшись лишь после того, как он отъехал от неё на пару метров. Ему повезло, но не очередной жертве диверсии, опять в воздух взлетели части капота и ещё один грузовик пропахал своим носом траву, через пару секунд ещё один составил компанию. Но с более страшными последствиями, у него в кузове

рядом с сложенными в походное положение резиновыми, надувными лодками стояла бочка с бензином. Очень качественным, специально для новых лодочных моторов, и все сто пятьдесят литров залило всё вокруг себя. Робкие языки пламени добравшись до того моментально? обрели силу и пожирали смесь из качественного бензина, резины, брезента и деревянный частей кузова. Следующий взрыв опять был большой мощности, гусеничный тягач был выведен из строя, но его прицеп с сложенными один на другой штурмовыми ботами остался не поврежден.

Бывший инженер, сидя на заднем сиденье своей командирской машины, плакал, глядя как исчезает его подразделение и опять раздался очередной взрыв, ещё одна потеря. Огромные столбы грязно-чёрного, вонючего дыма поднимались вверх пачкая собой синеву утреннего неба. И опять глухой звук взрыва, очередной грузовик потеряв управление влетел в большую колдобину и завалился на бок. Последний подарок от русского парня не сработал, сказалоь несовершенство тёрочного запала. Слишком медленно двигался грузовик, да и самодельная верёвка оказалась очень крепкой. В итоге немецкая граната распалась на две части, деревянную ручку и металлическое блок с маломощной взрывчаткой. И обе упали в траву, а потом были вмяты в землю колёсами идущего позади грузовика.

Через пол часа, рядом с пострадавшим подразделением остановилась небольшая колонна, доставлявшая к линии фронта пополнение для моторизированных групп. Их командир, увидев страшную картину разгрома не знал как объяснить себе, что здесь произошло. Но на всякий случай дал команду занять оборону, так как от этих, на лугу толку было мало, деморализовано слишком. А тот офицер вообще не в своём уме, только утирая слёзы и сопли бормочет, — "не может быть, не может быть." Тряпка а не немец, сразу видно что из интеллигентов, нет в нём должной агрессивности и твёрдости характера. Расскисать так, перед своими подчинёнными, даже если большие потери, верный путь к гибели остальных. Унтер доложил о первичную оценку количества погибших, точно установить будет возможно после того как погасят огонь. Наконец то офицер собрался с силами и занялся лично инспекцией оставшейся в наличии техники и подготовке доклада командованию о состоянии его группы. Удалось точно установить, что в восьми сгоревших грузовиках, пострадали восемнадцать и ещё четверо в гусеничном тягаче, почти половина состава. Из переправочных средств целыми осталось шесть штурмовых ботов и четыре надувные лодки. Понтонные конструкции, без опоры на надувные лодки, бесполезная груда досок и тросов. Фактически возможна лишь паромная переправа, ни о каком строительстве моста для легко бронированной техники даже не стоит думать.

В штабе ударной группы, по захвату невзрачного городка Заболотив, царило уныние. Получив доклад, о проишествии с понтонно-мостовым подразделением, начальник штаба был в не себе от злости. Весь, так хорошо продуманный, план по прорыву в тыл к большевикам повис в воздухе. Русские используя железную дорогу вдоль реки успешно производили эвакуацию, переброску войск из Ивано-Франковской области в Ровенскую. Там, создавая плотную линию обороны, успешно начатое наступление начало отставать от графика. А за это по голове не поглядят, потому настроение было отвратительное? и вместо конструктивного общения с представителями абвера получился большой скандал. После чего все свободные группы были брошены на прочёсывание территории вокруг того злосчастливого луга. Ведь судя по всему в немецком тылу работает серьёзное диверсионное подразделение красных. И это уже второй случай, оказалось что и абвер понёс довольно ощутимые потери. Русские сперва сбили их транспортный самолёт, а потом на земле, следственную группу

основательно потрепали. Это всё говорит о отлично поставленной координацией действий большого количества диверсантов. О том поступила информация от местного населения.

А весь этот переполох был устроен очень крупным отрядом Красной Армии, состоящей из трех человек. И временный командир, Саня Матвеев, со своим всем личным составом поместился в ложбинке, на краю одного села. Сейчас была его очередь вести наблюдение за местностью, а его друзья беззаботно спали после приема пищи. Слишком всё закрутилось и не возможно было выделить время для того. И теперь он внимательно рассматривал возможный путь к Пруту. Отсюда, с полного склона холма река уже была видна, как и немецкие патрули сновавшие повсюду. Его внимание привлекла здоровенная коряга на берегу, под её защитой у них был шанс преодолеть те пятьдесят метров водной поверхности и оказаться среди своих. С той стороны периодически открывали ружейный огонь по немцам. Но те в долгу не оставались, пулемётов у них хватало. Из направления Заболотива было слышно как работает артиллерия и это было для Сани подтверждением того что немцы завязали у городка.

— Там единственный, нормальный мост который выдержит танк, и наши его так просто не отдадут. Пока враг там застрял, но это не будет продолжаться бесконечно, не стоит себя обманывать. А пока стоит оценить сколько же тут немчуры, вон небольшое село рядом, они там как у себя дома ведут. Хорошая штука этот бинокль, умеют гады делать, с двух километров видно как местные ним задницу лижут. Кланяются на них как на святых, только что на руках не носят. Хотя до фронта то не больше трех километров они уже сменили личину. Ну ничего, выбьем вражину со своей земли, припомним предателям всё. — думал о происходящем.

К пяти часам подошло время дежурства Карима и передав тому бинокль и часы, Матвеев завалился спать, думая как везёт? же Голубковой, спит уже четвертый час. Но ничего, пускай отдохнёт мелкая, всем нам предстоит очень опасная и нелёгкая ночь. Почесав шею он дотронулся до ремешка, а потом вынул из-под гимнастёрки вплетённый в кожаные полоски бирюзовый камушек. Полюбовавшись, как его грани переливаются под солнцем, спрятал назад и погрузился в сон на целых два часа.

А в это же время на лугу, усиленное местными добровольцами, подразделение абвера вело расследование произошедшего. Немецкий офицер не мог поверить, как удалось нанести такой? удар русским диверсантам. Следов на земле вообще не было. Такое впечатление что они передвигались по воздуху, но его сомнения развеял местный, с довольно смешным именем Стецько. Постоянно кланяясь и улыбаясь, как последний идиот, он показывал на берег реки и что-то лопотал на смеси польского, украинского и венгерского языка. Наконец подошел переводчик и стало ясно что этот кретин хотел. На влажной поверхности, наполовину песка и наполовину ила, были отлично видны следы босых ног и ладоней. Сперва он подумал что это кто-то из немцев тут купался, но быстро отбросил такую гипотезу. Через тридцать метров, вверх по течению, находился участок с чистым песчаным пространством, настоящий пляж. Ни один нормальный человек не ползет в грязь, если есть возможность комфортно? отдыхать на чистом месте. Ну а по поводу этих местных жителей немец не был до конца уверен. Слишком характерный запах от них шел, словно о существовании мыла они ещё не знают, да и возможно имеют водобоязнь.

Переборов в себе брезгливость, офицер отдал приказ проверить вверх и вниз по течению, оба берега. И через пол часа слушал доклад унтера, оказалось что на расстоянии примерно шестьсот метров обнаружены следы нескольких человек. И его подчинённый

обратил внимание на один, характерный отпечаток каблука, точно такой они повстречали в районе падения Юнкерса. Там где произошло нападение на группу следователей и ребят из десятка поддержки. Развернув карту, смотрел на две точки где найден один и тот же след, да если взять в расчет информацию от местных о каких-то большевиков, то получается почти прямая линия. Продолжив которую, получим ориентировочно маршрут движения и возможность перехвата диверсантов. Ещё раз оценив своё предположение, всё сходится, осталось только быстро добраться в район их движения и подготовить засаду. Дав команду на погрузку, он проследил что-бы все разместились в грузовиках и сам занял место в кабине второй в колонне машины. Главное успеть к тому месту прежде чем русские.

— Саня, вставай! Только не ори, тут немцы позади нас, — прервал сон своего товарища Карим плохой новостью, — пять грузовиков, полные солдат, два мотоцикла и легковушка с начальством приехали. Чего делать будем? Воевать?

— не гони лошадей, паникёр, дай минуту разобраться, успеем навоеваться. Когда они припёрлись?

— минут пять как. Выгрузились внизу, слева у дороги и к лесу пешака. Оставили троих тут поблизости, так те окапываться начали, чудно как-то ведут себя. — сообщил взволнованный Карим. Да ещё ко всему его друг услышав новости начал вести себя очень странно. Плеснул на голову немного воды, потом набрав полные ладони земли и песка тирал в отросшие волосы. Размазывая грязь по лицу, шее, не пропуская не одного места на голове. Но и этого не было ему довольно, дополнительно посыпал себя трухой вынутой из давно мертвого корня торчащего из склона ложбинки. И лишь после всех манипуляций медленно высунул голову наружу, точно между редкими стебельками какого-то растения. Некоторое время разглядывал происходящее позади, обернулся и стал оценивать все возможные направления отхода. С озабоченным видом съехал вниз и начал объяснять своим друзьям своё видение ситуации.

— моё мнение, что эти припёрлись по нашу душу. Где-то мы лопухнулись серьёзно, пока дошли сюда. Тот отряд очень опасный, очень. Там почти с сотню добровольцев из местных, а они округу знают отлично. Но ни это самое поганое, ещё двадцать немцев, вот тем нас уничтожить что высморкаться. Волки опытные и битые, ошибок не делают, уже встречался с такими? у того самолета. Там мне по крупному повезло, считай чистая случайность, с этим отрядом такие фокусы не пройдут, схарчат и не подавятся. Точно за нами приехали, ошибки нет.

Светлана напуганная выводами попыталась разрядить обстановку, — а мож и не за нами, мож тама немчура обучает тех козлов как себя вести в лесу.

— Не, тут ошибки нет, из-за этого всего стоит какой-то очень умный гад. Тут нам ловушку готовят, и то хитрую. Вон те трое, что вроде как окапываются, они только для виду это делают. До колена углубились, землю всю в сторону леса, бруствер вроде как, для стороннего наблюдателя сойдет, и дальше на другое место. Со стороны леса выглядит как серьёзно подготовленные позиции и кто с той стороны будет двигаться попытается обойти с боку. Тут-то и попадает в мышиловку, там основная часть отряда при поддержке пулемётов. Сунешься, пиши пропало, выхода нема ни в одну сторону. А немчура может выбирать что хочет, очередь по ногам и отбегался, возьмут тёпленькими тех кто будет прорываться из леса. Да если бы я вас не гнал эту ночь и утро быстрым маршем то сейчас мы как раз оказались бы в этой ловушке. А так у нас есть очень плохой и рискованный план. Там, вниз, по склону холма стога сена, если доберёмся до последнего, считай что почти вырвались из

беды. Есть совсем не много времени у нас, немчура сейчас пока занят оборудовани­ем засады, но за час, два стопудово пошлёт кого-то проверить эту ложбинку. Такие волки на каждую мелочь внимание обращают. Тикать надо срочно от сюдова, иначе кранты нам, собираем манатки и поползли. Пока те трое копают они всё внимание на себя притягивают. И там где сидели накидайте землицы и листьев, только не перестарайтесь.

Спустя пятнадцать минут трое друзей ползли, прижимаясь как можно ближе к спасительной земле, к первой по счету копне. Последний в этот раз был Матвеев, он проверял не осталось ли слишком заметного следа за ними. Да и в случаи если они будут обнаружены первым открыть огонь по врагу, смещаясь в сторону отвлечь внимание на себя, дав шанс друзьям уйти. Но пока это не требовалось, удалось добраться до копны. А дальше уже хоть и было открытое пространство но пройти его было легче. Копны стояли довольно близко да к тому же склон холма был горбообразный и скрывал ребят от немецких глаз. Через полчаса они уже закапывались в самую дальнюю от леса копну. Санин план не подвел, вовремя удалось убраться подальше от той ложбинки. Пару минут назад один из немецкого отряда проверил то место. Повезло что это был один из местных добровольцев, тупой, наглый и слишком самоуверенный тип. Зато и не обратил внимания на полёгшую с одного края траву. Да на его месте оказался немец тревога бы была поднята сразу, а так офицер командовавший отрядом был абсолютно уверен что диверсанты ещё в лесу. Надо только дождаться когда они попадут в его ловушку, сейчас или в течении следующих суток, не важно, он умел ждать.

— ребята сидим тихо как мыши, скоро ночь, сейчас уже почти восемь. — обрадовал друзей Матвеев и тут же замолк, в направлении копны где они прятались неспешно двигалась телега, управляемая невзрачным стариком. Зачем в такое позднее время он сюда ехал было не понятно, над ребятами нависла реальная возможность быть обнаруженными. А между ними и немецким отрядом было чуть больше тысячи пятьсот метров. Враг располагал более дальнобойным оружием, несколько пулемётов и карабины состоящие на вооружении немцев задавили бы всякую попытку дать отпор. Оставалось надеяться что телега проедет мимо, ведь из-за них находились ещё несколько больших копн сена. Но как назло она остановилась рядом, старик выбрался и достав вилы принялся неспешно грузиться сеном, собирая самое сухое с боков.

— пан большевик не стреляй, я не из этих украинутых, я русин, не выдам я. У меня к вам дело. Пока буду работать всё объясню, только не пальните с дуру, тут германец всюду. — едва слышно произнёс старик стоя спиной к копне. — у меня дочка, красивая, на неё полицай главный глаз положил. Очень плохой человек, разбойник и убийца, сидел при поляках. А сейчас появился вместе с немцами. Пан товарищ, вы к своим пробираетесь, я видел как из леса вы пришли и потом прятались. Вам на другую сторону, к русским надо, я помогу, вы взамен с собой мою дочку возьмёте. У меня родня в Ростове, она взрослая уже и не глупая, какк ни будь до них доберётся, лучше так чем с тем полицаем. Пожалуйста, выручите меня из беды, а я вам самое хорошее место для переправы через реку покажу. Да и отсюда вывезу на телеге, под сеном.

От такого развития событий Саня ошалел, всё что угодно ожидал, но только не это. Возможно это хитрый ход старика, заманить из в ловушку и сдать немцам, таким образом выслужиться перед ними. А может и вправду у него большие проблемы с тем типом. Но как бы там ни было они обнаружены, выбора нет, надо соглашаться. Но на всякий случай дать знать о возможной ловушке.

— пан товарищ, я не обману, спасите дочку, у меня кроме нее никого нет

Спустя полчаса трое друзей отряхивали с себя солому, находясь в убогом, покосившемся сарае. Видимо не баловала жизнь этого русина. Щели в стенках были заткнуты мхом, но кое где он выпал, можно было увидеть что и дом оставлял желать лучшего. Флегматичная, низенькая бурёнка вообще не обращала внимание на людей, которые разговаривали о чём-то с хозяином.

— Гаеви мы, я Павло, женка Ганка да и доча моя, Мария. Меня все Паей тут кличут, так и вы ако легче вам.

Глядя на высокую, статную девушку, чуть старше двадцати, с длинной, почти белой косой. Смущённо стоящую позади отца, видно чувствовала себя не удобно, при скоплении столько незнакомых людей. Одета в светлое, простое, домотканого матерьяла платье, босая, она всё равно притягивала к себе взгляды, словно светила невинной чистотой. Её старый отец не ошибся, в военное лихолетье такая красота верная гибель. Понятно что полицай так просто не отстанет.

— ты дочке одежду потемнее найди, да платок на голову, так, что-бы не привлекала к себе внимание, — занимался инструктажем Матвеев, старательно скрывая свою ухмылку, уж очень забавно выглядел Карим с открытым от удивления ртом, дочь старого русина со своей белобрысой гривой действительно была очень красивая. Стало понятно, почему отец решил на такой рискованный поступок. В прифронтной полосе множество, где солдаты чувствовали себя хозяевами положения. Даже Светлана поняла в какой ситуации нашлась их новая спутница и покопавшись в котомке достала немецкое галифе, — вот Пайя, нехай натянет, в юбке или платье не побегаешь, ни поползаешь. А хто его знает, что ещё ждёт нас на пути.

— найдёт женка моя всё что надо, не беспокойтесь пан товарищ, понимаю я. Остальную одёжу и еду я в мешок прорезиненный сложил, давно от поляков купил, хороший, воду не пропускает, что-бы не торчал как пузырь над поверхностью я в него камней положу. А за Марию не переживайте, плавать умеет, выросла у реки всё-таки. Там есть одно хорошее место, притока с нашей стороны разливается после весенних паводков, берег что болото, все обходят его вокруг. И немецкий патруль тоже, только в этом году жарко, подсохло основательно, можно к самой воде без проблем добраться не приметно. Я когда-то давно мостки соорудил там, рыбачил понемногу, сгнили после опоры, но не настил из досок. Готовый плот, к тому же течение понесёт сразу в нужном направлении, грести не надо много. Пока затишье, не стреляют можно переправиться.

Внимательно слушая старика, Саня начал сомневаться в его искренности и с сомнением в голосе спросил, — а чего раньше дочку к родне не отправил то. Когда не надо было так рисковать? — и его друзья незаметно придвинули поближе к себе оружие.

— да то из-за женки, Ганки, дуры моей, тандычила, мол где единственное дитячко да к коммунистам слать, мол немец народ культурный, не будет простой народ гнобить, обойдется мол. Тока от той культуры ничего не осталось, то может у книжках каких. Появились пять дней назад, сами в стороне, местных поукраиненых сделали тут главными в селе. А у нас то оно русинское, не очень то и богатое, них десяток домов то всего, да поляков три двора. Ходют, гордые, грозятся всех кто в униатство не перекрестится под нож пустить. Знают падлы что немец на ниховой стороне, дурни, он не на чьей, у него своя есть. Пока нужны, будут жить, но не секундой больше.

Так что дочку лучше к родне, а если с вами на позиции большевиков выйдет то меньше

будет вопросов. А то ещё в шпионы запишут в этой халабуке. Да вы не сумлевайтесь, я вас до самых тех мостков провожу, ни кто в селе и не приметит. Немчура ещё в первый день усех кабыздохов постреляла. И чего ним цуцыки мешали? И мово лопоухого, Мария после шибко плакала.

К двум часам ночи, после того как от позднего ужина остались только крошки, все вещи были поново распределены. Хозяйка сидя в углу смотрела на сборы и беззвучно плакала, утирая краем своего платка слёзы. Дочка обняв её за плечи шептала что-то успокоительное своей матери.

— Ганка, ты за мёртвыми плач, а не за живых. Вот же племя мокроглазое! Сама виновата, не хотела хотела хозяйство бросать, когда большевики эвакуировались. Слава богу що эти согласились помочь. Ты лучше выглянь хде що робитесья, а то ещё налетим на кого. — озадачил свою жену хозяин и обернулся к ребятам, — Ты вроде как главный? — обратился к Матвееву, — я що хтел сказать, ну если получится у тебя мою кровиночку в обоз с эвакуированными вашими пристроить то век за тебя молится буду. Ну и вот возьми, как благодарность на память нож, не смотри что невзрачный, доброе железо. Таких уже давно не делают, у нас в роду с колена на колени мужеском полу передаётся. Да вот с сыном нам не повезло, да и Мария поздно на свет появилась, не дал бог нам больше деток. Так что нехай у тебя будет, не хорошо ножи дарить конечно, потому считай его платой за свою помощь.

Саня взял в руки необычный нож, с почти угольно-черным лезвием, похожим на плоский, острый клык какого-то сказочного чудовища. Наборная рукоятка из листочков бересты, хотя и не покрытая лаком была использована множеством рук и впитав в себя частички пота, выглядела как единый монолит. К подарку прилагались ножны, сделанные из двух частей толстой, тёмной кожи, — ну если так, тогда возьму, а за Марией присмотрю, не могу обещать что сто процентов устрою в колонну с беженцами. Сам ещё не знаю как будет, но я из усиления автобата, там всегда найдется попутка в нужную сторону.

— Так и это не мало, пан товарищ я и на большее не рассчитывал, дочка не маленькая, даст бог всё будет хорошо. Ну чего, присядем на дорожку, сейчас как раз патруль должен по берегу пройти, следующий раз обход через полтора часа. Успеем между ними проскользнуть, тут до той протоки к реке ходу огородами двадцать минут. — Прикинул Пайя время выхода по часам Матвеева.

В полумраке сарая, в скупом свете огарка восковой свечи было слышно только сопение беззаботно спящей коровы. А люди сидевшие в стороне молчали, все слова были сказаны и на короткое мгновение каждый погрузился в свои мысли. Недолгую паузу прервала немолодая хозяйка, вернувшись с улицы сообщила что в селе все спят и можно выходить. После не долгого прощания маленький отряд двинулся к заболоченному участку берега. Чтобы не рисковать понапрасну, Пайя решил идти через небольшой холмик, с вершины которого открывался прекрасный вид на всю реку. Заросший густо ивами и папоротниками, давал возможность неприметно осмотреться. И так как он тут местный, то и дорогу знал отлично, поэтому и был первый в короткой колонны. И он первым наткнулся на очень хорошо замаскированную пулемётную точку немцев. И они тоже по достоинству оценили вершину небольшого холмика, откуда была возможность держать под контролем основательный участок русла.

Из пяти находившихся здесь солдат спало трое, а пара дежурила усевшись рядом со станком MG-34, от скуки пытаясь определить где находятся стрелковые ячейки большевиков. Периодически слышался хлопок, то с одной, то с другой стороны, и над рекой взлетала в

высь осветительная ракета, заливая мёртво-бледным светом водную гладь. И сейчас, из-за выстрела ракетницы, немцы пропустили звук шагов старика. Пайя понял куда он вышел, смотря на спины двух дюжих солдат, занятых разглядыванием реки. Сейчас они обернутся и дальнейшая судьба его единственной дочери покроется мраком. Не теряя времени, нащупал висевший на поясе большой, острый, рыбацкий нож. Его он понёс с собой, что-бы было чем отделить мостки от опор, но видно не судьба. Собравшись, молнией метнулся к тому кто покрупнее, преодолев пять роковых метров, разделяющие его от тех двоих, представляющих собой всё зло в его жизни. Со всего размаха засадил нож в спину, по самую рукоять, потом ещё один удар и на этом удача отвернулась от старого русина. В его руке осталась только рукоять, сила с которой он ударил второй раз, позволила пробить лопатку но и от напряжения лезвие лопнуло напополам. Второй немец, парализованный увиденным, молча смотрел как убивают его товарища и это позволило старику вцепиться своими руками тому в горло.

Саня и Карим, не сговариваясь, метнулись к двоим просыпающимся немцам, третьего, лежащего немного в стороне, они в полумраке и не заметили. Первый до своей цели добрался Карим и со всей дури ударил по плечу немца, как раз в тот момент, когда тот уже нащупал ремень своего карабина. Того буквально отбросило со своего места, но далеко не отлетел, следующий удар последовал точно в нос и тот потерял от страшной боли сознание. В ярости, обхватившей Карима, парень уподобился тигру, подпрыгнул и упал своими коленями на грудь солдата. Грудная клетка не выдержала и поломанные рёбра рассекли сердце напополам. Но Юсупов этого ещё не осознал, бил как сумасшедший того кулаками по кровавленному, застывшему в последний момент своей жизни лицу.

В это же время Саня успел сорвать с плеча свой карабин и используя его как дубину, начать выбивать жизнь из своего врага. Удар за ударом, не разбирая в темноте, не останавливаясь и на мгновение. Бил, словно забивал сваи для строительства небольшого мостика. Основательно, вкладывая в каждый удар всю небольшую массу своего тела. Ему повезло, что тот гениальный конструктор Мосин когда-то предусмотрел такое обращение с его оружием. Да элегантное творение Маузера оказалось в такой ситуации то точно лопнуло в его полупистолетном изгибе приклада.

Судьба обоих парней висела на волоске, третий немец успел взять свой карабин в руки, даже загнать в пулю в патронник из магазина, даже поднять его. Но больше ни чего, вышедшая из тени Светлана его хорошо видела, в отличии от ребят. Забыв о пистолете, скинула с плеча неказистый МР-18 и ухватившись за кожух ствола со всего маху ударила, уже обрадованного своими достижениями, немца в затылок. Видавший всё в своей жизни пистолет-пулемёт не выдержал такого издевательства и не только лопнул приклад, изогнулся он весь, а хитромудрый магазин с барабаном отлетел в сторону. Но перед своей смертью он принёс смерть своему соотечественнику, бездыханный немец упал лицом вперёд, сжимая в руках свой карабин. Упал, так и не успев выстрелить.

И только после Голубкова поняла как испугалась, испугалась и разозлилась на саму себя, на такой хрупкий немецкий автомат, переживший окопы Великой войны, не выдержавший общения с обычной, русской девушкой. А идущая позади Мария, в жизни видевшая смерть только на похоронах, едва сдержала свой крик. Стоя в темноте, смотрела на руки своего отца давившего врага, на то, как оставив неподвижно лежащего солдата, Саня пытается улучшить момент что-бы помочь ему. Всё произошло слишком быстро, она ещё не осознала всего происходящего на небольшом пятачке открытого пространства, среди густой

растительности покрывавшей холм. Наконец лежащий испод отца немец перестал подавать признаки жизни, с трудом разжав свои пальцы Пайя медленно встал. И тут Матвеев, на всякий случай, ударил немца прикладом карабина в висок, теперь тут точно не осталось ни одного живого немца. Можно было с облегчением вздохнуть, всем казалось что битва длилась очень долго, хотя в реальности не длилась и пары минут. Напряжение витало в воздухе, можно было ощутить его в каждом из находящихся тут, всё произошло в полной тишине и никто не смел произнести и слова. Все стояли неподвижно, взирая на пять мёртвых тел, ещё не до конца поняв что любой из них мог оказаться в том числе. Но это длилось недолго, Карим поднялся с колен и не обращая внимания на всё, влюблённым взглядом прилип к стоящему на станке MG-34,-я его не брошу, он мой! только мой, я его первый увидел! Не брошу, даже не уговаривайте!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Друзья сперва не поняли о чем речь, но лихорадочный, алчный блеск в глазах технического фаната говорил о всём. Тишина была нарушена тихим смехом и это полностью разрядило обстановку. Светлана и Саня утирали выступившие слёзы и тихий смех превратился в какое-то хрюканье. Мария ничего ещё не понимая причину, глядела как к вместе с ними начал смеяться отец, зажимая пальцами свой рот. Но вдруг он закашлялся, на его губах появилась какая-то чёрная пена, девушка ещё не знала, что во тьме так выглядит алая кровь. Её отец ухватился за левый бок, на старой безрукавке сшитой из плотной, грубой ткани появилось пятно, по его центру была видна рукоять немецкого штык-ножа, забитого в тело полностью, на всю свою длину. Пайя едва слышно выругался и едва не потерял сознание от боли. В полумраке из троих друзей первой среагировала Светлана, быстро подлетев занялась осмотром раны. А потом взяла командование в свои руки.

— Карим оставь в покое пулемет и найди среди вещей этих гадов медпакеты, и проверь, если где шнапс, должно быть во фляге хоть одной. Саня ты мне присвети, вона фонарик у лежанки. Быстро, шевелитесь, а ты чего Мария стала, давай проверь, где у них тут вода! И не раскисай! Слезами делу не поможешь, двигайся!

Карим кинувшись переворачивать вещи пулемётного расчета проходя мимо того мёртвого немца что ранил старика со всей злостью ударил его ногой и ругаясь начал копать по солдатским ранцам. Прошло почти двадцать минут и вот перевязанный Пайя лежал на спине и осторожно дышал. На все его просьбы дать глоток воды он только удостоился протирания губ влажным бинтом. Неподалеку валялся окровавленный штык-нож.

— Здесь ему не поможет ни кто, у него лёгкие задеты, если останется, то точно умрёт. Саня, его надо к нашим, на ту сторону. — взволновано объясняла состояние старика Светлана.

Другого выхода больше не было, так что расспросив, где точно находятся мостки, Карим взвалил на плечи пулемёт двинулся в том направлении. Пока что не надо было беспокоиться о шуме, до прохода патруля оставалось пол часа. Быстро двигаясь, он нашел то место и оставив в стороне свой груз занялся отделением настила. Ряд досок, почти четыре метра в длину были сбиты поперёк несколькими брусками. Вся конструкция опиралась на полусгнившие сваи и легко отделилась. Получился готовый плот, шириной в полтора метра, его вид обрадовал парня, ведь перед ним была реальная возможность перевезти раненого на другой берег. И при этом не оставить такой хороший пулемёт, да и ещё чего можно взять. Поэтому назад он буквально бежал, в том что на другом берегу реки, среди своих Пайя окажется в руках хорошего доктора он даже не сомневался. И своим оптимизмом буквально

смысл охватившее всех уныние. Так что до плота раненый быстро дошел, поддерживаемый со стороны дочерью. Позади двигались друзья с дополнительными досками, оторванными из лежанки немцев и мотком верёвки найденными среди вещей. Хозяйственный татарин не забыл и три коробки с патронами к своей новой игрушки. Притворно обеспокоенный тем что Голубкова поломала автомат, он протянул ей свой, — вот, владей, теперь ни кто не скажет что Юсупов жадина, а что-бы было тебе легче я возьму твой пистолет, и магазин тоже.

Прошло ещё двадцать минут, до прохода патруля оставалось только десять минут максимум и четыре человека медленно толкали нагруженный плот. Удалившись от берега на пятнадцать метров они всё ещё доставали ногами дно реки. Почти все, Низенькая Светлана уже держалась за край и что-то шептала раненому. Он лежал на небольшом возвышении составленном из солдатских ранцев с досками добытыми из лежанки. Пока что все шло как и планировали, до другого берега реки осталось только сорок метров водной глади. Им повезло, в этом году жарко очень, Прут основательно обмелел, лишь по центру, на протяжении всего семи метров ним пришлось плыть, там глубина достигала больше двух метров. Но этот участок быстро преодолели, вот опять под ногами можно ощутить песок покрывавший вместе с илом дно. Осталось только пять метров до спасительного берега, тут свои, как бы там не было и какие будут трудности не известно, главное что они со своими. Даже раненый старик это почувствовал и в полумраке можно было увидеть улыбку на его лице.

Внезапно на другой стороне, на вершине того низенького холма раздались крики, в небо взлетели несколько красных, сигнальных ракет а потом и осветительные.

Двигая как сумасшедшие, ребята буквально выдергнули из воды плот на песчаный берег. Под мёртво-белым светом осветительных ракет выкидывали вещи с плота. Карим забыв о своей игрушке, подхватил Пайю с одной стороны, с другой своего отца поддерживала дочь. На секунду Юсупов взглянул на нее и очарованный красотой улыбнулся. До растущих впереди кустов надо было сделать ещё десяток шагов. И на пути было чисто, потому он опять взглянул исподтишка на невероятно красивую девушку. И вдруг из её груди вырвались два кровавых фонтана, следом за тем и из груди отца вылетел такой же фонтан и старик падая лицом вперёд вынудил Карим согнуться. И над его спиной послышался противный звук пролетающей пули. А мгновенье спустя долетел грохот пулемётной очереди с другого берега реки. Пятьсот метров дальше от злополучного холма оказалась ещё одна пулемётная точка.

Стоя на коленях парень глядел на быстро растущее, чёрное пятна под телами отца и дочери. Дикий, жуткий, звериный крик, почти рычание, перекрыл звук начавшейся перестрелки. Не обращая внимания на пролетающие над головой пули, на четвереньках вернулся к сваленным в кучу пожиткам и выудил коробку с патронами. Перевернув в нормальное положение пулемёт, мгновенно заправил ленту и открыл по вспышкам огонь. Продолжая рычать от ярости он увидел где находились немецкая точка и обрушил на них поток пуль. В одной длинной очереди, на расплав ствола, пока не осталось ни одного патрона. И не успокоившись, бегом принёс ещё одну ленту, и опять начал поливать пулями противоположный берег. Стрелял уже не видя целей, слёзы замутили его вид, но осталась ненасытная ярость и боль, ощущение страшной утраты.

А его друзья тащили на себе тела с берега, унося в глубину небольшой роци, сперва старого русина а через пару минут и его дочери. Несли, надеясь что это лишь ещё одно ранение, надеясь что в них ещё теплится искорка жизни.

Этой ночью русинский, старый род Гаевых живший на этих просторах тысячелетиями погас. Выжили лишь очень дальние родственники, да и то на территории сербского автономного округа Воеводина, в одном забитом селе с непонятным названием Гложаны.

А утром немецкий офицер, уже долгое время служивший в абвере, и готовящий ловушку для русских диверсантов побывал на берегу. В одном месте были найдены пять солдат, погибших в результате рукопашной схватки. Это умному служаке говорило о том что нет смысла в ловушке, группа которую ждали успела уйти. Из пяти солдат один убит ножом в спину, по отломанной рукоятке легко был идентифицирован местный житель, он сам и его дочь исчезли, так что все неясные вопросы отпали. Оставшуюся в селе престарелую жену в назидание остальным жителям повесили. Ну а довольно бедное хозяйство было передано украинским помощникам. Но на этом трагические потери не окончились, русские ведя огонь с противоположной стороны реки убили почти всех членов пулемётного расчета и шестерых солдат из патруля. Слишком удручает конечный результат работы русских, разумеется закрытая от остальных информация поступит начальству на стол. В начале компании, когда фронт большевиков едва держится под натиском Вермахта, существование в тылу таких групп может серьезно повлиять на ситуацию. Поэтому офицер указал в своём докладе о необходимости срочно сформировать специальные подразделения для противодействию такой угрозе.

Тоже самое утро, десяток километров от крупного посёлка Заболотив, в близи железной дороги ведущей к Коломые. Выкопанная наспех землянка в небольшой роще, поблизости домика путевого обходчика. За столом составленным из снарядных ящиков сидел до предела уставший старший лейтенант, с красными от недосыпания глазами. А перед ним стоял политрук и ожесточенно с ним торговался, как еврей на Одесском привозе, за дополнительное пополнение своего отряда.

— Ты мне Тимофей на сознательность не дави, хрен что ещё получишь. Не откуда людей взять, скажи спасибо что сорокопятку получил и два миномёта ротных. Да и то потому что на твоём участке брод, хорошо что немец о том пока не знает.

Молодой политрук смотрел в неошкуренные брёвна над головой и пытался придумать, как получить ещё чего для своего отряда. Так как теперь, после вчерашнего налёта бомбардировщиков командование пришлось взять на себя. Прежний командир, молоденький, не опытный лейтенант остался без ноги. Оторвало взрывом пятидесяти килограммовой бомбы, хорошо хоть её лишился, чуть ближе легла и останки можно было собирать ложкой. И за каким дурак вылез из окопа абсолютно не понятно. И теперь все заботы свалились на плечи, хочешь не хочешь а надо ещё чего у старшего выпросить.

— не, я понимаю что людей нет, но и ты пойми как с тридцатью бойцами держать почти четыре километра берега. Да и у того проклятого брода заслон держать на всякий случай. Они там, на верху думают что я имею резиновый отряд? Да у меня всего один ДП и тот в патруле постоянно, чем прикажешь пушку от пехоты прикрывать, задницей?

— я тебе сказал уже сто раз Тимофей, резервов нет, с тем что есть должен придумать как железку уберечь. Будешь стоять там до тех пор пока последний эшелон с гражданскими из направления Коломые не пройдет. Северное направление перекрыто немцами, осталось только наше. Так что будем держаться до последнего, другого выхода нет. Как и пулемётов, вообще нет, пришлось из Т-26 курсовые снимать, что-бы покрыть недостаток в окопах. Вот такие пироги, еште гости дорогие и не обляпайтесь.

— как такнет, а возле землянки особиста что стоит по твоему? Новенький, на станке,

муха не садилась. Отдай его, у меня и патронов к нему сколько хочешь есть, остались трофеи, после попытки немецкой разведки переправиться в наглуую. Жаль только что у них пулемёт взрывом покорёжило, сейчас бы очень пригодился. Ну чего? Отдаешь?

Старший лейтенант протёр глаза и на минуту задумался, после предложил политрука сесть в сторонке, пока разберётся с ситуацией. И через десять минут втолковывал хмурому особисту, куда ему следует засунуть наспех состряпаное дело на тех, что успели переправиться этой ночью на наш берег. И если он не выбросит бумаги то станет к стенке за саботаж и нарушение приказа командования.

— тебе что больше заняться нечем? Я этого татарина хорошо помню, точно свой. Да и ты должен помнить, это тот остолоп из Казани, его ещё на гауптвахту отправили за драку с местными жителями, до войны. А и медсестра вроде как из нашего госпиталя. Вот за белобрысого не знаю, но не шпионы они, точно. Так что вертай ним оружие и пусть политрук с ними возиться, а то ноет что людей нет. И пулемёт пусть забирает, тебе по уставу не положен такой агрегат. Чего волком смотришь? Думаешь на самодура тупоголового налетел? Ошибаешься, сейчас у тебя есть ещё варианты или выполняешь приказ или я тебе сука весёлую жизнь устрою. Один звонок в штаб, сообщение о том что подрываешь боеспособность отряда. Который обеспечивает эвакуацию семей командирского состава и политического руководства области. После этого о расстреле тебе ещё молить придется. Вон отсюда крыса трусливая!

Политрук только вдохнул и проводил взглядом испуганного особиста, после чего обратился к своему командиру, — а не круто ты с ним старшой, особист всё-таки?

— да я эту гниду сгною, в Косиве когда немцы прорвались, он собака поднял панику и резервный взвод с собой в бегство повёл. Под предлогом того, мол документы спасает, жопу свою спасал а не бумаги, крыса. Пока остальные от танков гранатами отбивались. Сколько тогда людей потеряли! Я это ему ни когда не прощу, он ещё у меня в окопах с трёхлинейкой окажется. Так что хватит, забирай пополнение и свой пулемёт, больше ни чего не получишь! Вали отсюда, попробую часок, другой поспать, вторые сутки на ногах.

Через полчаса трое друзей стояли перед политруком, судьба за последние сутки несколько раз меняла направления. И сейчас они снова почувствовали это, недавнее обвинение в шпионаже рассыпалось как карточный домик. И сейчас их похоже мытарства закончились, возможно и в лучшую сторону. Наконец Матвеев набрался храбрости и обратился к политруку.

— товарищ командир, разрешите обратиться!

— чего ещё рядовой?

— позвольте похоронить тела граждан, оказавших помощь при преодолении реки! Не гоже оставлять лежать них в роще, после всего что сделали для нас.

Политрук вспомнил что о полевой кухни его отряд может только мечтать. Так что надо выбивать сухпаёк, да и патронов не мешает взять. Пока будет скандалить с прижимистым старшиной эти трое ему не нужны, так что один час у них есть.

— таак, боец ты назначаешься главным, у вас шестьдесят минут на всё. После похорон пулемёт что-бы стоял в той телеге! И не дай бог опоздать вам минуту! Вещи, оружие всё вернули?

— да, всё в порядке! Спасибо товарищ командир! Не подведем!

— воот так и надо вести себя боец. Выглядеть придурковато и бодро, да бы своим умным видом не смущать начальство! А теперь бегом, время пошло!

Консервная банка решила вопрос лопаты а ещё одна обеспечила большой кусок, старого, полинялого брезента, через пол часа два тела были бережно опущены в могилу. На краю рощи, на небольшом бугорке, под сенью невысокого, молодого дуба. Саня смотрел на своих товарищей и с трудом сдерживал слёзы, зато Светлана и Карим их вовсе не стыдились. Достав из котомки нож, подаренный старым русином, он хотел положить рядом с его телом. Но передумал, вспомнив как близко воспринял их гибель Юсупов. И протянул нож своему другу, — возьми, я его не заслуживаю, не уберёт дочь ни отца. Пусть будет у тебя, как память о хороший людях, береги его и он сбережёт тебя.

— спасибо брат, я его напою кровью этих двуногих зверей, они теперь мои кровники, за Марию.

Через несколько минут под деревом вырос небольшой, прямоугольный холмик, из двух толстых досок сколоченный крест, скромная надпись на перекладине-Гаевы, отец и дочь.1941.

Простите, не сберегли вас, простите, пусть земля будет пухом, мы будем помнить вас пока живы, — начал Саня и остановился не зная что ещё сказать, все слова были не достаточны что-бы выразить благодарность и боль. И продолжил Карим, — простите, мы будем помнить и мстить за вас пока есть у нас силы. А возможность мы найдем, обещаю тебе отец, обещаю моя Мария. Спи спокойно Гаевы.

Светлана утёрла слёзы, взглянула на хмурых друзей, на лицах обоих читалось чувство вины, злости, — ребят, не надо так, месть это смерть, думаю Пайа хотел бы что-бы вы жили, жили и помнили. Ведь пока кто-то из нас будет их помнить они не умерли. А месть? Мстят людям, немцы и их помощники не люди, они бешеные звери. Просто надо их истреблять, как всегда поступали с бешеными, просто будем делать то, без каких-либо чувств, не заслуживают они того. И жить нам нужно не только за себя, и за Марию и её отца надо, умереть легче всего. А вот жить по настоящему, по людски трудно.

Политрук сегодняшней день считал удачным, удалось выбить сто пятьдесят банок консервов, крупу, патроны, какое-никакое, но пополнение. В нынешнем положении и это хорошо, к его тридцати добавил ещё три бойца. Но самое главное удалось во всей этой суе выцаганить станковый пулемёт. Не важно что немецкий, в оставшихся после налёта трофеях полно патронов, хватит на долго. Тем более что на позициях больше двух дней выстоять не получится. Немецкие войска уже почти пол области заняли, Львовская область уже под ними полностью. А тут полноценному наступлению Карпаты мешают, поэтому-то мы ещё держимся. Иначе бы давно уже смяли немногочисленный заслон своими танками. — рассуждения пришлось отложить на другое время, перед ним стояло пополнение, два хмурых бойца и молодая девушка, медсестра, со следами слёз на щеках. Светлые дорожки очистили кожу от пыли. Позади находилась телега, которую выделил старший лейтенант в его распоряжении на один день. И в ней, на охапках сена лежал заветный пулемёт.

— молодцы! Точно в шестьдесят минут уложились, осталось только погрузиться и едем. Этим вы бойцы сейчас и заниматься будете, у старшины получите продукты и ящики с патронами и один с гранатами по списку. И проверьте всё, тот хитрожопый хохол всегда закинуть норовит. А вот с перевязочным матерьялом беда, тебя как величать то сестра милосердия?

— Голубкова, Светлана!

— таак, твой госпиталь не известно где, до выяснения обстоятельств будешь пока служить под моим командованием. И первое задание твоё, пока эти бойцы будут грузить

телегу, умыться и привести себя в порядок. А потом попробую найти чего по твоей части. Хотя и можно и под шумок из старшины выбить всё что надо.

За хлопотами незаметно пролетело время два часа, после ругани, подсчёта и снова, новой порции ругани по поводу консерв. Попытка всучить рыбные, вместо мясных успешно провалилась. Да ещё и умный политрук заставил покормить своё пополнение обедом, пока сам будто случайно заглянул в землянку старшего лейтенанта, в тот момент когда тот собирался обедать.

— Ну ты Тимофей точно уверен, что в родне у тебя евреев не было? Ты ешь, ешь от меня не убудет. Видишь как тебе с начальством повезло, накормил, желанку твою выполнил, даже к пулемёту расчет дал.

Политрук старательно работал ложкой, опустошая котелок от пшенной каши с мясом. И с набитым ртом пытался что-то сказать. Остановился на секунду, что-бы проглотить кашу и возмущённо произнес, — какой ещё расчет? Едва дал два обычных бойца и медсестру.

— не, ну ты тип, наглый до жути. Мои из патруля доложили что тот татарин, пулеметным огнём, погасил всякую стрельбу с того берега. Сам, один, пока его друзья тела уносили, прикрывал не обращая внимания ни на что. Две ленты высадил, пока мои его не отцепили от пулемёта. Отчаянный парень, жаль что я поздно узнал о том, хрен бы ты Тимофей у меня его получил. Мне самому такие надо. Эй, умник, яблоко на место положи! Думаешь раз мы друзья, так меня раскуркуливать можно! А ну вали отсюда, со своими загребущими руками!

Сытый и довольный политрук, с уважением разглядывал своё пополнение, мирно спящее в нагруженной телеге. После того, что услышал от патруля, его мнение о пополнении изменилось в лучшую сторону. Этих двоих он решил оставить как готовый расчет, как раз получится прикрыть брод, там глубина всего лишь метр. Рано или поздно немцы попрут тем путём, одной сорокопятки будет мало что-бы отразить атаки. Так будут поддерживать друг друга огнём, пока не подтянется резерв. Сейчас пускай ещё поспят, полчаса, вон у всех троих были глаза красные, небось уже и забыли, как оно спать в безопасности. Пока же он будет вставлять пистон, нерадивому водителю однолошадного транспортного средства. Теперь дело осталось за малым, только найти его, наверняка оттирается у кухни, зараза. Ну ничего, сейчас у того будет хорошая возможность узнать как следует выполнять приказы.

Саня проснулся от мерного покачивания, открыв глаза сразу и не понял, где он находится. Всё тело затекло, да ещё и Светлана сопела на ухо. Сидя в телеге, втроём, на ящиках, в ожидании командира, они сами того не заметив задремали. И к своему стыду проспали всё, даже не проснувшись когда телега тронулась в путь. Сидящий впереди политрук обернулся и посмотрел с пониманием на него.

— что? Было весело пока пробирались? Да ты не смущайся как красна девица, не в дом отдыха едем.

Тут открыл глаза и Карим, до этого момента обнимавший пулемёт во сне, словно девушку. И сообразив как он выглядит, держа в объятиях в сущности кусок железа, густо покраснел.

— товарищ командир, виноват! — пытаюсь выпрямиться гаркнул Юсупов и тем самым разбудил Светлану.

— это хорошо, что осознаёшь свою вину боец. В наказание за это будешь у меня отвечать за пулемёт. А твой друг назначается помощником, вторым номером расчёта. Раз уж все вместе добирались, вместе и воевать будете. Тем более что судя по всему, ты влюбился в

этот агрегат, даже во сне из рук не выпускаешь.

Проснувшись и молча наблюдая за всем из под ресниц Светлана не выдержала и тихо захихикала. Вызвав у своего друга полное смятение, через минуту начали смеяться все. Обождав, пока успокоится смех, политрук посмотрел на пополнение и спросил ребят, — Ну и кто у вас был за главного, интересно узнать как, и благодаря кому, вам удалось выжить в той кутерьме.

Карим и Светлана молча повернули головы и уставились на Саню.

— можете и не говорить, с вами всё ясно. Ну что же боец, выкладывай чего там приключилось, должен же твой командир знать с кем дело имеет. Тем более что нам предстоит вместе воевать, под пулями и осколками, не смотри что я старше по званию. Они ведь убивая на чины не смотрят.

И следующий час Матвеев, почему-то почувствовал полное доверие к политруку, рассказывал о том с чего всё началось. И Гришку как хоронил, ту сумасшедшую хозяйку вспомнил, последние слова Кшиштовского, как раздобыл револьвер. Как с трудом удалось отмыть руки от смолы, когда сгорел склад ГСМ, и руины своей части, братскую могилу рядом. Как встретил Голубкову а потом доставал Карима из штабеля мёртвых тел. Ну и встречу с необычным немецким отрядом и после как уносили ноги. Вспомнил и едва слышный звук серии взрывов, на лугу, рядом с маленькой речкой. И то, как едва не выстрелил в Пайю, тот бугорок, где Светлана отбросила в сторону окровавленный штык-нож, вынутый из тела ещё живого старика. И свою угасшую надежду, когда искал пульс у залитой своей кровью Марии. Под конец своего рассказа вынул из котомки маленький мешочек, протянул его политруку и закончил свою историю, — вот, возьмите, тот поляк наказал мне его отдать своим. Я сначала так и собирался, но потом передумал, вы уже извините за откровенность, товарищ командир, не выглядит особист своим.

Ну и повезло вам с ним, сами не понимаете из какого вас этот вытянул, — обратился к двум Саниным друзьям политрук. После развязав тесёмки, глядел некоторое время на мерцающую, под жарким солнцем, желтизну золота. Потом завязал, протянул возникшему телеги, — отдашь старшему лейтенанту, всё объяснишь и не дай бог что пропадёт. Это в мешочке наши танки и снаряды будущие. Если случайно сами сгинем, то будет с чем воевать ребятам, которые пройдут после нас. А ты Матвеев не дрейфь, я прослежу что-бы наказ поляка был выполнен.

Наступило долгое молчание, каждый в телеге по своему оценивал весь пройденный Матвеевым путь, оценивал и примерял на себя, сумел бы выжить и дойти до своих? Спустя пол часа тишину прервал Карим, до этого момента разглядывающий пулемёт;-товарищ командир, разрешите обратиться!

— чего там у тебя Юсупов?

— беда, кажись после ночного боя ствол повело, кривизна появилась. А я когда переправлялись забыл запасной взять, да и патронов одна, единственная лента.

— запаниковал боец, не стоит недооценивать своего командира, у нас на позиции есть два целых ствола и гора патронов с лентами, немецкие разведчики в наследство оставили. Не выдержали трудностей и застрелились.

Карим с подозрением взглянул на своё начальство;-как так, взяли и застрелились?

Политрук глядя на наивного парня добавил;-да, так и сделали, пять, шесть раз выстрелили себе в спину, после подорвали гранатами пулемёты и умерли.

Дружный смех перепугал здорового, сильного мерина, без проблем тянущего

полностью нагруженную телегу. Лукавое животное, притворяясь что тянет из последних сил, прибавило ходу. Что не осталось неприметно, возникший, хорошо знающий характер своего подопечного прокомментировал;-во что творит животворящий командирский голос!

К четверем часам наконец показался лес, идущий вдоль дороги, в его глубине был расположен ряд шалашей, построенных на скорую руку. Политрук хорошо понимал, больше двух дней, выдержать натиск немцев не удастся. Городить землянки нет смысла, силы бойцов его отряда не бесконечные.

В уме пересчитал, всё чем располагал и общее количество людей и тихо произнес;- тридцать три богатыря, а вместо дядьки медсестра. — все вопросительно уставились на командира. — это я о том сколько нас. На весь отведённый участок, будем стоять пока из Коломые последний эшелон не пройдет. Путь на северо-восток к сожалению разрушен, вся ответственность ложится на наши плечи. Думаю что к завтрашнему дню, немцы будут знать о броне, там всего метр глубина. Танки могут пройти, но только один за другим, удобно для нашей сорокопятки а вот пехота другое дело Так что вас двое не должны позволить, ни одному врагу, перебраться на наш берег.

Саня слушал о предстоящей задаче, отсечь пехоту, когда по тебе откроют огонь танки, будет очень тяжело. Необходимо сделать так что-бы максимально ускорить продвижение через брод:-товарищ командир а он широкий?

— где-то пятнадцать метров, дно без ила, песок и мелкий камень. А что, есть идеи Матвеев?

— пока нет, пробую разобраться с чем придется столкнуться.

Телега въехала на территории лагеря, остановившись неподалёку от шалашей. Политрук спрыгнул на землю и дал команду выгружаться, к нему подошел старшина и доложил о ситуации в выделенном отряде секторе. Складывая на землю ящики, ребята слушали со стороны разговор, выходила очень занятная картина. Привыкшие к тому, что политсостав не шибко разбирался в военном деле, были удивлены системой обороны. Всё было основано на двух группах, маневрирующих на безопасном расстоянии от реки. Всего четыре человека, на каждый километр, вели наблюдение за другим берегом, не выдавая себя. При обнаружении врага давали сигнал из ракетницы, через пять, максимум десять минут маневренная группа вступала в бой. У каждой на вооружении было по ротному миномёты, проблему с боезапасом решили очень просто. На каждые пятьсот метров был спрятан ящик, полный мин. Эффект от маломощных боеприпасов конечно не велик, но количество быстро перерастало в качество. Так что желающих, испробовать это на своей шкуре, среди немцев не появилось. Попытки накрыть русских своей артиллерией не дали результатов.

— вот Петро, принимай пополнение, обстреляные уже, опытные, даже пулемёт у немчуры увели. Только накладка вышла с запасным стволом и патронами. Но это простительно, таскать кроме своего оружия, почти четыре пуда не шутка, да и рук каждый только две имеет. А и медперсонал у нас теперь есть, смотри какая дивчина, с приданным, автомат немецкий то.

Усатый старшина оценивающе глянул на ребят, и подумал:-"точно заметил, действительно, командир прав. Не выглядят они как наши желторотики, попробовали крови, точно, взгляд у всех совершенно другой. Как будь-то кто стали в глаза ним плеснул, хотя и пытаются это скрыть. Но не со зла, стесняются просто, ведь прежде чем стать такими, пришлось пройти через свой страх, победить сперва его. А это самое трудное, с врагом полегче."

— ну кто тут посообразительнее? — спросил старшина. Юсупов кивком показал на Саню

— ну так хлопчик, айда за мной, глянешь со стороны место для пулемёта. Там сейчас мирно, можно спокойно подготовиться. А ты, как там, Юсупов? Вона в том шалаше стволы и патроны, готовь шарманку пока нас нет. Тама лежит всё что осталось от немецкой разведки. Дурни в засаду влетели, словно на параде двигались, что самое смешное ребята так они уже к зиме готовы. У двоих, что за пулемётами были, нашли рукавицы, нахрена? Лето ведь на дворе!

Долго уговаривать Карима не потребовалось, особенно когда техника под вопросом. Тем более, когда из-за этого стоит приказ начальства, не надо ограничивать себя. Проводив взглядом старшину и Матвеева, сказав Светлане что в её делах он не смыслит, нырнул во внутренней мир шалаша наполненного интересными штучками. Оставив девушку разбираться самой с ситуацией, командир ушел, ребята тоже, абсолютно не понятно с чего начинать. В обязанности входило и проверка приготовления пищи, хороший повод познакомиться со всеми в отряде.

А в это время Саня вместе с старшиной, сидя в кустах, разглядывал брод. Пологий, песчаный берег с обеих сторон, обеспечивает удобный подъезд. А небольшая рошица с немецкой стороны позволяет накопить силы и бросить них в едином рывке. Очень хреново положение для обороняющихся, тем более что тут растительность слабая, всякий маневр будет виден противнику. С большим трудом удалось спрятать низкую пушку, на удаление сто пятьдесят метров. Задумавшись, посмотрел в левую сторону, небольшой бугорок, заросший крапивой. Если расположить из-за него пулемёт, да так что-бы был виден только с середины реки, шанс на выживание резко возрастал. Танкам тут можно пройти, но только двигаясь в одной колонне. Узость брода ограничивала путь, надо и пехоте места. В голову пришла занятная мысль;-товарищ старшина, а какие в отряде есть лопаты?

— да обычные, сапёрных только пару штук, поэтому и пришлось взять обычные БСЛ, да несколько штыковых.

— а это что, БСЛ, модель какая-то новая? — удивлённо спросил Саня

— да не, это Большая Совковая Лопата, бери больше, кидай дальше, пока летит отдыхай:-посмеиваясь ответил старшина-а ты що удумал?

— товарищ старшина а тут точно танки пойдут?

— ну где ещё? Тут самое удобное место, да и немец знает, неоткуда нам взять довольно сил, всюду держаться. Размазаны тонким слоем наши, вдоль линии обороны, а супостат бьёт концентрированными колоннами, що иголка через бинт. Да и на бинт наша линия больше не похожа, мы конечно мрежа хлопчина:-зло ответил Матвееву-но ты не боись, вмираты не страшно, страшно житы трусом. Погледай хлопче на местных, нихови предцы злякалысь и душу изгубылы. Не слухай, кад кажу що з украинцима ридня. Брешуть, ни хто воны нам. Так и мы тута, стоимо до заднего, каждая минута задержки немцев значи бильше деци, жена спасеться.

Саня выслушав, то что накипело на душе у старшины, принялся выкладывать свою идею;-копать будем каналы, вдоль брода, поперёк течения, с метр ширины. А в глубину сколько получится, древко только надо на лопатах подлиннее сделать, метра два с половиной, минимум. Тут, где оно с загребущей частью сходиться, верёвку длинную привязать. Один человек не справится, надо на одну лопату трое.

Старшина сперва не понял суть идеи, но когда представил что может получится,

зловеще улыбнулся и одобрительно хлопнул ладонью того по плечу;-копать есть кому, заряжающий сорокопятки здоровый лосина, а тянуть верёвки каждый сможет. Только сперва политруку о задумке расскажем, чего расселся, пошли, да и ужин скоро. После ты с тем татаринном своим оборудование пулемётной точки займись, всё равно лучше копать ночь. Так и ворожине сюрприз, да и течение не успеет рвы песком засыпать. Ох и добра идея, как тильки придуиал.?

— да это не я, у нас так канавы копают, где земля с камнями перемешана. Один, потяжелее, навалиться сверху на древко всем телом, ну а двое за верёвки тянут. Главное что-бы железо у лопаты было хорошее.

Пока ковался у реки план, Карим разглядывал необычную пару рукавиц, привыкший с уважением относиться к каждой мелочи, не понимал зачем таскать них в такую жару. Отложив загадку на потом, решил почистить, на всякий случай, запасные стволы к его сокровищу. Взял в руки длинную, воронённую трубу выругался:—"от немчура хитрая, так эти рукавицы нужны для смены горячих стволов! Надо же до такого додуматься, заместо загогулины какой, которая всегда тут. А то в бою рукавицы потерять, раз плюнуть, намудрили с этим."

Повозивший с креплением и фиксацией немецкого пулемёта, начал тренироваться с быстрой заменой стволов. Нудную работу, по набивке патронами, длинных металлических лент, он решил возложить на плечи второго номера расчёта, на Саню. Тем более что предстояло снарядить четыре ленты, каждая по двести пятьдесят патронов, скучно и монотонно. И вскоре очень пожалел о том. Появившиеся друг сразу же согласился, что выглядело необычно, причина оказалась простой, надо ещё копать окоп на позиции. Так что до ужина Юсупов стоя на коленях, что-бы не выдать случайно точку, копал проклиная свою хитрость. А его друг, удобно усевшись в тенёчке, неспешно засовывал патроны в звенья лент. Тем более что компанию ему составила Светлана, добровольно вызвавшись помочь. Вдвоем они быстро управились с этим. После, взвалив на плечи двух пудовый, станковый пулемёт, зашагал к будущему месту боя. Сегодня ещё относительно спокойно, даже и не бомбили проходящую недалеко железную дорогу. Этим воспользовались три пассажирских состава, набитых людьми до последнего свободного места. Эвакуация на восток не прекращалась ни на минуту, всё что можно следовало вывезти, туда, в глубину страны. Территория сжималась, как пружина, под натиском Вермахта и его помощников, сжималась. Напряжение нарастало, отдавая свои жизни, русские солдаты подтачивали немецкую стальную машину смерти, стопор державший русскую пружину ослабевал потихоньку, незаметно. Пусть не сейчас, не сегодня, да и не следующий месяц, но всё равно, придёт день, она сорвёт стопор и всей силой ударит по врагу. Сметая всё на своём пути, двигаясь туда, туда на запад, откуда постоянно идут на Русь орды, вечно голодные крови орды проклятой Европы.

Наступил вечер, дежурный по приказу командира приготовил плотный ужин, большой котёл рисовой каши с мясом. Политрук, после разговора с Голубковой, решил что лучше всего хорошо накормить своих бойцов сейчас. Завтра, в бой с пустыми животами, по словам медсестры в случае ранения больше шанс выжить. А бойкая и настойчивая, быстро вытребовала отдельный шалаш для медпункта, одного бойца себе в помощь, раздала всем дополнительный перевязочный материал.

— Но о своих друзьях не забывает, вон, наполнила два котелка кашей и убежала к ним на позицию:- с одобрением проводил девчущку взглядом, но дальше вынужден был думать о

другом. Судя по результатам наблюдениям, вдоль его участка немцы не проявляли активности, другой берег словно вымер. Слишком тихо повсюду, зато в районе брода наводчик орудия видел блеск стёкол биноклей, на несколько местах одновременно. Враг раньше чем он рассчитывал узнал о этом бросе, постарались видать местные жители. Но ничего, этой ночью будет подготовлен сюрприз, хорошая идея парня из пополнения. Но политрук решил её дополнить. В запасе было два мотка колючей проволоки, слишком мало для создания препятствия. Но это на суше, на дне реки совершенно другое дело, там где будут ископаны рвы, дополнительно зафиксировать крупными камнями. Должно сработать, замедлить продвижение пехоты а там он подтянет миномёты, ох и будет весело немцам. До тех пор, пока не вызовут эти проклятые пикировщики, гады ложат бомбы с невероятной точностью. Вот тогда начнут серьезные проблемы, не дай бог раздолбают единственную пушку. Надо орудийный расчет заставить своей маскировке уделить дополнительное внимание.

Близко к берегу реки, из-за небольшого холмика, двое парней закончили подготовку точки. Не видимые с противоположной стороны, они могли безнаказанно гасить всякое движение пехоты, как только та дойдет до середины реки. Тут они попадают под плотный огонь пулемёта. Саня для этого соединил две ленты по двести пятьдесят патронов в одну, положил на собранные в кучу ветки запасной ствол. Даже успел немного потренироваться с его заменой. Ещё немного и наступит ночь, можно отдохнуть, спасибо Светлане, принесла ужин, дождалась пока они поедят и убежала в расположение отряда. Да ещё развеселила, объясняя как выгнала бойцов из самого хорошего шалаша. Скоро наступит мрак, но для сна времени много не будет, надо прикрывать тех, кто будет копать каналы. Ребята там очень рискуют.

К половине третьего, все работы в районе брода подошли к концу, можно и вздремнуть, до рассвета. Ночь очень теплая, хотя от воды тянет свежестью, предстоит жаркий день. Звёзды сияют во всю, ни единого облачка. Жаркий будет день, очень жаркий.

В шесть утра, Саня внезапно проснулся, было очень тихо, мирно, но какое-то гнетущее ощущение давило на душу. Рядом, в небольшом окопе, безмятежно спал его друг. Расслабившись полностью, как будто не на ящике, сидя а в кровати, на большой, мягкой перине. С завистью взглянул на него, тому было дано понимать каждую железку в душу, без каких-либо проблем. А вот с природой не очень то и дружил. Зато и не мог почувствовать той тяжести и ненависти, смешанной с липким, животным страхом исходящей волной с противоположной стороны реки. С того места, где густой лес подходил почти к самой воде. Оттуда, к броду, вела широкая просека, сейчас абсолютно пустая, если бы не бугорок, закрывавший пулемётное гнездо, парень мог бы заметить странность. С того места поспешили убратся все лесные жители, от мало до велика. Но внешне всё выглядело нормально, наблюдатели его отряда не замечали ни одного признака опасности. Да и если бы заметили, что-то предпринять было уже поздно. Краем уха Саня услышал четыре, несильных хлопка, с другой стороны, из района лесной просеки. Четыре раза, почти слитно, противный свист и окоп, в котором находились дежурные, исчез в серии взрывов. Спастись двоим красноармейцам было не возможно, две немецкие мины легли точно в окоп. Но обстрел продолжался, редкая растительность, на русском берегу, была основательно прорежена. Вплоть до кромки небольшой рощи и узкой полоски леса, идущего вдоль реки.

Послышался рёв танковых двигателей. Отто для прорыва, сквозь порядки небольшого подразделения большевиков, защищающих переход через эту реку, получил два полноценных

взвода. Десять новеньких, доработанных с учётом французской компании танков. Грозные Т-3, с пятидесяти миллиметровыми орудиями, подвеской позволяющей наконец выдерживать те обещанные, восемнадцать километров по пересечённой местности. Да и метровая глубина не являлась больше препятствием. Как настоящий офицер, он уделял своему образованию должное внимание. Так и проблемы танкистов становились его проблемами, взаимодействия с ними основывалось на знании всех аспектов. Знание слабых и сильных сторон, позволяли правильно реагировать в боевой обстановке. Полученные, через местных жителей, данные о этом броне отрывали великолепные перспективы. Стремительный прорыв через реку и выход в тыл русским, городок со смешным названием Заболотив падёт в немецкие руки. Тот маленький отряд русских не в состоянии сделать что либо. Это утро последние, что увидят восточные варвары, миномёты расчищают путь стальному тарану. Позавчера, ещё до решения командования, Отто послал разведку, проверить глубину и состояние дна. Результат обрадовал, всего восемьдесят сантиметров, песок с мелкими камнями и никаких ям. После опыта по захвату Генерал-Губернаторства, то что когда-то было Польшей, на обеих сторонах реки, было установлено по два, отполированных до зеркального блеска, куска алюминия. Но только с одной стороны, другая, которая обёрнута к противнику, была окрашена в грязно-зелёный цвет. Так, водители видели общее направление движения, не надо забивать в дно ограничительные вешки. Давая понять врагу, где будет проходить главный удар. Но разведка слишком увлеклась, переоценила свои силы. Часть из них двинулась изучать обстановку в лесу, пока остальные занимались рекой. Инициатива конечно хорошее дело, но не в этом случае. В темноте, на незнакомой местности, влетели в засаду. Из десяти солдат выжить удалось одному, да и то раненого пришлось выносить тем, кто остался у реки. Бессмысленные потери доказали остальным, что к приказу надо относиться серьезно. Авторитет Отто в его отряде поднялся на невиданную высоту, когда он дал распоряжение достать десять обычных подвод и сотню пустых мешков, они были моментально найдены. Все гадали что их командир придумал, случайно он ничего не делал ничего. Когда одну нагрузили мешками с песком, прицепили к танку, всё стало понятно. Такой фокус, они уже несколько раз делали во Франции.

Миномётный обстрел перестал, политрук отряхнул с каски землю, с другого берега слышался лязг гусениц и рёв множества моторов. Глянул сквозь стёкла бинокля, одолженного, без возврата, у одного бойца из пополнения, на другую сторону. По лесной просеке, в сторону реки, двигались танки, сидящие рядом с ним бойцы засмеялись. Уж очень комично выглядит запряженные танки, телеги позади них, к тому же периодически подпрыгивали, налетая на кочки. Но смех быстро утих, когда из-за мешков, наваленных на телеги, по позициям был открыт огонь из пулемета. Тем более, что и в прицепе второго танка увидели стволы винтовок. Все красноармейцы осознали опасность, даже не возмутимый старшина, глядя на это, выругался: -бисови диты, щоб вы втопылыся у тарактайкама свойима!

Наводчик, единственного орудия, вытер пот, хотя ещё и не начало припекать солнце, он вспотел глядя на три танка, неспешно ползущих к берегу. И этого было не мало для маленькой сорокопятки, и как на зло слышался звук следующих за ними: -четыре, пять, прут суки, Вася их там до хрена! Это больше взвода! Минимум десяток! Козлы! Да ещё и сраные миномёты, как только откроемся засыпят минами. Васька, у них восемьдесят один миллиметр, супротив наших пукалок ротных пятидесяти миллиметровых.

Заряжающий, к которому тот обращался, только молча поправлял ремешок каски,

комсомолец и активист, пытался вспомнить слова своей бабушки, когда она тихо молилась. Стоя на коленях, перед потемневшей от времени, старинной, написанной на дощечке иконке. И единственное что вспомнил, неслышно повторял: -Боже, спаси и сохрани! Боже, спаси и сохрани!

Карим ещё раз проверил как заправлена лента, повёл стволом пулемёта влево, вправо; -Миномётный обстрел прекратился, значит что вражина сейчас пойдёт. Слышь как моторы режут, набирают скорость гады, хотят перескочить реку и портков не замочить.

Матвееву давно уже не было спокойно на душе, впервые от начала войны он волновался, впервые предстоит столкнуться с врагом, без возможности активного маневрирования. Отступления не предвидится, за спиной, всего в километре с половиной, железная дорога. Две железные нити, позволяющие выжить детям, женщинам, ценным специалистам. Надо выстоять, слишком много зависит от маленького отряда, где уже двое выбыли из строя. Слишком рано, слишком мало людей. Нельзя умирать, иначе эти звери, с другой стороны реки получат свободу.

Первый немецкий танк, тянувший за собой телегу, на полной скорости влетел в реку, поднимая в стороны каскады воды. Механик-водитель отлично видел блеск знаков, установленных по обоим берегам. Машина послушно держала заданное умелой рукой направление, теперь нет необходимости что-то делать. Танк движется оптимальным маршрутом, всего пятьдесят метров и под гусеницами окажется песок противоположного берега. И там, ни что не в состоянии остановить прорыв, так было в Бельгии, Франции, Дании, в Польше, теперь так будет и с этой дикой Россией. Командир, разглядывая через приборы наблюдения в своей башенки, прокомментировал стрельбу из телеги; -с этих пехотинцев следует спустить шкуру, идиоты, красных тут нет, стреляют бестолку, тратят патроны задаром. Видать нервы шалют, Ханс, как выедет танк из воды, возьми вправо, там бугорок. Пускай хорошенько встряхнуться у этих барышень мозги!

Политрук смотрел, как легко и быстро, продвигается первый танк, волоча за собой телегу. Сложенные мешки с песком. впитывали воду как губка, становясь трудно преодолимым препятствием для пуль. Всё играло против его отряда, единственное препятствие, каналы на дне, пол ночи труда бойцов, это железное чудовище даже не заметило. Намотав на свои гусеницы почти всю колючую проволоку, которую с трудом удалось выбить со склада. Идея того парня, из пополнения, оказалась абсолютно бесполезной. Со своего наблюдательного пункта он видел всю немецкую колонну, десять танков, выстроенных в одну нить двигалось на отряд. Орудийный расчет не смел открывать огонь, до тех пор, пока первый танк не преодолеет реку или остановиться, попав в канал. И все остальные бойцы должны тихо сидеть, ждать выстрела из пушки.

Дистанция между танками, из-за телег с пехотой, была почти равна ширине реки. И вот первый выбрался из воды и зашлёпал гусеницами по берегу, ускоряясь, резко изменил своё движение в правую сторону. Второй, видя как без каких-либо проблем, его собрат форсировал водную преграду, прибавил газу и двинулся поперёк течения. В эту же секунду выстрел из сорокопятки не принёс результат, наводчик не ожидал что первый танк так резко уйдет в правую сторону. Стальная болванка просвистела рядом с башней, зарывшись в высокий берег, на другой стороне. Пехота, лежавшая в телеге, горохом высыпалась на землю, расплываясь подальше от танка. Левая гусеница второго танка, уже достигшего середины реки, внезапно потеряла опору. Грозная машина начала стремительно наклоняться, продолжая движение вперёд, зарываясь носом в воду. Но беда не приходит одна, танк повлёк

за собой телегу, переворачивая, высыпая в реку солдат Вермахта. Высыпая в двух метровую глубину, в место, где течение было самым сильным. Вода сперва захлестнула моторный и боевой отсеки, заставила замолчать двигатель. А потом уже взялась за солдат, обвешанных снаряжением, утаскивая в глубину.

За те, неполных, пять часов выкопанные на пол метра каналы, сильное течение быстро занесло песком и мелкими камнями. Но всё это вызвало появление небольшого водоворота, он возник на месте широкой ямы, края которой защищали два больших камня. Ночью, красноармейцы копая рядом, умудрились нарушить многолетнее равновесие, удалив половину песка возле камней. И двух метровая глубина ямы быстро расширила свою территорию. Первый немецкий танк прошел по самому краю, имея для своих, относительно широких, гусениц опору, в виде двух камней. Но за ним следовала груженная телега, с узкими, оббитыми металлическими полосами, колёсами. Она и вызвала обрушение, раньше стабильной стороны ямы.

Наводчик единственного орудия, на этом участке, выматерился, когда первый выстрел ушел в пустую. Не отрываясь от прицела, вращал обе рукоятки наведения, целясь в борт ненавистной тройке, сыто лязгнул затвор, проглатывая снаряд, команда: "ОГОНЬ!" — и берег сотряс сильный взрыв, второй снаряд зарылся точно в боеукладку танка. На пять метров, вверх, взлетала угловатая башня, огромное облако дыма поднялось над рекой.

Наконец то Карим дождался своей минуты, используя возможности своего любимца, открыл одиночный огонь. Пока тот, первый десяток немцев, валялись оглушенные взрывом танка. Выстрелы сливались в один звук, за которым не было слышно криков боли умирающих немцев. Один из них успел привстать, пытаясь бросить гранату, хотя до позиции русских было почти двести метров. Замахнулся и упал, с пробитой грудью, последовавший взрыв своей же гранаты добил его и тяжело ранил лежащего рядом солдата.

— очередями гаши, очередями!:-заорал на ухо Матвеев.

— рано! спалимся на раз! Закидают минами!:-ответил ему Юсупов, не отрываясь от прицела, продолжая выискивать цели. На командирской башенке, медленно тонущего, посреди реки танка, распахнулись две половинки люка. Наполовину высунувшись немец поймав пулю, упал назад, перегораживая путь для спасения остального экипажа. Т-3 почти полностью ушел в воду, на поверхности торчала лишь верхняя часть башни.

Орудийный расчет, после головомойки политрука, перекачивал свою пушку на запасную позицию. Им помогали четверо бойцов, специально выделенных для этого, из маневренной группы. Командир отлично понимал, что без четверых винтовок, но при поддержке сорокопятки, его отряд может выстоять некоторое время. Поэтому и дал команду оборудовать ещё три запасные позиции. И не прогадал, лишь только расчет закатил пушку в замаскированный орудийный дворик, на прежнее место упали три мины. На противоположной стороне два танка сформировали ударную группу. С переднего отцепили телегу, и соединили со вторым тросами. Так, что-бы при движении через реку, оба могли подстраховать друг друга. Позади, из-за телеги двинулась пехота, первый солдаты, на всякий случай, проверяли путь длинными шестами. Миномётный обстрел продолжался, немецкая батарея перенесла огонь в глубину леса, не давая русским поднять голову.

В этом был убежден командир немецкого отряда, ведь с другой стороны была слышна лишь ружейная пальба. И судя по звуку, у русских дела обстояли не важно. Раз уж начали использовать трофейные винтовки, звук маузера и мосинки он хорошо различал. Да и интенсивность стрельбы давала возможность оценить силы большевиков. Пяток с

винтовками и эта пушка, которая подбила первый танк. И больше не выстрелила не разу, что показывало о ограниченном боекомплекте. Собрав все в голове всю информацию, как кусочки мозаики, отдал приказ о продолжении наступления. Отто был полностью уверен, до победы, на этом участке, осталось всего лишь пару шагов.

Саня краем глаза увидел, как в лесу, согнувшись, двигались два расчета ротных, пятидесяти миллиметровых миномётов. Разделившись, они исчезли в густых зарослях кустарников. Пользуясь секундным затишьем оглянулся, увиденного было достаточно для появления злой ухмылки на лице. Кроме стволов винтовок, он обнаружил конус пламягасителя ДП старшины, пару раз тот двинулся влево, вправо, словно вынюхивая себе подходящую жертву.

Политрук доходчиво объяснил всем, открывать огонь при появлении новой волны, следует только тогда, как первые выйдут из воды. На того, по задумке командира должен быть обрушен концентрированный огонь, после уничтожения следует перенести его на следующую жертву, так, последовательно ведя огонь, создать на переправе пробку. А сейчас все ждали этого момента, стрельбу было разрешено вести только Кариму, но только одиночную, его задача заключалась в том, что-бы обмануть врага беспокоящим огнём. Тем более позиции открыть с другого берега было не возможно, мешал небольшой бугорок, густо покрытый крапивой. Да и Саня, полил водой всю землю перед окопом, так при стрельбе не поднималась вверх пыль.

По приказу командира, три танка подготовились к преодолению реки, пехота разместились позади на телегах, приготовившись в случае если что-то будет не так, выскочить моментально. Ещё пара Т-3 подошла к самой воде и замерла, командиры каждого вели наблюдение за противоположной стороной, заряженные осколочно-фугасные снарядами пушки были готовы в любой момент открыть огонь. А в резерве у немецкого командира находились ещё три стальных козыря, готовых немедленно вступить в бой.

Наконец то замолчали немецкие миномёты и наводчик сорокопятки смог нормально прицелиться, хоть и по характеристикам, эти танки пушка брала в лоб без проблем, он решил подстраховаться. Сперва сбить гусеницу, потом вклепить следующий снаряд в борт, не оставив немцам никаких шансов. Вот два танка, связанные между собой тросами, прошли середины реки, взяв немного в сторону возле утонувшего собрата. До берега осталось только пятнадцать метров, четыре, максимум пять секунд хода. У Отто, наблюдавшего всё из-за ствола большой ивы, от волнения вспотели ладони, поэтому он передумал воспользоваться биноклем. И так всё было хорошо видно,

Первый, в связке, добрался до берега и вдруг начал разворачиваться на месте, только сейчас немец осознал, что внутреннее напряжение не дало ему услышать звук выстрела. Зато второй он отчётливо разобрал, помог дым, поднимающийся над моторным отсеком стального воина. Следующий за ним, на секунду остановился и выстрелил в направлении зарослей, после чего продолжил движение. Пара стоящая на немецком берегу, убедившись, что при форсировании реки больше нет неожиданных сюрпризов, пошла по проторенному пути. Предварительно разрядив пушки выстрелами, в ту же точку, куда прилетел снаряд собрата. Что не было лишним, пехота, переходящая пешком реку, увидев подбитый танк, сперва остановилась. Но услышав как взревели позади моторы, выстрелили по большевикам танковые орудия почти бегом двинулись к берегу, преодолевая сопротивление воды, доходящей местами почти до пояса. Спешили перебраться на другой берег, подальше, от смертельно опасной водной глади. За ними спешили два танка, понимая, что для них тут нет

места для маневра. Торопились поддержать своего товарища, тот уцелевший танк был привязан толстыми, стальными тросами к подбитому напарнику и был вынужден спрятаться за горящим корпусом, вместо быстрого прорыва. Да и без поддержки пехоты наступать на позиции большевиков, в одиночку, было бы абсолютно глупо.

Саня придерживая пулемётную ленту, краем глаза увидел как позади сорокопятки взрывами убило большинство членов расчета. Повезло только двоим, наводчик и заряжающий почти прилипли к щиту орудия, стоя на коленях, за тонким листом стали. Всех остальных посеколо осколками, тела бойцов лежали как изломанные куклы на ящиках, пустых гильзах, остатках веток, служивших для маскировки. Но не только он это видел, политрук тоже увидел страшную картину. И хорошо понимая, что от этой пушки сейчас зависит всё, скомандовал двоим бойцам занять место погибших.

Командир танка, проклиная все на свете, был вынужден послать стрелка-радиста наружу, под огонь русских, отцепить эти тросы, так мешающие ему. Пока остальные члены экипажа занимались дуэлью с большевистским орудием. Надеяться пришлось на себя, пехотинцы выпрыгнули из телеги, не обращая внимания на проблемы танкистов, ползли к русским окопам. Под прикрытием расчета своего ручного пулемета. Идиоты, в горячке боя решили показать чудеса героизма.

Раздались тихие хлопки ротных миномётов, по броне бессильно застучали мелкие осколки, мощность пятидесяти миллиметровых мин была слишком мала для пробития германской стали, но для солдат Вермахта вполне подходила. Да ещё начали работать два русских пулемёта. Так что удалось отцепить только один трос, русские пули сократили экипаж танка на одного человека, стрелок-радист лежал впереди танка в луже своей крови. Вдобавок башню потряс удар снаряда, повезло, попал в толстую плиту маски пушки и с противным визгом рикошетировал. У механика-водителя не выдержали нервы, он молниеносно вылез, добежал до горящего танка и скинул проклятый трос, со своей стороны это было не возможно. Взрывной волной заклинило петлю на корпусе, командир сперва хотел выругаться, но вместо этого радостно заорал, наконец-то танк свободен. Храбрый парень всё точно рассчитал, невидимый русским, из-за дыма горящего впереди танка, он отсоединил быстро трос и пригнувшись добежал до своего танка. Отработанным движением влетел на своё место и застыл.

Ветер сносил дым от второго подбитого танка, закрывая стоящего в связке напарника. Мешая наводчику экипажа вести огонь по русским. Карим видя это осмелел, начав выбивать пехоту очередями, одной длинной прошёлся по танкам, не давая возможности спастись экипажу подбитого Т-3. А потом и по по башне целого, едва видную из-за дыма, надеясь повредить приборы наведения, одной длинной очередью, патроны не было смысла беречь. И пара пуль попала в отчаянно храброго механика-водителя, которые уже мёртвый упал внутрь своего танка. Сидящие в башне не сразу увидели, как тот пытался остановить фонтаны крови на своей шее. Его руки лихорадочно пытались остановить стремительно уходящую из тела жизнь. Через несколько секунд он был мертв.

Карим не обращая внимания на пролетающие над головой пули, открыл огонь по бежавшей к берегу пехоте. Той группе оставалось сделать только пару шагов до песчаной полосы. Вслед, быстро двигались два танка, разбрасывая воду, словно корабли. Один из них остановился на секунду и выстрелил по пулемётной ячейке русских. Той, что за минуту, буквально выкосила всю немецкую пехоту, да ещё при поддержке миномётов. Султаны воды вздымались вверх от взрывов мин. Три стоящих на немецком берегу танка быстро

обнаружили место одного расчета русских, три снаряда, почти одновременно, уничтожили его. А заставить замолчать пулемёт не удалось, мешал невысокий бугорок. Но не двум Т-3, на том, русском берегу.

Политрук выругался, увидев как один из миномётных расчётов накрыло серией снарядов, на них у него были большие надежды. Тем более что с боеприпасами проблемы не было, поэтому в каждом было четыре человека, один стрелок и три поднощика мин. И теперь в работе остался только один расчет, зато парни решили отомстить за своих друзей. Пользуясь складками местности, не видимые танкистам, развили максимальную скорострельность. Стрелок завернул до края газовый кран и добился предельной дальности. Накрыв позицию немецких миномётов, засыпая дождём пятидесяти миллиметровых мин, не давая возможности поднять голову. Торопился, понимая что только это позволяет остальным держаться. Два пулемета не давали жизни солдатам Вермахта, не позволяя перейти реку. И пока они скрывались за тремя танками, не решаясь ступить на открытое пространство. И отсутствие поддержки пехоты сковывало те Т-3, что уже были на другой стороне. Наступать на позиции большевиков было довольно рискованно, можно было получить гранату под гусеницу или на крышу моторного отсека.

Старшина бил короткими очередями, в просветы между тремя стальными, угловатыми танками на противоположной стороне, выбивая одного за другим немцев. Он и лежащие рядом бойцы имели удобную позицию, в отличии от тех, двоих новенький, из последнего пополнения. Тем мешал невысокий бугорок, но и они успели дать жару, почти всех пехотинцев, перешедшие реку, уничтожили. Да ещё и танкистов достали, ни один не ушел. Ну это и понятно, с ленточным питанием, не то что ДП с его блином на сорок семь патронов. Только с той двухпудовой машинкой не побегаешь, пупок развяжется постоянно менять позицию, как и с Максимом.

И сейчас те ребята, из-за этого, пострадали, два танка обнаружили и открыли по ним огонь. Хотя и слабенькая пушка на танках, но несколько снарядов не шутка. Разметало там всё, торчит вверх ствол пулемёта, ветки, что служили для маскировки, разлетелись по сторонам. Большой вопрос, выжили они или нет. Пять взрывов почти срыли бугорок, что служил для них защитой. Но и немцы за это заплатили, сорокопятка вклепила одному в борт пару раз. Теперь стоит, разгорается потихоньку, а не надо было думать если пушка замолчала то можно поворачиваться к ней бортом. Не удалось выбить там весь расчет, к тому же командир послал в помощь бойцов. Заработало оружие вновь, вот только против него три с той стороны, с два с этой. Хотя один и в невыгодном положении, стоит из-за подбитого, дым очень мешает наводчику, а и сокращённый экипаж не даёт возможность нормально воевать.

Саня пришел в себя от того, что песок не давал нормально дышать, ещё и непонятно почему ничего не слышно, страшная тишина, от которой звенит в ушах. С трудом удалось высвободить руки из-под песка, потом и получилось сесть. Оглянувшись вокруг себя, вспомнил последние минуты, как его друг бьёт по смотровым щелям танка, который повернулся к ним мордой и выцеливает них, маленький отверстие пушки становится огромным, заслоняя собой весь мир. Вспомнил, как ухватившись за воротник дёргает Карима вниз, в глубину окопа, тот орёт, упирается и не выпускает из рук пулемётную рукоять. Непонятно откуда взялись силы и ему удастся оторвать друга и притянуть к себе. Не удержавшись на ногах падает назад, на спину, рядом орущий всякие ругательства и размахивающий руками Юсупов. Вспомнил, как вырастает огненный куст, точно перед

пулемётом, его тренога отделяется от вырытой ступеньки и медленно пролетает над головой. Выросли ещё несколько огненных кустов, взрывной волной поднимается огромное количество песка и всё обрушивается на Саню и его друга. И наступает звенящая, пронзительная тишина. Сидя, по пояс покрытый песком, с интересом наблюдает как на вершине, почти разрушенного бруствера, вырастают периодически песчаные фонтанчики. Любуясь увиденным, внезапно осознаёт что это красивое зрелище создают пули. По ним кто-то ведёт огонь, кто-то желает убить его, его и Карима!

Тишина разрывается на части грохотом взрывов, пулемётных очередей, сухим кашляньем винтовок, криками боли. Воспоминания заполняют весь разум и Матвеев выбирается из песка, стоя на коленях, как сумасшедший, разгребает землю, с той стороны где упал его друг. Руки быстро наткнулись на чёрную копну волос, лихорадочно копает дальше, пока голова его друг друга не появляется на свет. Ещё немного, ухватившись подмышки вытаскивает тело, засунув в рот другу палец, выбрасывает влажный от его слюны песок. Шарит по поясу, и обрадовано отстёгивает флягу, вода смывает всю грязь с лица Карима. Внезапно тот громко чихает, выбрасывая песок из носа, открывает глаза и непонимающим взглядом смотрит на друга. Пару секунд спустя начинает озираться и громким голосом спрашивает:—что, бой окончен? Почему так тихо? Где наш пулемёт? — пытается ещё что-то спросить и заходиться в судорожном кашле, выплёвывая песок из горла. Переворачивается, стоя на четвереньках продолжает кашлять, грязь вперемешку со слюной вылетают из рта. Опять переворачивается и сидя тянется к фляге. Споласкивает рот и вдруг ошалело смотрит на Саню- слышу!... немецкую мать! Слышу!

— пей! И не высовывай свою дурную башку! — Матвеев осторожно приподнявшись, сквозь остатки маскировки, взглянул на поле битвы, на реку, теперь это было возможно. От бугорока, закрывающего пулемётное гнездо, осталось несколько, неглубоких воронок. На другой стороне в воду медленно въезжал уже второй, из тех трёх, что стояли в ряд на берегу. Под прикрытием брони за ними двигалась пехота. Всё наступление прикрывало два танка с этой стороны, один, неподвижно стоящий, стрелял сквозь дым и много вреда от него не было. Зато второй стал точно напротив брода, как маяк для остальных немцев, прицельным огнём разносил вдребезги позиции красноармейцев, огрызался лишь ДП старшины. Старый вояка постоянно менять место, благодаря этому оставался жив. На месте второго миномёта находились три воронки. Периодически слышался звук выстрела мосинки, кто-то из отряда продолжал сопротивление. Самая ужасная картина была на позиции сорокопятки, пушка лежала на боку, лишившись одного колеса. В бронещите было видно несколько больших дыр, наводчик, отброшенный взрывом, лежал на спине и пытался привстать, опираясь на единственную руку. Остальные из его расчёта были мертвы, лишь двое красноармейцев пришедших на помощь подавали признаки жизни. Над одним стояла на коленях Голубкова и накладывала повязку на грудь бойца. Ей очень повезло, ветви низеньких кустарников закрывали от глаз немцев то место.

— Ну чего там? — спросил Карим, возвращая на пояс флягу.

— Раскатали немцы нас, как бог черепаху. Только старшина и политрук огрызаются. Пушка готова, а без этого нам кранты. Глянь что с пулемётом, может хоть пехоту проредим.

Юсупов потянул к себе пулемёт за переднюю лапу станка, установив его на дне полуразрушенного окопа. Попробовал перезарядить, взявшись за рычаг затвора, дёргнув пару раз, разочаровано произнес, — кина не будет, раму повело. Айда отсюда, к пушке, хоть винтовками разживёмся, без оружия сейчас что голый на паперти. Тут ловить нечего.

Матвеев согласно кивнул головой, вспомнил что его карабин стоял в углу окопа, покопавшись там наткнулся на ствол. С трудом удалось высвободить из плена осыпавшейся земли, выбить из механизма грязь и очистить магазин. В распоряжение было всего четыре патрона, где подсумок с боеприпасами было не ясно. Единственным выходом из ситуации осталось побыстрее добраться до оружейной позиции. Пока немцы уверены что тут нет выживших, не обращают внимание на разрушенную точку. Два друга осторожно вылезли из окопа, прижимаясь, прячась в складках местности быстро поползли. Между ними и пушкой находились низенькие кусты, лишь там остановились на секунду, что-бы перевести дыхание и осмотреться. Танки почти преодолели реку, не смотря на огонь ДП пехота уверенно наступала, пользуясь защитой брони. Стоящий на берегу танк всё ещё не успевал уничтожить пулемёт старшины. Тот, выпустив несколько очередей, моментально менял позицию, да и эффективность осколочно-фугасных снарядов пятидесяти миллиметровых орудий была низкой. Восстановив дыхание, парни добрались до бруствера окружающего оружейный дворик, перевалившись внутрь, занялись поиском оружия. Внезапно Саня остановился и спросил друга, — Ты вроде как говорил о взаимозаменяемости в твоей бывшей батарее? Если перевернём пушку сможешь наводить?

Ответ он слушал вместе с политруком, тот тоже дополз сюда, в надежде раздобыть патроны к своей винтовке.

— да без проблем! Только вы подносите снаряды, устроим прощальный бал гадам! — зловеще оскалился Юсупов.

Втроём, пригибаясь подбежали к лежащей на боку сорокопятке, под защитой щита, ухватившись кто за что, полутонную пушку вернули в нормальное положение. Политрук успел ногой подбить пустой ящик, вместо недостающего колеса. Маленькая пушка, стоя немного накриво, зашевелила стволом, вынюхивая себе подходящую жертву.

А в это же время, по железной дороге, проходящей поблизости реки пронёсся последний эшелон, которому повезло вырваться из Коломые, города, который немцы уже почти весь взяли под контроль. Добивая последних защитников, при этом неся тяжёлые потери. Русские словно взбесились, вместо того что-бы сдаться, они боролись до последней капли крови. Солдаты Вермахта озверели от такого и добивали всех раненых пленных, не щадя и местное население, если оно попадалось под руку. Но расчет советского командования полностью оправдался, немногочисленные заслоны задержали продвижение немцев, таким образом эвакуация прошла относительно успешно. Составы уходили на восток, не задерживаясь в Ровенской области, уходили в глубь страны, уходили рабочие руки. Ковать оружие для будущих побед, оружие мести за каждого, кто сейчас, своей жизнью платил за так необходимое время. Время для того, что-бы научиться воевать, по настоящему, разумом, которым больше не будет владеть теория Тухачевского-"малой кровью, на чужой земле, теория быстрого прорыва, тысячи лёгких, быстроходных танков". А пока Красная Армия, благодаря жизням бойцов, училась обороняться, училась перемалывать стальные клинья Германии. И за каждую свою ошибку платила дань европейскому учителю, огромными реками крови.

Голубкова поправила повязку раненому, молоденький паренёк, которого политрук дал ей в помощь, подхватил перевязаного и потащил в глубину леса. Унося подальше от поля битвы. Проводив парня взглядом, сквозь грохот пальбы, неожиданно услышала знакомые голоса. Раздвинула ветви кустарника и увидела своих друзей, стояли на коленях, согнувшись за щитом пушки. Рядом находился политрук, держащий в руках небольшой снаряд и готовый

подать его Сане, выполняющего роль заряжающего. Пока Карим вертел рукоятки наводки, прилипнув глазом к прицелу, вот от выпрямился и скомандовал — "Огонь!". Матвеев что-то нажал, пушка подпрыгнула, ударив звонким звуком по ушам. Из казёника вылетела дымящаяся гильза, и секунду спустя новый снаряд вброшен, сыто лязгнул механизм затвора. И опять сорокопятка подпрыгнула, на берегу реки в небо взметнулись густые клубы грязно-чёрного дыма.

Светлана как замороженная глядела на то, как ловко работают трое парней, слушая отрывистые команды Юсупова—"Огонь! Осколочный! Ещё один! Ещё! Бронебойный!"

Старшина опять сменил позицию, из двух коробок, с тремя блинами-магазина в каждой, осталось только полтора магазина. Ствол ДП уже начал дымиться, от интенсивной пальбы. Взглянув на кожаную петельку, приклёпаную сверху магазина, прикинул что осталось только половина, чуть больше двадцати патронов, и в последнем сорок семь, десяток минут боя максимум.

— Хорошо что заработала опять пушка, отсюда не видно, кто там стреляет, но это уже и не важно. Главное горит тот целый немецкий танк, тридцать миллиметров брони оказалось не достаточно. Два снаряда пробили лобовую без проблем, одним куском опасного железа у реки меньше. Вот только прут ещё три шпуки, за секунду, максимум две, выберутся на берег. И пехота за ними, отсюда видно, что злые как черти, ну и пускай злятся, сейчас мой ДП прибавит вам причин для того. — пробормотал себе под нос старшина, выцеливая тех немцев, кто нёс в руках пулемёт. Он отлично знал, что с его позиции больше не возможен отход в тыл. Между той группой кустарников, где он находится и лесом, открытое пространство, высунется и его сразу срежет очередь танкового пулемёта. Так что жить осталось ровно столько, сколько есть у него патронов.

— спешить больше не куда. Раз пришло время умереть, стоит взять с собой побольше эти гадов, а и на десерт для них в кармане лимонка. Подавятся немцы, подавятся. Ох и хорошо ребята влупили гадам, точнёхонько за вторым танком, осколочный снарядом, в самую гущу пехотинцев, разлетелись вдребезги. Молодцы! Так этим падлам и надо, жаль что тех двоих, новеньких, накрыли. Сейчас бы из той швейной машинки, да длинной очередью пройти, — думал старшина в последние секунды своей жизни.

Налетевший порыв ветра отнёс в сторону клубы дыма, неполный экипаж Т-3 успел воспользоваться этим, наводчик обрадовался возможности и снаряд пушки уничтожил одинокого русского пулемётчика. Но и сам вскоре взвыл от страшной боли в груди, проклятая пушка большевиков тоже не преминула использовать порыв ветра. С двух сотен метров сорокопятка прошила маску пушки, внутрь башни танка влетел град осколков, уничтожая на своём пути последних троих членов экипажа, поджигая всё что могло гореть.

Разъяренный Отто, командир сводного отряда, не мог поверить своим глазам. На том проклятом берегу в небо вздымались шесть столбов дыма, всюду лежали трупы доблестных солдат Вермахта. Почти сотня мёртвых, не считая сколько раненых. Такое простое задание, перейти в брод реку и ударить в тыл русским, было провалено. Офицер не находил себе места от злости, десять новеньких танков, свыше трёх сотен пехотинцев, батарея миномётов, вместе представляли невероятно мощную группу. Пятьдесят метров реки в учёт почти и не брали, таких рек пройдено десятки. Тем более, что по данным разведки тут находился маленький отряд, который не представлял какой-либо серьёзной угрозы. Поляки, бельгийцы, французы давно уже бежали бы, при одном виде такой силы надвигающейся на них. Бежали все, всегда, везде, но не эти сумасшедшие русские. Одно, единственное орудие спутало все

карты, поэтому они должны быть уничтожены. Обернувшись к адъютанту Отто отдал приказ, батарею миномётов перепахать позицию русской пушки, — Там не должно остаться ничего! Меня не интересует ваши потери в расчётах! Засыпьте минами каждый метр!

Даже если и от русского отряда не останется никого, о дальнейшем продвижении можно будет забыть. Пока не получит подкрепление, его сводная группа не боеспособна, и будет вынуждена оставаться на месте.

— Бронебойный! — заорал Карим, наводя орудие на ползущий по берегу танк.

Политрук и Саня безуспешно переворачивали лежащие вокруг ящики, вскрывая каждый. Как на зло, из всех сложенных на этой позиции снарядов, остались лишь осколочно-фугасные. Возможно что на старом месте ещё остались, но для этого следовало преодолеть всего семьдесят метров, открытого всем пулям пространства.

Оглянувшись по сторонам политрук, не дал возможности двоим своим бойцам открыть рот, — продолжайте вести огонь осколочными, я быстро!-и прижимаясь к земле, быстро пополз, не обращая внимания ни на что. Он понимал, в нынешнем положении рисковать смеет только он, его жизнь теперь разменная монета, плата за каждую секунду необходимую для эвакуации. Да и те двое, из пополнения, рано обрадовались тому что выжили, они ещё дышат, двигаются, горячая кровь струится телом, но они уже мертвы. Его отряда больше нет, те двое существуют лишь для того что-бы отомстить за погибших.

Перевалившись через бруствер, на секунду остановился, разглядывая всё вокруг, открывая крышку каждого ящика, где же находится с бронебойными снарядами, достаточно и одного. Большой вопрос, успеют ли и его потратить, немецкие пехотинцы двигаются в обход, вопрос времени когда они подойдут с фланга. А там они просто забросают позицию гранатами, стандартный приём, ничего нового. Вот и ящик, всего три снаряда, но и этого будет достаточно, — думал командир маленького отряда. Улыбнувшись при виде находки, на прощание окинул пустую позицию и потащил заветные снаряды.

Голубкова услышала противный свист, невдалеке, за спиной выросли четыре огненных куста. Над головой прожужжали осколки, перерубая ветви молодой берёзки, на голову посыпалась листва. Испугавшись, впервые за всё время боя, упала на четвереньки, поправила ремень автомата и через минуту добралась до своих друзей. Саня обернулся и на мгновение удивлённо смотрел на девушку, после сообразил что к чему, скомандовал, — подавай снаряды, все подряд!

Страх моментально исчез, ухватившись за тяжёлый, деревянный ящик подтащила поближе к Матвееву и разгребая тёплые ещё гильзы, ухватилась за следующий.

Карим, проклиная все на свете, старался сбить гусеницу танку обычным осколочным, единственное что удалось, так это сбить два запасных катка для ходовой части. Немцы умело использовали любую возможность, что-бы усилить те тридцать миллиметров лобовой брони, отделяющей экипаж от смерти. Четыре снаряда разорвались, не нанеся почти никаких повреждений. Пострадало только два пехотинца, да и то из-за того что находились поблизости. Почти полностью потерял надежду, продолжая держать в прицеле проклятую гусеницу, вдруг в сознание ворвался крик Сани, — Бронебойный!

И через пару секунд Т-3, преодолевший почти половину расстояние до пушки, остановился. Снаряд пробил лобовую броню, как тонкий лист бумаги. Карим довольный результатом, не обращая внимания на застучавшие по щиту пушки осколки, скомандовал! — Ещё!

И следующий снаряд попал почти в то же место, добивая выживших в стальной коробке.

После крик Сани, — последний! Больше бронебойных нет! — звук затвора пушки подтвердил его слова.

Юсупов обернулся, друг склонился над почти пустым ящиком, доставая очередной снаряд, осколочно-фугасный. Поднял взгляд, побелел, на бруствере оружейного дворика лежал политрук, ему удалось перебросить ящик с тремя снарядами внутрь. Из последних сил, пулемётная очередь одного из танков почти перерезала его наполовину. Голубкова, не осознавая ещё, что политрук уже мёртв, тянула его за руку, безуспешно пытаясь спрятать от летящих над ними пуль. Трофейный автомат постоянно сползал со спины, мешая девушке, она отбрасывала его назад, не замечая тяжести железа.

Безжизненное тело периодически вздрагивало, немецкие пехотинцы, не в силах пробить щит пушки, открыли издали бешеную пальбу по командиру. Мины падали повсюду, вокруг маленькой, одинокой сорокопятки. Карим слышал как визжат осколки, взрывы накладывались один на другой. Трое друзей были живы благодаря глубоком окопу, в котором находилось орудие и широком, земляном бруствере, высотой с пол метра. Земляной вал, идущий полукругом, поглощал всё смертельное железо.

Но везение не в силах бороться с законами вероятности, немецкий корректировщик дал дополнительную поправку. Четыре трубы, опираясь на чужую землю, почти одновременно выплюнули из себя смерть. В небо полетели мины, пытаясь побороть земное притяжение, а потом, словно передумали, изменив направление, устремились вниз. Первый взрыв, на середине широкого бруствера, отбросил молодую медсестру к орудию, точно между станины, спиной на горячие, дымящейся, снарядные гильзы. В ту же секунду сорокопятка послала в вражеский танк последний, бронебойный снаряд, металлическая болванка легко пробила броню. Вместе с куском отколотой изнутри стали разорвала заряжающего, ударила в капсулу осколочно-фугасного снаряда. Осколочно-фугасный снаряд, который немец держал в своих руках, собираясь зарядить пушку.

Берег реки потряс взрыв, в небо, на высоту почти пять метров, взлетела башня Т-3, из корпуса повалил чёрный дым, пачкая собой синеву летнего неба.

Два боевых товарища, Саня и Карим стояли на коленях, словно на молитве, молитве богу войны, прячась за щитом маленькой пушки, которая мгновенье назад, уничтожила очередную цель. Из казёника вылетела гильза, упав на живот лежащей на земле Голубковой. Вслед за гильзой, на расстоянии пару метров в песок вонзились две мины, восемьдесят один миллиметровых. Ещё одна зарылась в бруствер, точно перед стволом сорокопятки. Три огненных куста выросли на последней позиции маленького отряда. Рой осколков ударил Матвеева в спину, разрывая мокрую от зноя гимнастёрку, рассекая кожу на своём пути. Двигаясь со страшной силой и скоростью, хаотично вращаясь, раскалённый, чешский чугун, из которого был изготовлен корпус мины, пробил тело насквозь. Молодое сердце, в последний раз сжалось, посылая кровь в рассечённые артерии, сжалось и остановилось.

Немецкий командир заорал от радости, позиция, проклятой, большевистской пушки, потонула в серии взрывов. Наконец пришел конец этому фанатичному расчёту противотанкового орудия, который натворил столько бед. Эти дикие животные даже в последнем мгновенье, своей никчёмной жизни успели больно укусить. Из двух танковых взводов, приданных для усиления отряда, остался только один целый Т-3. А сколько погибших в ряд пехотинцев, прошедших без каких-либо проблем Францию, Польшу и Югославию, страшно представить. Доблестные солдаты, цвет Германии, надежда великого Фюрера, остались лежать на берегу этой реки. Наполняя своей кровью мутную, после

взрывов снарядов, воду. Отто, с горящими от возбуждения глазами, наслаждался видению огненной стихии. Наслаждался словно видел великие дела художников Германии, сумрачных гениев его народа. Наслаждался самой смерти. В том аду, что создала миномётная батарея, ни у кого на целом свете, выжить шансов не было.

Немец орал от радости, сейчас сама судьба на его стороне, даже та три взрыва выглядят не обычно, прекрасные, огромные, словно не мина, а гаубичные или мортирные снаряды упали там. Огромное облако, на русской позиции, поднятой в воздух земли, вперемешку с дымом, что может быть лучше для получения удовольствия на войне.

Сердце сжалось, сжалось и замолчало, смертельное, холодное молчание стремительно расширяло свои владения. Абсолютное молчание, ледяная тишина добралось и кожаного ремешка с крохотным, бирюзовым камушком. Тишина вошла сквозь границу граней камня и разрушила спокойную жизнь необычного образования, полуживого кристалла. Живущего на тонкой грани, между этой реальностью и хаотичными реками энергии самого мироздания. Полуразумное создание, звук, единственное что держало его в этом камне. Столетиями слушало ритмическую песнь жизни, разную по силе, частоте, но всегда она несла в себе тепло человеческой души. Иногда наступала короткая пауза в прекрасной музыке, а потом опять продолжалась, изменённая, но легко узнаваемая. А сейчас, вдруг наступила тишина, оглушительная, страшная, ритм резко оборвался. Стало очень грустно и больно, больно за сердце, что дарило ему тёплые, добрые звуки. Слушая которые так приятно спать за гранями камня. И теперь всё остановилось, тот кто пел почему-то остановился и молчит. Из-за этого стало холодно, морозное дыхание смерти вокруг. Существо впервые почувствовало страх, грани камня не являются более надёжным барьером. Но оно внезапно услышало зов, где-то далеко, в реках энергии вселенной есть тепло. Согревающий огонёк, манящий к себе, но не хватает сил, что-бы отправиться в путь. Надо найти тут, где оно находится, немного тепла. Сердце, молчащее, оно в состоянии дать сил своей песней. Надо только вернуться немного назад, расширив барьер камня, внутри время подвластно существу.

В клубах дыма, огня, накрывших позицию сорокопятки загорелась маленькая искорка, стремительно выросшая в размере. Скрывая в себе всё до чего дотронулась.

Чугунные осколки, пробившие Матвеева, замерли в воздухе, окружённые множеством мелких кровавых росинок, вырванных из тела. Остановились на мгновение и устремились назад, время потекло вспять. Вот они исчезли в груди, разорванные ключья гимнастёрки начали складываться в прежние плетение, дыры исчезли. Следом тело отброшенное взрывом на щит пушки вернулось в прежнее положение и из его спины вылетели осколки. И из виска Карима, живота Голубковой также двинулись назад чугунные части корпуса мины. Раны затянулись, ни осталось и следа. Рой осколков начал собираться в единую структуру, продолжая двигаться назад. Выйдя за границу свечения искорки остановились, покрыв поверхность бирюзового шара. В его центре тишина была прервана ударом ожившего сердца, всего одним. Время внутри остановилось, и в следующее мгновенье он внезапно исчез, оставив на поверхности земли полукруглый котлован диаметром в шесть метров. Атмосфера, не терпящая пустоты в своих владениях схлопнулась со страшной силой. Взрыв разметал все следы, уничтожив полностью пустой оружейный дворик. Разметав в стороны земляной вал, снарядные ящики, гильзы. От позиции маленькой пушки ничего не осталось. Огромное облако земли и песка взлетело в воздух, основательно напугав всех немцев.

От отряда, под командованием политрука, на Земле выжило лишь четверо, из тридцати трёх бойцов. Один помощник Голубковой и три раненых парня. Которым удалось

воспользоваться заминкой на берегу, добраться до окопов следующего рубежа обороны Красной Армии. И сообщить хмурому старшему лейтенанту о том, что отряда больше нет. О том, что его друг, политрук, вместе со своими солдатами, страшной ценой, задержал продвижение врага. Рассказали о берегу той реки, усеянным немецкими телами, обгорелыми, угловатыми, стальными коробками на гусеницах. Ни один немецкий танк, после этого, восстановлению не подлежал. Подразделение Вермахта лишилось половины личного состава, выжившие, при захвате брода, никогда больше не называло русских варварами. Да и совершенно по другому смотрели на восточную компанию и своего Фюрера. "Если это начало, то что ждёт дальше."-сомнения начали грызть каждого изнутри.

На большой, лесной поляне, обильно покрытой низким кустарником, пыхтел, как старинный паравоз, здоровенный ёж. Найденный червяк оказался слишком маленьким, голод и дальше давал о себе знать. Недовольный сегодняшним утром, семенил на другой край, тут, как на зло, все вкусные личинки и жучки куда-то пропали. Топал, сердитый на всё, по давно знакомой тропинке, пока не уткнулся в огромную кучу земли, пахнущую очень необычно. Так как колючий толстячок, врагов в своей жизни пока не встречал, то и не кому было вылечить его, от чрезмерного любопытства. Перебирая своими маленькими лапками, по рыхлой земле, он ринулся осваивать неизведанное. Перелезая через какие-то круглые, гладкие предметы, ужасно воняющие, вдоль идеально ровного и твёрдого бревна, добрался до желтеющей копны очень тонкой травы. Обычно в таком переплетении прятались вкусные жуки, надо только всё хорошенько обнюхать. Неторопливо разгребая чудную траву, старательно работал носом. Пока не остановился, огорошенный громким звуком, раздавшимся рядом.

"— Матвеев! Ты совсем обнаглел, отодвинься и сопи в другую сторону! А не мне в ухо!"

Саня с закрытыми глазами слушал возмущённый голос, ничего не понимая. Где он, что происходит, почему всё тело затекло, как деревянное, откуда такая уверенность что он мёртв? Мертвый? Но ведь он дышит, слышит, слышит! — внезапно паника овладела парнем;- Не слышно ничего особенного! Война! Да, он на войне! Где звук выстрелов, где лязг гусениц танков, где предсмертные крики умирающих солдат? Только щебетание птиц, да ещё кто-то сопит, пыхтит недовольно. Надо собраться, попробовать поднять веки, такие тяжёлые, словно свинцовые, взглянуть вокруг.

С большим трудом удалось приоткрыть веки, яркий, солнечный свет заглянул в глаза, не обращая внимания на ресницы, защекотал так, что в носу заработали нервные окончания. Саня не выдержал и громко чихнул, с этого момента по целому телу прошла какая-то волна, оно начало оживать. Вернулось ощущение каждой части, как-будто сотни, тысячи маленьких иголок поселилось в каждой клетке кожи, мышц. Но это только радовало парня, теперь он был уверен-"Я жив! Жив, чёрт побери!"

Прояснилось в глазах, пока ещё не удалось восстановить контроль над телом, но зато он увидел как Карим сидит на земле, прислонившись на колесо сорокопятки. Головой упёрся в угол щита пушки и покрышки, но главное видно по носу что он дышит, значит и он жив-"Слава всем Богам! Этот прощельга жив!". Его радость было прервана голосом Голубковой, которая почти пришла в себя, сумев отреагировать на громкий сих.-На здоровье!

— Спасибо! — ответил Саня, хриплым, тихим голосом, — а ты чего на земле разлеглась?

— Я на земле? Вот это новость! — девушка, не открывая глаз, провела ладонью по земле, — Обалдеть! Действительно земля, только зачем, сама не знаю. А чего так тихо? Где

все подевались? — спросила Светлана и открыв глаза уставилась на белые, пушистые облака, проплывающие по голубому небосклону.

Матвееву наконец удалось пошевелиться, выпрямить спину, да и оглядеться. Опорой ему служило колесо орудия, когда он успел наклониться на него было не ясно. Но самое большое недоумении вызвала окружающая природа. Оказалось что он с друзьями и пушкой находится на куче земли, возвышавшейся над остальной местностью, словно маленький, идеально круглый холм. Дальнейшие действия прервал его друг, к которому вернулось сознание. Резко повернулся и став, согнувшись за щитом, прилип к прицелу, ухватившись руками за маховики наводки;-Снаряд! Быстро!

Друзья глядя на него сперва хотели засмеяться, но нахлынули воспоминания и стало не до смеха. Юсупов в недоумении смотрел сквозь прицел, вместо берега реки, с ненавистными немцами, серого цвета формой, выделяющиеся на фоне песка, видел зелёную стену матёрого леса.

— Я не понял! Где танки, фрицы, река где? Что происходит? — оторвавшись от прицела спросил друзей;- Голубкова, ты чего, совсем рехнулись? Легла на пути казённика, долбанёт откатом и пиши пропало!

Женская натура моментально дала о себе знать, — ну и в кого ты стрелять собрался? В бабочек? Или в этот мешок с иголками?;-ехидно спросила Карима, аккуратно отодвигая от себя наглое, здорового ежа. Который из-за своего неисправимого любопытства продолжал сидеть рядом с ней. Видя такое неучтивое отношение к своей персоне колючий толстячок недовольно фыркнул и побрёл вниз, подальше от этой кучи земли, тем более что едой тут и не пахло.

Юсупов проводил взглядом ежа, неспешно ищущего вдоль станины и сообщил очередную новость, — вообще-то я из него стрелять воздержался, вы гляньте, что от станин осталось, половины вместе с опорными лапами нет. Вообще нет, как ножом отрезало, попробуешь пальнуть и отдачей пушку перевернёт.

Саня почувствовал что вернулись силы и решился встать, придерживаясь руками за щит пушки. Вокруг кучи земли, контрастно выделявшиеся от окружающего мира, был большой луг, с трёх сторон окружённый лесом. Росший рядом куст, своими молодыми листьями говорил что до середины лета ещё далеко. Да и остальная растительность буквально вопила о том же. Для него, жившего с природой в гармонии, это было настоящим шоком. По не до конца сформированным листьям и молодым луговым цветам можно было с уверенностью сказать что сейчас вторая половина весны, да и значительно южнее относительно Западной Украины. Его друзья ни чего не понимали, ведь они были городскими и для них особой разницы между прежним местом и этим почти не было.

А поведение, обычно очень осторожного животного, ежа, вообще не лезли ни в какие рамки. Такое впечатление, что он впервые в жизни увидел людей, не подавал и малейшего намека на страх. Но ведь кроме людей должны быть и крупные животные, для которых он добыча, пусть и трудная, но добыча. Этот колючий, по всей логике должен был дать дёру, а не сидеть рядом и разглядывать своими подслеповатыми бусинками-глазами них. Дальнейшие размышления прервал насмешливый голос друга.

— Ёж птица гордая, пока пендель не получит, не полетит. — начал Юсупов;-но хрен с ним. Я ребята так пить хочу что и пожевать чего-то не отказался. А о том где переночевать и вспоминать страшно, но перед этим не плохо бы жаркое, от того огромного, толстого и наглое зайца. Вон, на кочке кабаняря сидит, чего-то жрёт зараза, вылупился на нас, как на

представление какое.

Последние замечание своего товарища Саню привело в абсолютное непонимание, ладно ёж, но заяц, тот должен бежать без оглядки от неизвестного. Кроме поведения отдельно возник вопрос, если сейчас, по всем признакам, вторая половина весны, то когда же длинноухий успел нагулять такую ряху. К тому же таких размеров Матвеев не видал в жизни, даже и не слышал в хвалебных рассказах охотников, врущих как рыбаки.

Хлопнул ладонями, в надежде испугать зайца. Тот, продолжая неторопливо жевать какой-то корешок, лишь повернул свою голову немного набок, продолжая наблюдать за людьми. Это разозлило парня, и через секунду в ушастого полетел комок земли, ударившись в метре от кочки. Заяц перестал жевать, почесался, повернулся к друзьям своим толстым задом, неторопливо, без всякой спешки, скрылся в густой траве.

Светлана задумчиво глядела на происшествие, озираясь вокруг и в конце концов выдала то, что оба парня боялись произнести, — не знаю где мы, Но одно могу сказать точно—"Мы не на войне ребята! Мы хрен знает где! Тут людей нет вообще!"

Чем вызвала у Карима тихий страх, если тут нет людей, то и нет его любимых железных игрушек. Влюбленный в механику, не представлял себе, как можно жить без этого. Что-бы хоть как-то компенсировать такое положение дел предложил осмотреть весь бугорок, на котором они находились. — раз так, то нам нужно оружие, сорокопятка не считается, бобик был хорош, но он здох. Свет, где твой автомат?

Спустя десяток минут трое друзей стояли, разглядывая весь небогатый арсенал, который был в наличии. Один МП-40, три магазина к нему, парабеллум и винтовка Мосина, с запасными шестью обоймами. К тому же у последней был расколот приклад, в трещине торчал небольшой кусок чугунного корпуса мины. Последние прощай от трудолюбивых работников Чехо-Словакии. Которые по качеству и старательности переплюнули трудящихся фирмы Крупп.

Саня взял винтовку и попытался вынуть осколок, расшатывая его, в результате отколотый кусок дерева отвалился, — вот зараза, теперь только с руки стрелять, о прицеливании можно забыть.

— сам виноват, неча своими грабулями тонкую работу делать. Дай сюда, может выйдет чего, попробую поправить. Лучше бы занялся поиском воды, помрём тут от жажды, до того как с голодухи траву есть не начнём.

Пока парни выясняли что делать с винтовкой Светлана спустилась с кучи грунта и носком сапога раскопала маленькую ямку. — ребят, вы гляньте, земля то без песка, чернозем сплошной. А наша куча наполовину из ила и песка состоит, чудно всё это. — после согнувшись принялась тянуть какой-то ремень, присыпанный землёй;-помогли бы девушке, балаболы.

Через пару минут появилась котомка, все трое друзей обрадовались находке. Светлана развязав тесёмки вытряхнула содержимое и разочарованно вздохнула. Пустой, с вмятинами по и бокам, котелок, обмотанный портянками и кисет с махоркой и больше ничего.

Даа, а я раскатал губу, консервы, крупа, чай, фляга с спиртом внутри. Ладно, вы тут ещё покопайтесь, а я пройду краем леса, слишком много вопросов и непоняток. А и воду надо срочно искать, Карим прав, это без харчей ещё немного протянем. Пока я пробегусь вы гильзы снарядные собирайте. Если песком изнутри пройти можно вместо фляги использовать, какая-никакая замена, выбирать не из чего. — скомандовал Матвеев и зашагал к кромке леса.

По пути приметил, как буйствует растительность, суша не заглядывает в это место. Воды точно хватает, главное теперь найти какой-то овраг, проверить внизу землю. Если влажная, то и родник где-то поблизости, а это решает первый вопрос. По старой привычке, шагал очень аккуратно, стараясь не оставлять хорошо читаемых следов. Немного мешал пистолет, из-за отсутствия кобуры, засунутый за пояс позади. Добравшись до начала смешанного леса, отметил, что тут почти половина деревьев матёрые дубы. На земле лежал толстый слой старой листвы, как какой-то ковёр, сквозь который пробивалась изумрудная трава. Поднял с земли сухую ветку и осторожно разгрёб листву покрывающую маленький бугорок. И обрадовался, показалась красивая шляпка белого гриба, такого знакомого с детства. Облегчённо вздохнул, тень голода больше не маячила над душой. Жаль что не понёс с собой котомку, рядом с этим знакомым, он нашел ещё много его копий. Достаточно что-бы прокормить сегодня друзей. С приподнятым настроением двинулся дальше, через пару минут остановился и обнаружил какие-то следы, приглядевшись в них улыбнулся. Тут недавно побывала семья кабанов, мохнатая маманя приводила свой выводок сюда, почти все жёлуди подчистили из под дерева.

Пока Матвеев обследовал лес Карим открутил прицел с пушки и вручил его Светлане, — вот, вместо бинокли, теперь ты у нас наблюдатель, гордись.

— а чего я, мог бы и сам, ты к нему привычнее.

— не спорь женщина! У меня и так забот полно, а рук только две. Приклад починить, резину с колёс срезать, все полезные железяки открутить.

— да ладно тебе Карим, работай себе на здоровье, раз уж такой занятой, — ответила Голубкова, усаживаясь на казённик орудия, что-бы встать через минуту. Оказалось что щиток, отражатель гильз, со стороны заряжающего очень полезная вещь и его можно без проблем отломать.

— ну и зачем тебе эта хренотень?

— нет в тебе Голубкова даже намёка на хозяйственность, это же готовая сковорода. И с колеса слезай! Сейчас резину скидывать буду, готовая подошва для обуви, кто знает, сколько сапоги выдержат. И не криви нос, иначе будешь в лаптях рассекать. Погляди пожалуйста, своим зорким глазом, где там наш голубь сизокрылый, Саньки уже два часа нет.

А Матвеев, выбрав самое высокое дерево решил взобраться и осмотреть местность с высоты. Подпрыгнул, ухватившись за нижний сук, подтянулся и через секунду стоял прижавшись к стволу. Дальше легко, без проблем, перебираясь с одной на другую толстую ветку, поднялся к самому верху. И пока взбирался ощутил как что-то царапнуло грудь. Усевшись поудобнее, расстегнул ворот гимнастёрки и в недоумении уставился на бирюзовый камушек, раньше вплетённый в кожаный ремешок. Камень очень изменился, исчезли грани, он вырос в размере и превратился в продолговатую, немного согнутую фасолину, да ещё и в кожаный ремешок вплёл множество тонких нитей бирюзового цвета. Попробовал снять с шеи дедов оберег, но ничего не вышло, медные крючки на краях ремня слились в единую, необычную структуру, того же цвета как и камень. Даже через голову не удалось его снять, что совсем обескуражило парня. Секунду назад оберег свободно болтался на шее, а теперь вдруг сжался, словно не желая расставаться с Саней. Продвинувшись к солнцу, что-бы хорошо разглядеть изменения, обнаружил что камень начал менять цвет. Прокрутив руками его вокруг шеи задумался, тот начинал ярко сверкать, когда поворачивал его в одном направлении. На ум пришел компас, доставшийся когда-то ему в наследство от покойного поляка Кшиштовского. Оберег вёл себя как стрелка, показывающая одно и тоже

направление. Поэкспериментировал ещё пару раз, вспомнил что говорил дед когда-то. Мол этот камень имеет душу, мол он маленький осколок от большого. Это ему рассказал прадед, о котором дед не охотно вспоминал, говорил что там под вопросом очень важная тайна. Тайна спасения, после смерти рода людского, лишь немногие волхвы знают о том. Да и то дед рассказал лишь перед самой смертью, наказав ему о том никому не говорить, кроме своего внука. Саня пообещал это деду, хотя самому всё это выглядело странно, сам то он был мальцом беззаботным и хотелось засмеяться, при упоминании будущего внука. Но серьезное выражение лица деда развеяло желание моментально.

Пытался вспомнить, что же ещё говорил дед, но ничего на ум так и не пришло. Ругая себя, за невнимательность и легкомыслие в детстве, Саня, спустившись с дерева, отправился к куче земли, на которой находилась покалеченная сорокопятка и его друзья. Неожиданное открытие породило вопрос, который лучше решать вместе с друзьями. Но только о странном поведении камня, о том откуда он и о тайне, разговора не будет. Своё обещание, данное деду он не забыл, только своему внуку можно, если получится дожить до того.

А пока надо разведать ту рошу, что увидел с верхушки дерева, до туда километра три. Вдоль идёт ряд густой растительности, напоминая прибрежные заросли камыша, а это отчётливый признак воды.

— наконец-то, мы уже волноваться начали, тебя больше двух часов не было. Думали тебя волки в лесу схарчили, ты же с одним только зайцем в дебри пошёл. — поприветствовал пропажу Карим. — Нашел чего полезного? Обычную, чистую воду например, а то умираем тут от жажды. Сидим на солнцепёке, скоро высохнем совсем, как танка.

Саня улыбнулся, понимая что его друг с помощью ворчания скрывает свою озабоченность, — есть одно место, час пешкодралом, очень похоже на берег какого-то водоёма, ну или болота. Вроде как камыш там, даже если и не найдётся воды я из корня сок выдавлю, его процедим, прокипятим и можно пить. Но надо топать туда вместе, не стоит разделяться нам в незнакомой местности. Судя по солнцу, сейчас где-то середина дня, успеем смотаться туда и обратно. А в лесу я грибы обнаружил, белые, поджарить секундное дело, голодными не останемся. И ещё следы диких свиней видел, так-что и мясо где-то рядом.

Светлана, слушая друзей, складывала пустые, снаряжные гильзы в котомку. Пока Юсупов вырезал пробки, из крышки колеса, она драила внутренность песком, стараясь очистить от пороховой гари. И к возвращению Матвеева удалось подготовить семь сосудов для воды, жалких подобий обычных фляг. Но в том положении, в котором они оказались, выбор был ограничен.

Спустя пять минут, припрятав то мало вещей, что нашли на куче земли, отправились на поиски воды. Саня двигался впереди, закинув котомку на плечо, вооружившись винтовкой, пистолет отдав Голубковой. Рассудив что каждый из его друзей должен быть вооружён. Через двадцать минут вспомнил слова своего товарища, продолжая шагать, спросил, — эт на какого ты зайца мыслил?

— да на пистоль, у него затвор скачет забавно, вверх, вниз, как ноги и зайца. Ты дурилка, отправился с ним в лес, с восемью патронами, вообще с головой не дружишь. А если бы на волков или кабанов налетел? Ты пулями ентими тока пощекотать смог, перед своей смертью. Впредь без винтовки, в незнакомую местность, не лезь. Чего ржош как конь? Думаешь я о тебе забочусь? Или о себе? Бери выше, я, как настоящий мужчина, думаю о нашей единственной даме. Мы с ней городские, к жизни в природе не привычные, в отличии

от тебя олуха. Пропадёшь сам и нам кранты, так что прежде чем лезть куда-то, башкой своей думай. — найдя поддержку, со стороны Голубковой, следующие пол часа Карим занимался воспитанием своего товарища.

Не доходя пол километра до роши, все остановились, разглядывая заросли камыша, идущего линией впереди деревьев. Всё было похоже на маленькую речку, подобной той, у которой когда-то стояло немецкое инженерное подразделение. Но тут, кроме них, никого не было, не надо больше прятаться, с тревогой ожидая, что в наказание, за любую ошибку, может прилететь рой злых пуль, оборвав в мгновение жизнь. Осмотр ничего не дал, ничего угрожающего обнаружить не удалось. Но всё равно друзья не расслаблялись, сняв с предохранителя оружие, осторожно приблизились к чистому от камыша участку. Зеркальная гладь воды манила к себе, перед ними находилась маленькая речка. Шириной всего шесть, семь метров, с очень медленным течением.

— спокойно как тут, прям курорт, — нарушила тишину Светлана.

— вот это меня и беспокоит, природа вокруг как в сказке. Так не бывает, вроде всё на месте, растительность, животные, вот и речка, как на заказ. Но опять на душе не спокойно, — с тревогой оглядываясь сказал Саня.

Карим, привыкший за тот короткий срок дружбы доверять чувствам товарища спросил, — ты у нас лесной житель, тебе виднее, но ты хоть намекни чего тут у тебя беспокойство вызывает. Вроде как всё мирно.

— ну как тебе сказать, мирно да, но не природно всё выглядит, не встречал ещё уголка без какой-либо трудности, нет тут мелких жизненных огрехов. Как будто чего-то не хватает, сухостоя там, следов от животных на берегу мало. А тут очень удобное место для водопоя. Словно кто-то не доделал до конца это всё вокруг, или делал из того что имел. Нет привычного разнообразия, вот что меня тревожит ребята, не бывает так. Это же дикая природа, а не какие-то парк, искусственно все выглядит, натянуто.

— вы умники и дальше выясняйте, что и как, а я пить хочу! — оборвала ребят Светлана и решительно шагнула к берегу, присела и набрав в ладони воды с наслаждением выпила, не обращая внимания на возгласы ребят, — вода как вода, нормальная. Чего вылупились? Параноики несчастные! Чистая вода, прозрачная, даже рыба отсюда видна.

— рыба? — не доверчиво уточнил голодный Карим. И жалостно, словно кот попрошайка взглянул на своего друга, — рыба! Большая и вкусная наверное. Запечь в глине, объедение просто. Я глину буду искать, а ты Саня лови как знаешь и умеешь. Иначе мы тебя съедим! Хотя и худеющий ты, мяса на тебе мало.

Матвеев наконец сдался, рассудив что раз есть рыба, то можно о не думать о отраве. Напившись от души, вручил гильзы Голубковой. — хрен с вами. Пока буду ловить рыбу, попробуй ещё немного наши фляги отмыть. Воняют на порох страшно, может вода из-за этого испортится. Карим дай свой нож, чего чего? Острогу буду делать! Ты же сам, проглот, хотел большую.

Выбрав росшую неподалёку осину, перерубил тонкий ствол и срезал все ветки и верхушку. В итоге получился ровный, трёх метровый шест. Аккуратно сделал надрезы, до половины диаметра, длиной чуть больше пол метра. После отрезал от одной ветки кусок, заточил его верх как карандаш. С других веток осторожно содрал кору, распустив на полосы, шириной с палец. Завязал у основания надреза одну из полосок и обернулся к Светлане, — придержи пожалуйста на минуту острогу.

Взял в руку наточенный кусок ветки, приставил точно по центру шеста и надавил.

Разрезанные на четыре части край расширился, удовлетворённый результатом, принялся постукивать легонько ручкой ножа по карандашу. Через несколько минут один конец разделился, но только на три четверти надреза, дальше не позволила намотанная полоска. Оставив внутри шеста карандаш, как клин, обмотал то место ещё несколькими полосками.

— ну ты и мастер, охренеть, не ожидала что обыкновенная острога так делается, целая наука, — удивлённо сказала Голубкова, наблюдая как ловко Саня заточил четыре края, — да с таким оружием и воевать можно, не только рыбу из реки доставать.

Следующий час она ходила по берегу, и отбрасывала подальше пойманную рыбу. Матвеев медленно двигался вверх по течению, погрузившись чуть выше колен в воду. В душе проснулся охотник, с азартом работал острогой, такого обилия рыбы он никогда не видел и мог спокойно выбирать. Поэтому на берег летели невероятно огромные окуни.

— хватит, эта морда казанская лопнет от столько еды, вылазь на берег, сама я всю рыбу не донесу. Больше двадцати штук набил, достаточно. Пойду и этого охламона приведу, пускай и он таскает, если хочет жрать.

Через час, трое друзей сидели у небольшого костра, наконец сытые и наслаждались мирной жизнью. Болтая не очём, старательно обходя произошедшие события и полную неизвестность будущего.

— а где ночевать будем ребята? Неохота торчать возле пушки, слишком открытое пространство. Скоро вечер, шевелите мозгами пока есть время, — нарушила тишину Светлана, а потом обратила своё внимание на чудное поведение друга, — Ты чего Карим кости собираешь? Опять голодный?

— отстань женщина, ничего не понимаешь, я из рыбных костей клей варить буду. Тут, или у пушки ночевать будем, не важно, костёр по-любому надо поддерживать, так что до утра он и свариться. Приклад починить нужно, залепить на место отломленный кусок, я его ещё резиновыми бандажами усилю. Выглядеть будет уродливо, но зато можно будет стрелять нормально.

— Раз вам лень топтать назад, будем ночевать тут, — согласился Матвеев, — но у реки комаров полно, заедят вас. Хотя если с камыша верхушки поджечь можно дымом них отогнать, а из того что сухой лежанки соорудим. Жаль что один нож у нас, придется самому работать. Но вы не радуйтесь много, лентяи, дрова собирать вы будете, на целую ночь.

— не переживай, я завтра из броневое щита пушки пару тесаков сделаю. Там работы на пол часа. Верхний край весь крупными осколками пробит, расшатаю и отвалится, ломать не строить, там дырка на дырке. Пару кусков гарантирую, только точить замучаемся, броня всё-таки. Да и из остальных деталей думаю топорик соорудить. Послужит сорокопятка и после своей смерти, выручит родимая.

К закату солнца, на берегу реки, вырос лагерь, кострище обложено камнями, две лежанки из сухого камыша рядом. большая куча старых веток. Даже успели с двух сторон сплести небольшую ограду, забив в землю относительно прямые палки и используя зелёный и эластичный камыш, соорудили плетень. Возбуждение, от сегодняшнего дня не отпускало, никому из друзей не спалось, слишком много всего произошло.

Утром началась бесконечная атака, немцы навалились, не считаясь с потерями. Всё почти оглохло от постоянных взрывов, осколки визжали, распарывая воздух, постоянный свист пуль. В начале удавалось держаться, но когда начала работать батарея миномётов, с другой стороны реки, постепенно стали редеть ряды защитников того брода.

Немцы били из-за рощи, безнаказанно, первое время. Пока один расчет, маленького,

ротного миномёта красноармейцев не засыпал позиции батареи своими пятидесяти миллиметровыми минами. Знали ребята, на что шли, что это чистое самоубийство, были слишком открыты перед танками. Но перед своей смертью успели навести шороху.

Светлана вспомнила, как политрук из последних сил перекинул через бруствер ящик с тремя снарядами, а сам опоздал. Умирая, он улыбнулся девчужке, тогда она не поняла что происходит, а он своим телом закрыл от немецких пуль. Пока она тянула его за руки, мёртвого, думая спасти. И сейчас, рассказывая друзьям о том, едва сдерживала слёзы.

— ты поплачь, поплачь, полегчает на душе Светулик, за таким мужиком плакать не грех, — успокаивал Карим, а самому хотелось завывать волком, от злости, заполнившую всего. Завывать во всю плотку, от невозможности отомстить немцам, за всю боль, за каждого погибшего товарища, — за хорошим человеком не стыдно плакать.

На Саню тоже нахлынули воспоминания, молча подвинулся к Голубковой и приобнял за плечи. Она прижалась к его груди, роняя слёзы, повторяла, не слушая ответа друзей, — ну почему, почему, им что своей земли мало? Почему? Когда же эти твари оставят нас в покое, почему должны умирать наши? Почему? Чтоб они все там здохли, в европах вонючих!

Долго плакала, безутешно, по бабьи, за каждым из отряда, где не успела и толком познакомиться со всеми. Но всё равно, каждый из них был дорог, как родной брат. А потом и Карим подсел поближе, молчал, не зная что сказать. Общее горе сплотило троих друзей, появилось ощущение что они одна семья, два брата и маленькая сестрёнка. Так и сидели, в тишине, пока не скрылось солнце и на небосклоне не засверкали звёзды. Незнакомые звёзды чужого мира.

Подбросив дров, в почти потухший костёр, Юсупов долил воды в котелок, кости постепенно превращались в густую, клейкую массу. Лёгкий, тёплый ветер сносил к реке назойливых комаров. Было очень тихо и спокойно, уютно, но всё равно у всех на душе появилось непонятное ощущение неправильности всего вокруг. Свет от пламени освещал небольшой пятачок, отгораживая друзей от мраке ночи. Все очень устали за прошедший день, но никто ещё не хотел спать.

— Свет, ложись спать, мы с Каримом будем дежурить, завтра предстоит очень много всего. Надо будет решить, что делать и куда дальше двигаться.

— да, ложись, не волнуйся, я присмотрю за этим оглоедом, что-бы не сожрал нашу рыбу. А пока ты не спишь, сгоняю к реке за водой, надо потихоньку доливать в будущий клей. Завтра, с утра пораньше приклад приведу в порядок. Давайте все пустые гильзы сюда.

Через пятнадцать минут вернулся, тихо ругаясь поставил у кучи дров мокрые ёмкости. — во темень, чуть ноги не поломал, ни хрена не видно. Прошлую ночь месяц светил как прожектор, а сегодня не хочет, видно лампочка перегорела.

Светлана подняла голову к небу, долго разглядывала и неожиданно ойкнула, — мамочки! Да где же наши звёзды? Ковшика нет, Луна исчезла! Такого быть не может! Ребята, что происходит?

Матвеев наконец решил прервать своё молчание, выложить перед друзьями то что он заметил, по дороге к реке, то что произошло с дедовым оберегом, попытаться найти вместе с ними логичное объяснение, — то что над нами странно, но не страшно. Больше всего меня волнует что у нас под ногами, чем дальше, тем больше вопросов. А отдельная песня, во что превратился один камень. Помнишь Свет, тот на шее у меня, ты ещё спрашивала почему его не скидываю. Глянь, как он теперь выглядит.

— ой какая прелесть, дай поносить, не к лицу мужикам такое украшение! Я потом

верну!

— хорошо, только сама попробуй его снять, я мешать не буду, — улыбнулся Саня, вспоминая слова деда, — "бабы внучёк что сороки, жадные на всё что блестит, натура у них такая, не исправить ничем".

Все попытки снять с шеи оберег провалились, как только девчушка дотрагивалась до него, кожаный ремешок уменьшался на глазах. Как ни крутила, даже пробовала растянуть с помощью деревяшки, но ничего не добилась.

— ну хватит уже, задавишь парня, что, видишь не хочет слезать эта вещица с дурака. Ты лучше ухватившись за ремешок, проверни влево, вправо камень, — попросил Карим. Влюбленный в технику, он сразу заметил серьёзные изменения в свертании, цвете камня, — ещё раз, ещё, всё, хватит. Можешь оставить его в покое, всё что нужно увидел. Саня, можешь верить или не верить, но вывод один, у тебя на шее живой компас, это точно, очень чудный, необычный, но компас. Куда показывает, пока не понятно, это ещё предстоит выяснить. Так как мы не знаем, где находимся и куда двигаться, предлагаю выяснить, что эта штука показывает. Тем более что для этого не надо пешкодралом плестись, в том направлении река бежит. Поплывём как господа, соорудить плот для меня не проблема, так не надо думать о харчах и воде. Всё рядом, а запас дров с собой возьмём, да и вещи на горбу не надо тащить. Совместим приятное с полезным, учитесь жить припеваючи, пока я с вами!

— вот смотрю на тебя и становится понятно, когда говорят что лень двигатель прогресса, точно о тебе сказано. Хотя план твой в сущности не плохой, я и сам думал о том, ведь сидеть тут не имеет никакого смысла. Если Света не против плана конечно.

— а нам ребята всё равно, куда дальше, земля чужая, небо чужое над нами, ничего не известно, так что я за. Всё таки на реке не надо думать о еде и воде, ещё бы соли нам, для полного счастья. А то от пресной рыбы уже воротит меня.

— ну раз никто не против, завтра займёмся подготовкой, плот я лучше вас сделаю. Карим пускай выполняет свои обещания, тесаки и топор до обеда. Мы поможем, не волнуйся, ты лучше подумай, что ещё от пушки открутить можно. Нам теперь каждая железяка дороже золота. Вроде как всё, я дежурить буду первым, до двух ночи, а потом наш мастер, до шести утра сторожить будет. Не переживай, как меня разбудишь, можешь поспать ещё час, два, пока я рыбу ловить и готовить буду на целый день. Эту, что поджарили сейчас, съедим утром, так больше времени останется на всё остальное. Кончаем с болтовнёй, крадёте у себя сон.

Усевшись поудобнее, смотрел, как друзья улеглись на лежанки и тихо вздохнул с облегчением. В этой неизвестности появилась какая-то определённая цель.

Через пол часа его друзья наконец заснули, Саня придвинул поближе возведённый автомат и подсумок с магазинами, на всякий случай. Окружающая тишина была очень не привычна, хотя появившейся недавно чувство опасности молчало. Этот необычный мир жил по другому, по своим законам и ему ещё предстоит понять особенности. От этого зависит жизнь каждого из них. Первое что заметил было отсутствие ночных охотников, сов, летучих мышей, да и насекомых почти не было. Поднял взгляд, в усеянное незнакомыми звёздами небо, чистое, без единого облака. Его внимание привлекла одна необычная, очень яркая, в отличии от остальных, она быстро пересекла небосклон, что-бы через час опять повторить свой путь. Покопавшись в вещах, достал оружейный прицел, служивший теперь вместо бинокля. Дождался следующего появления звёзды, взглянул через простенькую оптику и от удивления раскрыл рот. Звёздочка оказалась странным объектом, похожим на букву Т,

геометрически правильная фигура. До сегодняшнего дня он был уверен, что в природе такого не бывает. Вскоре это чудо исчезло за горизонтом, оставив парня самого.

Точно в два ночи, разбудил своего товарища, рассказал тому о необычной звёздочке и завалился на ещё тёплую лежанку. Свернувшись в клубок, быстро заснул, выбросив все мысли из головы. Что-бы точно в шесть утра открыть глаза.

— всё никак не привыкну к твоим фокусам, как раз собирался тебя будить. Принимай смену рыбак, а я ещё немного вздремну, люблю это дело, поспать и пожрать. Твоя звёздочка и дальше летает, странная какая-то, но когда вокруг посмотреть, тут всё такое. Светку буди, хватит валяться, пушай за клеём приглядывает, ещё часок и можно использовать, — пробурчал Карим, поудобнее устраиваясь на камыше. Повернувшись к костру спиной, погрузился в сон.

Подбросив немного дров в огонь, Саня потормошил Голубкова за плечо, — вставай соня, тебя ждут геройские дела, — и убедившись что она проснулась, развернул листья лопуха, в которые была завернута поджаренная вчера рыба; -умывайтесь и прощу за стол, завтрак подан моя госпожа.

— что, опять без кофе и круасана?

— увы, мировой экономический кризис, даже какавы простой нема. Поедим и ты за той гадостью Юсупова приглядывай, что-бы не подгорел клей, а я на охоту.

Уплетая холодную рыбу, не забыла упрекнуть, — вам только развлечения в голове, оставляешь меня одну, сторожить этого лодыря. Стыдно за тебя, не сознательный и невнимательный тип ты Матвеев. И как только тебя терплю, сама не понимаю.

— зато что я хороший и симпатичный, да ещё и кормить вас не забываю. Ладно, я потопал. — подхватил с земли острогу Саня отправился к реке, добывать пропитание на целый день. За пол часа, двигаясь вдоль реки успел наловить очень крупных подлещиков, с килограмм каждый. Такого улова не видел ни когда, с трудом удалось остановить в себе азарт. Двенадцать штук было вполне достаточно для троих на целый день. Усевшись на корточки, занялся чисткой рыбы, используя единственный нож. Оставшийся в наследство от погибших русинов.

Срезав несколько стеблей камыша, связал них в грубое подобие лукошка и сложил очищенную рыбу. И тут услышал странные звуки, доносящиеся из-за кустов, куда он выбросил отрезанные головы подлещиков. Тихо обошел по кругу то место и увидел рыжую, как осенняя листва, не большую лисицу, грызущую остатки его рыболова. Молодая и наверняка ещё не опытная, уголяла свой голод, пользуясь случаем.

— привет мелкая, что, нравится рыба? — Сане стало жаль лисицы, отрезал от одной рыбины большой кусок бросил его рядом с животным; -мясо лучше чем те кости, лопай пушистая.

Лисица подняла голову и посмотрела недоверчиво на парня, а потом на кусок рядом. После осторожно приблизилась к нему, ловко схватила подарок и убежала в кусты. Через минуту было слышно как громко чавкает довольная лесная проказница.

Обернувшись, зашагал по берегу к лагерю, удовлетворённый результатом рыболова, приятная тяжесть в руке служила лучшим доказательством.

— держи, хозяйюшка, не зря ходил. Пока будешь готовить я за водой смотаюсь, свежей наберу.

— понеси с собой все гильзы, как вернёшься будем будить нашего мастера. После того, как приклад заклеит, заставлю его от этой гадости котелок очистить. И зачем ему столько,

он что бревно к винтовке лепить надумал?

В половине девятого утра, друзья вернулись к тому месту, где появились вчера, в этом непонятном мире. Одинокая, повреждённая маленькая пушка ждала боевых товарищей. Изуродованный осколками щит, служил напоминанием о недавнем прошлом, сорокопятка гордо стояла на куче земли, словно на постаменте, как памятник. Поднявшись, Карим с грустью провёл рукой по пушке, как будто извиняясь за то что собирался сделать. Его друзья стояли молча позади, понимая чувство товарища.

— вторая ты у меня, но с тобой успел за пол дня сродниться. Прости родная, — обернулся и скомандовал;— вот с левой стороны, там где дыры в ряд, начните расшатывать. А я пока винтовкой займусь.

Усевшись на изувеченную станину, поставил рядом котелок с клеем рядом. Густо намазал обе половины приклада и осторожно положил на землю, давая возможность ему впитаться и немного просохнуть. Вынул из голенища сапога четыре дощечки, выструганные за время ночи и тоже натопил клеем. Пока тёплый ветер сушил детали, аккуратно вырезал из покрышки колеса три кольца.

Через пол часа ремонт был готов, разбитый приклад снова был целый. В месте, где он был поврежден, с обеих сторон находилось усиление, в виде приклеенных двух, идеально подогнанных, дощечек. А для абсолютной уверенности Карим дополнительно зафиксировал конструкцию, всё это вместе держали три резиновых банджа.

— готово, пользуйтесь, теперь лучше чем новая. Надо только дать полдня для прослушивания, но на этом солнце может и быстрее получится. Главное своими грабулями не дергай, пока не высохнет клей относись к винтовке как к даме.

— ну ты настоящий мастер, — разглядывая оружие сказал Саня;— Даже не знаю как тебя отблагодарить.

— хоть от одного из вас какая-то польза, если такой благодарный, то можешь вместо него котелок оддрать. Пока он обещанные тесаки и топор делать будет, — посоветовала Светлана. И тихо добавила:— ребята, вы не поверите, но у вас за спиной лисица, настоящая. Не спугните, дайте на эту красоту поглядеть. Первый раз вижу живую плутовку, какой обалденный хвост у заразы, на воротник бы такой.

Осторожно обернувшись, друзья увидели рыжую проказницу, как та спокойно сидит, на расстоянии всего три, четыре метра от кучи земли. И с любопытством наблюдает за ними. На симпатичной мордочке сверкала на солнце прилипшая рыба чешуйка.

— ты смотри, знакомая рожа, что, скучно без компании? — обратился к лисице Саня;— я утром эту хитрюгу рыбой угостил. Видимо понравилось, пришла за добавкой.

— вот Свет, доказательство на лицо, вернее на морде. Как наш дорогой друг, харчами разбазаривается, кормит нашей едой всяких проходимцев тут. А мы после от голода пухнем, не доедаем понимаете ли.

— да ладно вам, дал один кусочек, не обеднеете, жаль животинка, молодая, неопытная, ловить толком не умеет, вон какая худющая.

Так подшучивая, друг над другом, друзья закончили все дела возле пушки, пришло время расставаться. С грустью смотрели на маленькое, но храброе орудие, за свою короткую жизнь успевшее нанести много вреда врагу. Карим взял нож и принялся царапать на внутренней поверхности щита надпись.

Голубкова крутилась рядом, пытаясь безуспешно разглядеть что он пишет, но его широкая спина не позволяла это.

— ну чего ты там, дай поглядеть?

— подожди немного, непоседа, сейчас закончу и всё увидишь. Нетерпеливая же ты, минуту обождать не можешь, — отгонял от себя Голубкову;— вот, готово, смотрите на здоровье.

На щите, наискосок сверкала чистым металлом надпись—"победила и не отступила, героически уничтожив семь вражеских танков в последнем бою". А внизу три фамилии—"последний расчет, Юсупов. К Матвеев А. Голубкова С. Июль 1941".

— заслужила, будем помнить сорокопятку до конца своих дней. — одобрил решение друга Саня, — ладно, пошли, ещё дел по горло.

Трое друзей шагали уже знакомым путём, к лагерю, на берегу безымянной реки, а позади них, выдерживая дистанцию, пробиралась молодая, любопытная лисица. Идущий последним, Карим обернулся, увидел, в высокой траве мелькнувший пушистый, рыжий хвост, улыбнулся и вытащил из котомки завёрнутую в лист лопуха рыбину. И после тайком от друзей отломил кусочек и оставил на земле для плутовки. Отойдя на пятьдесят метров, опять обернулся, проверяя, нашла ли она подарок, между зелеными стеблями травы, на том месте, было видно рыжее, лохматое пятно.

— ну вот и добрались, ты тут помогай нашему мастеру, а я взгляну вокруг, если подходящий материал для плота. На той стороне реки, в этой роще должен быть сухостой. Пока Карим топор не сделает, ножом подпиливать стволы буду, притащу сюда а дальше посмотрим, — сказал Матвеев снимая сапоги, — и пистолет возьму на всякий случай.

Проводив его Светлана принялась наводить порядок в лагере, забила в землю длинную палку и повесила на сучек винтовку. Пока Карим разжигал костёр и подбирал подходящие камни. Выбор был очень скромным, в здешних местах они были редкостью. Но всё же удалось соорудить подобие наковальни и вскоре три куска, отломленные от щита пушки грелись в огне.

А мастер перебирал сложенные в кучу ветки, видимая подходящие для щипцов. Вскоре придерживая ними длинную, узкую полоску горячего металла, на большом камне, ударял другим, стараясь выровнять и создать будущее острие топора. Деревянные щипцы тлели, своим дымом мешая работать, но упорный Юсупов продолжал. Через десяток минут корявое подобие топорика было готово.

— вот Саня обрадуется, какой-никакой а топор, сейчас ещё рукоять сделаю и можно использовать. Свет, дай водички попить пожалуйста.

Утолив жажду, вылил остатки воды в котелок с засохшим клеем, размешал получившийся рыбный, редкий кисель. К тому времени будущий топор опять нагрелся в костре. Ухватившись щипцами за край, окунул его в котелок, повалил вонючий пар.

— будем считать, что закалка готова, хотя в нашей кузне, в железнодорожных мастерских, за такие художества, мне бы накостыляли по шее. Но о этом, мы с тобой Светулик никому не расскажем. Намочи пожалуйста в реке вот эти тряпки.

— может ещё и постирать тебе них? Зачем тебе мокрые?

— а я ими буду лезвие топора фиксировать к топоричу, как они высохнут стянуться, будут держать как надо. Старый фокус, у татар так наконечник стрелы к древку привязывали, только что не тряпками а кожаными ремешками.

Через два часа, топор и тесаки, похожие на маленькие мачете, были готовы. Осталось только нудная, досадная заточка, с помощью речной гальки. К тому времени на берегу реки лежала груда длинных, неровных стволов. Саня, согнувшись, отрезал ножом лишние ветки,

было очень тепло и он скинул всё с себя, оставшись в галифе. Мокрый от пота, старательно работал, планируя сегодня, к вечеру, закончить строительство плота. На его шее свободно болтался дедев оберег, каждый раз, когда парень поворачивался в определенную сторону, он начинал ярко сверкать под солнечными лучами.

На берегу появился довольный Карим и уставился на своего друга, — вот так и надо, добывать хлеб свой в поте лица, хотя у тебя оно в древесной трухе. Иди умойся, чучело, пусти мастера, сейчас увидишь как работать надо;-вынув из-за пояса топор, размахнулся и отсёк, без проблем, толстую ветку.

Но вышло что он сам себя перехитрил, Саня свалил на него нелёгкое дело по очистке стволов, а зам занялся резкой камыша.

— как раз вовремя, продолжай, у тебя здорово получается, а я камыш буду в пучки вязать. Привяжем сверху, отделит нас от воды, а если и песка на него насыпать получится очаг. Так можем готовить себе еду, пока плывём, да и ночевать лучше на плоту, подальше от незнакомых берегов. Ты чего остановился, уши развесил, работай работай, солнце ещё высоко.

— заделался рабовладельцев, плантатором? Берегись, устроим мы тебе, с Светкой, революцию в малых масштабах, сбросим оковы диктатуры!

— слушай, а большой, хорошо прожаренный подлещик, поможет тебе забыть свои коварные планы?

— ну если это под вопросом? Дай подумать одну минуту. Вообще-то чего там думать, за две большие штуки без проблем!

И оба друга отправились в лагерь, сообщить Голубковой важную новость, пришло время обеда. И остались ошарашены перед открывшейся картиной.

Усевшись, по турецкий, на лежанке, Светлана поела рыбу, но не сама, в компании с старой рыжей знакомой. Сидела рядом с девушкой и безпардонно чавкала, поглощая поджаристый кусок рыбы.

— спелись заразы! — тихо прокомментировал Карим;-ты решила воротник откормить за наш счёт? Мы понимаешь ли усталые, голодные пришли, а наш обед уже кто-то съел. Рыжий и наглый. Саня, объясни мне пожалуйста, что тут творится? Это же дикое животное, вроде как должно нас обходить стороной, а эта плетётся за нами, как дворняга бездомная.

— а я откуда знаю, тут всё ненормально, а эта лисица видно человека ни разу в жизни не видела. Не понимает глупенькая с кем связалась, что наша дама на рыжий хвост свои планы имеет.

— жадные вы, эгоисты, только о себе думаете, не убудет от вас, рыбы в реке полно, ещё наловите. И вообще это Матвеев во всем виноват, он первый начал!

— хорошо, я виноват, я и опять наловлю, заканчиваем выяснения, обедаем и за работу. Два часа уже, пол дня осталось на строительство плота.

За десять минут ребята перекусили и отправились назад, к реке, оставив девушку в компании с лисицей, сторожить вещи.

— ну с чего начинать, начальник? Брёвен достаточно, лыко со стволов вода размягчила. — окинув взглядом окрестности, спросил Карим.

— сперва поперечные идут, положим одним краем в воду.

— а это ещё зачем? Тут, на песке свяжем всю конструкцию и спихнём в воду, делов то на пол часа.

— ты так чужим и врагам строй, а для нас будем делать по моему. Под поперечные

балки, бревна в воде заводить надо. Так они сразу же обернуться подходящей стороной, да и лыко лучше ложится, когда стягиваешь не ломается. Три, четыре привяжем, подвинем дальше от себя в глубину и следующие подкладывания, не надо тяжеленную конструкцию толкать потом по земле. Тем более, что от этого плот расшататься может, потеряет жесткость свою. На нас троих надо минимум два метра ширины, в длину пять будет достаточно. Поперечные идут на каждые пол метра, если мы собираемся на нём жить пару дней. А когда всё будет готово, на края поперечных связку из трёх брёвнышек привяжем.

— чего так городить, усложнять без нужды?

— дурья башка, это ещё не всё. На те связанные идёт решетка, из тонких жердей, а поверх камыш, связанный в охапки. Так отделим себя от воды на пятнадцать сантиметров, хотя и тепло по ночам, сырость от реки идёт. Да и песка немного на носу, поверх него, из мелких камней, сложим очаг.

— ну и план у тебя, не плот а дом на воде, только шалаша не хватает.

— молодец Карим, вспомнил вовремя, про это я и забыл. И он нужен, а то на солнцепёке сгорим, так что надо сделать шире плот, два с половиной метра.

— ох и работы задал, так несколько дней пахать придётся.

— не бойсь, если отлынивать не будешь, к вечеру закончим с плотом, это на словах сложно, ничего тут мудрёного нет.

К шести вечера плот был готов, оставалось только сложить очаг на подушке из песка, насыпанного в передней части. На задней вырос маленький, невысокий шатер, где могло поместиться двое. Его каркас, переплетённый камышом, был не очень то и хорошей защитой от возможного дождя. Но эту проблему ребята оставили на потом, посчитав что достаточно поработали сегодня. Все первоочередные задачи успешно завершили, хотя ещё предстояло наловить рыбы. От утреннего улова ничего не осталось, парни на второй день, в этом краю, начали ощущать постоянное чувство голода. Но никакого волнения по этому поводу не было, оба посчитали, что с таким количеством забот, на такую мелочь не стоит обращать внимание. За всё время, занятые строительством, не могли поднять в небо взгляд. Поэтому и не заметили, то что видела Голубкова, как по небу что-то двигалось, оставляя за собой необычный след. Слово кто-то медленно вёл белым карандашом, по чистой синеве, след постепенно расширялся, клубился, растворяясь в воздухе. Девушка с любопытством наблюдала за этим, через оптический прицел пушки. То, что оставляло за собой необычный след, выглядело как трёх угольник серебристого цвета. Всё продолжалось несколько минут, а потом опять небо очистилось. Никакого объяснения увиденному не могла придумать, ведь ничего подобного, до сегодняшнего дня, она не видела. Да и не придавала этому много значения, тем более что внимание отвлекла неутомная лисица. Рыжая вела себя как домашняя кошка, улеглась рядом, положила свою голову девушке на колени. И всем своим видом говорила, что не против поспать, особенно когда не надо думать о еде. Даже не имела ничего против, когда Светлана начала гладить по спине.

Уставший Карим предложил другу искупаться в реке, поочередно, не забывая о осторожности, сторожа один другого на всякий случай. Саня согласился, быстро окунувшись, выбрался на берег и с пистолетом в руке уселся на небольшой бугорок. Сегодня он уже привык к поведению местных жителей, к нескрываемому любопытству и отсутствию страха перед человеком. Даже мелкие пичужки вели себя так же, одна, понахальнее, по хозяйский уселась на шалаш, заглядывая внутрь, при этом едва не свалилась. Лист камыша резко прогнулся, перепугав на секунду птицу, но только на секунду. Быстро успокоилась,

слетела на настил плота и храбро поскакала внутрь, словно примеряя на себя возможность для будущего жилища.

— Саня, гляди, я линять начал, а может и лысеть, как мой папаня, хотя слишком рано для этого, слишком молодой ещё для этого, — грустно смотрел на своего друга. После купания, густая, цвета вороньего крыла, шапка волос основательно поредела;—может в воде какая-то гадость? Из-за этого лысею.

— ну и я тогда тоже должен бы, но у меня вроде как всё на месте, даже через чур, неплохо бы подстричься, а то зарос как леший. А чего, у тебя папаша лысый?

— да, сверкает как бильярдный шар, как Котовский, ещё и шутил постоянно, мол когда умывается может и заодно голову помыть без проблем.

— раз так, то нечего переживать, ты видно точно в своего отца получился. Повезло, ни тебе заботы о стрижке, ни о расчёске, протёр тряпочкой для блеску и ходи довольный.

— тебе хорошо, а мне не до шуток, как же, такой молодой, буду лысым ходить, — провёл по голове рукой и грустно взглянул на чёрные волоски, прилипшие к мокрой ладони:—рано мне ещё лысым ходить.

— да ладно тебе, перед красоваться, перед нами не надо, мы с Светкой тебя и такого любим, так что не волнуйся. А больше нет тут ни души, это я тебе гарантирую, ни одного, только мы.

Если бы ребята подняли вверх взгляды, могли бы заметить необычную аномалию в воздухе, на высоте метров сто над ними. Присмотревшись, увидели идеально прозрачный шар, диаметром около пяти метров, почти не различимый для человеческого глаза. Висел неподвижно, не обращая внимания на ветер, как-будто его держат на одном месте якоря. А и не было у них для этого времени, опять появилось ощущение голода и Матвеев отправился добывать пропитание, пока его друг заводил плот на мелководе. Что-бы после отправиться вслед, отбрасывая добычу подальше от воды. Положение спасало обилие рыбы в реке, хотя и без соли она была слишком пресной.

К половине восьмого с этим было закончено, на берегу, у плота, на больших листьях лопуха, возвышалась небольшая кучка очищенной рыбы.

— сам харчи сторожи, что-бы потом не обвинял меня в разбазаривание, а я за Светланой и вещами нашими сметаюсь, всё равно там почти нечего носить. Как вернусь попробуем плот, переправимся на другую сторону, как наш корабль на воде держится. Бездонные глубины водных просторов начнем осваивать, хотя тут по центру глубина огромная, курице по колено.

И не давая возможности для возмущения, отправился к лагерю. Там его ожидала нетерпеливо Голубкова, сидя с автоматом на лежанке, в полном одиночестве. Сгорающая от желания пожаловаться на лисицу, рассказать о увиденном трёх угольнике в небе, наорать из-за того что ребят так долго нет. Но пока молчала, пытаюсь определиться с собой и с чего начать, поскандальить или обвинить в предательстве плутовку.

— извини, заработались мы там, зато судно готово к отплытию, всё готово, даже рыбы наловили. Так что селимся на борт нашего лайнера, собираем манатки и айда. До заката попробуем поплавать. — вывалив ворох новостей, Саня внёс абсолютный хаос, в очерёдность поступков девушки. Повесил на плечо винтовку и полинялую, солдатскую котомку, с немногочисленными вещами, взял в одну руку автомат. А вторую протянул Светлане, помогая встать с низенькой, камышовой лежанки. И окончательно спутал мысли, просьбой придумать название для корабля.

— я так и не поняла, вы чего там городили, плот или корабль? Вы пока этим занимались хотя бы на небо смотрели?

Последние слова услышал и Карим, сидящий возле рыбы, на фоне построенного плота. Увидев будущее транспортное средство, девушка мгновенно забыла о том, что хотела сказать и как настоящая женщина, принялась раздавать указания:—так, чего расселся, бегом за дровами, а ты Матвеев чего смеёшься? В шалаш надо побольше камыша, нож в руки и шуруй резать. Пока я вам, олухам ужин готовить буду, а то по глазам видно, готовы уже и сырую жрать. А с отплытием вашим можно и подождать час, другой.

— пошли Саня, а то она ещё чего надумает. — потянул Карим друга за рукав, после тихо добавил, так что-бы Голубкова не услышала:—раскудахталась, диктатор в юбке.

Так как откладывая с отплытием ребята не горели желанием, быстро управились с работой. Карим притащил две засохшие вербы, сноровисто обломал все слишком тонкие ветки и с помощью топора разломал на мелкие куски. А потом, вместе с другом, сложил на носу плота, возле очага, маленькую поленицу, на которой можно было удобно сидеть. Торопились, подгоняемые чувством голода, запах запечённой рыбы ветер манил к себе.

К восьми вечера всё было готово и усевшись вокруг костра, на берегу реки, ребята буквально проглатывали еду, чем вызвали беспокойство у Голубковой.

— ну вы и жрёте, словно голодали месяц. И куда в вас всё влазит, умяли по три килограммовые штуки и дальше продолжаете. Лопните от такого количества.

Через несколько минут, осоловевшие от такого ужина, парни вздохнули с облегчением. Сидя поблизости, они складывали обглоданные кости на одно место, образовав солидную горку. Карим взглянул на друга и предложил, — а давай ещё одну, пополам поделим.

— вас легче убить, чем прокормить. Я планировала что этого будет достаточно и для хорошего завтрака, но не рассчитала. С вами вообще не понятно что происходит, наверное из-за нервов, отпускает после всего.

Дым от костра поднимался в вверх, рассеиваясь в наступающем полумраке. Над головами и дальше висел прозрачный шар, теперь абсолютно не видимый. Начали проступать огоньки звёзд, погода баловала, ни одного облака, тепло, только ласковый, мягкий ветер. Друзья совершенно расслабились, слишком большой был контраст, между жестоким боем с немцами и этим мирным, спокойным вечером. Наконец Светлана дождался пока ребята закончат с едой, вспоминая что не рассказала о увиденном днём трёх угольнике. Последовавший рассказ вызвал ухмылки, парни решили что девушке это померещилось, но не желая обидеть, своё мнение оставили при себе. За короткий срок успели насмотреться пролетающих, в высоте, разных типов самолётов, описанный предмет не был похож на что. Как он мог летать без крыльев, да ещё оставляя за собой какой-то след. Наверняка у девушки разыгралось воображение, от резкого изменения обстановки. Так что оба парня старательно хмыкали, через каждые пару минут, изображали удивление, смешанное с пониманием, на своих лицах. Дождавшись, когда история закончилась, распределили ночное дежурство, отправив Голубкову спать на плоту, объясняя это предварительным испытанием плавсредства. И когда она уснула понимающе улыбнулись друг другу.

— видишь что перемена мест с женщиной делает, то выдумывает всякие глупости, то нас с тобой терроризирует, ужас просто. Ладно, давай оцени как я приклад починил, клей везде давно высох.

Матвеев взял в руки винтовку, попробовал прицелиться, дощечки со стороны

отломленной части не мешали, только когда поплотнее прижал приклад к плечу резиновые бандажи дотронулись до щеки.

— здорово получилось, с этим усилением стало удобнее, настоящий мастер ты у нас Карим. Так что отправляйся ты спать, сейчас уже почти десять, подниму тебя в полночь, будем менять смены каждые два часа. Так выйдет по четыре на каждого, а я утром, после того как проснёшься отправлюсь ловить рыбу. Думаю к восьми утра отправиться в путь, засиделись мы тут;-после поднял взгляд на покрытый звёздами небосклон:-не хватает мне нашей луны, волчьего солнышка.

Его друг заснул, лёжа на охапке камыша, на середине плота, прижавшись спиной к поленице дров. Тишина и дальше висела над рекой, лишь иногда нарушаемая комариным писком, тут на открытом пространстве ветер сносил в сторону. Было довольно спокойно и Саня решил заняться наблюдением неба, сверяя всё с часами. Зная откуда и куда двигалось солнце, для удобства он ещё днём забил в землю два шеста, попробовал найти ту звезду, что послужит ориентиром в ночи. И обратил внимание на старого знакомого, т-образный, космический путешественник двигался по своей орбите. Глядя на него, Саня вспомнил рассказ Светланы, пришел к шокирующему выводу, вполне возможно, что она действительно что-то видела. Люди, цивилизация, которую он знает, не в состоянии создать что-либо подобное. Вопрос повис тяжёлым камнем, ничего разумного придумать не удавалось. Возможно что дедов оберег поможет найти ответы, хотя бы на какие-то вопросы. Но о этом пока решил не говорить друзьям, слишком всё фантастически выглядит, слишком много неизвестности. Пускай побудут ещё немного в счастливом незнании, не забывая себе голову такими проблемами. И так сейчас очень нелегко приходится каждому.

Ранним утром Карим поднял друга, подождал пока тот умоется и вручил острогу, — хватит валяться, я голодный, а тут кроме тебя этим делом никто не занимается. Вперёд кормилиц ты наш, я сейчас и мадаму нашу подниму, пушай добро сторожит, надо и дров ещё натаскать, что уже проблема. Мы же подчистили всю округу с этой стороны. Ты чего на меня так уставился, первый раз увидел?

Матвеев молчал, поражённый состоянием друга, от волос на голове почти ничего не осталось, лишь местами сиротливо торчали чёрные волоски. Но судя по плещущей из него энергии, особых неудобств не испытывал. Да и прежняя худосочность тела постепенно начала исчезать. Как будто он начал расти, гимнастёрка, раньше висевшая на парне, как на вешалке, была как раз впору. Только рукава выглядели немного коротковатыми.

— ну чего рот расзявил, двигайся, жрать охота внемоготу. И смотри не намочи случайно свою одежду, на этой жаре усушилась она уже достаточно. Ещё немного и лопнет, по всем швам на тебе, медведь переросток, — подшучивал над другом неунывающий Карим.

С ловлей рыбы пришлось помучатся, вся крупная, за два дня, была почти выловлена. А та что осталась ушла на глубину. Вернулся с десятком очищенных окуньков, висящих, как ожирелье, на ветке ивы. Дрова в костре на берегу прогорели и ровный жар углей быстро привёл улов в съедобное состояние. На запах появилась из шалаша зевающая Светлана, девушку никто из парней не хотел будить. Планируя после свалить дежурство на хрупкие, женские плечи. Четыре часа сна было не достаточно для нормального отдыха, так что оба парня собирались вздремнуть по очереди, после отплытия.

— не задался завтрак, маловато будет на троих, да и вы можете и без него, вон как вас разнесло, — Светлана старательно избегала поднимать тему с быстро лысеющим другом;-на казённых харчах так бы не понравились. Есть хоть какая-то польза от этой неизвестности. И

всё благодаря моему мудрому руководству.

К восьми утра, погрузившись на плот, трое друзей отправились в путь. Саня, как более опытный, стоял на носу и длинным шестом подправлял курс, держа плот по центру реки, там, где течение было самым сильным. Но всё равно плыли с очень маленькой скоростью, делая не больше двух с половиной километров в час. Но и этого было достаточно, ведь открывающаяся местность была абсолютно не знакома. Единственным ориентиром служил бирюзовый цвет необычного камня, меняющего свой оттенок при смене направления. Рощи сменялись лугами, с густым, зелёным морем нетронутой травы. Карим сидящий на поленице дров, с винтовкой под рукой, с нескрываемым интересом разглядывал оба берега реки. В отличие от Голубковой, которой быстро надоели сменяющие друг друга пейзажи. Делая вид, что дремлет, она из под ресниц разглядывала ребят. На второй день нахождения в этом мире, с ними начали происходить чудные изменения. У каждого по своему, Юсупов внезапно начал лысеть, но не это главное, о таком она слышала на курсах медсестёр, редко происходит, но вполне объяснимо. А вот то что, он подрос, на два, три сантиметра, не укладывается в нормальное состояние организма. А и с Матвеевым, тот за пару дней раздался в плечах, в этом могла поклясться, болтающийся рукава гимнастёрки сегодня плотно обхватывали руки. Что с точки зрения медицины было не возможно.

Саня работая шестом думал о планах на этот день, по его оценке, двадцать пять километров можно было преодолеть. Спокойные, мирные воды этой реки, неторопливо несли плот, в глубине угадывались силуэты крупных рыбин. Так что можно не беспокоиться о еде. Ширина реки защищала от досадных насекомых и становилась хорошей защитой от возможных, опасных хищников. С тем количеством боеприпасов, которое имеется, не было смысла тратить на животных. Даже если они тут есть и попробуют напасть, топор и острога справятся с ними. Из всего этого выходило, что передвижение по воде, самый безопасный вариант. Маленькая скорость незначительная плата за это, тем более что течение несёт плот в южном направлении, как раз туда показывает оберег. Периодически бросал взгляд на небо, надеясь увидеть то что описывала Голубкова, думая о нехватке соли, о том как стоило бы сделать остановку, поискать в каком-нибудь лесу место где животные лижут землю. Но пока крупных он не видел, а мелкие почти не оставляют за собой следов. Что сильно усложняет поиск солёной земли в незнакомой местности. Немного гудят от напряжения мышцы, но это не страшно, сейчас будет черёд Карима развлекаться с шестом, а он может вздремнуть пару часов. Подвинув в сторону Светлану, она и так ведёт себя как кошка, спит или ест, да ещё периодически даёт ценные указания, со своей точки зрения. Но обижаться не стоит, девушка просто старается скрыть свою грусть, осталась без подруги, рыжая плутовка так и не появилась, исчезла и не попрощалась.

Первый день в пути прошел в ожидании непонятном ей, в общем напряжении, даже во время которого сна, в маленьком шалаше на плоту, оно не отпускало. Лишь к вечеру, когда Матвеев подрулил к берегу, желая наловить рыбы, друзья немного расслабились. Но всё равно не забывали о осторожности, дождались своего добытчика, затянули ствол поваленной и сухой липы, оттолкнули плот от берега и продолжили путь. Перед самым заходом солнца пристали у пустынного островка, где кроме нескольких пучков травы ничего не было. С помощью шестов зафиксировались, так, что-бы не унесло течение. Первый раз запылал маленький очаг, сложенный на плоту, своими языками пламени разгоняя тьму. Опять было решено отправить Голубкову спать целую ночь, распределив между собой дежурство. Тут, на острове, относительно безопасно, да и не было почти надоедливых комаров и можно

отдохнуть перед завтрашним днём. Больше не хваталась за оружие, при любом необычном звуке, между ними и берегом находилось по пять метров открытой взгляду водной глади.

Быстро закончили с ужином, решили этим вечером не засиживаться, а двинуться в путь с первыми лучами солнца. Река понемногу ширилась, наполняясь из мелких ручейков, не замедляясь. Саня смотрел на расслабленные лица друзей, сегодня удалось преодолеть минимум двадцать пять километров, без напряжения и нервотрёпки. Относительно мало, но двигаясь по суше, в незнакомой местности, потратили бы много сил, выиграв три, может четыре километра. Если завтра плыть почти весь световой день можно сделать и тридцать. Стоит подумать и о парусе, можно его сплести из листьев камыша, за один день управиться. И при попутном ветре делать пять километров в час, хотя, в сущности, торопиться не имеет смысла. Кто знает, что там впереди.

Следующие дни были похожи один на другой, единственное что изменилось так это мачта, торчащая над плотом. Высотой в пять метров, с поперечной балкой сверху. К которой была привязана циновка из камыша, работающая как парус. Как и рассчитывал Матвеев, в день удавалось проплыть и до четырёх десятков километров, двигаясь почти строго в южном направлении.

Карим к тому времени, совсем олысевший, сверкал загорелой головой, не стеснясь больше. И ещё продолжил расти, вымахав в высоту и сравнившись со своим другом. Хотя и тот был жердьяй, метр восемьдесят пять, но раздавшись в ширину, выглядел нормально. Светлана пару раз заставила Юсупова подвергнуться осмотру, обнаружила что тот страшный щрам на голове почти исчез.

— а ты морда казанская не грусти, вместо твоих чёрных волос начали пробиваться белые, как снег. Если так дальше продолжиться выйдет из тебя блондинка, уникальный татарин, такого ещё свет не видел. Чего краснеешь, как барышня, радоваться надо, лучше так, чем сверкать лысиной.

— ну ты и утешила парня!

— помолчи Саня, пока я добрая, а то и за тебя возьмусь! — пригрозила шутливо девушка: -и так вас разнесло до неузнаваемости, медведи! Бедный плот скоро потонет от вас. Жрёте за троих каждый день, ничего не делаете, курортники хреновы. Когда оружие последний раз то почистили, вода вокруг, заржавеет и не заметите олухи.

Слушая как ругается девушка отметил, что и она немного изменилась, подросла и из угловатой, неловкой и не уверенной в себе, превратилась в очень красивую и стройную. Просто постоянно находясь рядом, Матвеев не замечал постепенного изменения. Думая лишь о том, насколько удалились от места, где они появились в этом необычном мире без Луны на небе. По его подсчётам в пути они неделю, каждый день, в среднем делали по тридцать километров минимум. Выходит что больше двух сотен за ними, сколько ещё осталось до того места, куда ведёт дедов оберег неизвестно. Хорошо что направления реки и цели пока совпадают и можно сберечь силы.

Пролетело незаметно ещё четыре дня, вокруг всё изменилось, густые леса остались позади. Степь, с редкими рошицами, расстилается перед ними. Почти пустая, нет табунов диких животных, нет хищников, крадущихся за ними. Непривычно очень, не мир а недоделка какая-то, к тому же очень мирная и скучная. Особенно после того как пришлось пройти через немецкие тылы, пробираясь к своим.

Но через пару дней опять пожелал того досадного периода.

Выплыв после завтрака, наслаждаясь яркими красками степи, солнцу, неторопливо

выводил плот на середину реки. Вдали, вдоль реки, с восточной стороны росла большая роща, вытянувшись на пару километров вдоль берега.

Было очень тихо и мирно, спокойное течение несло друзей на юг. Карим отправил друга спать в шалаш и едва слышным голосом рассказывал девушке о своём любимом городе, о Казани. Где родился и вырос, где ходил чумазый после обследования паровоза, как маманя увидев, во что превратился сын, ухватившись за метлу, занялась его воспитанием, не дожидаясь, пока появится с работы отец. Увлечённый, не заметил вдали, в роще, чудные всполохи, словно сотни маленьких, беззвучно, ударяли в одно и то же место. Так продолжалось несколько минут, повествование Карима прервал глухой, тупой звук, как-будто там упал огромный, тяжёлый камень, заставив вздрогнуть всё вокруг.

Юго-Восточная Германия, 850 год.

Когда в маленькую деревушку, состоящую из десятка домов, спрятанную в глухих дебрях, ворвался отряд католической церкви, Драгана чистила в сарае, меняя под коровой сено. Напевая себе под нос, не сразу услышала крики и звон оружия.

Рыжебородые, здоровые мужики, в чёрных балахонах, с деревянными крестами висевшими вокруг шеи, врываются в дома, с обнаженными мечами. Которые вскоре окрасились в ярко красный цвет, почти по самые рукояти. Пришли сюда по приказу епископа, выжечь наконец это языческое гнездо, где никто не хотел идти под папскую руку. Богохульство жило тут в местных жителях, само существование которых является оскорблением Христу. Какое имеет значение, что они тут тысячелетиями, достаточно пожили, в поклонении дубовым колодам. Тот, кто не признает истинную веру, не верит в святость римской церкви, не достоин жить. Новообращённые славяне, принявшие сладость веры, великолепные христовы воины. Не важно, что предали свой род, не важно что все необращённые плюют ним в след. Главное что-бы своей жестокостью и безкомпромистностью внесли стах в сердца язычников. От страха, до любви к Христу один шаг:-рассуждал епископ, благославил отряд перед походом;-да ни будет, братья мои по вере, сомнения в сердцах. Выжечь тот позор благое дело, и воздаст святой дух вам за это. Да спуститься благодать божия на вас! Аминь!

Услышав страшный крик, Драгана выбежала с вилами во двор, думая что на них напали обычные разбойники. Что за двенадцать лет жизни случилось несколько раз, и всем миром удавалось отбиться, с потерями конечно. Но ни разу не сдались, привыкли выживать в самых трудных ситуациях. Да лес помогал уберечься, но сегодня всё было по иному. По направлению к дому летели на конях настоящие враги.

Отец схватил меч, висевший всегда у входа в дом, с левой стороны от двери. Подбежал к воротам, собираясь закрыть и упал, пронзённый арбалетным болтом. Выскочил на двор дед, увидел девчушку и притянул к себе.

— беги в лес, беги не оглядываясь, — стянул что-то с шеи и надел своей внучке:-беги, помни кто ты.

Вытолкнул за ограду и схватился, за лежащие на земле, вилы. С ненавистью в глазах, забил них в живот первого всадника, увернувшись от брошенного копья следующим за ним христовым воином. Согнулся за мечом, выпавшим из рук мёртвого сына, что-бы упасть тому на грудь, с пробитым болтом горлом. Лежал неподвижно, захлёбываясь в своей крови, дождался пока подбежит очередной убийца его рода. Выгнулся из последних сил и загнал меч тому в пах, выпустил рукоять из рук и покинул этот свет с улыбкой на лице.

Иосифу опять досталась роль воспитателя, в который раз, трое новообращённых, из

живущих тут славян, под его командованием. Пришли в лоно истиной веры по нужде, три брата были выгнаны из своих родов, за скверный характер. На них надо сомнения в изнасиловании и убийстве, свои не хотели мараить руки родной кровью. Так что некуда было податься братьям, изгои, но для святой церкви они и не лишние. Даже если и правда, насиловали и убивали язычников, не христьян, это простительно, это не грех. Ведь руку подняли на бездушных, только верующие в спасительную троицу могут иметь душу, остальные, с точки зрения веры, ни чем не отличаются от животных.

Сегодня будет уничтожено ещё одно паганское логово, сожжено до тла, сами виноваты, что упорствуют в своих заблуждениях. Так, шаг за шагом, очиститься эта добрая земля от скверны, останутся только верующие в Христа. И если необходимо наши воины прольют реки чужой крови для этого, ничего страшного, она высохнет, а воспоминания о живших тут уничтожит церковь. Что уже прошло с галами, они больше не помнят ничего, стали преданные последователи истиной веры. Память о прошлом исчезла бесследно. Но философия сейчас не уместна, во дворе крайнего дома эти местные попытались оказать сопротивление. Хорошо что трое братьев прекрасно научились владеть арбалетом. Того, у ворот, обезвредили мгновенно, тяжёлый болт отбил у него желание братья за меч навсегда. И загалдели как базарные бабы, от радости, идиоты, пропустили старика. Отвлеклись на ту девчонку, бегущую в лес, строя планы на дурнушку язычницу. Опомнились когда всадник из христового отряда вывалил наружу свои кишки, завывая от боли. Старик оказался не прост, перед своей смертью ещё одного убил, это животное оказалось слишком лукавым. Но ничего, все жертвы среди воинов оправданны, умерли не напрасно, души наверняка возле ворот рая.

А пока стоит наказать глупых братьев.

Испуганная Драгана из всех сил бежала к лесу, там никто не найдёт, она знает все заветные тропики. Но женское любопытство преодолело страх и она нарушила указания деда. Обернулась на свою беду, налетела на кочку, не удержалась и подскользнулась на влажной траве. Упала и попыталась встать, что-бы отлететь в сторону, получив сильный удар ногой в живот. На секунду потеряла сознание и следующие что увидела напугало до жути. Лежала на спине, руки держали два типа, в этих страшных, чёрных балахонах, ухмылялись довольные. Но что странно, разговаривали между собой на знакомом языке, а не на лающем, который в ходу у святош. Подняла взгляд, над ней стоял третий, с горящими от возбуждения глазами, развязывал тесёмки штанов. Стоял усмехаясь, да ещё сообщил, что прежде чем она отправиться в какой-то аж удовлетворит каждого. Но если не будет сопротивляться убьют быстро, не будут сдирать кожу и не повесят на дереве, на собственных кишках. Бедная девочка от страха занемела.

Глядя, как эти три идиота собрались насиловать то животное, Иосиф возмутился. Вместо того, что-бы держать это логово язычников под присмотром они веселятся. Подбежал к ним и заорал, — потом с этими тварями развлекаться будете, недоноски. — и с омерзением воткнул своё копьё в грудь девушке.

Острый запах полыни заставил Драгану открыть глаза, всё тело страшно болело. Каждая частичка, а особенно болела грудь, словно кто-то плеснул внутрь огонь. Привстала и оглянулась, не понимая что происходит, — где тот родной лес, деревушка?

Вокруг редкая, незнакомая роща а она сама находится на куче земли, что возвышается над здешней травой, как чужеродное пятно. Но не это главное, четыре святоши, из тех что напали на деревню, лежат внизу. Живые, просто потеряли сознание почему-то. От страх

забыла о боли, перескочила через одного из них и побежала, не думая ни о чём, главное подальше от сюда, от смерти.

— Свет, ты это видела? Там, в роще, прямо по курсу, с левой стороны. Молнии странные, а потом бабах! Что-то упало, аж рябь по воде пошла.

— чего мелешь, как будто я дрыхла или у меня глаза повыпадали. Если там чего-то упало, то бери в право, хрен его знает, что это, но лучше глядеть на все странности со стороны. Достаточно уже нам приключений выпало на голову. Чего репу свою чешешь, сказала же вправо, греби олух, а я Саньку подниму пока.

Парню не охота было спорить, навалившись на шест, толкал плот на противоположную сторону от интересующего его места. Спокойное течение позволяло точно рассчитать, куда можно пристать. Правый берег был немного выше, поэтому удобных мест было мало для остановки. Выбрал одно, где пологий, песчаный спуск вёл к реке, с обеих сторон окружённый густыми, высокими кустами. Пока направлял туда плот постоянно оглядывался, любопытство не давало ему покоя. Наградой послужил силуэт девушки, мелькнувший среди рощи, почти у самого берега.

— Ребята, там кто-то есть, чес слово! Девчушка, мелкая, пробежала! Серьёзно, я не шучу, в платьеце желтоватом, белобрысая, с косою заплетённой. Летела как угорелая, как будто черти гонят!

Светлана вылезла из шалаша вместе с проснувшимся Матвеевым, посмотрела на другой берег, на Карима, опять на другой берег, в то место, где по его словам пробежала какая-то девчушка. Повернулась к Сане и покрутила пальцем у виска.

— здурел! Точно! Констатирую факт, как единственный тут медицинский работник. Эт него наверное из-за нехватки волос, перегрелся бедный. Столкни его в воду пожалуйста, пока доплывёт до берега, немного остынет. В следующий раз надо будет шапочку из лопухов сделать, от солнышка убережешь дурную голову. Что-бы не выдумывал разные глупости, панику без нужды не поднимал.

Ширина реки уже достигла больше тридцати метров, до выбранного Каримом спуска оставалось немного. Да и глубина в реке не превышала двух с половиной метров, а тут, где они сейчас находятся едва полтора. Так что если действительно его столкнуть не удавиться, — размышлял ещё сонный Матвеев, недовольный из-за выходки друга, глупая шутка не дала нормально выспаться. Желание выписать хорошего поджопника прервала острая боль и мелькнувший мигновенье перед этим шест. Тот длинный, тяжёлый шест, с помощью которого управлял плотом его друг. Повернул вниз голову, со стороны, в его левом боку торчал арбалетный болт.

Слушая как Светлана подшучивает над ним, Карим приподнял шест, что-бы направить плот к берегу. И внезапно появилось ощущение страшной опасности, впервые в жизни, чёрная волна, полная ненависти двигалась с противоположной стороны. Мир неожиданно остановился, замер, превратился в неподвижную картину. Но тело продолжало слушать команды, медленно повернул голову в сторону угрозы и увидел три размытых силуэта, несмотря на общее замедление они продолжали приближаться. Продолговатые, с острыми краями, как три острых клыка какого-то хищника, несли в себе выплеснутую на свободу фанатичную ненависть. Желание убить каждого из находящихся на плоту.

Обернулся назад, его друзья выбираясь из шалаша замерли, как статуи, с добродушными улыбками на лицах. Не осознавая что смерть на расстоянии вытянутой руки от них. Надо было срочно остановить этот ужас, руки сжали шест, мышцы буквально закрипели от

напряжения, вытягивая из окаменевшей воды буковый, тонкий ствол. Длинный, ровный, больше пяти метров, сейчас изогнулся от усилия Карима. Одним краем толкает самый ближайший силуэт, отправляя его в каменную твердь воды, следующий, летящий в улыбку Светланы туда же. Взвыл от боли в суставах, третий силуэт почти дотронулся груди Матвеева, толкнул силуэт, краем шеста, подальше от сердца друга. Но не достаточно, острый клык на глазах медленно пропарывает полинялую от пота гимнастёрку, подрезая на боку кожу. Кровь вылетает крошечными частичками алого тумана, не страшно теперь за друга. Останется шрам, но лучше это, чем неминуемая смерть вызванная ненавистью хлынувшей волной на плот.

Открыл глаза, быстро встал на ноги, в голове неприятно звенит. воздух почему-то очень тёплый, солнце ярко светит. Как будто не утро а середина дня, вокруг редкий деревья какой-то рощи. Рядом высокая куча земли, как грязное пятно, среди молодой зелени травы. По краям, на ней валяются новообращённые братья во Христе. Ни одного намёка на те дебри, в которых спряталось поселение язычников славян. Где же я? — пролетает в мыслях верного раба истинной веры: -девчушка! Воспоминания хлынули потоком, он забивает острое лезвие копья в грудь и наступает темнота.

Ведьма! Точно ведьма! О таком предупреждал епископ! Творение здешних мест, святотатство, надругательство и оскорбление церкви. Которое всегда необходимо сжигать, не оставляя и следа на земле. От этого опаснее только проклятые славянские волхвы, они и ведьмы не позволяют расширять истинную веру. Как говорят эти исчадия берегут родовую память, не давая возможности для уничтожения самой сущности. Проклятая ведьма! Это всё вокруг создала она! Весь этот мир! Уничтожив эту тварь можно вернуться в реальность! Это всё вокруг бесовское! Убить всё и всех тут, показать чего стоит настоящий воин Христа! — фанатично заблестели глаза монаха. Поднял с кучи земли своё копье и ударил новообращённых по ногам древком.

— поднимайтесь ленивые животные! Ведьма нас закинула в свой мир! Если не желаете здохнуть тут, необходимо найти эту тварь! И убить безжалостно! Ведьму и каждого кто тут находится, все порождения зла убить и сжечь! Кроме нас, истинных ревнителей святой церкви, тут нет обычных людей!

Трое братьев, подгоняемых монахом, двинулись по следам девушки, с взведёнными арбалетами. Сквозь густые кусты виднелась ровная гладь реки, что было отлично, направо дороги нет. Это облегчало задание по поимке ведьмы. Да она и не заботилась о том, что остаются следы, поломанная веточка, смятая трава, оторванная листва. Бывшие охотники легко находили дорогу сквозь рощу, двигаясь по пути своей жертвы.

Пробираясь тихо сквозь заросли, подошли к небольшой прогалинке, откуда открывался вид на реку. С той стороны, на расстоянии не более половины полёта стрелы плыл плот, с тремя путниками. Святоша был прав, это бесовский мир ведьмы и всё тут проклято святой церковью. Никто при здравом разуме не оденет на себя эти зелёные тряпки. А тот высокий, лысый стоит гордо на носу плота, обернувшись спиной глядит как из шалаша, на другом краю вылезают два исчадия ада. Одно из них в юбке, сверкает на солнце бесстыдно распущенными, длинными волосами. Это нормальная женщина себе не позволяет, всегда покрывает их платком, как и подобает каждой.

Позади слышится хриплый голос монаха, — чего встали, ждёте пока они убегут? Убейте эти твари и продолжайте преследование ведьмы!

Три негромких хлопка слились в один звук, братья хорошие стрелки, не даром них

держат в отряде. Сейчас три бесовских порождения подохнут от освещённых епископом болтов. На каждый упала капелька святой воды, так что ошибки быть не может. Но происходит невозможное, тот, стоящий внезапно приходит в движение, превращаясь в размытый силуэт, шест на мгновение исчезает, превратившись в быстро вращающийся круг. Два всплеска и два болта утонули, только третий попал в цель. Братья теперь точно уверены, кто перед ними, люди так двигаться не в состоянии. Испуг смешался с злобой, согнулись что-бы натянуть арбалеты. Громкий звук, сухой, как удар бича, только в разы сильнее послышался с другой стороны реки. Святоша перекрестился и заорал, — глупые бесы нас хотят напугать громким звуком! Защитить свою хозяйку, ведьму! Стреляйте по ним!

— падай! Какие-то идиоты хотят нас убить! За шалаш! Я прикрою! — скомандовал Юсупов, бросив поперёк плота длинный шест. Шагнул назад, став в пепел очага, перегнувшись через поленицу дров дохватил винтовку. Не целясь выстрелил в кусты, откуда прилетели болты, пустая гильза не успела упасть как последовал второй выстрел.

— мажешь! Кидай мне винтовку! — закричал Саня, не обращая на рану внимания. Он уже хорошо разглядел тёмные тени, в зелени прибрежных кустов. И желал поквитаться за свою боль, но дистанция для автомата была слишком большой.

Карим скрепя зубами от злости, понимая что напрасно потратил два патрона, бросил винтовку другу. При этом зацепился за лежащий у очага котелок, не удержался на ногах и свалился в воду. Судорожно махал руками, пока не нащупал дно, глубина в этом месте была всего лишь метр. Найдя опору, успокоился и потянул за собой плот, поближе к берегу. Светлана проводила его испуганным взглядом, прячась за шалашом, ещё толком не сообразив что происходит. Обернувшись, увидела как Саня став на одно колено выстрелил из винтовки и не оборачиваясь скомандовал, — Свет! Патроны!

Страх и оцепенение исчезли без следа, ужом заползла в шалаш, развязала котомку лежащую в углу и нащупала подсумок с обоймами. Всего шесть штук, всего лишь тридцать остроконечных защитников маленького отряда. Вытащила из котомки и приготовилась подавать них Матвееву. Когда рядом с головой, в выпавший, на камышовый настил кусок металла, отражатель гильз сорокопятки, ударил очередной арбалетный болт. Со звоном отрекоштитировал и упал за спиной в воду, сопровождаемый матюками Сани, — ...твою мать! Козлина...! Сейчас ещё схлопочете уроды...!

Оглушительно хлопнул очередной выстрел, на камыш, покрывавший плот упал латунный, дымящийся, безобидный теперь цилиндрик.

— что...? Не нравится...? Куда побежал... падла! Умрёшь уставшим....!

Грохнул ещё один выстрел, наступила мучительная тишина неизвестности, и облегчение на душе, после слов Матвеева, — ну вроде все! Желаящих побегать и пострелять, по нам, нет больше!

Вынул из рук Светланы обойму и засунул патроны в магазин винтовки, щёлкнул закрываемый затвор и через прицел начал разглядывать заросли на другой стороне реки. Готовый в любую секунду открыть огонь, что-бы защитить своих друзей. На левом боку гимнастёрки расплывалось бурое пятно и висел арбалетный болт, зацепившись своим оперением за плотный материал.

Никто, с обоих берегов реки, не видел, висевший на высоте двести метров, идеально прозрачный шар.

Стоя позади, в тени высокой ольхи, монах командовал новообращёнными, наблюдая что происходит на плоту. Первый удар грома, при отсутствии облаков, напугал, но следующий

встретил снисходительно. Не дано каким-то ведьминым тварям смутить сердце и ум настоящего воина истинного бога. Освящение арбалетных болтов не сильно помогло, эти криворукие славяне попали лишь в одного. Наверняка в этих трёх ублюдках не так сильна вера, раз задрожали руки из-за пустого грохота. Разочарованно оглянулись на Иосифа, опустив оружие, но грозный окрик быстро привёл в чувство. Принялись натягивать тетивы, настоящие, неуклюжие недоумки, наконец слушая команду, — все вместе по одной твари, так точно попадёте! Не переживайте, потом дам вам время вырезать них из мёртвых тел!

Разобравшись с ними, обратил своё внимание на плот, рассчитывая поживиться там. Ведь из снаряжение не было ни чего, только несколько брусков соли в заплечном мешке. Что было необходимо для подкупа местных жителей, эти идиоты, славяне, больше ценили соль, чем благородное золото.

Наверняка у тварей найдётся необходимое, главное поскорее избавиться них от никчёмной жизни, дарованной той ведьмой. Вот одна из них бросила какую-то палку другой, зацепилась за что-то и свалилась в воду. В душе монаха затеплилась надежда что оно утонет, река проглотит эту скверну. Опять раздался грохот, один из братьев согнулся и упал, так и не успев зафиксировать в жлебе болт. Сразу за этим последовал ещё один удар грома. Монах заметил, что из палки которую держала тварь вылетело едва видимое облако дыма. Обернулся и увидел как уже два его помощника валяются на песке, дёргаясь в предсмертных судорогах, так и не выстрелив по плоту. Дьявольский грохот и дым из палки убивают! — ужаснулся монах и последний его стрелок, после очередного грохота, лишился половины черепа, брызги крови и сероватой массы попали на лицо. Тело упало на него, скрыв от взгляда нечистивого, стоящего на одном колене, с страшной и опасной палкой в руках. Христовый воин был фанатично предан святой церкви, но кроме веры имел и разум. Всё вокруг очень опасно, это порождение чар ведьмы, не стоит тратить время на них. Убив ведьму он разрушит всё колдовство, оскверняющее божий порядок. Выбравшись из под тела, принялся собирать оставшиеся болты. Арбалет у среднего, из троих братьев, огниво и больше нет ничего полезного. Не тратя времени на раздумья и разглядывание тварей, двинулся по следу ведьмы. Он не хуже других умел это делать, много раз был в погоне за сбежавшими от божьей кары язычниками. И эта ведьма от его меча не уйдет, он будет и судьёй и палачом, свидетелем греховности, троедин в своих поступках, как святая троица.

— и ты долго откисать собрался? Вылезай на берег, сейчас я подгребу, от Саньки проку пока мало, — Светлана набросилась на стоящего в воде Карима и ухватившись за тяжёлый шест начала толкать плот к берегу. За несколько минут он уткнулся в песчаный пляж носом и остановился. Девушка облегчённо вздохнула и утёрла пот со лба.

— я дальше сам, ты погляди что у него с боком, — сложил вместе тонкие полоски кожи, служившие оперением арбалетного болта и легко вытащил его из гимнастёрки Матвеева; острый и тяжёлый зараза, таким убить раз плюнуть. И острие калёное, с выемками для яда, хорошо хоть чистые, кто знает какую гадость могли туда прилепить, опасная штука.

Без церемоний задрав Сане гимнастёрку Голубкова скомандовала Юсупова, — брось ту хрень, дай сумку мою, в правом углу шалаша лежит.

Через пять минут очистила разрезанную кожу, наложила повязку и постучала Карима три раза по голове, — эт на всякий случай, по дереву постучать, для удачи. А ты как раз рядом. Повезло обормоту, только надрезало мяса немного, если и был какой яд или грязь то кровь всё смыла. Заживёт быстро, как на собаке, обещаю.

— ну раз ты, светило медицинское, спокойна то и нам нечего переживать. Кстати, у

нас, в Казани, один кореец жил, рядом с базаром, так там дворняг не было. — с серьезным видом начал свой рассказ Карим.

Саня не выдержал издевательства и спросил, — а он каким хреном нам сейчас?

— таак она сама начала о собаках! Тот кореец собак жрал!

— Во клоун! Ты смотри с кем приходится иметь дело Свет! Олух, ты не о корейцах и собаках, лучше о том чего видел на той стороне рассказывай! Хочу понять, за каким по нам стрелять начали! Выяснить на кого мы налетели и что ждать дальше!

— да я того типа вспомнил потому что голодный.

— ну для тебя это нормальное состояние, ты не голодный только когда спишь, — не упустила своей минуты девушка.

— вот! видишь! Не могу и слова сказать из-за этой дамочки! Ладно, о том чего видел, значит гребу я потихонечку, ты дрыхнешь в шалаше без задних ног, спокойно так, тихо, птички поют, красота. Эта, облокотившись на входе, дремлет, разморило на солнышке. Как вдруг глядь, а сквозь заросли, на другой стороне мелкая девчонка бежит, желтоватый цвет платья хорошо видно на зелёном фоне. Бежит значит, не разбирая дороги, думаю напуганная была очень сильно. Но это моё мнение, что там и как, я не знаю. Чёрез десяток минут стрелять начали, трое, два болта успел отбить, а за третий ты уже Саня звиняй, только оттолкнуть успел. Но и это не плохо, иначе тебя перевязывать не было бы смысла.

Саня, провёл пальцем по наконечнику болта, нахмурился и посмотрел на друзей, — у нас, на медведя и лося иногда с арбалетом некоторые умельцы ходят, патроны берегут. Так что могу сказать точно, это не охотники, такими болтами только двуногих зверей бьют. Сидеть тут и ждать, пока ещё такие набегут нет смысла. Трое по нам стреляло и троих я завалил, без сомнения. Надо бы на ту сторону, разберёмся тихо, что да как. На этом берегу остаётся гадать и трястись от страха, в неизвестности, хотим того или нет, надо плыть. А за жизнь тебе брат я должен, как Светка.

— ну да ладно тебе, — смутился Карим, — ты бы точно тоже сделал. Ты у нас пострадавший, но и главный стрелок, так что я грести буду, а ты округу держи под контролем.

— ребята, я тоже за. Расстояние большое, а патронов для винтовки с гулькин нос, ещё пару таких случаев и готово, зато к автомату и пистолету полно.

Будем воевать, если придется, с близких дистанций, в три ствола.

— ладно тебе, амазонка, успеешь, пока что будем считать что находимся на вражеской территории. Переправимся на другую сторону, замаскируем плот и оставим тебя его сторожить, с автоматом. Он для ближайшего боя создан, отбиться сможешь, пока мы не подойдём. Но сама на рожон не лезь, сидеть будешь тихо, как мышь под веником. А нас ожидает небольшая прогулка, по тылам противника.

Пристроив плот, в густых зарослях камыша, по колена в воде ребята двинулись вдоль берега, что-бы не оставлять поблизости следов. До того места, где должны находиться трупы было всего лишь триста метров. Саня двигался первым, медленно передвигая ноги, стараясь не выдать себя всплеском воды. Наконец попался старый корень упавшего тополя, наполовину погруженный в воду. Осторожно ступая, по скользкой, трухлявой поверхности выбрался на сушу, спрыгнув в траву. Через мгновение и Карим присоединился к другу. Раздвигая стволом винтовки ветки кустов, шаг за шагом приближался к цели, словно тень, без единого звука. Вот до того места осталось всего с десяток метров, парень сел на корточки и принялся разглядывать дальнейший путь, в промежутке между травой и

стеблями кустов. Довольно долго, его друг уже потерял терпение и едва сдерживал себя, чтобы не спросить что там впереди. Но это оказалось ненужно, Саня спокойно встал и двинулся, абсолютно не скрываясь в том направлении.

— ты глянь, идиоты, отшельники. Одеты в хрен знает что, мешки дырявые на себя напялили, верёвкой подвязались и давай пулять в каждого встречного.

— не Карим, не стоит так. Идиоты они или нет, большой вопрос. Ты обрати внимание, единообразно одеты, кресты деревянные у всех на шее. И носят напоказ, так что-бы было видно издалека. Вся одежда из домотканого материала, кожаные обмотки на ногах, не на скорую руку а с толком повязаны. Ножи на поясе у всех, железо хреновое, но зато размер вызывает уважение. А о арбалетах и говорить не буду, профессионально сделано, для войны. С собой вещей нет, вообще, так что где-то поблизости лагерь должен быть. Вот туда мы с тобой и отправимся, надо поглядеть, много ли ещё таких гавриков.

— а девчонка? Что с этим делать?

Саня на минуту задумался, оглядываясь вокруг, — если я чего-то понимаю, тут было четверо, три бойца и хрен какой-то. Он зараза сидел позади, видишь у тополя трава смята, там падлюка в тени был. Сейчас двинулся за девчушкой, но догнать не скоро сможет, не лесной он жителей, зато она, судя по повадкам, в лесу родилась. Хрен поймает мелкую, так что айда к лагерю вражескому, разведку произведём по всем правилам.

— ну прохвесор, ты у нас командир, тебе и решать.

Следующий час два парня пробирались через довольно редкую рощу, спасали густые кустарники, высотой и по полтора метра. Кое-где приходилось двигаться на четвереньках, ползком, придерживая стебли, убирать с дороги мелкие сучки. От постоянного напряжения Карим морщился, едва не наступил по неопытности на открытый участок. Удалось пройти целый километр, как внезапно, идущий впереди Матвеев остановился и забыв о осторожности встал во весь свой рост. Ничего не понимая, его друг и дальше шагал согнувшись, пока не сократил расстояние до минимума. И тоже встал глядя на небольшую прогалинку.

Точно по центру возвышалась большая куча земли, покрытая местами старой хвоей, да ещё непонятно откуда появившиеся куски ветки, с зелеными, дубовые листьями. И это в роще, где кроме букв и тополей ничего из деревьев почти не было. Прошло несколько минут, ни один из ребят не произнес и слова, слишком очевидным было всё перед ними.

Первым опомнился Саня, развернулся и двинулся назад, по следам которые остались в траве.

— вот теперь вообще не понятно, Карим на той куче видно что бородатые появились тут, так же как и мы. Чужие для этого мира, четверо скатились с верхушки кучи, а та девчушка сама, своими ногами, спустилась и дала дёру. А потом уже и те начали преследование, зачем не понятно, но не проста. Надо найти мелкую, думаю она ответ на наши вопросы, в связи с появлением нас тут. Побежали, скрываться нет смысла, остался только один с арбалетом. Нельзя допустить что-бы он до девчушки добрался раньше нас.

И опять Кариму пришлось быть позади, его друг успевал видеть следы на бегу, не останавливаясь.

Она где-то поблизости, хитрое отродье греха во плоти, — обрадовался монах, глядя на кочку, с травой смятой в одну линию, с одной стороны, — оступилась ведьма! Надеюсь что поломала себе ногу тварь! Бог на моей стороне, помогает догнать и покарать! Славянское отродье, у тебя нет шансов против меча святой церкви!

Размазывая по щекам слёзы, опираясь на найденную палку Драгана с трудом передвигала ноги, уставшая, да ещё и по неосторожности подвернула ногу. Стиснув зубы, что-бы не закричать от боли, упрямо шагала, понимая, что только это может спасти от святош. Непонятно где находится, но думать некогда, шаг за шагом, подальше от них. Виднелась сквозь заросли река, отрезая возможность убежать в том направлении. Сейчас стало жаль, что так и не научилась плавать, иначе всё было бы по другому. Незнакомая местность, не понятно куда дальше, это не родной лес, где известна каждая тропочка. Там легко скрыться, но не здесь, хорошо что не высокая ещё, легче прятаться в высоких кустах. Но оставаться на одном месте нельзя, святоши не даром называют церковными ищейками. Очень трудно обмануть, тем более что используют перевертышей славянских, тех, кого прогнал род. Они самые опасные, в желании выслужиться перед своими хозяевами, творят настоящее зло.

Несколько раз позади был слышен гром, девчушка подняла голову, в надежде, что начнётся дождь, скроет следы и она будет в безопасности. Но чистая синева, с редкими, пушистыми облаками, разочаровала. Так что только вперед, боль в ноге можно и перетерпеть.

Невдалеке, почти рядом, громко треснула ветка, послышался звук торопливых шагов, паника и страх смешались с болью в ноге. Обернулась и упала на землю, получив удар древком копья в спину. Вслед за этим из зарослей выскочил монах, с горящими от фанатичной злости глазами. На бегу, с размаха ударил девчушку ногой, отбрасывая лёгонькое тело подальше от копья. Восторженно зарычал, отбросил в сторону на траву арбалет и вытащив меч поднял над своей головой. Приник губами к кресту, выбитом на лезвии, шепча что-то тихо. После шагнул к лежащей, беспомощной девчушке и замахнулся оглашая окрестности словами молитвы.

— быстрее, не отставай, они близко, поднажми Карим! Вот он четвертый придурок!

Подбежав на тридцать метров, скинул винтовку с предохранителя и прицелился, собираясь снять того бородатого одним выстрелом. Не давая возможности зарубить девчушку своей железякой, с которой только что целовался. Но зря недооценил противника, тот ухватившись за русые волосы девочки, поднял на ноги и используя тело, как щит, приставил меч к тоненькому горлу. После взмахом показал на винтовку и на землю, при этом что-то сказал на незнакомом языке. Но и жестов было достаточно, Саня стараясь спасти незнакомку бросил рядом с собой оружие, надеясь на тесак, висевший за спиной на ремне. Тот, что выковал его друг, из брони щита сорокопятки.

Монах оттолкнул на землю девчушку и шагнул с мечом к Матвееву, засмеявшись во весь голос, когда тот вытащил из-за спины тесак. Но хлёсткий хлопок люгера оборвал смех, точно между его глаз чернели отверстие, из которого толчками выходила алая струйка крови. Монах неподвижно стоял несколько мгновений, с мечом в руке, словно раздумывая, что делать дальше. Ладонь разжалась и выпустила на свободу оружие, длинное лезвие вонзилось в мягкую землю. Следом за этим тело монаха упало, сложившись, словно кто-то перерезал верёвку держащую марионетку. Над бездыханным телом торчал меч, как крест над могилой. Глядя на всё это до Сани дошли слова друга, стоящего немного дальше, в стороне, — а не чего тут скакать с режиком переростком, да и детей бить эта скотина больше не будет.

Обернулся, глядя на друга, который, с невозмутимым видом, согнулся и подобрал дымящуюся гильзу, — не чего добру пропадать, хорошая латунь, чего-нибудь смастерить можно, у нас и так ни хрена нет. Если добром раскидываться начнём, то быстро без портков

останемся. Ты кстати обещал рыбы наловить, я между прочим очень голодный.

Саня приподнял свою винтовку и едва сдерживал себя, что-бы не заржать, глядя на хозяйственного друга.

— ну раз обещал, только надо будет на четверых, прибыло нам пополнение;-после подошел к девчухе, лежащей на земле без сознания и остановился, увидев на шее знакомый предмет. Поблёскивавший на солнце, своим бирюзовым цветом. Замер, поражённый и себя пришел от слов Карима,

— ты не будешь против, если я исполню древний, очень уважаемый, татарский обычай?

— а это ещё что? Благовония и песни с бубном?

— неа, до такого мы не дожились. Просто вытряхну из этого гаврика усё полезное. Ещё мой дед говорил, трофеи от Аллаха! Грешно не уважать его подарки, хотя я и комсомолец, но такие обычаи очень уважаю. Вот только что с телом делать? Копать не охота, может его в ямку какую, да и хрен с ним. Да и трое друзей его, таким же манером, как тебе моя идея?

— верно, не заслуживают они похорон, сделаем по твоему. И с ними ты обычай произведи, нечего отступать от традиций. Но сперва глянь что наша находка на шее носит.

От удивления Юсупов присвистнул, периодически разглядывая Санин оберег и тот, что имела девчуха. Разница была не большая, необычный, кожаный ремешок, с прожилками выходящими из камня, выглядел потемнее у друга.

— один в один, как близнецы, попробую его покрутить, пока она без сознания, — присел на корточки рядом Карим, собираясь поэкспериментировать, и упал неловко на задницу, тихо ругаясь. Из-за взгляда огромных зелёно-голубых глаз спасённой ним девчухи.

Открыв глаза, Драгана увидела перед собой симпатичного парня, склонившегося над головой. Внезапно он исчез из виду, послышался звук его голоса, с трудом удалось повернуться и посмотреть в ту сторону. Парень сидел на земле рядом, что-то тихо бормотал, на незнакомом языке, с смущённой и доброй улыбкой на лице. Всё тело страшно болело, но собравшись она улыбнулась ему в ответ, в душе появилось ощущение полной безопасности и спокойствия, даже боль стала слабее. Но на больше сил не было и она опять потеряла сознание.

— ой блин, что тот урод сделал, надо срочно Светку сюда, эх жаль, что только один раз убить его можно, я бы его во второй раз на кол посадил, — запаниковал вдруг Карим.

— лучше вытряхнем козла из одежды, я из того носилки сооружу и быстренько отнесём к плоту.

Через пол часа парни подошли к песчаному берегу, осторожно положили носилки на траву и Карим убежал за Голубковой. Оставив друга сторожить девчуху и собранные впопыхах трофеи. Который уселся рядом с носилками, задумчиво разглядывал копию оберега, пробуя понять, что всё это значит. Вспомнил о словах деда, о каком-то спасении, внезапно заныла грудь, появилось странное ощущение, словно он уже умер, но и жив одновременно. Как это возможно, почему, вопросы крутились в голове, а та куча земли, как бельмо, абсолютно чужая, как пятно, на чистой зелени здешней травы. Согнувшись, дотронулся до оберега девчонки, ничего нового, такой же у него, висит на груди, под гимнастёркой. Пока малышка не пришла в себя, проверил как меняется бирюзовый цвет и ведёт ли себя этот, как компас. После проверил свой, то же направление, пока что вниз по реке, так что у них получается одна цель с незнакомкой. Погруженный в мысли, сидел неподвижно, как статуя, даже маленький, осторожный воробушек мирно слетел ему на

колено, что-бы передохнуть немного. И через пять минут, недовольно чирикнув, перелетел на ветку растущего рядом бука.

— не, этот дундук с птичками развлекается, оставив дитё лежать на сырой земле, — своеобразно поздоровалась Светлана, — а ну свалил в сторону, дай медицине места! Да и вообще иди помоги Карима, подгоните сюда плот олухи! Чего стал, давай отсюда, мне надо осмотреть девочку, ты только мешаешь.

— ладно, не скандаль, сейчас пригоним наш корабль сюда. Только будь внимательная, мы вроде всех подчистили, но всякое бывает, — и быстро двинулся вдоль берега, навстречу другу, разглядывая заросли, в поисках возможной опасности. Вскоре послышался плеск воды, показался плот, Юсупов с трудом управлялся с ним, отталкиваясь неуклюже шестом.

— кого я вижу! Эй лентяй, давай сюда, а то запарился, в одиночку, этот линкор толкать. Сапоги скинь сперва, тут ямы под водой, до пояса. Хватит и одного меня, дурня, что-бы провалиться.

Вдвоем парни быстро дотолкали плот до нужного места, подогнали его на мель точно напротив Голубковой. Которая не церемонясь, опять прогнала, выдав каждому персональное задание.

— таак, ты Санька хватай свою острогу и дуй по рыбу, жратвы нет вообще. А ты малахольный чего ржёшь! Тебе отдельное, самое главное, вы четверых успокоили вроде? А где шмотки? У ребенка ребро сломано! Чем я перевязывать буду? С вас одежду скидывать? И на полоски рвать? Мертвецам одежда больше не нужна вроде, или вы хоронить по всем правилам собрались? Так что вперед и без добычи не вертайтесь!

Как назло, с этой стороны реки, вода была очень мутная, из-за обилия мелких водоворотов. Пришлось основательно помучиться, хотя улов был довольно скудный, семь рыбёшек, с полторы ладони в длину. Выбравшись из реки, Саня отправился к растущим неподалеку тополям, в надежде найти поваленное. Вспомнив, как с дедом набирали на распадающихся стволах полные корзинки грибов. Плоских, рыже-белого цвета, опоясывающих древесину, как половинки диска. Пока они были мягкий на ощупь и не покрылись тёмной корочкой. Порезанные на тонкие ломтики, всего пару минут над углями костра и готово. Острый, пряной вкус не требовал соли и быстро создавал ощущение сытости.

Проверяя одно за другим дерево почти разочаровался, когда наткнулся на здоровенный пень, весь покрытый знакомыми грибами. Отложил в сторону ветку с очищенной рыбой, скинул гимнастёрки и подвязал воротник рукавами. Получился вместительный мешок, куда начал складывать найденные грибы. Обрато шагал неспешно, довольный результатом поиска, сегодня не надо было беспокоиться о еде. А завтра они двинутся дальше, по дороге можно найти участок реки получше. К тому же сплести небольшую, длинную ловушку-корзину, из молодых прутьев ивы, пару раз он видел как это делали рыбаки. На ночь притопить в реке, с приманкой из голов пойманной рыбы, всё равно выбрасывать. Так есть возможность что-то поймать к утру, хотя бы раков, какая никакая еда. Сейчас надо думать и о пополнении в маленьком отряде.

Сложив в кучу, снятые с мертвецов тряпки, Карим на минуту задумался. Рядом находился небольшой овраг, можно дотащить туда тела и обвалить на них одну из стен. Какие бы они не были при жизни, оставлять не погребёнными выглядело не по людски. Тем более, что вокруг один песок, работы на пару минут. Упавший, сухой ствол дерева, забить в склон и использовать как рычаг. Ничего не случится, если он немного опоздает, Светлана не

расстаётся с автоматом, сама в состоянии тут направить побоище. С таким характером и после всего пройденного, лучше всем обходить подругу стороной.

Управившись быстро с похоронами, взвалил тюк с вещами, опираясь на копьё одного из убитых, отправился к лагерю. Хотя и не был брезгливым, запах от тряпья заставлял задуматься о стирке. Не очень то хорошо перевязывать девчужку чем-то таким. Сперва простирать золой из костра, а потом сполоснуть в чистой воде, ветер тёплый, высохнет всё за пол часа, если ещё и на солнце развесить. Вот только самому это делать было лень, весь путь до лагеря пытался придумать, как это переложить на плечи Голубковой. Так ничего и не успел, чем только вышел на берег, тут же был встречен новым заданием.

— и где тебя носит, как будто на другой край света отправился, тебя за смертью посылать хорошо! Куда скидываешь барахло? Сам снимал, сам и стирай, я тебе котелок с золой приготовила, вперемешку с травой, подойдёт вместо мыла. Так что вперёд, заодно и сам отмоешься, воняешь за километр. Вон за тем камышом, отличное место, не переживай, подглядывать не буду.

— ладно тебе, не барин я, руки не отвалятся. Что с детём то?

— да вроде должно быть всё хорошо, ребро только треснуло, с правой стороны. Там синяк огромный, не представляю себе, где можно такой заработать?

— а это тот хрюндель, что четвертым был, с ноги приложил скотина, а в девчужке то и веса нет, отлетела бедная на пол метра, такой удар был. А ещё и в спину вот этим копьём, дровком. Надо было его не сразу убить, а так что-бы помучился, только у меня выбора не осталось. Когда на Саньку с мечом кинулся я испугался, рубака опытный по повадкам и опасный. Зато сразу в голову пулю получил.

— надо было в ноги сперва, допросить перед смертью, за каким хреном они на ребенка накинлись. Ладно, что сделано-сделано, иди уже искупайся, воняешь очень.

Драгана открыла глаза, попробовала вздохнуть и едва слышно ойкнула, от боли в правом боку. Пришлось дышать очень осторожно и медленно, к тому же почувствовала как чем-то, туго перевязана выше пояса. Над головой нависали стенки шалаша из листьев камыша, вплетённых в каркас состоящий из тонких веток. Было слышно, как кто-то разговаривает, два мужских и один женский, язык был отдалённо похож на родной. Сквозь звук голосов пробивался равномерный плеск воды, напомнивший что она очень хочет пить.

Аккуратно повернулась на левую сторону, ширина это позволяла сделать, тут было достаточно просторно. Потихоньку двинулась к выходу, два метра длинны сейчас показались огромным расстоянием, к тому же мешала боль в спине. Усевшись на коленях, у самого входа, поняла, что находится на плавущем плоту, с двенадцать, пятнадцать шагов и минимум пять размером в ширину. Шалаш находился позади, а в средней части, на поленнице дров, рядом с высокой мачтой, сидели двое, молодой парень и девушка. О чём-то тихо беседовали, расположившись перед разжжённым очагом. На самом носу стоял высокий, белокурый парень, с длинным шестом в руках, подправляя движение плота. Святош, пытавшихся убить, нигде не было, хотя рядом с сидящими лежали смутно знакомые арбалеты, на ворохе разорванных, на полосы, балахонов святош. В этот момент сидящая впереди девушка обернулась, глядя на Драгану с сочувственным выражением лица. Никакой угрозы у той в глазах не было видно, поэтому она решилась и попросила воды.

— ой, ребята, мелкая ожила! Чего, а воды, сейчас, сиди милая. Карим дай ребёнку напиться!

— сейчас, только сполосну котелок, бедняга, смотри какая худющая, — запричитал

Юсупов, поставив перед Драганой котелок с водой.

С трудом его подняла и прильнула губами к жестяному краю, глотая живительную влагу, не в силах остановиться.

— не торопись, никто не отнимет, не бойся, — Светлана с жалостью глядела на маленькую девочку. Когда та наконец напилась и поставила, почти пустой, котелок назад, спросила, — ты наверное голодная, хочешь есть?

От выпитой воды Драгана наконец то пришла в себя, пока пила девушка что-то говорила, поднять слова было не возможно, но общий тон успокаивал, эти незнакомые люди не желали зла. Вот как она к ним попала, что происходит, предстояло выяснить, тем более что смысл некоторых слов она поняла.

Саня обернулся и едва сдержал смех, уж очень забавно выглядела малышка, осоловевшая после еды, с следами гари под носом. Была похожа на маленького, любопытного котёнка, который с трудом борется, что-бы не уснуть.

— пустите ребенка, чего раскудахтались, не видите что она хочет спать. Сейчас это лучшее лекарство, быстрее встанет на ноги.

Следующие дни не отличались друг от друга, только что река стала шире, почти пятьдесят метров, но зато течение замедлилось. Так что больше тридцати километров в день не пройти не получалось, да и то с помощью паруса. Девушки быстро подружились, Голубковой целыми днями учила подружку языку, так как других обязанностей не имела, парни пока сами отлично справлялись. От неожиданного пополнения была и польза, корзина сплетённая Саней была переделана, превратившись в подобие огромной бутылки, с дополнительными прутьями, не дававшими рыбе выбраться из ловушки. Это сразу облегчило вопрос питания, тем более что внезапно у всех появился необъяснимый, зверский аппетит. Карим больше не беспокоился по поводу лысой головы, вместо выпавших прежних чёрных волос, отросли новые, пока всего сантиметр в длину, но зато белые как снег. И теперь гордился этим, называя себя единственный настоящим блондином, до которого остальным ещё далеко, с своими русыми волосами.

Но главное увлечение не забывал, смастерил каждому по маленькому ножичку, сделанному из латунных, винтовочных гильз. Да и разобрал на части все три арбалета, собрав только один, который даже своим видом вызывал уважение. Особенно когда удалось с ста метров подстрелить бегущего зайца. Но самое главное произошло через шесть дней, после появления Драгану. Наводя порядок в шалаше, вытащила из него котомку святоши. Она всё время лежала в углу, покрытая тряпками и листьями камыша. Девчонка надоело жалобы друзей, на неудобную подушку, решила вытрясти всё из котомки и набить сухой травой, вперемешку с листвой. На настил выпали два странных, довольно крупных бруска, завёрнутые в дерюгу и перевязанные верёвкой. Любопытство взяло верх, не спрашивая разрешения, развязала и удевлённо глядела сероватые бруски. Наслюнявила палец и провела по поверхности.

— ура! У нас есть соль!

В тот вечер все наслаждались едой, подсоленной, впервые за последние время.

— не могу поверить, столько дней сплю с солью под головой! И пресным давлюсь, — не мог успокоиться Юсупов, — совершенно другое! И как я сразу не заглянул в котомку?

— других забот хватало, да и Светка панику тогда подняла, ганяла нас как негров на плантации.

Переругивались для виду друзья размышляли о рассказе девчонки, о том крае, где она

родилась и жила. По всему выходило что это территория Германии, но германцами там и не пахло, они, по словам Драганы, живут значительно западнее, появились вместе с святошами. Огнём и мечом насаждают свою веру, начали строить руками пленных монастыри. Больше похожие на крепости, из которых совершают набеги на славян, захватывая земли. Те посёлки, которые возьмут под свою власть, облагают данью. Посылают проповедников, заставляют учить свой язык, запрещая разговаривать на родном. Особенно посвящают внимание детям, подкупая наивных, настраивая против родителей, вводя в свою веру. Постоянно вспоминая какого-то Христа, что умер за людские грехи. Дед девчушки на это всегда говорил одно и тоже—"за кого тот умер, тот в него и верит, мы славяне, дети божи, по божьей воле живём и перед ним сами отвечаем, не дожидаясь чужой помощи".

Но самое странное было в другом, когда спросили Драгану какой сейчас год. Та на минуту задумалась и ошарашила всех ответом.

— ну я ещё не очень хорошо считаю, где-то одиннадцать тысяч восемь сотый, от Великой Стужи, так дед и отец говорили, столько прошло. От того времени, как на эти пустые земли нога славянская ступила, выкорчевали первое дерево, для дома своего. Пришли с северо-востока, из тёплой земли, потому что там Стужа началась.

Ребята молча слушали, переглядываясь между собой, ничего в сущности не понимая из рассказов, всё было похоже на какую-то выдумку. Свет костра разгонял мрак, переливаясь красным, в бирюзовой глубине берега, висевшего у малышки на шее. Точно такого, что скрывался под Саниной гимнастёркой. Но она, в отличии от парня, его воспринимала абсолютно спокойно, как само собой разумеющееся. И изменения цвета служило напомидало всем о цели путешествия, в этом незнакомом мире.

Прошло больше двух недель, от появления тут ребят, от оставшейся в одиночестве маленькой пушки отделяло больше пятисот километров. Местность постоянно менялась, густые леса, открытые пространства степи, с правой стороны виднелись далёкие горы, покрытые сахарно-белыми шапками снега. Река понемногу росла, подпитываемая множеством ручейков, спокойная и медленная, несла плот точно на юг. Непуганые животные выходившие на берег, провожали его удивлёнными взглядами. В зарослях камыша появились стаи уток. своим видом возбудившие, вечно голодного Карима.

Следующий целый день он возился с настройкой арбалета, менял наконечники болтов, пока под самый вечер, перед самой остановкой на ночлег, подстрелил большого гуся.

— а теперь плыви и доставай, в тину по самые уши, будешь в ряске с ног до головы, — подшучивал Саня над другом, — но ничего, отмоёшься охотничик ты наш. Дорогие дамы, а ну брысь в шалаш, сейчас наш друг голяком за добычей ползет. Нечего смущать парня, для всех старается, так что не подглядывать.

Юсупову не оставалось другого выхода, как плыть за добычей, к тому же было очень жаль потерять хороший арбалетный болт. Как и предвидел его друг, весь покрылся лепливой тиной и ряской, пока добрался до гуся. А после долго отрывал всю грязь с себя, ругаясь в пол голоса.

— а следующий раз стреляй только в тех, что по берегу шатаются, вон какой выбор, ни хрена не боятся. Ощипывать не будем, обмажем глиной и под костёр, сверху пепела и углей, пускай томится до утра, — предложила Драгана, ловко потроша птицу, — рыбы на ужин достаточно.

— я уже смотреть на рыбу не могу, надоела, каждый день одно и тоже, от этого скоро чешуёй покроюсь, — скривилась Светлана, — хорошо хоть Карим додумался до чего-то

полезного.

На следующее утро разгорелся спор, кому что достанется, в конечном итоге от здоровенного гуся осталась куча основательно обглоданных костей. Отплытие пришлось отложить на час, осоловевшие от такого количества еды, с наслаждением леньтяйначали сидя у погасшего костра. Разглядывая противоположный пустынный берег, откуда начинались степные просторы, утопающие в густом ковре зелёной травы.

— какие хорошие пастбища, раздолье для отар овец, коров. Водопой рядом, мечта пастуха, — вздохнул грустно хозяйственный Карим.

И тут он увидел вдалеке, на небе, тёмную точку, сперва не придав значения, решив что это просто хищная птица, высматривающая с большой высоты себе добычу. Расстояние не возможно было определить на глаз, слишком далеко находилась точка. Его неуёмное любопытство заставило вынуть из котомки орудийный прицел и взглянуть на небо сквозь оптику.

Двухкратного увеличения было довольно, что-бы понять-это не птица! Огрултый, серый объект, похожий на обмылок, медленно опускался к поверхности. Сравнив его размеры по отношению к едва видимой на горизонте рощи парень занемел. Примерно с километр длинны и метров двести в высоту, абсолютно гладкий, без единого выступа, отдалённо напоминал огромное тело первых дирижаблей. Вот он совсем близко к земле, резко остановился, нарушая все понятия о инерции. От увиденного у парня задрожали руки, килограммовый, орудийный прицел не очень хорошо выполнял роль бинокля.

— Саня, ты глянь в ту сторону!

Тем временем объект начал двигаться наискосок, по степи, к реке, хотя до него было ещё очень далеко, он поражал воображение размерами. Стало видно, как он периодически останавливается, от нижнего края отделяется подобие небольшой платформы, которая опускается на землю на пару минут и возвращается назад. Зачем она это делает было непонятно, расстояние и небольшие изменения в рельефе местности скрывали происходящее от ребят. Оставалось только ждать, пока объект приблизится, любопытство заставило забыть о осторожности. Впервые, за всё время, оружие осталось лежать на своём месте, то, чем они располагали, вряд ли сможет как-то повредить такую машину. В искусственный характер объекта сомнений не было ни у кого.

Через некоторое время можно было разглядеть, что происходит с той платформой. Отделяясь от летающего монстра, несла на себя множество каких-то тёмных существ, что точно не возможно было определить, мешала розоватая дымка над верхней частью. Она словно бы скрывала свой груз, как только платформа опустилась на землю, исчезла без следа. Огромный пандус опустился на поверхность, по нему величественно вышагивали десятки здоровенных, лохматых быков. Спустившись в зелёный ковёр степи остановились, не зная что делать дальше. А доставившая них платформа быстро взлетела, скрываясь в нижней части корпуса объекта.

— сеет! Точно! Всё становится на свои места!

— чего сеет Сань? — спросил удивлённый Карим, пока женская половина отряда продолжала молча наблюдать за быками.

— ну как тебе лучше объяснить? Понимаешь, от нашего появления, в этом мире, у меня ощущение что всё вокруг нас незаконченная картина. Как будто ребенок, начал рисовать и не закончил до конца, вроде как всё есть, основное, но не хватает множества деталей. Что-бы получилась полноценная жизнь на рисунке, а теперь вспомнил и взялся дорисовывать

остальные детали.

Светлана очнулась и не удержалась, — ты хочешь сказать этот мир только рождается? Так ещё немного и договоришься до бога.

— ну бог или нет, это нам не дано понять. Тут такое дело Свет, я постоянно вспоминаю первые минуты появления, вспоминаю и не могу избавиться от ощущения, что уже был мёртв. Мертвый и снова живой, живой в этом мире. И когда разобрал последние минуты, того боя с немцами, когда ты тащила за руку политрука, уже мёртвого, вспомнил серию взрывов за нашими спинами. Ведь в тот момент, из наших в живых только мы оставались, немчура весь огонь вела по нам. Ну и какие у нас шансы были выжить?

То, что Матвеев назвал сеятелем, скрылось из виду, оставив несколько групп быков в степи. Всё молча сидели на вершине бугорка, у потухшего костра, рядом с мирной, спокойной рекой. Молчали, не зная как себя вести, после всего. Карим собирался что-то сказать, но передумал, после слов Драганы.

— и у меня, такое же чувство, а последние что помню, святоша с копьём надо мной, замахивается и дальше тьма, очнулась на куче земли, в груди горит.словно углей насыпал кто, я ещё проверила себя, но ничего не обнаружила, целая и невредимая. А святоша и его помощники внизу кучи, без сознания валяются. Испугалась и дёру, пока не очнулись, так и бежала, не глядя, огонь в груди утих и больше не возвращался. Ну что было дальше сами знаете, — тяжело вздохнула и замолчала, глядя на троих друзей. Пытаясь понять, что же так их объединяет, какой последний бой, взрывы, немчуре. До сих пор они старались избегать этой темы, отшучиваясь только и отводя взгляды в сторону.

Затянувшейся молчание прервал Саня, — всё хотел тебя спросить. А откуда у тебя такое красивое украшение на шее?

— а, оберег что-ли? Так это не мой, дедов, он его мне нацепил, когда святоши христианские нас убивать пришли. Они тех, что веру свою предать не желают за людей не держат, говорят в нас души нет, мы многобожцы, колодам кланяемся и остальные гадости делаем, чуть ли не детей жареных не едим. Потому и убивают без жалости, а посёлки сжигают до тла. А сами то помалкивают, что все самые важные и ценные, святы книги свои на пергаменте написаны. А знаете вы откуда тот пергамент хоть?

Карим знакомый с этим, обрадовался и сразу ответил, — да кожа это, с животных всяких, специально обработанная, через специальные валы утончённая, ну пропитка. Сохраняется веками, это не бумага, которую моль всякая жрёт.

Драгана горестно вздохнула, — ну да, животных, это святоши христианские и говорят. Только животные с которых кожу сдирают наши дети, младенцы, специально для этого набеги устраивают, на славянские племена, из-за кожи белой. У них все самые важные библии на нашей коже написаны. У нас о том почти все знают, зато, когда набег детей в первую очередь спасают. Старики в селениях сами на копья грудью бросаются, стараясь дать время остальным. Такие вот дела, а дед оберег от какого-то волхва получил, спас того от стаи волков. Сам против серых, с одним топором, победил, но весь в шрамах, глядеть страшно.

— занятное совпадение, Санька наш свой оберег от деда получил в наследство. Только не спасал ни кого. Если всё собрать в кучу, выходит обереги очень необычные вещицы, а ты пробовала его снять то? — Светлана спросила девчушку, — может твой получится снять.

Но и этот не хотел слезать, уменьшаясь, при попытке скинуть его с шеи.

— ладно вам, хватит дурью маяться, не хочет он расставаться пока с нами, как и тот что

у этого оборота. Хотите верьте или нет, но я думаю что обереги нас спасли от смерти как-то, а теперь показывают путь куда-то. И вместо того что-бы тут размусоливать о загадочной природе, лучше всего двинуться дальше. Не думаю, что там нас ждут гадости, нет смысла, сперва спасать а потом на погибель отправить.

— верно говорит Карим, давайте девушки дорогие собираться, плывём, пока река позволяет, — согласился с другом Матвеев и засыпал кострище песком, — на всякий случай, не хочу давать возможность для пожара. — и полил сверху водой из котелка.

Вскоре плот поплыл дальше, унося на себе четверых людей, двигаясь в неизвестность. Удаляясь от видневшихся вдаль гор, постепенно приближаясь к цели, на которую указывали оба берега. Дни стали похожи один на другой, монотонность прерывалась пару раз, когда начались дожди, летние, тёплые потоки воды заставили переделывать шалаш. А неутомный Карим отбирал у всех из еды жирные куски, стараясь использовать для смазки оружия. Тем более, что влажность воздуха становилась ощутимой и он очень боялся ржавчины. Да ещё дополнительная проблема была с тетивами разобранных арбалетов. Сплетённые из жил каких-то животных, начали покрываться налётом плесени. И когда по пути попала высокая сосна, Юсупов от радости едва не упал с плота, торопясь добраться до смолы. Целый вечер потратил на пропитку тетив, а после ругался из-за того что они слепились в клубок, распутав, развесил внутри шалаша. Никто из друзей не возмущался, ведь арбалет позволял не тратить на охоту немногочисленные патроны.

Через неделю возникла большая проблема, река резко поворачивала в сторону от направления берегов. После долгого совещания, решено дальше двигаться пешком, тем более что вещей не было много. А ещё и помогла Драгана, за вечер сплела, из вымоченной в воде коры, два короба. Да и Юсупов не отстал, из тряпок святош соорудил широкие лямки для них. Так оба парня все вещи могли нести сами, при этом руки оставались свободными. Переночевав на плоту в последний раз, вытащили его на сушу, отвязали цинковку, служившей парусом и засунули в шалаш.

— эх и прокатились, считай за всё время водой с тысячу километров проплыли. Послужил, теперь пусть лежит тут, отдыхает трудяга. Может в этом мире ещё кто-то есть, наткнётся на готовый плот, обрадуется. Как займка охотничья в лесу, — после Саня аккуратно положил острогу поперёк плота. Поправил лямки короба, повесил на плечо винтовку и поднял друзей, — вперёд лентяи, забыли уже что и пешком можно передвигаться.

Я первый, Света с пистолетом, Драгана и Карим с автоматом замыкает.

— А чего я безоружная? Я тоже хочу! — возмутилась девчушка.

— Это тебе не игрушка, тут надо уметь пользоваться железяками, а и с боезапасом у нас плохо. Не охота в пустую нельзя патроны тратить. Вот тебе арбалет и все болты. Пояс с крюком, для натягивания тетивы затягивать потуже, я и ремни плечевые к нему приделал. Так легче, нагрузка равномерно идёт на все мышцы. — Карим помог Драгане лучше завязать ремни и вручил арбалет, — смотри случайно нас не подстрели.

Путь вёл через большой, прибережный луг, упирающийся в лес, Саня зашагал, утопая по колено в высокую, сочную траву. Сегодня он наконец понял что происходит вокруг, этот мир только рождается, чистый, нетронутый. Он как маленький ребенок, делает свои первые шаги, поэтому нет никакой для друзей опасности. Главное сейчас экономить воду, река осталась за спиной, надежда только на родники. Местность впереди не холмистая, они тут не часто попадаются, а животных не так много, что-бы проложить едва приметные тропки к

водопоею.

Оставшийся пол дня небольшой отряд прошел на одном дыхании, без единой остановки. Небольшие рощи сменялись просторными лугами, над головами носились любопытные стрекозы, бесстрашно спускаясь на короба с пожитками, что несли парни. Пробегающая рядом с ребятами, семья косуль остановилась и уставилась на людей, а после неторопливо двигались параллельно, разглядывая необычных, пока что, существ. Под вечер удостоились внимания здорового серого зайца, который усевшись на бугорке, неспешно жевал какой-то корешок по хозяйски наблюдая за происходящим. И когда маленький отряд удалился быстро обогнал и уселся на очередной бугорок продолжая жевать.

— Во харя наглая! Ничего не боится! Сань, а давай его к нам на ужин пригласим, вместо главного блюда.

— да ладно тебе, пускай бегает! У нас ещё рыбы полно, доесть надо будет, не выбрасывать же. Завтра Карим будет возможность поохотиться, а сейчас нечего обращать на него внимание.

— да он морковь жрёт зараза! Точно! По битве видно! Ребята а давайте короткий привал сделаем, я могу поискать корешки, иначе этот толстозадый всё подчистит. А на ужин запечь морковку, с стебельками молодого лопуха. — не могла успокоиться Драгана, когда увидела что ест заяц.

— ну вас только харчи на уме! Лучше под ноги смотрите, влетите в какую-то ямку, лечи вас потом, — возмущилась Голубкова из-за детского поведения друзей. — подумайте как делить дежурство на ночь. Тут ведь не плот, днём не отоспишься, шагать надо.

— а ведь точно, совсем из головы вылетело, привык к тому ритму на реке, — всполошился Матвеев, сообразив как опростоволосился в роли командира. — а что если вас две будете дежурить вместе, до полночи, а дальше уже мы время поделим между собой? Так все завтра смогут топтать с нормальной скоростью, а не плестись сонными коровами. Только до полночи, после спите себе до семи утра.

— ну если так, то мы согласны, так не будете мешать Светлане, пока учит меня обращению с оружием, а то от вас мужиков никакого толку.

К вечеру место стоянки было найдено, вырос быстро шалаш, сложенный из сухих веток, покрытый травой и листьями. Пока было светло оба парня натаскали кучу дров, забрались внутрь шалаша и моментально уснули, оставив девушкам возню с ужином и разжиганием костра. Спали не обращая внимание на периодический лязг затвора, чертыхание Драганы, когда ни как не удавалось собрать отдельные части в пистолет. Потом слушала как надо целиться и что происходит при нажатии на спусковой крючок. Вертела в руках винтовочный патрон и никак не могла понять, что в состоянии натворить один маленький кусочек металла. Какие страшные раны в состоянии нанести, легко уничтожить людскую судьбу безвозвратно. А когда рассказал дошел до пулемёта и пушки, она не выдержала и спросила, — да как же вы живёте? Столько всего выдумали для того что-бы убивать не напрягаясь, издалека, не видя глаз своего врага. Убивать не думая, не мучаясь сомнениями, совестью. В моём мире всё порядочнее, честно, ты и враг, тут, рядом, видишь его зрачки, слышишь дыхание, тут кто кого, без вранья. Жестоко, кроваво, но честно.

— может ты и права, не слишком хорошие наши времена, слишком легко можно отнять чью-то жизнь, да и мерзости хватает. Вон с немцами воюем, они с первого взгляда культурные, порядочные, цивилизованные вроде как. А ведут себя хуже любого зверя, да что зверя, тот убивает когда голодный, эти же получают от убийства удовольствие.

Разговор о оружии затих, две девушки сидели молча, глядя на языки пламени костра. До полночи осталось чуть больше половины часа, когда Драгана прервала молчание, — а откуда такое необычное имя-Карим? Никогда не слышала, странное.

— а это из-за того, что страна наша очень большая, кого только нет, живём себе одной семьёй, держимся один за другого. Тяжело, но так кому легко на белом свете. А Карим татарин, восточных кровей человек.

— чудно, я думала он из варягов, с моря северного, такой же белобрысый, зеленоглазый, глазища огромные.

— да ты подруга никак на него запала? А не рановато ли? Тебе же вроде как двенадцать годков, молодая ещё о том думать.

— тринадцать почти мне, как раз время на парней сети закидывать. Да у нас к шестнадцати годам все замужем девки, в мои годы умные приглядывают себе жениха, да родителям на ухо шепчут о том. Ну если они одобряют то и о женитьбе начинается разговор, ну а там как получится.

— ох и порядочки у вас, а для себя пожить, мир посмотреть, карьеру сделать когда?

— а чего? Законы такие, обычаи, думаю что и правильные. Мир посмотреть конечно здорово, да караеру оную строить. Но всё это по моему мнению потеха для чужих глаз, а не для себя, своей души. Не жизнь а скоморошество пустое, неправильно это, не по людски. Для женщины дом на первом месте должен быть, да муж-добытчик во главе всего, потом уже дети, ну а на краю родня, род. Всех то знаешь, тебя тоже все знают, зачем прикидываться тем что ты не на самом деле, врать. Тут ни чести, ни уважения, ни чего, прах то всё и суета, как туман утренний. Солнышко взойдет, пригреет и от него ничего не останется, станет сразу видна вся грязь в человеках.

Светлана задумалась над словами простой девчонки, сравнивая свою жизнь и ту. Обычная, молодая непоседа была мудрее всех кого она знала, разложила по полочкам всё за раз, с полной уверенностью в себе. Попробовала найти хоть какой-то изъян, но что больше анализировала, всё больше убеждалась в исправности слов Драганы. Но всё равно, было не очень то приятно слышать такое, из уст девчонки.

Смена подходила к концу, пора было будить Матвеева, к которому она была равнодушна, так что выбор подружки только обрадовал. На завтра решила устроить осмотр парням, насколько она помнила, Карим имел карие глаза, но в последнее время она на него много внимания не обращала. Так что медленные изменения не бросались в глаза, да и она, как медицинский работник, не могла похвастаться опытом и знаниями.

На следующий день о планах было забыто, по привычке хотела умыться, но оказалось, что с водой начались проблемы. Саня отобрал у всех фляги и сложил в свою корзину.

— будите получать по пару глотков в час, экономить надо, когда найду ручей, тогда напьетесь сколько хотите и умоетесь. Да соль беречь надо, остался один кусок всего. Кто знает, сколько нам ещё шагать до цели.

Почти целый день двигались, делая короткие остановки, вода подходила к концу, а никаких признаков ручейка не было видно. К тому же все животные исчезли, не на кого было охотиться. Положение спасали найденные в одной, небольшой роще грибы, да ещё какие-то корешки, что выкапывала по дороге Драгана. Обещая сварить похлёбку на ужин. Все с грустью вспоминали беззаботное путешествие на плоту, когда не надо было волноваться о насущном, всё было рядом, протяни только руку. Наконец, к вечеру, попался ручей, радости не было границ. Напившись, наполнив фляги хотели двинуться дальше. Но

Матвеев проверил оберег и направление потока воды в ручье.

— ночевать будем тут, не очень удачное место, но зато вода рядом. Да и течение почти в нужную сторону, немного влево идёт, но не критично. Хватит сегодняшнего дня, жара, пить охота а нечего, поэтому и плетёмся как улитки.

Все слишком устали и возражений не было, но ночевать пришлось в небольшом кустарнике, лёжа на тряпках, оставшихся от святош. До леса было довольно далеко, и парни до наступления ночи принесли мало дров для костра. Приходилось экономить и с этим, хорошо что Карим догадался собрать сухой травы. Связанная в жгуты, быстро прогорала, но дала довольно жара для приготовления скудной похлёбки. Но всё равно, котелок мгновенно опустел, четыре молодых организма требовали нормальной еды, так что спать ложись полуголодные. Обвинив за всё неудачного охотника.

— а что я? В кого стрелять то, в жуков и стрекоз, или в кузнечиков? Тут нет нормального водопоя, зато и животных почти нет. Один ручей, на всю округу, тут и трава сохнут начала, корни не идут в глубину, как у деревьев, до водоносного слоя не дорастают.

— ладно тебе, хорош оправдываться, лучше давай на боковую, у нас ночь на носу. — Саня свернувшись, моментально уснул.

— завидую, это же надо, только голову опустил и уже спит, я так не могу, — пожаловался Карим.

— ну так его совесть не мучает, обещал воду и нашел, в отличии от некоторых, не будем на белобрысый пальцами показать, что оставили друзей голодными, — выдала Светлана, вместо спокойной ночи.

Парень пытался найти соучастие у Драганы, но и она, прислушиваясь к бурчанию в своём животе, — добавила, — спи давай, тебя ещё дежурство ждёт. Никудышный охотник, а я ещё хотела за него замуж выходить. — чем окончательно добила парня, заставив того густо покраснеть и тихо прошептать себе под нос, — кто с женщиной спорит, тратит годы жизни в пустую, потому и Всемогущий не женат.

На следующее утро все быстро собрались, так как не надо было тратить время на завтрак, еды просто не было. Но зато удалось нормально умыться и напиться вдоволь, наполнить фляги до краев. Двигаясь вдоль ручья пол дня, подошли к границе между степью и густым лесом. Тут в тени, устроили себе большой привал, на целый час. И в это время Карим исчез в густых зарослях, ему наконец удалось подстрелить глухаря, довольный, принёс трофей друзьям, объявив себя великим охотником. И когда они собирались опять начать подшучивать над ним, добавил, что согласен взять Драгану в жёны, — будешь в в моём гареме главной женой, гордись!

Девчушке потребовалось несколько минут, что-бы прийти в себя, обернувшись к своей подруге, тихо что-то спросила.

— и это комсомолец! Кто бы мог подумать! Решил вернуться к обычаям предков! Драгана, у этого олуха, в народе, был обычай иметь несколько жён. Но когда увидели, что в комплекте получают и тёщ столько же, быстро передумали.

Девчушка быстро сообразила о чём идёт речь, согнувшись ухватила сухую ветку и принялась гонять парня по лесу, — да я тебя охальника прибью! Зараза! Многоженец! Оскоплю что-бы не повадно было, на других глядеть!

Матвеев проводил скандалющую парочку взглядом, когда они скрылись в кустах, философски констатировал, — Светлана, мы сейчас присутствовали рождению молодой, крепкой семьи, если конечно она его не прибьёт.

Двадцать минут пришлось ждать, пока из леса выбежала раскрасневшаяся Драгана, указывая себе за спину рукой, — тама!тама река! Огромная! Река! Течение в том же направлении, куда оберег! Река! Пять минут всего ходу.

Светлана повернула Санину руку к себе, так что-бы видеть часы и спросила, — пять туды, пять сюды, а где вы остальное время потеряли голуби вы наши белобрысые и где этот многоженец несостоявшийся?

Девчушка на секунду смутившись нашлась, — да мы решили разведать там всё, а потом он меня послал вам сообщить о реке. Сам там утку подстрелил, ну и полез вытаскивать. Хотел сюрприз сделать, на ужин приготовить, ещё место для шалаша присмотрели хорошее. Пошли, там так здорово, другой берег за километр, простор, в жизни такую реку не видела!

— тихо, тихо, лопнешь от возбуждения, сейчас манатки соберём и пойдём смотреть вашу реку. Ты только тину с щеки вытри, — успокоила подружку Светлана.

Матвееву пришлось самому тащить два короба с вещами, нагрузив женскую половину оружием, пробираться через густой лес, ругая своего друга за неосмотрительность. Когда неожиданно лес закончился, невысоким, обрывистым берегом широкой, величественной реки. Парень присвистнул от удивления, не ожидая такого, но вспомнил что в неделе пути видел горы, покрытые снегом, они то, по его мнению, наполняли водой эту реку. Оставив вещи спустился к воде и зачерпнул немного, что-бы напиться, довольно холодная, для этой местности, подтвердила его мысли. Девушки стояли на обрыве, наслаждаясь зрелищем, пока ветер не донёс запах дыма.

Через несколько минут, двигаясь вдоль течения, по песчаному берегу, вышли к довольно просторном лугу выходящем к реке. С трёх сторон окружённый лесом, выглядел очень уютно. По центру горел костёр, рядом были сложены несколько сухих, тонких берёзовых стволов. Ещё один был забит в землю и на одном его сучке висела тушка большой утки.

Оглянувшись по сторонам, Саня не обнаружил ни кого, но не успел подумать где его друг, как услышал ругань и из чащи появился Юсупов, с арбалетом закинутым за спину. Тот, как трактор, волок за собой большую, разлапистую ель, ломая ветками по дороге кустарник. Увидев друзей обрадовано заорал, — чего вылупились? Айда сюда, помогайте, если хотите спать в шалаше сегодня. Там ещё одна срубленная лежит, метров тридцать отсюда, легко найдете по моим следам.

Всю вторую половину дня ребята потратили на обустройство лагеря, пока девушки плели корзины для ловли рыбы. После насыпав внутрь земли с червями и наловленными жучками, погрузили ловушки в воду. Карим с помощью длинной палки нашёл подходящие для этого ямы на дне. Одной заботой стало меньше, теперь все по достоинству оценили реку. Ближе к вечеру вырос просторный шалаш, внутрь набросали огромное количество сухим листьев. Превратив пол шалаша в роскошную перину, пахнущую тёрпким ароматом ранней осени. Сверху, на листья, девушки расстелили чистые тряпки и залезли внутрь, что-бы оценить ночлег. И пока парни стаскивали со всей округе дрова о чём-то тихо беседовали.

— вот так всегда, мужики работают, пока дамы ним косточки перебивают, — пошутил Карим, разламывая топором сухой ствол поваленной липы. — слышь, Сань, а давай дальше опять поплывём, надоело думать о мелочах, где вода, чего пожрать. Всё равно нам пока надо в ту сторону, да и появиться возможность наконец отоспаться, а то пять часов, да ещё из двух частей маловато. Да и на плоту безопаснее, хрен его знает, что та сеялка воздушная пораскидывала, как бы на медведя не налететь или не дай бог волков стаю. А на воде спокойнее, успеем уйти вовремя, не тратя боеприпасы попусту, довольно будет времени для

арбалета.

— что верно то верно, если есть возможность лучше обойти стороной преграду. Нам сейчас в драку влезать не с руки, так что двигаем по реке. Но в этот раз простой плот не подходит, тут слишком открытые пространства, ветер посильнее и волна появится.

— ну так лодку мы до второго пришествия строить будем, силёнок маловато, опять соорудим плот, авось принесёт.

— пронесёт, два раза, если штаны успеем снять. Нет, плот хороший вариант, но для спокойной воды. Думаю что можно сделать картамаранну, читал в книгах о том. Основной принцип понял, выдерживает нагрузку и полезная площадь большая.

— это ещё что за чудо? Я о таком первый раз слышу.

— тут в чем заковыка, два больших поплавок привязанные по краям рамы. А мы ту раму можем из жердей соорудить, как квадрат, а между сторонами циновку повесить можно, как парус. Тут главное что-бы конструкция была эластичной, не крутой, иначе лопнет к чертям. Ты у нас по этому делу мастер, вот и придумай, как всё лучше крепить.

— ну кое-какие идеи в голове есть, до утра чего и придумаю. Ох как утка пахнет, наверняка готова, давай выгоняй наших мадамов, пушай накрывают дастархан, жрать охота.

— Карим, если честно, ты помнишь хоть один момент, когда ты не хотел жрать?

— да ты Саня не наговаривай на меня попусту, я очень часто не хочу есть, каждый день, когда сплю.

— ладно, мир, давай соломинку тащи, будем распределять ночное дежурство. И первые попробуем как спать в нашем шалаше, пока мамзели до полночи сторожить нас будут.

— вот это по командирски, пользоваться служебным положением в личных целях. А бабоньки должны нас беречь и лилеть, тут мужики то в дефиците страшном, окромя нас и нема ни одного.

Последние слова услышала Голубкова, высунулась из шалаша и ехидным голосом прокомментировала, — да на нас две и одного хватит, того что получше и покрасивше, а второго можно и съест, ну или супец забабухать. — обернулась к подружке и спросила, — ты как думаешь, хватит нам одного?

— да запросто!

Карим возмутился для виду, усаживаясь поближе к Драгане, которая начала делить поджаренную утку, — во!так всегда! Не ценят нас! Хотят посорить! А потом командовать! Ух уж эти женщины!-и попытался незаметно украсть крылышко с листа лопуха.

— не чапай руками грязными, олух! А ну брысь отсель! Пока не помоешь, к еде не прилазь! — вовремя среагировала Драгана.

— ну вот, не женился ещё, а уже раскомандовалась тут! Ужас! Бедный я, несчастный, а ещё она и била меня сегодня!

Саня, глядя на это, подмигнул Светлане, — видишь, точно говорят-"милые бранятся только тешатся".

Утром, возложив все обязанности по пропитанию, парни отправились искать два подходящих ствола, для строительства будущего корабля. По пути, вверх по течению Карим убеждал своего друга, — а мы те поплавки лучше составим из несомненно больших брёвен. Из трёх, вместе составленных, без проблем свяжу, поперёк канавки сделаю и из липы лыком скреплю. Не нужно бояться при ударе с дном, крепления не повредиться. А и раму проще фиксировать будет между брёвен.

— ну ты усложняешь, мы что линкор строить собрались? Это же картамаранна обычная,

кто знает, может придется оставить через пару дней?

— не, ну ты даёшь! Сколько раз повторять можно, не картамаранна а катамаран! Надоело уже исправлять!

— да какая разница, нам надо побыстрее склепать каракатицу, с минимальными затратами и затратами труда. По пути можно доделать все что необходимо.

— Саня, техника к себе уважения требует, тогда и она служит как надо!

— ладно, уболтал, будем делать по твоему!

На строительство катамарана ушло три дня, к работе пришлось привлечь и девушек. Всем надоело сидеть на одном месте и потому работали без перерыва, с раннего утра и до заката солнца. Плетение циновки, для использования вместо паруса, было отложено на потом. Но зато соорудили упор для рулевого, так как ширина катамарана в пять метров требовала серьезных усилий. При длине поплавков в семь метров, получили довольно простора для всего, очаг, обязательный шалаш, хороший запас дров, ловушки для рыбы. Можно было отправляться наконец в путь, все взошли на катамаран, ребята оттолкнулись шестами от берега гостеприимного луга. Выводя свой корабль потихоньку на середину широкой реки, оставив за собой опустевший лагерь, может быть он кому-то другому пригодится.

Катамаран уверенно держался на воде, хотя из-за не очень хорошей симметрии поплавков норовил развернуться боком. Но Карим вспомнил что читал о авиации и соорудил на первой же остановке чудное устройство, назвав его триммером. Хотя к дополнительным прикреплённым дощечкам, вырубленным топором от руки, такое название не прилипло, все остальные называли фиговинами. Несмотря на возражения мастера, хотя после установки и небольшой регулировки, катамаран двигался по по прямой, без каких-либо действий рулевого.

— ну что-бы вы без меня! Цените! — заявил Карим, после чего получил от Драганы подзатыльник, — вот, вы видели! А что будет, когда мелкая вырастет, ужас! — обернулся и спросил девчущку, — а ты не феминисткиня часом?

После чего получил ещё один подзатыльник и с уверенностью сказал, — нее, она обычный тиранин!

Единственным, кто посочувствовал Юсупову, была Светлана, — ты по голове то не бей, нет смысла, его там и пуля не берёт. Вон едва видимый шрам видишь?

— где? — и Драгана по хозяйски начала ворошить у него отросшие волосы, — нету ничего.

— какие это нет? Сиди олух, сейчас тобой медицина займётся! И вправду нет, исчез без следа! Да он у нас феномен казанский, девять жизней как у кошки и зарастает всё на зависть любой дворняги.

— прекратите издеваться над беднягой, дорвались, экспериментаторы, его черёд рулить. А я спать хочу, так что потише, сороки.

Сменилась вахта у руля катамарана, Саня забрался в шалаш, собираясь отдохнуть, но в последний момент вспомнил о парусе и высунувшись наружу обрадовал девушек, — это, что-бы вам скучно не было, займитесь плетением циновки, без паруса ползём как улитка.

Спал целых два часа, прохладная вода, стекающая с гор, создавала вокруг реки особый микроклимат, стоявшая жара не мешала отдыху. Полный сил выполз из шалаша и занял место у руля, отправив на своё место друга спать, ведь ночное дежурство и дальше было мужской обязанностью. Управляя катамараном, старался не выходить на центр реки, держал

его в двухстах метрах от берега на всякий случай. Местность вокруг напоминала картинки из книг о Дунае, здохнешь густые леса с немногочисленными, заливными лугами. Большое количество воды давало возможность растительности буйствовать, с обеих сторон реки вставали изумрудно-зелёные стены леса. Где находило убежище и пропитание множество животных и птиц, но что самое интересное, Матвеев до сих пор не видел ни одного хищника. Как будто ещё не подошел черёд, давая время для размножения остальным, мирным травоядным. Только в воде всё было привычно и на своём месте, метровая щука, попавшая случайно в ловушку, указывала на то. Из всего этого он сделал вывод, что происходящее не случайно, из-за стоит серьезный план, цели которого ему не были понятны, осознание того заставляло быть парня в постоянном напряжении. Готовности среагировать вовремя, на любые изменения, хорошие или плохие. Зато и под вечер не пристал к берегу, выбрав для ночлега небольшой островок, находящийся на пятидесяти метрах от прибережной зарослей. С одной его стороны, на песке, лежало большое количество веток, принесённых весенним паводком и теперь высохших на солнце до звона. Не нужно было плыть к берегу по дрова, обнаруженного довольно для поддержания огня в течение ночи.

Друзья собрались у костра, глядя на языки пламени, ожидая когда он немного прогорит и появиться достаточно углей. Карим сегодня отличился, с помощью арбалета обеспечил ужин, две выпотрошенные и ошипанные, молодые утки, нанизанные на палки, вместо вертела, лежали на траве.

— сейчас хоть налопаюсь нормально, как человек, а то после речной рыбы я через пару часов опять голодный, — и Карим принялся придирчиво оценивать ужин, после задумался и выдал своё видение ситуации, — Каждому по половине выходит, но думаю Саня что нам следует взять покрупнее утку, ту, которая справа, наши дамы не заслуживают, не заработали, циновку так и не сплели, лентяйки две настоящие! Так что завтра опять без паруса, а ветер то попутный всё время.

Но его товарищ думал о совершенно другом, во второй половине дня заметил как изменилось сверкание оберега, по нему стали прибегать едва видимые искорки. Никто из друзей на это не обратил внимания, да и он бы пропустил. Но в тени шалаша, без влияния солнечных лучей, это стало заметно. Ни кому не чего не говоря, что-бы не поднимать тревогу, начал приглядываться к оберегу девчушки. И то вёл себя также, сейчас это особенно заметно, в вечернем полумраке. До этого ни один из оберегов так не сверкал, хотя может это и нормально, ведь о этих вещицах он в сущности ничего не знает. Объяснения его деда были слишком туманны и неопределённые, да и если честно, большую часть всего он основательно позабыл. У Драганы вообще нет смысла спрашивать, она то своей оберег случайно получила и не знает ничего. Ток его мысли прервал толчок в плечо.

— чего задумался, что не пробовал ни разу? Да это же все просто! С факелами, как стемнеет совсем, там где мелко и дно песчаное, вода до колен. А девчонки будут собирать в котелок, они сами на свет вылезут, вот увидишь! — Карим энергично пытался объяснить что-то другу, но Саня размышляя о обереге, на некоторое время выпал из темы разговора. И теперь пробовал понять о чём же идёт речь.

— кто вылезет?

— вот ты чудак Саня! Да раки же! Светка, когда умывалась, видела здорового! Наловим и сварим в подсоленной воде! Эх пивка бы! Под раки! Я сейчас бы литра два выдул, точно! Какое у нас в Казани продавали, в буфете железнодорожной станции, на пене спичка стоит без проблем. Пиво, да раки, ну на крайний случай можно и с воблой! — закатил мечтательно

глаза Карим. — только первый раз, когда я его напился, меня батя выдрал ремнём, пару дней сидел одной половинкой задницы. Чего ржёте? Больно было, он у меня железнодорожных путей мастер, с железом работает, рука тяжёлая.

Но в этот раз за раками охота не получилась, слишком все были сыты после двух уток. Девушки осоловели от еды, едва дождались полночи, что-бы передать дежурство Матвееву. Забрались внутрь шалаша, потеснив сонного Юсупова, прижались с обеих сторон и быстро уснули. Оставив Саню сидеть у костра, наедине со своими мыслями. Подбрасывая поленья в огонь, слушал концерт, который устроили себе жабы, тёплый ветерок сносил в сторону досадных комаров. Но одному удалось задержаться, лапками ухватившись за руку, безуспешно пытался пробить кожу. Парень с удивлением смотрел на его попытки, то ли жало комара слабое, то ли кожа очень огрубела. Сognaв насекомое, попробовал себя ущипнуть, отозвалось привычное ощущение боли. Но не успокоился на этом, решив попробовать с щепкой, взял в руки сухую ветку и пальцами постарался отломить маленький кусочек. Неожиданно открыл, что под давлением руки дерево разломилось, словно попав в тиски. Чертыхнулся, подумал что ему попалась трухлявая, взял следующую и сжал в руке. Произошло тоже, опять дерево рассыпалось. удивлённо смотрел на обломки, упавшие на землю перед ним. На ум пришла мысль, что в этом мире древесина слишком не прочная. Хотя в самом начале, когда они тут появились, она была вполне нормальная. Тот первый плот пока соорудили, семь потов сошло, а с дощечками, для усиления приклада мосинки Карим возился пару часов. Успокоил себя простой идеей, что это особенность данной местности, южной, ведь они от первого места удалились на тысячу с лишним километров, должна же быть разница.

В три часа ночи заканчивалось его время дежурства, подбросив ещё немного дров в костёр, забрался на стоящий, на мели, катамаран. Тихо подошёл к шалашу, ухватившись за ноги Карима, легко, как будто тот ничего не весит, выволок осторожно, так, что-бы не разбудить девушек, сонного друга наружу.

— принимай эстафету соня, вот, держи часы, в шесть побудка, как обычно. Всё тихо и мирно, только жабы и комары, да ещё сову слышал, вот они бессонницей страдают, — после доклада, забрался внутрь и осторожно потеснив спящую Светлану в сторону, быстро уснул. А Голубкова немного поворочалась во сне, обернулась, прижалась к его плечу и закинула на него ногу. Драгана что-бы не озябнуть, свернулась в клубок, словно маленький котёнок, да ещё натянула на себя тряпки, покрывавшие камышовый настил шалаша.

Утром проснулся позже всех, позволил себе пару минут поваляться, ни о чём не думая, слушая пение птиц и плеск воды, подгоняемой ветром. Выбравшись, улыбнулся другу, сидевшему у костра в компании большой, белой чайки, которой он подкидывал мелкие кусочки жареной рыбы. Та вышагивала рядом, с важным видом, внимательно следя что-бы угощение не испортилось случайно, от контакта с землёй.

— смотри, совсем ручная, пару раз и из рук ела. Аккуратно брала клювом, не желая повредить мои пальцы, умная птица.

— а где наши дамы?

— да совесть проснулась, отправились на другой край, камыш для циновки резать. а меня на хозяйстве оставили. Думают что не справлюсь, наивные, я и рыбы нажарил и травки заварил, вместо чая. Вот ещё и несущку приманиваю, яичница на завтрак хорошее дело.

— так я и знал, не спроста ты птицу кормишь, меркантильный ты наш, — засмеялся Саня и осторожная чайка отошла в сторону, услышав незнакомые звуки.

— ты садись, сторожи от птица наши харчи, а я потопал сковороду драить, — Карим с грустью посмотрел во что превратился отражатель гильз сорокопятаки, закопчённый, с следами подгоревшей рыбы.

Вскоре вернулись девушки, неся большие охалки нарезанного камыша, пообещав ребятам к обеду закончить циновку. Так что вторую половину дня можно будет использовать парус, если только ветер послужит.

Быстро позавтракали и оставив доедадь кости чайке, отправились дальше в путь. Птица немного потопталась, переворачивая клювом угощение, пару раз клюнула и с недовольным видом улетела.

Широкая, полноводная река подхватила катамаран и понесла на юг, в направлении, которое показывал оберег. Сегодня рулевым приходилось постоянно менять курс, по пути попадались очень часто острова, делящие реку на два потока. Многие из них покрылись деревьями, густой растительностью, представляя из себя уютные, мирные места. Где только не хватает для полной картины избушки рыбака, лодки вытасенной на берег и сетей, сохнувших на ветру. Райские острова, с множеством птиц, живущих в безопасности, вдали от суши.

Как и обещано, к обеду циновка была готова, подрулив к первому, попавшемуся островку, парни занялись креплением необычного паруса на поперечной балке. Но так как ветер не был попутный, свернули его в рулон, оттолкнулись шестами от берега и продолжили свой путь. Катамаран уверенно держался на воде, пространства между поплавками хватало для удобства каждого. Спокойная обстановка расслабила ребят, они отдыхали душой от всех забот и проблем, которые несёт с собой цивилизация.

— прям курорт, даже не мечтал о таком, — произнёс лениво Карим, лёжа на настиле. Драгана тоже легла рядом, беспардонно положив парню свою голову на живот, глядя на небо, на белые, пушистые облака. Разглядывая любопытных птиц, круживших вокруг катамарана, пытающихся понять, что это такое плывёт по реке. Пару раз оборачивала взгляд вверх, тёрла глаза, закрывала ладошкой то один, то другой. Пока Юсупов не выдержал и спросил, — и какая тебя муха укусила?

— ребята, если я не совсем здурела, или галюцинирую, то над нами, где-то на высоте метров двести, плывёт большой, прозрачный шар. Я его ещё вчера заметила, думала что обман зрения, пройдет, но сегодня опять та же самая картина. Сами поглядите, едва видимый, я бы не обратила внимание, если бы не птицы. Летят себе прямо, бах, словно в стену резиновую, отобьются, как мяч, аж перья в стороны. Но из-за высоты успеют сориентировать своё падение и остаются целыми.

— где? Ничего не видно! Может быть у тебя с глазами чего-то не так? — спросил Карим, пробуя разглядеть то что девчушка описывала.

Ни Светлана, сколько ни трудилась, так ничего и не увидела. Вот только Саня нахмурился, стоя у руля, не мог посвятить должного внимания необычному предположению Драганы, — слышь, Карим, а если в то место пальнуть из арбалета, он сможет добросить болт на такую высоту?

— а хрен его знает! Жаль болтов, не так у нас много, раскидываться на глупости. Даже если и есть там какой-то шар, висит себе, нас не трогает, ну его подальше. Странно конечно, не нормально, а если подумать, что тут вообще нормально, — осторожно отнёсся к предложению друга, не уверенный в результате, слишком большой всё таки была высота и тяжёлый болт с мощным наконечником вряд ли долетел. Выложив всё свои мысли перед

другом, задумался.

— Карим, а что если вместо болта, запустить лёгкую стрелу, древко из ветки тоненькой, вместо наконечника камешек, оперение из перьев, вон по берегам этого добра хватает. Слабо сделать?

— не в том дело, сделать не проблема, вот только с оперением очень много работы. На короткие дистанции легко, а вот на большие каждая мелочь играет роль, не уверен что получится у меня. А раз так тебе нейдётся, пальни из винтовки и всех делов, потом нам тот шар на голову упадет. Надеюсь на твою, что-бы после глупые мысли не появлялись.

Тут вмешалась Светлана, — знаете ребята, у нас на Черниговщине частушка была очень полезная, про топор, — и ехидным голосом запела, — По реке плывёт топор, ну и пусть себе плывёт, железяка хренова.

Все удивлённо уставились на девушку в полном молчании, а она продолжила, — это к тому, что плывёт себе, ни кого не трогает, к нам не приближается, так что и хрен с ним, других проблем полно. Вон Матвеев, свою острогу два дня делает и ни как не закончит. Хорошо что мы ловушки сплели, да Карим дичь бьёт, иначе бы сидели голодными, охотничек ты наш озабоченный.

Парень был вынужден признать, что друзья правы, он совсем упустил из виду обыденные обязанности. Но на всякий случай, предложил оружие держать в готовности. Тут и Юсупов всполошился, быстро залез в шалаш и вылез с подсумком для хранения магазинов к автомату. Усевшись на настил, рядом с поленицей дров, постелил тряпку. И принялся ловко выщёлкивать из каждого магазина патроны, не дожидаясь, пока ему зададут вопрос, объяснил что делает, — месяц! Месяц патроны в магазинах, пружины ослабили уже! Сейчас надо разбирать и растянуть каждую малёхо. Как с этим закончу займусь винтовкой и пистолетом, иначе утыкание или перекося при стрельбе словим. А то я только на арбалете тетиву берегу, скидываю когда не охочусь.

— вот такой у меня будущий муж умный! Вернее я умная, умею выбирать правильно! — с важным видом произнесла Драгана, до этого момента молча наблюдавшая за всем.

Любопытные птицы, постоянно крутящиеся рядом с катамараном, в панике разлетелись, услышав взрыв хохота. Целых пять минут не могли на борту все успокоиться. Смеялась даже виновница, сообразив как это выглядело со стороны, утирая слёзы маленькой ладошкой.

Весь остаток дня прошел в подшучивании над девчушкой, но и она не оставалась в долгу. К вечеру по уже устоявшиеся традиции пристали к небольшому песчаному острову, вблизи берега. От него до прибрежных зарослей было всего тридцать метров, а не большая глубина, чуть больше метра, позволила Сане опробовать новенькую острогу. При изготовлении парню пришлось точно дозировать свои усилия, уж слишком хрупким было дерево, по его мнению. Вернувшись с уловом к катамарану, обнаружил что камни окружавшие очаг потрескались, требовалось искать замену. Оставив девушкам рыбу, отправился с другом на поиски подходящей замены.

В сорока метрах, вверх по течению он приметил пару больших валунов, на половину утонувших в прибрежный песок. Наверняка рядом можно найти и куски поменьше. Быстро добрались и принялись искать подходящие камни, но кроме двух валунов нашлись лишь три очень крупных куска, диаметром с треть метра.

— а давай попробуем вместе поднять и трахнуть по другому, авось расколется, — предложил Карим, для пробы попробовав сдвинуть с места самый маленький кусок камня.

Сам не ожидая того, легко, как будто тот невесомый, поднял над головой, при этом утонул по щиколотки в песок.

— ну и здоровый же ты кабан! В этой каменюке с центнер весу! — изумился Саня, глядя как не напрягаясь, его друг держит камень.

— да ты что, в нём то и веса нет! Попробуй сам! — Юсупов добросил другу кусок, выглядящий как гранит.

Тот его легко словил, без каких-либо проблем держа в руках. Задумавшись, покрутил камень, словно футбольный мяч, — может он пустой внутри?

— так ударь ним о валун, — предложил Карим.

Последовал удар, камень разлетелся на отдельные части, ни какой полости внутри не было обнаружено. Плотный, с искорками гранит сверкал под лучами вечернего солнца.

— ни чего не понимаю, — ошарашено произнес Саня, — я же в пол силы ударил! Тут оказывается что не только деревья хрупкие, но и камни! Сегодня ночью, у костра, дрова когда подкидывал обнаружил это. Толстая палка в руках распалась, когда чуть сильнее сжал. Ты сам попробуй, вон брёвнышко рядом, с левой стороны.

Следующие десяток минут парни посвятили высокоинтеллектуальной работе, с упоением ломали всё вокруг себя. Так бы продолжалось и дальше, если бы не крик Голубковой, наблюдавшей за этим с катамарана.

— Эй, олухи! Айда жрать! — обернулась к своей подруге и тихо продолжила, — а мужики то наши совсем одичали, ерундой там занимаются, не куда силы девать.

До самого заката, весь вечер, парни хвалились неожиданно появившиеся силой, рассказывая девушкам о том как ломали на берегу толстые, сухие стволы как спички. Драгана с незаинтересованным видом слушала некоторое время, после взяла из поленицы брёвнышко, с двадцать сантиметров в диаметре и на глазах у всех, легко разломала руками на несколько мелких кусочков. Наступила мёртвая тишина, нарушаемая лишь треском сгорающего в костре дерева.

— я своего милога от любого врага обороню и если надо и на руках понесу! — невозмутимо похвасталась девчушка, а подруга добавила, окончательно ошарашив парней, — а если что не так, она со своей нежной ручкой возьмётся за скалку и объяснит всем свою точку зрения. А не дай бог и сковородку в руки возьмёт. Видишь Карим, какое тебе счастье попало, радуйся олух! Но и гляди, милой своей под руку не попадись, зашибёт и не заметит.

Тот только молча вздохнул, представив себе такую картину, а его друг предложил выход из положения, — а ты, как она разбушуется, беги и прячься.

— ага, спрячешься ты от меня, я тебя белобрысого где хош найду! Да ты не волнуйся, я добрая и характер у меня покладистый, — начала успокаивать его Драгана, подседа поближе и прислонилась к парню плечом. Тот повернул голову, взглянул в девичьи, зелёно-голубые, огромные глаза и утонул в них, как в омуте, нежно обняв девчушку и прижав к себе.

— ладно, если драки не намечается, можно и делами заниматься, отпусти девчушку и марш спать, ночь впереди, дежурство ни кто не отменял. Успеете ещё наобниматься, не убежит твоё сокровище надеюсь, пока ты спишь. — был неумолим Саня.

— ну вот, такой романтический вечер испортил, дубина бесчувственная! — возмутилась Голубкова.

Но под его невозмутимым видом бушевала тревога, слишком необычным было сегодняшнее происшествие, не объяснимое, абсолютно неожиданное и потому природная

интуиция завопила во весь голос. Он привык, что ничего в жизни не даётся даром, за всё приходится платить, рано или поздно. И ожидание предстоящей расплаты за эту силу мучило парня, не укладывалось у него в голове, что это пройдет даром, что это случайность. Да ещё одно заставило беспокоиться, оберег, висевший на шее, начал едва видимо сиять, мягким, тёплым, бирюзовым светом. С трудом удалось заснуть, отодвинув все тревоги из ума.

Ночь прошла спокойно, ничего не происходило и парень потихоньку успокоился, даже когда увидел на секунду очертания шара, высоко над головой. Сегодня ветер дул в спину и можно будет наконец использовать парус. Пару дополнительных километров в час, не будет лишним, вот только рулевому надо будет внимательно выбирать дорогу. Что-бы случайно не налететь на песчаную мель, насадив быстродвигающиеся катамаран на препятствие.

— Карим, держись сегодня ближе к середине, подальше от берега, — попросил своего друга во время завтрака.

— так, точно! тов командир! Да ладно тебе, не первый раз, не переживай, я свою зазнобу топить пока не собираюсь, — весело ответил Юсупов, вовремя уклонившись от подзатыльника девчушки.

Подталкиваемый попутным ветром катамаран уверенно двигался, рассекая своими поплавками кристально-прозрачную воду. Вездесущие речные чайки устроили себе развлечение, обгоняя его и после усевшись на берег, пропускали вперёд, что-бы опять догонять. Иногда нарезали вокруг него круги, резко снижаясь и набрав скорость, проносились над самым парусом. Девушки любовались, глядя на красивых, белоснежных птиц, устроившись незабываемое зрелище. Один лишь Матвеев не видел этого, забравшись внутрь шалаша, мирно спал, пользуясь возможностью. До его вахты, у руля, ещё целых полтора часа, обязанности все выполнены и волноваться не о чем. Погода отличная, редкие облака не обещают дождя и его друзья нежатся на палубе, оставив всё пространство шалаша для него. Подложив под голову котомку, расслабился, ему снилось детство, тот год на пасеке, где его приютил дед Артем. После мамы, второй человек к которому он относился с уважением и любовью. Ни кто из родни его не хотел тогда принять, и самым близким стал дедушка, не родной по крови, но родной по душе. Тот год, до своей смерти он заботился о Матвееве, учил всему что мог, строго, но справедливо. Наверное маленький парнишка невольно нарушил одиночество старика и устоявшийся порядок жизни, к которому тот привык. Но своим озорством и искренним, детским смехом внёс океан душевного тепла. И вечно суровое выражение лица деда, сменяла добрая, родительская улыбка.

Внезапно Саня проснулся, услышав крик Светланы, — там! На горизонте! Смотрите влево! Там, над лесом!

Быстро выбравшись, держа в руках винтовку, снятую с предохранителя, на всякий случай, смотрел в указанную сторону. Из под ворота гимнастёрки выскользнул оберег, повиснув свободно на шее, заливая всё вокруг нежным, бирюзовым светом. Ему вторил брат, заливая своим светом маленькую, испуганную девчушку, не понимающую что происходит.

И наступившую тишину прервал тихий голос Карима, — кажись приплыли.

Над лесом, возвышалась острая грань огромной, стальной пирамиды, размеры которой поражали воображение друзей. Ничего подобного, в жизни каждого из маленького отряда, не доводилось увидеть, а густой, зелёный лес старательно скрадывал реальные размеры сооружения и расстояние до него.

— рули ближе к берегу, так что-бы лес нас закрывал! — скомандовал Саня и нырнул на секунду в шалаш. Выбравшись, с кучей тряпок в руках, подозвал Драгану и принялся обматывать обереги обрывками, пока свечение перестало быть видно. Только потом облегчённо вздохнул и уселся на поленицу дров, нервно теребя ремень лежащей на коленях винтовки.

Светлана стала рядом, положив на плечо парню ладонь, стараясь успокоить его, — ну что командир, какие дальнейшие действия?

Тот сидел молча, взвешивая обстановку, в которой оказался отряд. Цель на дохват руки, неизвестность пути сменилась неизвестностью того что там скрыто за лесом. Сам он бы рискнул, разведать и остаться не заметным, но без оберега, тот как-то связан с сооружением. Так что надо посылать своего товарища, другого выхода нет, но как же тяжело на душе. Сейчас стало понятна участь командира, посылать кого-то, не зная, вернётся ли тот или нет. Но его терзания прервал голос товарища.

— ты вот что, кончай самоедством заниматься, кроме нас двоих тут бойцов нет, девчонки не в счёт. Тебе, с оберегом на шее, соваться не следует, хрен его знает, как эта цацка себя поведет, остаюсь только я для разведки. Да ты не переживай, лопух я конечно супротив тебя, но постараюсь не лезть на рожон. Тихо, как мышь, огородами, да ещё и прицел с собой возьму, издали гляну. Но и автомат, на всякий пожарный, да два рожка, остальные патроны нехай останутся, к пистолету. Думал и арбалет взять, но слишком много тяжести будет только мешать и появиться соблазн на выстрел втихую. Лучше высадить меня тут, а сами дальше двигайтесь, уходите вниз по течению на пару километров. Так заметём следы за собой, вот только как вас найти после. Зарубку на дереве не стоит делать, слишком заметно.

Тут Светлана дала хорошую идею, — а мы поблизости нашего убежища несколько стволов на берегу поломаем и сложим в два ряда. Хрен поймёшь, природное явление или нет. Ты как увидишь такое гляди где заросли камыша погуще, мы туда катамаран спрячем.

— ну вот, вырисовывается план, но мы тебя на катамаране не будем ждать, отойдём в сторону и будем подход к нему держать под контролем. Так риск сведём к минимуму, — уточнил Матвеев, не желая логичными поступками помогать возможному врагу. До сих пор он оставался цел придерживаясь правила непредсказуемости своих действий. — сейчас десять, надеюсь до вечера снова встретиться, но если не успеваешь назад, не волнуйся, будет тебя ждать весь завтрашний день.

Высадив своего товарища, с тревогой смотрел как тот растворился в зелёной стене прибережной растительности. После того как девушки оттолкнули катамаран от берега, повёл его аккуратно вниз, высматривая возможное убежище. Проплыв три километра, завёл его в самую гущу камышовых зарослей и зафиксировал на одном месте с помощью шестов. С трудом удалось выбраться на берег, слишком много ила было на дне. Вымокшие до пояса, девушки ступали только туда, куда указывал Саня, пучки травы, коряги, но не одного следа на песке. Парень двигался последним, проверяя всё за собой и остался доволен, выход троих людей из воды на берег и он сам не смог обнаружить. Оставив знак для Карима, двинулся подальше от спрятанного катамарана. Выбрав для стоянки кустарник, растущий между двумя, высокими ивами, закрывающими место от взглядов сверху. Наступило время томительного ожидания, девушки на его удивление сохраняли молчание, понимая всю серьёзность положения.

До самого вечера не находил себе места, думая о друге, но не показывал девушкам вида,

стараясь выглядеть невозмутимым. Но если ещё наивную Драгану успел обмануть, то с Голубковой это не прошло. В середине дня она подползла и положила свою ладонь на его руку.

— не надо, ты весь изъелся от нервотрёпки, всё будет хорошо, поверь, я чувствую, женское сердце не обманешь. Он скоро вернётся, этот прощельга жив и невредим, у него же девять жизней, котяра наш казанский ни во огне не горит, ни в воде не тонет. Жрать захочет, быстро вернётся, его желудок до нас доведёт.

Вспомнив характер своего неунывающего ни когда друга усмехнулся, — может ты и права, как вспомню все передряги, которые этот охламон прошёл, только удивляюсь, а ему хоть бы хны. С ним никто справиться не в состоянии, ну кроме мелкой нашей.

Когда солнце почти уже скрылось за горизонтом, на фоне воды Саня увидел знакомый силуэт. Карим спокойно шагал вдоль берега, закинув за спину автомат, дойдя до метки, остановился и почесал затылок, оглядываясь по сторонам. После чего продолжил движение к зарослям камыша, где зайдя по щиколотку в воду, вернулся на сушу и принялся стаскивать сапоги. После скинул своё галифе, сверкая исподнем бельё и остановился, задумавшись. Тут почти рядом с ним раздался голос Драганы, — ну чего стал, на самом интересном.

— рано тебе ещё! — пробурчал радостный парень, хватая в объятия маленький ураган, едва не сваливший его с ног. А через пару минут добавил, — поесть бы, не евши целый день, голодный дюже. Да чего прячетесь, нет никого у той пирамиды, сами мы похоже в этом мире.

— ну кто бы сомневался, тебя легче убить чем прокормить, айда на катамаран, я там рядом ловушки в воду опустил. Даст бог, чего-то и поймалось.

Вскоре все друзья сидели у очага, сложенного на слое песка, в самом центре настила катамарана. Пламя освещало поедającego большой кусок рыбы Карима, который с набитым ртом пытался рассказать о результатах разведки.

— едва дорогу нашёл сквозь лес, бурелом настоящий, а я всё крадусь и крадусь. На те четыре, примерно, километра потратил больше двух часов, уже надоело петлять. Как узрел просвет между деревьями, а за ним ту дуру, ох и здоровая. Ну я немного испужался, как бы себя не выдать лишним движением, стою я значит, думаю. А потом на ум приходит Санькина история, на складе ГСМ. Ну я и давай искать дерево повыше, только я не такой глупый как он. На смолистое не полез, там бук высокий рос, ну я на него и полез, едва допрыгнул до нижних веток. Я ещё одну рыбку возьму, вижу никто не ест, чего добру пропадать зазря. — скорчив жалостное выражение Карим и получил тычок в бок, от сидящей рядом Драганы.

— ты давай дальше, чего там? А потом можешь всё съесть, — пообещала увлечённая историей девчушка.

— точно? — переспросил обрадованный перспективой Юсупов.

— вот же шантажист, да всё тебе останется, ты давай дальше, не томи, — не выдержала Светлана.

Парень наконец утолил свой голод и продолжил рассказ, — ну значит так было, уселся я на ветке и принялся наблюдать. До пирамиды метров семьсот, стоит как крепость старинная, окружённая широким каналом, наполненным водой. Словно большой остров, километр с прицепом в основании, идеально ровный, каменный квадрат служит основанием пирамиды. Я сперва подумал, что из блоков, но взглянул через прицел и чуть не упал от удивления. Камень монолитный, торчит из воды на пару метров, идеально ровный, блестит

на солнце как огромная облицовочная плитка, тёмно-вишнёвого цвета. Может гранит или ещё что-то, на него похожее. Вот на этом и стоит сооружение, не доходя до края метров двадцать, как-будто набережная вокруг него. Но бог с этим, меня другое поразило, вы же знаете, что в технике я разбираюсь.

Друзья внимательно слушая, молча кивнули, стараясь не прерывать Карима.

— там мосты одуренные, с каждой стороны, четыре штуки, представте себе такую картину, сто метров пролёт, без подпор, без ограды, ничего знакомого. Как-будто доску кто-то положил большую, вместо моста. Толщина не больше пол метра, а ширина где-то пятнадцать, ровная, без каких-либо изгибов. Это же какой материал должен быть, обалдеть просто! Такого просто быть не может! А ещё заметил что течение в каналах очень быстрое, ну мне стало интересно и я потихоньку по кругу двинулся. И выяснил что течение идёт с нашей стороны, огибает пирамиду и начинает расширяться. Чуть дальше от плиты, где-то с километра полтора вниз, по течению, такая же широкая как и река на которой мы находимся. Может быть это один и тот же поток?

Саня задумался над словами друга, — ты знаешь, вполне возможно, слишком невероятно, две мощные реки рядом, одна от другой на расстоянии всего лишь часу хода. В жизни не слышал о таком, так-что твоя идея скорее всего точна. А чего там ещё необычного?

— а то, что на мостах ни соринки, идеально чистые, них даже птицы местные стороной облетают. Ну и самое главное, там внизу, у основания, вход огромный, с каждой стороны грани. Сколько не смотрел, ничего, никакого движения, тихо, спокойно, словно на кладбище. Ну я осмелев, пошёл на берег канала, но осторожно, кустами, хотел убедиться, что никого нет там. Так и целый час просидел, пусто, нет там живой души. А после совсем обнаглел, к мосту ближайшему двинулся, в открытую, прошёлся по нему немного. И ничего, вообще ничего, вымерло что-ли всё там? Вот и все вроде, ничего не забыл. Что дальше будем делать командир? Пойдём смотреть что там внутри?

— а куда ещё нам идти? Это и была наша цель, отоспимся, позавтракаем и в путь, но катамаран лучше оставить тут, кто его знает, как оно дальше будет. А так дополнительное убежище, средство передвижения, в случае чего, можно быстро переправиться на ту сторону. Поэтому и к пирамиде пешком, ножками, торопиться всё равно не куда.

Эту ночь всем с трудом удалось заснуть, гремучая смесь любопытства и некоторого количества страха, перед неизвестностью, не отпускала.

На следующие утро Матвеев специально растягивал время, ожидая пока спадёт у друзей внутреннее напряжение, что-бы с холодным рассудком двинулись к цели. Четыре километра, через лес по маршруту Карима, прошли неспешно, словно на прогулке. И вот граница чащи позади, не скрываясь, друзья вышли на открытое пространство, луг упирающийся в канал. Медленно двигаясь, смотрел на величественное сооружение, сверкающее стальным блеском, под лучами солнца.

— держите оружие на голове, но пальцы со спуска уберите. не дай бог ещё с дуру пальнёте. Двигайтесь за мной, в цепочку, расстояние между друг другом десять метров. — скомандовал Саня и двинулся к мосту. Став ногой на настил, заметил отсутствие грязи, абсолютная чистота поверхности, нет и пылинки. А вот из чего он сделан, вообще не понятно, ни на камень, ни на металл не похож, монолитная плита. Точно подметил его друг, словно огромная, странная доска, переброшенная великаном через поток. Да и цвет морёного дуба наталкивал на эту мысль.

Неспешно преодолев мост ступил на каменный квадрат, опоры грандиозного

сооружения, лишь тут он осознал его колоссальные размеры. Остановился, глядя в открытый проход, ведущий в внутреннюю мир пирамиды. Матово-белые стены и потолок светились мягким светом, не оставляя места для тени. Подойдя к границе, разделяющей основание и начало прохода, дотронулся до стены, гладкая, тёплая, словно живая ткань дерева. И тут услышал голос друга из-за спины.

— Сань! Глянь на себя и Драгану! Вы светитесь, даром ты обереги тряпками обматывал! Вы выглядите довольно забавно, словно находитесь в центре бирюзового шара! Видать почувствовали они, что находятся близко к цели.

Светлана тоже удивлённо глядела на бесплатное предоставление, потом попробовала подойти к Сане, но остановилась, наткнувшись на бирюзовое свечение, словно на стену. — ни хрена себе! Оберег не подпускает меня! Что за ерунда!

Матвеев сделал пару шагов к подруге и без проблем взял за руку.

— ни чего не понимаю! Только что он не хотел меня пускать! — возмутилась Голубкова.

Драгана не дожидаясь пока Карим что-то подобное сделает подошла и ухватила за его ладонь, — чего там выдумывать, видать обереги читают наши сердца. Чего тут встали? Айда внутрь, охота поглядеть, чего там. А бояться думаю не стоит, не желают нам тут зла, иначе не добрались мы досюда. — закончила девчушка и пошла в проход держась за руки с Юсуповым.

Эй! Постой, и мы с вами! Ну пошли что-ли, — улыбнулся Саня смущённой Светлане.

А идущая впереди них парочка остановилась и с ухмылкой глядела, пока Карим не выдал, — ну чего олухи! И стоило скрываться! Оберег ваши чувства выдал с потрохами! — и заразительно засмеялся, видя как они смутились.

Подшучивая друг над другом две пары медленно шагали сквозь проход, пока не вышли на порог огромного полусферического зала, занимающего всю центральную часть пирамиды. Мягкий, нежный свет стен и пола усиливал свечение бирюзового столба, высотой с десяток, а диаметром с три метра. Который спокойно висел над полом, нарушая все понятия о гравитации, когда две пары шагнули внутрь, начал медленно опускаться вниз. И чем ближе они подходили, тем ниже он опускался. Что сразу заметил неунывающий Карим и предложил, — а если назад, он начнет подниматься?

— Сегодня повременим с твоими экспериментами, — остановил его друг, шагая к центру зала.

Стол приземлился на пол, когда друзья подошли к нему, на расстояние вытянутой руки. И они остановились, не зная, что делать дальше. Но выход из ситуации нашёлся сам, Саня решил скинуть со своего оберега уже не нужные тряпки, скрывать его не имело больше смысла. И когда отвязывал последний лоскут неразъёмный ранее ремешок сам разомкнулся, нежно соскользнул парню на руки с шеи, ослепительно сверкая, ему вторила поверхность столба, обращённая к нему. Оберег несколько мгновений лежал на ладонях, словно бы прощаясь, после медленно поплыл по воздуху и спустя секунду утонул в поверхности столба. Драгана глядя на это повторила действия Матвеева, но на прощание погладила оберег, нежно, словно котёнка. В момент, когда оба оберега поглотила поверхность, столб заиграл бирюзовыми огоньками, перекрывая своим свечением свет в огромном зале, поднимаясь потихоньку вверх.

Ребята с чувством грусти провожали его глазами, как внезапно послышался голос, сперва неразборчивое бормотание, странный хрип. Но вдруг он превратился в хорошо

понятные слова, смысл которых пока не был ясен.

— "эвакуация сотрудников успешно произведена! Аварийные модули возвращены к главному хранителю! Добро пожаловать уважаемые разумные существа в центр спасательного комплекса нашей звёздной системы! Смею поздравить, Вы первые!"

Карим растерянно оглянувшись по сторонам, взглянул на друга, тот лишь пожал плечами и произнес, — да и сам ничего не понимаю. Ерунда какая-то, эвакуация, системы, кого, куда? Эй! Там! Уважаемый! Вы по человечески можете объяснить всё! — после обернулся и спросил друга-Ты в астрономии чего-то понимаешь?

— да, конечно, как свинья в апельсинах! Если что не ясно, ты меня свободно спрашивай. А откуда звук идёт? И вообще, Саня ты понимаешь, с кем мы тут разговариваем?

Дальнейшие выяснения, кто, чего знает, прервал голос звучащий со всех сторон одновременно, пока он объяснял друзьям ситуацию, Карим присел и прислонил ладонь на светящийся пол.

"надзорная система не располагает информацией. Для этого вам следует обратиться в контрольный центр нашей системы."

— обалдеть! Ребята, это стены с нами общаются, чувствую вибрации, как динамик. Вы только представьте, светит, разговаривает, чего ещё это может? — отметил довольный открытием Юсупов- эй, стены, как нам туда попасть?

"следуйте согласно указаниям на полу пожалуйста"

— ты смотри какой вежливый, — изумилась Светлана и испугано отскочила в сторону, когда на полу появилась зелёная линия, ведущая в стену.

— ты чего? Тропинки спужалась? — тихо прошептала, с любопытством глядя на линию, Драгана, — идём, что-ли? Обереги домой вернулись, нам тут не чего больше делать.

Друзья шагали по линии, уходящей в монолитную стену и когда подошли ближе она разошлась, открывая проход в длинный коридор. Саня по привычке двинулся первый, пока не остановился, линия на полу заканчивалась кругом.

— ну и куда нам дальше?

— судя по логике нам надо стать в круг, — предложил Карим, лучше идеи ни у кого не было и когда все четверо находились в означенном месте, вокруг них выросли стены.

— что за ерунда? — возмутилась Голубкова, но не успела закончить, как ограждающие путь стены исчезли. Перед ними находился совершенно другой коридор, бежевый цвет пола, на котором была путеводная линия. — так и зайкой не долго стать. Похоже что этот круг был тутошний лифт, только я ничего не почувствовала.

Друзья шагали по пустынному коридору, пока не вышли в очередной зал, довольно скромных размеров, по сравнению с прошлым, линия вела к крупному, овальному объекту, стоящему по центру. Приблизившись к нему остановились, обнаружив отверстие в боку, у которого заканчивалась линия.

— это что-ли тот центр? — спросила Светлана.

— а кто его знает, вы тут подождите, я гляну что там внутри, — и Саня осторожно вошёл внутрь. Через несколько минут вернулся и позвал с собой остальных, — там кресла, точно четыре штуки, сел я, думаю начнут говорить со мной, а оно молчит. Видимо надо всем нам присутствовать, что-бы штукавина заработала.

Пройдя сквозь коротенький проход ребята очутился в небольшой, полуовальной комнате, где кроме четырех, больших кресел ничего не было. Стояли в два ряда, занимая половину пространства, своим белоснежным покрытием приглашая отдохнуть, расслабиться.

Первой не выдержала Драгана, забежав вперёд и усевшись, почти утонув в кресле, заявила, — это моё! — поёрзала немного и добавила, — как на перине! Да садитесь вы, чего стоите, как бедные родственники!

Вскоре и остальные разместились, сложив у ног немудренную поклажу, положив оружие на колени. Лишь Матвеев не знал что делать с длинной винтовкой, наконец поставил на пол, между своих ног, придерживая рукой. Когда все удобно разместились послышалось тихое шипение и дальше ничего некоторое время не происходило. Саня встал и заглянул в проход, — двери за нами сами закрылись, видать сейчас поедем куда-то. Жаль что окон нет в этом паравозе.

Непоседливый Карим, усевшись рядом с девчушкой, начал нетерпеливо озираться. Вдруг стены, потолок, пол комнаты изменились, словно исчезли. У ребят появилось ощущение, что четыре кресла висят в воздухе. Над головами синело небо, светило солнце. Все разом глянули вниз, себе под ноги, острый шпиль, огромной пирамиды, сиял. На боку одной из граней быстро уменьшалось большое отверстие, но не только оно уменьшалось, сама пирамида тоже. Вот она перестала быть видимой, слой белых облаков заслонил от взглядов.

— да мы летим вверх! — заорал ошеломлённый Саня.

Спустя некоторое время небо покрылось сверкающими точками, земля превращалась на глазах в огромный шар, покрытый дымкой облаков. Свет солнца стал резкий, острый, но только на секунду. Стены комнаты опять проявились, у всех сложилось впечатление, что они находятся в стеклянной банке, глядя на окружающее пространство с безопасного места. Вот внизу, под ногами земля, по которой они путешествовали превратилась в небольшой шар, становясь всё меньше и меньше. Вокруг сверкали миллиарды огоньков звёзд, ласковое солнце выделялось на чёрном фоне, уже не ослепляя глаза. Стеклянные стены ослабили свет до нормальной границы, можно было наслаждаться зрелищем, не переживая за зрение.

Вскоре планета совсем стала маленькой, не сильно выделяясь в окружающем пространстве. Друзья пораженные увиденным молча сидели некоторое время, пока тишину не нарушил Юсупов, — а мы то еды почти и не взяли, да и с водой, только то что во флягах. Как же дальше без основного то?

Всем вдруг захотелось пить и резерв воды стремительно сокращался, да и не очень много жидкости помещалось в снарядные гильзы. Да и сколько не чистились, вода в них всё ещё отдавала кислым привкусом сгоревшего пороха.

— кажись у нас проблема, из еды только вяленых три лещика. Светит нам скорый голод, если до этого момента от жажды не помрём. — сообщила плохую весть Голубкова.

— а я ещё хочу пить, — жалостно произнесла Драгана, в ту же секунду, из подлокотника кресла выдвинулся небольшой поднос с каким-то сосудом, похожим на обычный стакан, закрытый сверху тонкой крышкой. Девчушка осторожно его взяла, откинув крышку и понюхала содержимое. — ой! Как будто земляника, такой же запах! — и не дожидаясь пока остальные отреагируют, пригубила, — обалденно! С кислинкой! От жажды не умрём!

Саня не знал как реагировать на неосторожные действия товарищей, тем временем, его друг увидел, что сделала девчушка, склонился к подлокотнику и что-то пробурчал, послышался щелчок и ребята имели возможность увидеть жующего, довольного Карима, глядящего на всех с детским озорством в глазах.

— ты чего делаешь, жрёшь? Тихушник! А остальные! — возмутилась Голубкова.

— да я не ради себя! Ради вас рискую, может там отравка! — сообщил парень, разрывая какую-то фольгу на небольшом бруске и вынув желтоватый кусочек начал его жевать, — и вообще, не отвлекай меня женщина! Не видишь, провожу научную экспертизу!

Пока друзья выясняли проблемы с питанием, во тьме стали проступать контуры огромного цилиндра. Своими размерами постепенно заслоняя половину видимого пространства. Прозрачные стены комнаты давали возможность оценить его величину только частично, угольно-черный цвет поверхности объекта смешивался с космической тьмой. Скоро он завладел вниманием друзей. мимо проносилась его обшивка, покрытая мелкими бороздами каналов, в которых скрывались непонятные сооружения, что-то двигалось. Разобрать подробнее не позволяла большая скорость, но вот она начала постепенно уменьшаться, пока картина цилиндра не замерла. В его теле появилось освещённое отверстие, в этот момент стены комнаты потеряли свою прозрачность, светло бежевый цвет вернулся назад. Следующие несколько минут ничего не происходило, ребята начали оглядываться по сторонам и тут опять послышался звук тихого шипения.

— ну вот, а я так увлеклась, какое качественное кино, в жизни такого не видела, жаль что быстро закончилось, — грустно произнесла Голубкова. И тут же Юсупов начал тихо смеяться, прикрывая рот ладонью.

— да не кино это было! Нам показывали куда мы двигаемся, тетеря необразованная.

— Драгана, если тебе не трудно, двинь этого своего умника, а то мне лень вставать. Такое удобное кресло, жаль подниматься из-за пустяка.

Но дальнейшие разбирательства прекратил Матвеев, встал закинул котомку за плечи, опираясь на винтовку скомандовал, — так, засиделись мы тут. Шипение из-за вашего галдежа едва было слышно, думаю что это двери открылись, пора нам топать дальше. Паравоз прибыл на конечную станцию, дальше не идёт, просьба к пассажирам-"валите дальше, как знаете и умеете и торбы свои не забудьте!"

Пройдя через открытый проход первым, он остановился, не зная как себе объяснить, где сейчас находится. Помещение, ангар, зал, всё эти слова не в состоянии описать окружающее. До потолка больше половины километра и три в длину, овальные объект, из которого сейчас вышел, выглядел тут песчинкой. За спиной раздался тихий свист, это Карим выражал свои эмоции, ошарашенно вертя головой. — да тут пирамиды можно разместить рядами! И такое пространство простаивает!

Из дальнего края огромного помещения, к ребятам двигался какой-то белый шар, беззвучно плывя над полом. Через несколько минут он затормозил рядом и из него послышался голос-" Добро пожаловать в координирующий центр звёздной системы! Прошу вас размещаться поудобнее на борту транспортного модуля. Вы сможете быстро добраться до информационного центра, для получения ответа на ваши вопросы."

— он что, издевается? Верхом на этом чуде поедем? — сердито спросила Драгана. Но не успела закончить, как шар опустился на пол и из его нутра высунулась цилиндрическая платформа. — опять лифт! Может пешком?

Из шара снова послышался голос, — " до нашей цели сто восемьдесят километров, при средней скорости вашего перемещения, четыре километра в час, потребуется сорок пять часов непрерывного движения. С учётом сна и необходимого отдыха получается свыше четырех дней. Что представляет собой нерациональное использование времени"

Матвеев похлопал девчущку по плечу, — лучше плохо ехать, чем хорошо идти! Тем более что даром.

С трудом поместились вчетвером, были подняты вверх, внутри шара, вдоль стен, находился круглый диван и ребята, недовольные таким транспортом свалили на него свои вещи и оружие. Саня окинул взглядом необычное помещение, на его фоне старый арбалет, винтовка и автомат, друзья в выцветшей форме, девчушка в простом, льняном платье и лаптях, выглядели очень интересно. Да ещё Карим добавил этом контрасту пару слов, — вези меня извозчик! — и ощупал покрытие дивана, на котором все сидели. Согнувшись к Драгане, что-то зашептал на ухо, отчего она захихикала.

— чего там он придумал, по роже видно, пакость какая-то. — спросила Светлана.

— да ничего не пакостное, обещал, что когда приедем на место и пойдём дальше, из дивана лоскут вырежет и сапожки мне белые сошьёт. А то лапти скоро совсем развалятся, не босой же мне ходить. Да ты не переживай, никто и не приметит, он с края вырежет, хороший материал, почти как кожа, сносу не будет.

Раздался тихий голос шара, — " предлагаю хороший обмен, если вы не будете портить мою обстановку, я дам вам координаты склада, с первоклассным обмундированием, там вы сможете подобрать необходимые вещи"

Но лукавого Юсупова не легко было провести, он тут же уточнил, — а как мы туда доберёмся? Тут же расстояния слишком большие, пока найдём, а обшивка тут, под рукой.

— "отступление от нашего маршрута на шесть километров находится в границах допустимого. У вас будет пять минут для обеспечения себя одеждой и обувью, боковая панель склада в процессе перестройки, возможно войти внутрь, минуя главный вход"

Матвеев наконец не выдержал и засмеялся, — ладно, договорились.

Когда шар прибыл к намеченной цели, в самое сердце огромного корабля, потребовалось несколько ходок лифта, пока ребята выгрузились. Стояли в большом проходе, перед обыкновенными дверьми, с виду сделанными из дерева. Обвешанные баулами, оружием, ждали пока девчушка переобуется, из полуразвалившихся лаптей, в необычные, чёрные сапожки, словно изготовленные из одного куска прочного материала. Ни единого шва, застёжки, подошва срослась с верхней частью, без видимых границ.

— ну и долго ещё ждать, да скидай ты обмотки и на голую ногу. Видишь какие мягкие внутри, не переживай, не натрёт кожу. — объяснял своей зазнобе парень, придерживая за плечи.

Наконец то с этим было завершено и Саня открыл дверь, ведя за собой ребят, ему уже надоела вся эта неопределенность. Там, дальше, находятся ответы, на ту массу вопросов, что скопилось за всё время. Длинный коридор, отделанный тёмно-вишнёвыми деревянными панелями, с толстым ковровым покрытием пола, глушащий звук шагов. И опять двери, положил ладонь на ручку, ожидая пока подойдут его друзья.

Яркий, солнечный свет ослепил всех, когда они прошли дальше, оказавшись на широкой террасе, выступавшей из каменной стены. Прямо отсюда открывался вид на огромную, длинную долину, утонувшей в зелени растительности, под деревьями проходило множество улочек, разделявших уютные участки с домами. Со всех сторон это чудо было окружено горами, в самом центре большое озеро манило к себе синевой воды.

— ты глянь, в склонах дома вмурованы, обалденно! Да это рай просто, солнышко греет, хотя что-то оно странное, — восхитилась Драга, но девчушку отрезвили слова Карима, — это всё искусственное, не настоящее.

Терраса, на которой ребята находились была заставлена столиками и стульями, напоминая небольшое, уютное приморское кафе. За одним из столов они увидели молодую

девушку, призывно махавшей рукой.

Саня на минуту растерялся, оглядываясь по сторонам, но кроме них тут никого не было, — зовут нас, идём что-ли, узнаем в чём дело.

Остановившись возле столика девушки парень хотел что-то сказать, но первой проговорила незнакомка.

— "добро пожаловать, я уже заказала для вас лёгкий завтрак. Уважаемые дамы, вижу что вы немного нахмурились, так чтобы сразу всем стало понятно. Я не настоящая, то что вы видите лишь иллюзия, созданная координационным центром, для лучшего вашего понимания ситуации и удобства. Да вы не стесняйтесь, всё что тут находится, предназначено служить людям. То-есть, пока, вам четверым, так как в этой звёздной системе, кроме вас никого не обнаружено. С главным вопросом мы разобрались и я готова ответить на то, что вас интересует."

Ребята робко уселись, слушая незнакомку, когда неожиданно появился самодвижущийся столик, заставленный посудой. Подъехав к столику, он выдвинул их себя подобие рук и принялся сервировать еду. Аромат свежее испечённого хлеба, дымящейся чашечки кофе, масло, джем растормошили голодных друзей. Те кусочки непонятной еды добытой из подлокотников кресел не могли удовлетворить молодые организмы.

Но Матвеев сдержал себя, чтобы спросить самое главное для себя, — где мы? Как мы сюда попали и зачем это всё вокруг?

— "Вы молодой человек, судя по всему, командир вашей группы. Раз сумели в нескольких словах выразить основное. Но ответ слишком сложен, позволю себе разложить Ваш вопрос на составляющие, первое-где вы находитесь."

Над столиком с едой, в воздухе появилось изображение звёзды, в окружении пяти планет, находящихся на одинаковом расстоянии от светила, вращаясь на одной орбите.

Юсупов проглотил глоток кофе с молоком и ткнул пальцем в изображение, — если соединить все точки, получается звезда, красноармейская!

— "да, Вы правы, звезда, вот только по поводу красноармейства центр не располагает достаточной информацией. Возможно вы имели ввиду отдельные события на вашей планете. Продолжим, с точки зрения центра, такое построение планет нарушает все правила вселенной. Такое не возможно, но факт перед нами, абсолютно точное, до долей миллиметра положение каждой, идеальное равновесие. Приходится мириться с этим, принять данность и заниматься другими делами. Кроме планет, на довольно большом удалении находится огромный астероидный пояс. За ним обнаружено непронцаемое для обычных объектов сферическое поле, отделившее систему от вселенной. Дополнительная информация находится в астронавигационном секторе."

Голубкова откусила кусочек от круасана, обрадовалась шоколадной начинке и как бы невзначай спросила, то что все старательно обходили, — а мы что, умерли уже на Земле? А потом воскресли тут?

Все остальные замерли, повернувшись к необычной девушке, в ожидании ответа. Когда Светлана склонилась к подруге и указала на лежащие в подносе круасаны, — те с шоколадом, попробуй, не пожалеешь, такого в своём посёлке ты точно не ела.

Но Драгана так и не прикоснулась к еде, с напряжением ожидая ответ.

— "уважаемые люди, вы прибыли в систему благодаря аварийным модулям. Принцип работы этим предметом понятен лишь частично, а основная информация удалена из памяти центра. Известно только, что до своей активации ведут мониторинг жизни носителя. В

случае его гибели происходит абсолютно необъяснимое, откат по времени, на секунду до гибели. Модуль для обеспечения жизни носителя захватывает всё вокруг, в радиусе трёх, четырех метров и переносит в район действия маяка. Примерно такая последовательность действий, физические процессы не объяснимы, ввиду отсутствия информации."

Карим повернулся к другу и спросил, — ты чего-то понял, из этого всего? Дамочка намекает что мы все погибли, безвозвратно, странно, как же я вкус буженины ощущаю? Если меня нет?

— дурень, ты что не слышал, оберег нас вернул к жизни, — с грустью сказала Голубкова, сдерживая слёзы. — никто из нас не выжил, весь отряд полёт на том берегу.

— это получается, что и я мёртвая, святоши меня убили, может быть и всех остальных, — испугалась своих мыслей девчушка, а друзья молчали, не в силах рассказать страшную истину, что не только посёлок пострадал. В тех краях больше коренных жителей нет, славян нет, кого покрестили, украв веру и род, заставив забыть имя и язык, кого убили, только германы там сейчас. И с того места, уже который раз на Русь беда накатывает, отнимая жизни у лучших.

— мёртвая, теперь всё понятно. Это всё вокруг Ирий! Вы духи! Вы не настоящие! Это испытание моей души! Ирий! Ирий! — заливаясь слезами повторяла Драгана, отодвинувшись в сторону от всех, — Ирий! Я мёртвая! Не настоящие!

Трое друзей уставились на девчушку, не зная о чем она говорит, лишь незнакомка принялась объяснять не логичность выводов, — "Ирий-по мифологии славян, место куда уходят души умерших. Ваша молодая девушка похоже из дохристианской эпохи, в отличии от остальных. Это невероятный феномен, из разных эпох, аварийные модули носителей доставили в одну точку."

Карим придвинулся и принялся успокаивать свою суженую, — дотронься, я тут, настоящий, не выдумка, точно, выдумка голодной не бывает, это я точно знаю. Это просто другой мир, не какой-то непонятный Ирий. Иди сюда, я тебя обниму и ты почувствуешь что у меня бьётся сердце, я живой и буду жить. Конечно если меня вовремя кормить.

Напор с которым парень пытался достучаться до девчушки остановил слёзы, она осторожно дотронулась до его руки, подвинулась, взъерошила ему отросшие, белокурые волосы и прижалась к нему. Парень робко, как медведь, обнял и после пересадил к себе на колени.

— голодный? — спросила его девчушка, увидев подтверждающий кивок, отломил кусочек кроасана и запихнула парню в рот, — жуй, проглот.

— ну вот и славно, а то развела тут сырость, плачешь перед всеми, — обрадовался угощению Карим.

— "извините что вмешиваюсь, но возможно это реакция на жесточайшей стресс."

Саня не понимал незнакомых, непонятных слов центра, но не показывал виду, решив выяснить более значимые вопросы, — хорошо, мы тут, доставили нас береги сюда, всё понятно, а как береги на Землю попали? Драгана говорила, что в семью от какого-то волхва он попал, мой дед Артем сам был волхвом отшельником, по слухам деревенских стариков. В обоих случаях волхвы замешаны, они что, как-то связаны с координационным центром?

— "извините, я пока не готова ответить на этот вопрос, информация о том стёрта, а блок памяти отправлен на переработку, как вторичное сырьё, что весьма странно. Его износ не превышал и сорока двух процентов, удалено из архива и кто отдал данный приказ. Но на центральной верфи, в отделе проэктантов сохранилась документация о строительстве

специального корабля, под кодовым названием-Ковчег. Очень необычное, не имеет никакого смысла, что нарушение протокола при наименовании кораблей"

— это для вас, в центре, не имеет смысла, — добавил Карим, погружившись в раздумья, но не переставая уничтожать содержимое своей тарелки. — Такое название может дать только человек, оно имеет очень глубокий смысл. Корабль спасения, последней надежды, как-то так, странно что у тебя есть информация о нашем языке. Разговариваешь то нормально с нами, но отдельные части понятий отсутствуют. Так что лучше всего расскажи где мы, что это вокруг нас, чтобы знать с чем имеем дело.

— да, а то всё очень чудно выглядит-добавила Светланы, разглядывая с террасы окна домов, прилепленных к скалистым склонам долины.

— "хорошо, сейчас подлетит транспортная платформа и устроим небольшую, ознакомительную экскурсию. Тем более, что нам есть чем гордиться, координирующий центр великолепно справляется с планом."

Тут же среагировал Матвеев, ухватившись за последние слова, — вот о плане если можно поподробнее.

— "эта абсолютно открытая информация, план подразумевает трансформацию пяти планет и нашего объекта для размещения и обеспечения жизни людей. Всё работы подразумевают создание огромного резерва пространства для нескольких миллиардов."

Драгана на минуту растерялась, для девчушки и сотня людей представляла огромное количество. Поэтому решила уточнить, вдруг она ослушалась, — сколько, сколько? Миллиарды, да где же взять столько людей, а потом разместить. Они же у друг дружке на головах сидеть будут.

— "такое количество очень далёкая перспектива, даже если это будет превышено в два раза, инфраструктура пяти планет позволяет разместить всех без каких-либо проблем. Скученность не грозит ни кому, вы пока не понимаете в полной мере, о каких пространствах идёт речь. Для примера прошу взглянуть на то, что находится перед вашими глазами"

В этот момент к ограде террасы подлетел необычный объект, с виду напоминающий маленький автобус. Почти весь прозрачный, своими закругленными формами и небольшими фарами вызывал улыбку, смотрелся как большая детская игрушка. В его боку открылась дверь, плавно отъехав в сторону. Из нижней части корпуса выдвинулась апрель, по бокам которой выросли ограждения. Из внутренности послышался задорный, весёлый голос, — "Добро пожаловать! Залезайте побыстрее! Прокачусь с ветерком!"

Первый из-за стола встал Матвеев, закинув вещи на плечо, подхватив винтовку. И остальные друзья принялись собираться, запасливый Карим перелил, из стоящего на столе графина, воду в две опустевшие фляги. А Голубкова на секунду задумалась, круасаны исчезли в сумке взятой со склада с вещами. Легли поверх двух комбинезонов, прикрыв прихватизированное имущество и лишь потом повесила автомат на шею.

Только девчушка сиротливо стояла с арбалетом в руках, ожидая пока остальные двинутся.

— "нет необходимости нести все ваши вещи с собой, у вас в распоряжении все ресурсы центра. Все необходимости о чём-то беспокоиться, безопасность гарантирована абсолютная."

— это отлично, но запас карман не тянет, да и мы люди простые, привыкли всегда надеяться только на себя, — объяснил свои действия Карим.

Пройдя к автобусу, висевшему над террасой, ребята, по привычке, пропустили Саню

вперёд. Шесть удобных, широких кресел, с каждой стороны, ожидали пассажиров, круговое остекление и тихая, ненавязчивая музыка создавали уютную атмосферу.

Закинув котомку на переднее кресло, уселся позади, прислонив винтовку на спинку, так, чтобы в любой момент она была под рукой. За ним последовали ребята, разместившись по обе стороны автобуса и все обернулись, ожидая когда войдёт девушка, представитель координационного центра. Юсупов склонился к девчужке и тихо прошептал на ухо, — я для тебя ложечку из сервиза спёр, потом отдам. Чего-то хозяйка этого чуда задерживается, неужели пересчитывают там посуду?

За спинами друзей, в передней части автобуса, внезапно появилась та которую все ждали. Вызвав своим видом удивление, плотно облегающий комбинезон заставил девушек отвесить подзатыльники, почти синхронно. Драгана даже зашипела на своего суженого, — чего вылупился на эту срамоту! Глаза придержи олух, иначе повыпадают!

Ох и ревнивая ты у меня баба! Чуть что не так, сразу драться лезишь, да я гляжу на комбинезон, такой же на складе для тебя стырил. Вот и прикидываю, как он тебе стоять будет. — начал оправдываться Карим. А его друг удостоились тихой угрозы Светланы, — я тебя после прибью.

Назревающий скандал прекратился так и не начавшись.

— " уважаемый люди, для облегчения дальнейшего сотрудничества, следует обратить ваше внимание на то, что я не реальная личность, всего лишь набор фотонов, извините, вы ещё не в курсе, что это. Я просто свет, проекция координационного центра, не имею физического тела и внешний вид всего лишь сгенерирован. При необходимости, по вашему желанию, в состоянии принять любую форму."

Голубкова тут же попросила, — а нельзя ли чего-то попроще, иначе наши оболтусы пропустят половину объяснений.

В ту же секунду внешний вид представителя изменился, перед ними находился толстенький тип, одетый в замусоленную тройку, сероватого цвета воротник рубашки, белыми местами напоминал о прежнем виде. Взирая на всех плутоватыми глазами, сквозь толстые стёкла очков. Хрипловатый, прокуренный голос гармонично сочетался с внешним видом. Да и от прежнего, размеренного темпа разговора ничего не осталось.

— "значится так, в этом здоровенном блоке, двадцать на восемь километров размерами, может жить, не толкаясь плечами, сто тыщ человек. Всем обеспеченно жильё, из расчета по девяносто метров полезной площади. Надеюсь что не будут друг другу на ноги наступать, худо-бедно конечно, но кому не нравится, милости просим на поверхность планеты. Там сейчас ведутся подготовительные работы, для создания инфраструктуры на миллиард каждая. Но о том после, вот таких блоков, у нас на борту двенадцать, да ещё и резерв кое-какой остался. Сам координационный сектор находится в центре цилиндра, от него идут по шесть жилых блоков в стороны. С внешней стороны они покрыты складскими помещениями, техническими отделами, ну и прочим. То, прочие, занимается обслуживанием всего, типа транспорт, воздух, вода, харчи. Всем что необходимо для жизни людей короче. Дальше идут производственные мощности и верфи, на самых краях серьёзные комплексы обороны, бережённому усё берегут и обходят стороной, при плохих намерениях.

Вот собственно и всё, ой, совсем забыл, главная энергетическая установка не существует, в целях безопасности. Сотни малых реакторов размещены в бронекapsулах, по всему корпусу, в тунелях. В случае чего, взрыв там или ещё какая-то неприятность, вылетит наружу, не нанеся никаких повреждений координационному центру. В общих чертах я

описал, что и как, по поводу деталей не проблема, усё выложу при вашем желании"

— ребята, кто-то из его рассказа чего-то понял, — спросил Карим, — знаешь, ты заумные слова оставь на потом. По простому ты с нами, вот ты о квадратах по человеку говорил. Лучше всего своими глазами взглянуть, руками пощупать и всё будет ясно.

Толстеный тип согласно кивнул головой и автобус начал плавно спускаться вниз, остановившись на улочке, делящей ряды домов на два дела. Низкие, декоративные оградки отделяли каждый от пешеходной зоны. Сажены разных деревьев и кустарников, своей молодой листвой создавали приятную атмосферу.

Все дома были соединены в одно целое и Юсупов не преминул выразить своё мнение, — ты глянь, как бараки, разница что у всех свои выходы и маленькие участки перед домом. Да тут нет места для огорода вообще, петрушки, земле, редисочки, да обычной картохи негде посадить.

Его недовольство продолжила Драгана, — а где курятник ставить, чем несушки кормить? Да и лопухов нигде нет.

— а это ещё зачем? — спросила Голубкова, но подруга что-то прошептала на ухо и та смутившись, тоже возмутилась отмутвием такого полезного растения.

Наконец не выдержал Матвеев, — ну на вас не угодишь. Сказал же этот тип, жильцам о харчах не надо думать, всё тут на готовом, как в городе. А вы огород, курятник, ещё свинарник и хлев для коровы потребуйте. Тут же заточено для работы головой, а не тупой махать!

Представитель центра опять изменился, перед ними стояла сухой, высокий мужчина, средних лет-" по общему заключению ваших психопрофилей, для нормальной работы вам необходимо пройти дополнительное обучение, поднять ваш уровень образования. Только тогда вы можете в состоянии оценить масштабы задачи и условия, стоящие перед центром. Предлагаю вам вернуться в центральный отсек, там вам будет обеспечено комфортное жильё и учителя, способные развить в каждом из вас лучшие стороны интеллекта. Не смущайтесь, разведывательный зонд ведущий наблюдения за вами, от момента появления и до посещения аварийного центра, дал высокую оценку. Вы обладаете уникальными адаптивными способностями, очень сообразительны, настойчивы при достижении поставленных задач. При соответствующем уровне знаний в состоянии сделать невозможное. Мы все в центре, возлагаем большие надежды на вас."

— подожди, кто вы все? Кроме тебя мы тут никого не встречали, — уточнила Светлана.

— "мы, это несколько компьютеров, думающих машин по вашему, наши возможности не велики, а объём работ огромный. К тому же огромный массив информации блокирован, доступен только людям, так как руководящую роль должны выполнять они. Кроме вас, четверых, в системе никого нет и потому первоочередная задача, кроме благоустройства планет, вырастить из вас наших руководителей. Помочь раскрыться каждому, ощутить свои силы, чтобы возложить командование в ваши руки."

— ну а смысл всего, зачем всё это? Зачем готовить что-то, для кого? Ты же сам говорил, кроме нас тут людей нет, — не успокоилась Голубкова, — знания нам не будут лишними, но я не вижу цели и смысла плана. Да и вообще, кто его составлял, кто заварил эту кашу? Вы же сами не знаете, для чего работаете.

— "вот это и нас беспокоит, ответ на вопрос возможно найти в памяти главной верфи, но доступ туда открыт только людям. Но вам необходимо иметь хоть какое-то знание, чтобы знать что и где искать."

Юсупов почесал затылок и вместо всех подвёл итог, — хош или нет, знания нужны, а то получается как дворника заставить в паравозе копать. Это же техника, тут без уважения никуда. Чего репы чешете, айда науку грызть, ещё Ленин говорил-" Учиться, учиться, учиться!". Помните, наш политрук эти слова повторял, жаль что погиб, хороший был человек, правильный. Так и не помянули мы его, да и никого из отряда. Саня давай сегодня заселяться, а гляну, что тут из железяк имеется, самогонный аппарат соорудить для меня раз плюнуть. Вон, видишь пчела, раз она есть, то и мёд где-то, медовуха, сладенькая.

Закончить парню не дала Драгана, прошептав тому что-то на ухо, тот на секунду задумался, — а раз мы уже тут, неплохо бы взглянуть, как домики изнутри выглядят. Ну там, кухня, баня, туалет, остальные удобства для жизни. Проверим усё, не халтурят ли мастера, а то всякое бывает. — и с хитрым выражением лица подмигнул девчужке. — и то не один, а два дома зараз, я с Драганой один а ты со Светкой другой, ну, это для экономии времени.

И не дожидаясь, пока остальные двинуться, пошёл к ближнему дому, по дорожке выложенной каменной плиткой. Спустя пол часа все вернулись назад, усевшись на свои прежние места, обмениваясь впечатлениями от увиденного. Автобус взмыл в воздух и полетел обратно, в направлении знакомой террасы, по которой кругами ездил столик. Собрав посуду со стола, безуспешно пытался найти недостающую ложечку, заглядывая под все столы уже третий раз. Рядом, в скале открылся широкий проход и недостающих предмет, лежащий в кармане Юсупова, быстро удалился от сервировочного столика.

Первые несколько дней друзья спали в одной, большой комнате, не сильно доверяя умным машинам, продолжая дежурить по ночам. Хотя понятие дня и ночи в учебном секторе было условно. Каждый день был похож один на другой, лёгкий завтрак и учёба до обеда, после научное разбиралось на примерах до самого вечера. Постоянные занятия не позволяли расслабиться, все очень уставали от такого темпа. Представитель центра предлагал сделать перерыв, но ребята не согласились, упорно продолжая поглощать знания, жадно впитывая в себя информацию. Торопились подготовиться к встрече с массивом памяти главной верфи. Единственным послаблением был небольшой бассейн, где они по вечерам учили плавать Драгану. И только теперь Карим ощутил запоздалый испуг, вспоминая путешествие на том подобии катамарана, где девчужка очень рисковала. И теперь очень обрадовался, когда та самостоятельно переплыла бассейн.

Через неделю Матвеев с Светланой заявили что ним надоело слушать как храпит Карим и переселились в отдельную комнату. Впервые, за всё время, от попадания в этот мир, ночью никто не дежурил. Но двери в комнаты подпирали стульями ещё некоторое время, держа оружие рядом с кроватями. Но спустя месяц напряжённой учёбы, начали понимать ситуацию, с улыбкой вспоминая свои наивные поступки.

Матвеев поставил винтовку в угол, ломая голову идеей где раздобыть обычный гвоздь, и забив его рядом с кроватью, повесить оружие. Как напоминание о прошлом, как стимул к учёбе. Но его подруга ошупав материал, из которого состояла стена, посоветовала забыть о том.

Практические занятия начались в техническом секторе, где наконец Карим ощутил себя богом техники. С помощью инструмента, который тут был, он за пол часа сделал миниатюрный самогонный аппарат. А после выпрашивал у друзей сладости, пытаясь не приметно приготовить брагу. Но столик, занимающийся в учебном центре обслуживанием, через пару дней приехал в компании ещё нескольких собратьев. И большой, самодельный бак с брагой, оставшийся ночью без надзора Карима, утром блестел идеально

очищенными боками. Парень заглянул внутрь и увидел на дне своё отражение, стерильный металл сверкал первозданной чистотой. Другим несколько минут пришлось выслушивать его ругань, — это они мне гады за ложечку мстят! Жадины! За одну единственную! Как-будто я целый сервиз упёр!

В начале следующего месяца центр провёл тестирование отдельных способностей и все очень удивились, у Драганы открылся талант к математике и программированию. В отличие от остальных, она не считала как все, объясняя что все цифры всего лишь цвета, разные, она просто составляет у себя в голове нужную картинку.

Светлана наоборот, оказались далёка от этого, посвятив себя и дальше медицине и биологии. Копаясь по памяти центра, выуживала необычные факты. Одним из самых важных, было открытие большого биологического сектора, но приступ к тому пока был закрыт. Что являлось для девушки загадкой.

Матвеев увлёкся транспортными модулями, постоянно спорил с своим учителем, объясняя что внешний вид тоже играет немаловажную роль. Функциональность кирпича и шара коробит глаза и негативно влияет на человека.

Прошли ещё несколько недель и представитель центра объявил о окончании первого этапа обучения. Предложив посетить главную верфь, где была скрыта истина о цели всего происходящего. Сидеть безвылазно в учебном центре всем надоело, да хотелось в реальности опробовать свои знания. Особенно всех интересовало почему доступ разрешён только людям, почему нет полного доверия к машинам. Но это вслух никто из друзей не произносил, привычка быть осторожными, в непонятной ситуации, передалась всем от Матвеева.

Опять знакомый автобус ждал у входа, приветливо открыв свои двери, сегодня в него вошли пассажиры налегке, без того количества вещей, которыми были раньше обвешанны. Да и одеты по-другому, просторные, голубого цвета, комбинезоны, с массой карманов, удобные, лёгкие полусапожки на ногах. Прежняя котомка осталась в комнате, сейчас не надо было беспокоиться о еде. Но на плече Юсупова висел автомат, пара магазинов к нему, торчала в боковых карманах. Его друг оставил винтовку отдыхать, вооружившись только пистолетом. На вопрос девушек, зачем таскать с собой оружие, ведь вокруг всё безопасно, они переглянулись и хором ответили-"Шоб було!"

Путь до главной верфи занял пол часа непрерывной гонки, по огромным, широким коридорам. Глядя на которые Карим сказал, что там может стать два ТБ-3, да ещё места останется. А потом вынужден был объяснять своей дорогой, что он имеет в виду. Но тут путь подошёл к намеченной цели, открылись ворота, пропуская автобус в громадный зал. Хотя все знали о его размерах, в высоту пятнадцать, длину сорок и ширину в десять километров. Увидев такие масштабы, некоторое время не могли поверить своим глазам. Огромный стапель, расположенный по центру, стоял пустой, в окружении неподвижных, циклопических механизмов.

— ни чего себе! Да что же тут строили? Вы только оцените подпорные балки, что они когда-то держали! А вон вдали плиты стоят в ряд, толщина то какая, там несколько десятков метров. Это какой же прокатный стан должен быть! — восхищённый техническим царством, комментировал Юсупов, пока они не добрались до небольшого здания, выстроенного вдоль одной стены.

Автобус остановился рядом с входом, плавно опустившись на металлический пол. Внутри салона прозвучал голос управляющего компьютера, — "извините, ближе подлететь

не в состоянии, программный запрет, дальше передвижение позволено только людям"

— дальше пешком, покатались и хватит. Ну что, Драгана, готова к труду и обороне? Тут думаю ты у нас главная сила, лучше всего разбираешься в этих случаях. — скомандовал Саня. Открыл простую дверь, без всяких технических премудростей, как в парадном обычного дома, и шагнул в освещённый коридор. Впереди была ещё одна дверь, но перед ней стоял маленький столик, с открытой, тонкой тетрадкой и карандашом рядом. Заглянул на чистые, белые листы бумаги и в недоумении обернулся, — ребята, вы гляньте? Школьная тетрадь, зачем она тут?

В этот момент все четверо находились в коридоре, дверь за ними внезапно закрылась, сама по себе, отделив от верфи. Освещение погасло, но не всё, тетрадь неожиданно начала светиться, на пустых прежде листах появилась какая-то надпись. Саня прочитал и усмехнулся, — вот потеха, тут вопрос для детей, школьников из пятого разряда!

— ну и чего там? — спросила Светлана, немного напуганная мрачной атмосферой.

— да глупость, вопрос написан, мол, что Пётр прорубал в Балтике? Это же даже не смешно, — и решительно взялся за карандаш и ойкнул, — зараза! Да он колется! Как живой!

— Саня, такое впечатление, что у тебя взята проба ДНК-предположила Голубкова.

— да хрен с ней! — возмутился парень и без раздумий написал в тетради крупными буквами-"окно".

В ту же секунду освещение заработало и двери, ведущие внутрь открылись с тихим щелчком, пропуская ребят дальше.

— ох умный человек! Прямо зависть берёт, повезло же тебе Светка, он головой думает, в отличии от моего охламона. Чего стоим то, потопали дальше, — сказала Драгана, глядя как Карим незаметно, мимоходом, упёр карандаш со стола, — хотя и мой не так и плох, хозяйственный.

Войдя внутрь, друзья оказались в большом холле, ряд дверей с табличками находились по обе стороны. Большинство означало порядковый номер конструкционного отдела, лишь дальняя оказалась искомой, с надписью-"Архив рейдера — Ковчег".

— похоже нам сюда, — позвал друзей Саня, открыв очередную дверь, — надеюсь что тут всё что нам нужно. Надоело уже, постоянно искать ответы, хочется определённости. Едва один вопрос решить сумеешь и сразу же появится следующий вопрос.

Его товарищ философски отнёсся к словам, — как говорил один токарь, в наших железнодорожных мастерских, — "вся жизнь это поиск и не каждому дано понять, что он на самом деле ищет". А после этого, тип легко находил деньги на пиво.

— Ну что Драгана, тебе карты в руки, архив тебя ждёт, а мы пока проверим остальное. Светлана, хочешь составить компанию подруге, или с нами отправишься пыль глотать? Я тебе и автомат оставляю, на всякий случай.

— ладно, я девушка не гордая, присмотрю за твоей зазнобой. Валите мальчики, пока я добрая, но только вы не увлекайтесь там, знаю я вас.

Отряд разделившись, занялся поиском ответа, копаясь по пыльным отделам, судя по этому, сюда сервисная служба не заглядывала столетиями.

Но всё оборудование работало без каких-либо проблем, существенно облегчая поиски. Хорошей новостью было то, что тут нашлись экспериментальные рационы питания людей. Саня открыл один пластиковый кубик, на крышке увидев картинку, объяснение по использованию.

— Вот это вещь! Залил водой, подождал пару минут и жри! — восхитился простотой

парень. Выполнив инструкцию, подозрительно отнёсся к внешнему виду, сероватый брусок, впитавший в себя пол литра воды, вырос в размере.

— ты Саня первый, чудно он выглядит, как кирпич саманный.

Тот отломил кусочек и запихнул в рот, пожевав немного, проглотил и с улыбкой на лице объявил, — классная штука!

Тут же Карим вынул нож и отрезал кусок побольше, откусил от него часть некоторое время жевал.

— ну ты и гад, Саня! Эта дрянь не только выглядит, но и вкус саманного кирпича имеет! Но самое страшное для меня, ты представляешь, я, не хочу есть, вообще!

Его друг сочувственно посмотрел на него, упаковывая остаток рациона в мешочек, вложенный в упаковку. — ещё девчат накормить надо, не по людски, оставлять голодными.

Но его планы прервал Карим, тыкавший пальцами по виртуальной клавиатуре, с непонятными знаками на кнопках. В комнате, где они сейчас находились, целая стена превратилась в огромный экран, показывая схему какого-то космического корабля. Оторвавшись от клавиатуры парень махнул рукой и изображение повернулось другой стороной.

— как думаешь, это то Ковчег? — спросил Матвеев, пробуя разобраться в схеме.

— дай мне пол часа, очень много непонятного тут, — попросил его товарищ, сообразив как можно манипулировать изображением, простыми движениями рук.

Спустя пару часов ребята постучались в дверь архива, собираясь сообщить новости девушкам. Но не успели раскрыть рты, как Драгана заявила о своей работе, — не поверите! Что я раскопала! А ещё и Светлана постаралась, открыв почему заблокирован доступ сюда координационному центру!

Саня задумался, усевшись на стол и положил рядом недоеденный рацион, — у вас два а у нас одно открытие, мы меньше времени потратим, как раз пока вы будете обедать. А то наверняка забыли о еде, зато мы нет, мы настоящие добытчики. Вот, в мешочке, ваша половина, не стесняйтесь, мы уже поели.

Лучшие слова, которые он услышал из уст девушек, было обещание припомнить такой обед. Но дальнейшие выяснения отношений прервал Карим.

— ну не знаю даже с чего начать, короче девочки, мы нашли планы Ковчеха. Да ещё и копию полётного задания. Чтобы не томить, скажу сразу, корабль был построен тут, на верфи, снабжён и отправлен к Земле! И наше появление в этом мире не случайно, он добрался и судя по наличию у нас оберегов, выполнил первый этап. Но это не всё, вы себе не представляете, настоящую истину, цель его экспедиции!

Драгана лишь улыбнулась, — знаем, ещё как знаем. Тут, в архиве, сохранились заявки на оборудование Ковчеха специальными капсулами, для перевозки людей и животных. Не один, два человека, тут десятками тысяч количество измеряется. Да ещё и обучающий, мобильный центр, с созданием виртуального мира, потребовали установить на борту.

— а зато вы пропустили одну деталь, время, разница во времени, как такое возможно? Мы из сорок первого года, Драгана, из тысяча девятьсот сорок первого! А ты из времени когда Германии не было, да и немцев на тех просторах. По твоим воспоминаниям, там жили славяне-язычники, христианство только начало осваивать территории. Это огромная разница, тысяча лет между нами, а может и больше. И теперь мы все в одном месте, в одном времени!

Следующие несколько часов длилось выяснение обстоятельств и причин. Друзья долго

не могли успокоиться, невероятные факты просто не укладывались в сознании. А воспоминания о приветствии координационного центра, о том, что они первые, повергло в шок.

— раз мы первые, то за нами придут другие!

Прошло очень много времени, на одной из планет, в очень необычной звёздной системе, на берегу большого материка, был выстроен дом. Всего в один этаж, вольготно расположен на высоком месте, не стесняясь, занимал обширную территорию. Близость экватора и его тепло компенсировал освежающий ветер с моря, а тент, над большой верандой, защищал от палящих лучей солнца низенький столик, окружённый сплетёнными из тонких прутьев креслами. Два крепких, седых старика попивая сок, в котором плавали кубики льда, из высоких стаканов, наблюдали за ярко красным парусом. Небольшая яхта постепенно удалялась от берега.

— ты смотри на эту мелюзгу, сами всё сделали, своими руками, только деревья дроны валили и на доски распустили, а дальше детвора сама.

— я думал что надоеет столько возиться, начнут роботов использовать, а ты глянь, так и не отступили, даже пропитку для корпуса сами варили.

— и куда сейчас них понесло?

— как обычно, поплыли своих дельфинов искать. Непоседы, обожают играть с ними, а те только рады забаве, гоняют вместе крабов бедных по дну. Тут уже всех достали, даром они щипают своими клешнями, мелюзга только ойкнет и забежит с другой стороны, ухватит за ногу и потащит в воду, к своим друзьям.

— а ты старый пень и рад, пока они носятся ты имеешь передышку.

— так это же дети, сто тысяч почему и зачем. Один за другим, перебивая друг дружку, деда а почему это, а если так, а маме не расскажешь?

Один из стариков поставил на стол опустевшие стакан и на минуту задумался, прервав неспешную беседу.

— чего, твоя тоже постоянно пилит, по поводу мемуаров, завещания от нас, будущим поколениям.

— каждый день, напоминает, мол не серьезно, обещали ведь. Да и у Светланы план наши мемуары ввести в список учебного материала, для старших классов.

— ещё доживём до того дня, что к нашей сорокопятке экскурсии устроят. Я пушку то привёл в полный порядок, даже пару раз бабахнул холостыми. Вспомнил молодость лихую, детвора, что со мной тогда была, скакала от радости. Думаю соорудить для пушки небольшой пьедестал, в главной, жилой платформе координационного центра, на площади, возле фонтана, заслужила она. А рядом плиту мраморную, с фамилиями всех из нашего отряда, всех кто погиб тогда у реки.

— вот, видишь, уже старый стал, ударился в воспоминания, так что время и мемуарами заняться. А можно и вместе, что один забыл, другой помнит, не пропустим важных деталей. Да и уютно тут у тебя, пока мелюзга дельфинам надоедает пройдемся по основным этапам нашей жизни, в этом мире. Ты тут хозяин, тебе Карим и первое слово, достаточно я накомандовался, за все годы, всегда впереди, сейчас твой черёд.

Старик вздохнул, вынул из кармана маленький шарик и положил на стол.

— ты и дальше с этим диктафоном не расстаёшься? Помнишь как в конструкторском бюро его в столе нашел, в карман засунул по привычке, не понимая, что это такое. А потом случайно включил и все ржали, видя твою плутоватую и довольную рожу висящую в воздухе.

— да, был номер за цирк, он же снял момент прихватизации.

— ну да ладно, пора и начинать о прошедшем. В тот день, когда мы все копались на верфи, моя Драгана открыла истину о программном ограничении. Весь комплекс, координационный центр, вся инфраструктура в системе, наследство от погибшей цивилизации. Не слишком хорошей, правильно сказать, немецкие фашисты-нацисты детский сад по сравнению с теми. Людям крупно повезло, что поубивали они друг друга, иначе от Земли направили очередную колонию своих рабов. Но всё равно, без последствий это не прошло. Вечная мерзлота Сибири, пески некоторых пустынь, изменения в генетическом коде, перечень очень длинный. Самое ужасное, что погубили первую людскую цивилизацию и оставили свои биологические дроны на планете, как ненужное барахло, а оно имело способность к размножению. Принимая людской вид, вели разведку и диверсионную работу. Невольно вспоминается слова нашего Сталина, о вредительстве.

Старик на минуту взял паузу, из внутренней части столика выдвинулся новый стакан сока, несколько больших кубиков льда плавали на поверхности, призывно поблёскивая своими гранями. Его друг решил добавить пару слов в рассказ.

— точно, вредительство и то без смысла, Сталин был прав, тот же Тухачевский, малой кровью, да на чужой земле. Жаль что этого гада раньше не расстреляли, мы же учились нападать, забыв напрочь о обороне. Сколько же хороших людей полегло в первые дни войны, страшно себе представить Карим. Но не верю, что немцы победили, слишком большая наша страна, а народ упёртый и злой к врагу. Тех предателей галицийских в расчет не беру, это шакалы, падальщики, не вояки, гнильё а не люди. Настоящие люди это как наш политрук, знал что идёт на смерть, когда полез за снарядами. Знал что от работающего расчета пушки больше зависит, чем от него, зато и сам пошел за боеприпасами.

— да Саня, правильный был мужик, не балабол, жаль, что погиб. Но если бы не он, твою Светку немецкая пехота убила, ведь он своим телом загородил дурёху от пуль.

— ох, Карим, Карим, чего-то нас не туда понесло, мы же вроде как о этом мире хотели разговор вести.

Оба старика грустно поглядели друг на друга, Юсупов встал и ушел на кухню. Вернулся через пару минут, неся в руке запотевшую, тёмную, почти чёрную бутылку и пару гранёных стаканов.

— вот, моя Драгана эту медовуху в первый год, после рождения первого ребенка сделала. Так и стоит двадцать бутылок, пыль собирает в подвале, а эта в холодильнике корни давно пустила. Глянь какие стаканы я сварганил, точь в точь копия тех, что в буфете на вокзале, в моей родной Казане были. Батя ещё один такой у буфетчицы Зины на что-то сменял, потом только из него чай пил. Даже подстаканник сам для того смастерил.

— Давай за нашего политрука, по маленькой, помянем человека.

Карим открыл пробку и за минуту вокруг обоих повис аромат мёда, перемешанного с тёрпким запахом полыни и каких-то трав. Налил на доньшко каждого стакана, уважая прожитые годы и предстоящее повествование. Молча выпили и поставили на столик стаканы, старики продолжили свой рассказ. Маленький шарик, диктафон, был хорошим слушателем, к тому же он вёл и видео съёмку обоих, оставляя в своей памяти каждую секунду встречи этих людей, сплочённых, верных друзей, понимающих друг друга без слов.

— ну вот, можно и дальше, короче накрылась та чужая цивилизация, сама себя поела. И осталось только это огромное сооружение, которое сейчас выполняет функцию координации звёздной системе. О том, для чего оно построено никто не может сказать

точно, информация удалена безвозвратно, теперь можно только строить теории. Но как бы там ни было, его когда-то контролировал человек, оставив хорошо видимые признаки. Вот у него возникли какие-то проблемы, с компьютерами. Ведь погибшая цивилизация использовала мозги умерших, а может и специально убивала своих представителей, для выстраивания центрального ядра. И получались думающие машины, с воспоминаниями из прошлой жизни. Мурашки по коже, как представлю такое Саня, у них даже здохнуть нормально не было возможно. Тот тип чего-то тут делал, возможно что Ковчег его рук дело, но столкнувшись с живыми мозгами получил попытку восстания. После этого все умные машины отправились на слом.

— Карим, это вполне вероятно, но как он завершил свою работу, Ковчег так просто не построить, считая на счётах и пальцах. Возможно, что оставил кое-какие машины, для помощи и уходя ликвидировал возможную угрозу, на всякий случай. Ведь те машины, что остались у нас в распоряжении, обычные, квантовые компьютера, без выкрутасов, работают только по программе.

— в твоих рассуждениях Матвеев большая доля вероятности, но тот человек страдал здоровой паранойей. Раз оставил программные ограничения для всех железяк, что вполне оправдано, с моей точки зрения. Да и я то же самое сделал на его месте.

— возможно и я, но как бы там ни было, знаем что корабль добрался до Земли. Драгана в накладных по отделу доставки грузов нашла информацию, о контейнере с огромным количеством оберегов. Но будто этого типу оказалось маловато, он ещё дал команду на погрузку копировального устройства, фактически фабрика по производству оберегов. Сколько же по его планам сюда должно быть доставлено людей? Десятки тысяч, это по самым скромным оценкам, но будет ли достаточно для заселения мира из пяти планет. Тут координационный центр один в состоянии принять больше пол миллиона.

— Саня, мужик всё делал с огромным запасом, перспективой, точно из нашей страны. Только у наших людей в головах понятие о бескрайних просторах.

Всё вроде стало понятно, да и учёба здорово помогла, но с этими фокусами, с течением времени полный завал. Помнишь, сколько бились, пытаюсь понять хоть что-то. И всё напрасно, приходится принять факты, такими как есть.

Матвеев почесал затылок и констатировал очевидное, — мало мы с тобой Карим каши ели, не с нашими мозгами в такие дебри лезть. Только моя Света чего-то понимает, сколько не пыталась нам объяснить, всё бестолку. Ну не укладывается у меня в голове, как возможно, что время течёт по разному, да ещё гравитация тут влияет, то ускоряя, то замедляя. Нихрена не могу понять, так же, как и остальные. А ещё и то, что эта система заперта от остатка вселенной, тут своё время, короче полный хаос. Не хочу больше ломать над этим вопросом голову, пушай моя дорогуша, когда не возиться в биологической лаборатории, разбирается.

— ни я ничего не понимаю. Вот смотри, Ковчег отсюда улетел двести годков тому назад. До Земли уйдет триста лет на дорогу в одну сторону, так что по нашему, здешнему времени, ему ещё переться ого-го. Там пока он людей найдёт, пока с оберегами разберётся, пройдет много, много времени. Это всё можно понять, но как мы, из разных эпох, тут оказались? Хоть убей, но это невозможно с моей точки зрения, мы же после отлёта тут появились через пятьдесят лет. Уже сто пятьдесят мы тут прожили, детей наплодили, а он по расчетам ещё в пути. Это как-то связано с барьером, что нас окружает, его фокусы. Как бы там ни было, по графику, который оставил мужик перед своим исчезновением, возврат Ковчегу следует ожидать через одно столетие. Полная билеберда, как он только сумел в этом

дурдоме заниматься строительством, планетами, даже не знаю. Но пока что ошибки в его делах и планах не было. Так что готовимся к встрече корабля потихоньку, надеюсь что доживём, поглядим, кого сюда привезёт Ковчег.

Карим остановился в своих рассуждениях, так как на веранде появилась гостья, небольшая, с огромным, пушистым хвостом, рыжая лиса. Осмотревшись по сторонам, радостно полузалаяла, полумякнула и подбежав к старику, запрыгнула на колени. Заглянула в глаза Юсупову, нежно лизнула его в щеку, тихо твякнула и свернувшись в клубок, задремала. Не обращая никакого внимания на разговор людей.

— помнишь, это потомок Светкиной подружки, ты ещё первый накормил ту плутовку. Через год, после первой встречи, помнила твою дорогушу, мы ещё смеялись, шутили, выясняя кто кого припитомил. Так и осталась с нами, а теперь хитрой рыжей правильно, пра, правнуки с нами живут. Вот только проблема вечная с ними, налопается до немогу и дальше попрошайничают, а потом нычки свои, по всему дому, устраивают. Поднимаю я как-то подушку, а под ней, на простыне кусок колбасы, один раз детвора в игрушки что-то спрятала. Я потому у робота-уборщика немного подправил, чтобы все спрятанное сносил в кормушку. Один раз рыжая обнаружила что он делает и устроила с ним драку, вот где потеха была. Он своими клешнями тянет к себе кусок вяленого мяса, а она его лапами бьёт и рычит на железяку. С тех пор его не любит, у них бесконечные боевые действия идут. Пока что робот лидирует, по очкам, но детвора болеет за рыжую, расставили камеры и снимают этот цирк.

— совсем из головы вылетело. Светлана через пару лет, после посещения верфи получила доступ в биологическую лабораторию. Оказывается что для этого необходимо определённый объем знаний, вот моя благоверная и училась старательно два года, от восхода до заката. И не даром, хотела открыть, почему у нас произошли изменения организма. И выяснила на свою голову, оказалось всё ужасно, та здохшая цивилизация нам успела нагадить, изменилось строение генов, пошла мутации. Человеческая жизнь сократилась до смешного, болезни, уменьшение эффективности мышечной массы. То что мы раньше, в нашем веке, воспринимали как нормальное состояние, оказалось тенью былого. В этой системе, тот незнакомый человек отдал приказ, создать набор микроорганизмов и бактерий, вызывающих возвращение людского организма в прежнее состояние. По подобию первой цивилизации людей на Земле. Но нам четверым не повезло, весь комплекс этих факторов ещё не заработал в полную силу. И вместо шести сотен лет нам отведено всего лишь половина, да и то с помощью множества медикаментозных воздействий. Зато наши дети не должны волноваться о том, а них у нас полно.

— это точно, но ты Саня обогнал меня, у тебя одиннадцать родилось, на одного больше. После, как выросли, после двадцати годков, переженились между собой, так что мы теперь родня. Ну а дальше пошло, поехало, я в начале испугался, что родственники между собой женятся, будет вырождение, болезни всякие, но твоя, в своей лаборатории открыла, что нам, после изменения организма, такое не грозит. Так что сейчас нас больше двадцати тысяч людей, в этой системе, на пять планет. Что очень мало, работы то полно, зашиваемся, надо инфраструктуру успеть создать, к возвращению Ковчеха. Мы все очень надеемся, что он прилетит, я схему корабля изучал долго, очень крепкий и сильный, должен выдержать всё в пути. Доставить сюда людей, свежую кровь влить в наши ряды. А и на обереги надежда есть, вот только пока никто не появился. Мой один пра, правнук развесил спутники, с системой обнаружения, как кто появится, будем знать. На общем собрании решено не вмешиваться в

дела принесённых оберегами, так называемый естественный отбор. Выглядит довольно жестоко, но у нас нет другого выхода. Да и надо выполнить простое дело, добраться самостоятельно до аварийного центра, до пирамиды. Мы ведь смогли, так что и другие сумеют, если захотят, а если нет, континент тот огромный, больше земной Африки в два раза. Могут легко найти там подходящие место для себя, на силу мы тащить никого не будем.

— Это пустяк Карим, по сравнению с тем что необходимо выполнить нашим детям. Если он желают считаться взрослыми. Парни должны сами найти руду, добыть железо, из него выковать мечь и части для плуга. Засеять поле пшеницей и принести в родительский дом мешок зерна, а сверху на него положить свой мечь. Тем самым показать, что и способен и накормить и оборонить. Девушкам тоже не легко, посадить лён, собрать и из него соткать полотно, после родителей одарить рубахами из того материала. Во время обеда, что совсем не просто, ведь всё что приготовленно на столе, надо вырастить своими руками. Зато всё вырастают настоящими людьми, лентяев и лежебок у нас нет. Ведь, во время этого испытания, всё надо делать своими руками, без помощи со стороны.

Ну а потом веселье, пир горой, наше племя стало богаче на одного человека. Таковы общие правила, ни для кого нет послабления, это была идея твоей Драганы, возрождение старых обычаев рода. Они лучше всего подходят для нашего дома, вся эта система, наш общий дом. Нам тут жить, мы не желаем грязи в нашем доме, поэтому дети наши должны быть чистыми в душе.

Юсупов одобрительно кивнул, задумался, на его лице появилась плутоватая улыбка, — Сань, а давай ещё парочку спутников с хорошей оптикой над тем континентом повесим.

— а зачем, там и так хватает. Опять чего-то надумал, пенёк старый.

— да хочу видеть рожи, тех с оберегами, что должны появиться, когда у них начинается восстановление организма. Когда обнаружат, что национальность на Руси пустой звук. Всего лишь изменения внешнего вида, под воздействием мутации и природных условий, в которых оказались. Ведь они ещё не знают, что мы все одного рода, разницы между нами нет.

— аа, понимаю, хочешь повторить ту сцену с Драганой. Когда ты с пеной у рта, доказывал что ты татарин, с востока, азиатских кровей. А она на тебя тогда подозрительно поглядела и сказала что врёшь. Мол по твоей морде видно, что ты из рода трескоедов, с Балтики и нечего лапшу развешивать у наивной девушки по ушам. Трескоед ты наш казанский, Балтийского рода!

— да, была проблема, пока твоя Светлана не растолковала, что с нами произошло. Моя ещё и обиделась сперва, думала что мы договорились, пока сама результаты анализа мутаций в лаборатории не увидела. Жаль что люди этого на Руси не знают, всё нороят делиться на выдуманные группы. Но ничего, советская власть под нашим Сталиным крепкая, национальностям разгуляться не даст. Эх, интересно, что там на Земле, скорее бы кого оберег принёс.

Лежащая мирно, на коленях, лисица повела ушами, подняла голову и взглянула в сторону берега. После соскочила на пол и быстро убежала в густые заросли окружавшие веранду с одной стороны.

— услышала плутовка детвору, спасается, чтобы опять не затискали. Обожает милюзга гладить рыжую, таскать на руках, как игрушку. Кормят до отвала, но она же не может с ними спокойно заныкать несъеденное.

На тропинке показался быстро бегущий белобрысый мальчишка, что-то взволнованно

оружий. Взбежав на веранду, некоторое время не мог восстановить дыхание, только махал в сторону неба руками. Через несколько мгновений пришел в себя и выпалил, — деда! Чего вы связь вырубили! Координационный центр только что сообщил, на материке появился активированный оберег! Кто-то появился в нашем мире!

На небольшой, лесной поляне, на большой куче изломленного асфальта, на самом верху стоял парень. Одетый в дешёвый пуховик, тёмно-коричневого цвета, с аккуратно зашитой дыркой на рукаве, турецкие джинсы, засунутые в грязные, зимние кроссовки, с надписью "Одидасс" на боку. Испод сдвинутой на бок, серой шапки-ушанки, из заячьего меха, выглядывали непослушные русые волосы. Парень держал в руках две огромные сумки, рядовое снаряжение челночника. От его ног, к земле, со скрипом съезжала длинная, передняя часть BMW седьмой серии, с дипломатическими номерами. В глазах парня застыл предсмертный испуг, по вискам скатилась капелька ледяного пота, а рот остался открытым, так и не испустив из себя последний крик.

Пока далёкий мир, увидимся с тобой снова...

Больше книг на сайте — Knigolub.net